
ЯН ЛАРРИ
ХРАБРЫЙ
ТИЛЛИ

РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Коллекция

Собрание сочинений Яна Ларри

Ян Ларри

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРИКА И ВАЛИ

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КУКА И КУККИ

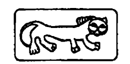
ГРУСТНЫЕ И СМЕШНЫЕ ИСТОРИИ О МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЯХ

СЕРЕБРЯНЫЙ ЛИС

ХРАБРЫЙ ТИЛЛИ

повести, рассказы

Том второй

Издательство Престиж Бук
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Л25

Художественный орнамент, использованный в оформлении переплета, является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения правообладателя — ООО «Миллиорк».

Ларри Я. Л.

Л25 Необыкновенные приключения Карика и Вали; Удивительное путешествие Кука и Кукки; Грустные и смешные истории о маленьких людях; Серебряный лис; Храбрый Тилли: Повести, рассказы. — М.: Издательство Престиж Бук, 2019. — 496 с.: ил. — (Ретро библиотека приключений и научной фантастики. Серия «Коллекция. Собрание сочинений Яна Ларри»).

ISBN 978-5-4459-0025-2 (общий)
ISBN 978-5-4459-0027-6 (том 2)

Советский писатель Ян Леопольдович Ларри (1900–1977) известен читателю почти исключительно как автор знаменитой фантастической повести «Необыкновенные приключения Карика и Вали», посвященной путешествиям в микромире. Повесть издана десятки раз, на ней воспитаны многие поколения советских детей. Однако перу Ларри принадлежат еще многие произведения для детей и подростков, известные гораздо менее и никогда не переиздававшиеся. Современному читателю практически неизвестен его единственный оконченный «взрослый» роман «Страна счастливых (1931); многие его повести и рассказы даже книгами не выходили, остались на страницах газет.

Во второй том впервые издаваемого собрания сочинений Яна Ларри вошел его главный роман с классическими иллюстрациями Георгия Фитингофа, а также фантастические рассказы, созданные на протяжении всего творческого пути 1923-1970.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4459-0025-2 (общий)
ISBN 978-5-4459-0027-6 (том 2)

Необыкновенные приключения Карика и Вали

Глава первая

Неприятный разговор с бабушкой. — Мама беспокоится. — Джек идет по горячим следам. — Странная находка в кабинете профессора Енотова. — Иван Гермогенович исчезает.

Мама накрыла стол большой белой скатертью. Бабушка подошла к буфету. В столовой весело зазвенели ножи и ложки, задребезжала посуда.

— Пироги с луком и с яйцами? — спросила бабушка.

— Да. Ребята давно просили сделать такой пирог, — сказала мама, расставляя тарелки.

— А на сладкое земляника со сливками?

— Нет, сегодня у нас на сладкое пломбир. Ребята так любят его.

— И все-таки, — заворчала бабушка, — летом полезнее давать детям ягоды и фрукты... Когда я была маленькой...

Но мама, кажется, совсем не верила, что бабушка была когда-то маленькой. Пожав плечами, она подошла к окну и, выглянув во двор, крикнула громко:

— Ка-а-ари-ик! Ва-ля-я! За-автра-акать!

— Когда я была маленькой... — сказала обиженно бабушка, но мама, не слушая ее, легла на подоконник и закричала еще громче:

— Карик! Валя! Где вы?

Во дворе было тихо.

— Ну вот, — заворчала бабушка, — я так и знала...

— Карик! Валя! — снова крикнула мама, но, не дождавшись ответа, села на подоконник и спросила:

— Они не говорили, куда собираются идти?

Бабушка сердито пожевала губами.

— Когда я была маленькой, — сказала она, — я всегда говорила, куда иду, а теперь...

Она поправила скатерть на столе и нахмурилась.

— А теперь они что хотят, то и делают... Хотят — едут на северный полюс, а бывает даже еще хуже... Вот вчера по радио передавали...

— Что передавали? — поспешно спросила мама.

— А ничего. Утонул какой-то мальчик. То и передавали.

Мама вздрогнула.

— Ну, — сказала она, слезая с подоконника, — это глупости. Вздор! Чепуха! Карик и Валя не пойдут купаться.

— Не знаю, не знаю! — покачала головой бабушка. — А только давно уже пора им прийти, а их нет и нет. С утра убежали. И не позавтракали даже.

Мама провела ладонью по лицу и, не говоря ни слова, быстро вышла из столовой.

— Когда я была маленькой... — вздохнула бабушка

Но что делала бабушка, когда была маленькой, мама так и не слыхала: она уже стояла посреди двора и, щуря глаза от солнца, оглядывалась по сторонам.

На желтой песчаной горке лежал Валин зеленый совок с погнутой ручкой, рядом валялась выцветшая тюбетейка Карика.

А ребят нигде не было.

Под водосточной ржавой трубой грелся на солнцепеке рыжий толстый кот Анюта. Он лениво жмурился и так вытягивал лапы, как будто хотел подарить их маме.

— Карик! Валя! — закричала мама и даже топнула ногой.

Кот Анюта приоткрыл зеленый глаз, взглянул на маму и, сладко зевнув, перевернулся на другой бок.

— Куда же они делись? — пробормотала мама.

Она прошлась по двору, заглянула в прачечную, посмотрела в темные окна подвала, где лежали дрова.

Ребят нигде не было.

— Ка-ари-ик! — еще раз крикнула мама.

Никто не отозвался.

— Ва-а-аля! — закричала мама.

— Гав-агу-агуа! Гау-у! — взвыло где-то совсем рядом.

В боковом подъезде сильно хлопнула дверь. Во двор выскочила, волоча за собою цепь, большая остромордая собака-овчарка. Она с разгону взлетела на горку и стала кататься по песку, поднимая густые столбы пыли; потом вскочила, отряхнулась и с громким лаем бросилась на маму.

Мама быстро отскочила в сторону.

— Назад! Нельзя! Пошел прочь! — замахала она руками.

— Джек! Тубо! К ноге! — раздался из подъезда чей-то громкий голос.

Во двор вышел толстый человек в сандалиях на босу ногу, с дымящейся папиросой в руке.

Это был жилец из четвертого этажа — фотограф Шмидт.

— Ты что же это, Джек? А? — спросил толстяк.

Джек виновато вильнул хвостом.

— Экий дурень! — засмеялся фотограф.

Притворно зевая, Джек подошел к хозяину, присел и, звеня цепью, старательно почесал задней лапой шею.

— Хорошая погодка сегодня! — улыбнулся толстяк. — Вы не собираетесь на дачу?

Мама взглянула на толстяка, на собаку и сказала недовольно:

— Опять вы ее, товарищ Шмидт, без намордника выпустили. Ведь она у вас прямо волк. Так и смотрит, как бы цапнуть кого...

— Это вы про Джека? — удивился толстяк. — Да он даже ребенка не тронет! Он же смирный, как голубь. Хотите погладить его?

Мама махнула рукой.

— Ну вот только и дела у меня, что собак гладить. Дома завтрак стынет, в комнатах не прибрано, а я тут еще ребят дозваться не могу. Ка-а-ри-иик! Ва-а-аля! — снова закричала она.

— А вы погладьте Джека и попросите его хорошенько. Скажите: ну-ка, Джек, разыщи Карика и Валю. Он их мигом найдет!

Шмидт наклонился к собаке, ласково потрепал ее по шее.

— Найдешь, Джек?

Джек тихонько взвизгнул и, неожиданно подпрыгнув, лизнул пухлые губы фотографа. Толстяк отшатнулся, брезгливо плюнул и вытер губы рукавом.

Мама засмеялась.

— Напрасно смеетесь, — важно сказал Шмидт, — это же собака-ищейка. Она идет по следам человека, как паровоз по рельсам. Хотите — докажу?

— Я верю вам! — сказала мама.

— Нет, нет, позвольте, — заволновался толстяк, — уж если я говорю, — значит, так оно и есть. Ну-ка, дайте мне какую-нибудь вещь Карика или Вали... Игрушку... Рубашку... Тюбетейку... Все равно что...

Мама пожала плечами, но все же нагнулась, подняла совок, тюбетейку и, улыбаясь, протянула их Шмидту.

— Прекрасно, очень хорошо! — сказал толстяк и дал собаке понюхать тюбетейку.

— Ну, Джек, — продолжал он громко, — покажи, как ты работаешь! Ищи, собачка!

Джек взвизгнул, пригнул голову к самой земле и, вытянув хвост, побежал по двору широкими кругами.

За ним бодро мчался фотограф.

Добежав до кота Анюты, Джек остановился. Кот вскочил, изогнулся в дугу и, сверкнув зелеными глазами, зашипел, как змея. Джек попытался схватить его за хвост. Кот ощерился и закатил Джеку оплеуху, бедный пес завизжал от боли, но тотчас же оправился и с громким лаем кинулся на Анюту. Кот снова зашипел, поднял лапу, как бы желая сказать: Пош-ш-ш-шел вон! Заш-ш-ш-ш-шибу!

— Ну, ну, довольно, Джек, — сказал фотограф, — не отвлекаться! — И так сильно натянул поводок, что собака присела на задние лапы.

— А теперь ищи! — приказал он.

Коротко тявкнув на кота, Джек побежал дальше. Он обежал весь двор, снова остановился у водосточной трубы и, громко втягивая ноздрями воздух, посмотрел на хозяина.

— Понимаю, понимаю! — кивнул головой фотограф. — Они сидели тут — наверное, играли с Анютой?! Но куда же они пошли отсюда? Ну? Ищи, ищи, Джек!

Джек заюлил, завертелся волчком, поскреб лапами землю под трубой, потом с громким лаем помчался к парадному подъезду.

— Ага, напал на след! — крикнул Шмидт и, шаркая сандалиями, вприпрыжку побежал за собакой.

— Если найдете ребят, пошлите их домой! — крикнула мама и зашагала через двор к воротам.

«Наверное, они в соседнем дворе!» — подумала она.

* * *

Сильно натягивая цепочку, Джек тащил толстяка по лестнице вверх.

— Тише! Тише! — пыхтел толстяк, еле поспевая за собакой.

На площадке пятого этажа Джек на секунду остановился, взглянул на хозяина и, отрывисто тявкнув, бросился к дверям, обитым клеенкой и войлоком.

На дверях висела белая эмалированная дощечка с надписью:

Профессор
Иван Гермогенович Енотов

Пониже была приколота записка:

Звонок не действует. Прошу стучать.

Джек с визгом подпрыгивал, царапал когтями клеенчатую обивку двери.

— Тубо, Джек! — крикнул толстяк. — Тут просят стучать, а не визжать.

Фотограф Шмидт пригладил ладонью прическу, обстоятельно вытер платком потное лицо, потом согнутым пальцем осторожно постучал в дверь.

За дверью послышались шаркающие шаги.

Щелкнул замок.

Дверь приотворилась. В щели показалось лицо с мохнатыми седыми бровями и желто-белой бородой.

— Вы ко мне?

— Простите, профессор, — смущенно сказал фотограф, — я только хотел спросить вас...

Но не успел толстяк договорить, как Джек вырвал из его рук поводок и, чуть не сбив профессора с ног, бросился в квартиру.

— Назад! Джек! Тубо! — закричал Шмидт.

Но Джек уже громыхал цепью где-то в конце коридора.

— Извините, профессор. Джек так молод... Разрешите войти. Я сейчас же уведу его обратно.

— Да, да... конечно, — рассеянно сказал профессор, пропуская в квартиру Шмидта, — войдите, пожалуйста! Надеюсь, ваша собака не кусается?

— Очень редко! — успокоил профессора Шмитд.

Фотограф переступил порог и, закрыв за собой дверь, сказал негромко:

— Тысяча извинений! Я на одну минутку... У вас, товарищ профессор, должны быть ребята... Карик и Валя. Из второго подъезда.

— Позвольте, позвольте... Карик и Валя? Ну да! Конечно. Прекрасно знаю. Очень славные ребята. Вежливые, любознательные...

— Они у вас?

— Нет! Сегодня они не были у меня, но я их жду!

— Странно! — пробормотал толстяк. — Джек так уверенно шел по следу...

— А может быть, это вчерашний след? — вежливо спросил профессор.

Но Шмидт не успел ответить. В дальней комнате звонко залаял Джек, и сейчас же что-то загремело, задребезжало и зазвенело, будто упал шкаф или стол с посудой.

Профессор вздрогнул.

— Да ведь она же там перебьет все! — закричал он плачущим голосом и потащил Шмидта за собой по темному коридору.

— Сюда! Сюда! — бормотал он, толкая дверь.

Как только профессор и фотограф переступили порог комнаты, Джек кинулся к хозяину на грудь, взвизгнул и с лаем бросился назад.

Он носился по комнате, волоча за собой цепочку, обнюхивал книжные шкафы, вскакивал на кожаные кресла, вертелся под столом, бестолково бросался из стороны в сторону.

От сильного толчка качнулся, сверкнув на солнце медью, микроскоп. Профессор еле успел подхватить его. Но, спасая микроскоп, зацепил рукавом сияющие никелем чашечки каких-то сложных весов. Чашечки упали, подпрыгнули и со звоном покатились по желтому паркетному полу

— Что ж ты, Джек? — угрюмо сказал фотограф. — Оскандалился, значит? Лаешь, а зря. Ну? Где же ребята?..

Джек наклонил голову набок. Насторожив уши, он внимательно смотрел на хозяина, стараясь понять, за что же это его ругают.

Фотограф неодобрительно покачал головой:

— Стыдно, Джек! А еще, говорят, ищейка!? С дипломом! За кошками тебе гоняться, а не по следу идти! Ну, пошли домой! Извините великодушно, товарищ профессор, за беспокойство!

Фотограф неловко поклонился и шагнул к двери. Но тут Джек точно взбесился. Он схватил своего хозяина зубами за брюки и, упираясь лапами в скользкий паркетный пол, потащил к столу.

— Да что с тобой? — удивился толстяк.

Повизгивая, Джек снова принялся бегать вокруг стола, а потом прыгнул на диванчик, который стоял перед открытым окном, и, положив лапы на подоконник, коротко, отрывисто залаял.

Шмидт рассердился.

— Тубо! К ноге! — закричал он, хватая собаку за ошейник, но Джек упрямо мотнул головой и снова бросился к дивану.

— Ничего не понимаю! — развел руками фотограф.

— Наверное, мышь за диваном! — попробовал догадаться профессор. — А может, корка хлеба или кость? Я часто и обедаю тут.

Он подошел к дивану и потянул его к себе.

За спинкой дивана что-то зашуршало и мягко шлепнулось на пол.

— Корка! — сказал профессор.

Джек так и рванулся вперед. Он протиснулся между стеной и отодвинутым диваном, завертел хвостом и, кажется, схватил что-то зубами.

— А ну, что там у тебя? Покажи! — крикнул фотограф.

Джек попятился, мотнул головой, круто повернулся к хозяину и положил к его ногам детскую стоптанную сандалию.

Фотограф растерянно повертел находку в руках.

— Кажется, детская обувь, так сказать...

— Гм... Странно, — сказал профессор, разглядывая сандалию, — очень странно!

Пока они вертели в руках находку, Джек вытащил из-за дивана еще три сандалии, одну такую же и две поменьше.

Ничего не понимая, профессор и толстяк смотрели то друг на друга, то на сандалии. Шмидт постучал согнутым пальцем по твердой подошве одной сандалии и неизвестно для чего сказал:

— Крепкие еще! Хорошие сандалии!

А Джек между тем вытащил из-за дивана синие трусики, потом еще трусики и, прижав их лапой к полу, негромко тявкнул.

— Это еще что такое? — совсем уже растерялся профессор.

Он нагнулся и протянул было к трусикам руку, но Джек, оскалив зубы, так грозно зарычал, что профессор поспешно отдернул руку.

— Какой у него, однако, неприятный характер! — смущенно сказал профессор.

— Да, он у меня не очень вежливый! — согласился фотограф.

Он взял трусики, встряхнул их и, аккуратно сложив, передал профессору.

— Прошу!

Профессор покосился на Джека.

— Нет, нет, не надо, — сказал он, — я и так все вижу... Ну да... Ну да... Вот и метки!.. В. и К... Валя и Карик! — И он потрогал пальцем белые буквы, вышитые на поясах трусиков.

Толстяк вытер ладонью потное лицо.

— Ванна в квартире есть? — деловито спросил он.

— Нет, — сказал профессор, — ванны нет! Но если вам нужно вымыть руки, то...

— Да нет, — запыхтел толстяк, — вымыться я и дома могу. Я думал, что они разделись и купаются в ванне. Понятно?

— Да, конечно, — кивнул головой профессор.

— Но куда же они делись? Голые... без трусиков, без сандалий? Ничего не понимаю! — развел руками Шмидт.

Он широко расставил ноги, заложил руки за спину и, опустив голову, долго смотрел на желтые квадратики паркета, потом выпрямился и сказал уверенно:

— Ничего! Мы их сейчас найдем. Они здесь, профессор! Они просто прячутся! Будьте уверены! Мой Джек еще никогда не ошибался.

Профессор и фотограф обошли все комнаты, заглянули на кухню и даже осмотрели темный чулан.

Джек уныло плелся за ними.

В столовой толстяк открыл дверцы буфета, сунул голову под стол, а в спальне пошарил руками под кроватью. Но ребят в квартире не было.

— Куда же они спрятались? — бормотал фотограф.

— А по-моему, — сказал профессор, — они и не приходили сегодня.

— Вы думаете? — задумчиво переспросил Шмидт. — Думаете, что их не было? А ты как думаешь, Джек? Здесь они или нет?

Джек тявкнул.

— Здесь?

Джек тявкнул еще раз.

— Ну, так ищи! Ищи, собачка!

Джек сразу повеселел. Он бросился назад и снова привел профессора и Шмидта в кабинет. Тут он опять прыгнул на подоконник и стал громко лаять и визжать, точно хотел уверить своего хозяина, что ребята ушли из квартиры через окно.

Шмидт рассердился:

— Ну и балбес, ну и щенок! Уж не думаешь ли ты, что ребята спрыгнули на двор с пятого этажа? Или, может быть, улетели, как мухи или стрекозы?

— Что? — вздрогнул профессор. — Улетели? Какая стрекоза?

Фотограф улыбнулся:

— Да вот Джек так думает!

Профессор схватился руками за голову.

— Какой ужас! — прошептал он.

Фотограф с удивлением посмотрел на него и спросил:

— Что с вами? Выпейте воды! Вы так побледнели.

Он шагнул было к столу, на котором стоял графин с водой, но тут профессор так закричал, будто наступил босыми ногами на раскаленное железо.

— Стоп! Стоп! Стойте! — взвизгнул он.

Испуганный фотограф застыл на месте.

Профессор стремительно протянул руку к столу, схватил стакан с бесцветной жидкостью, торопливо поднес его к глазам и посмотрел на свет. Потом быстро выхватил из кармана большую лупу с черной костяной ручкой и крикнул Шмидту:

— Не двигайтесь! Пожалуйста, не двигайтесь! И собаку держите покрепче! А лучше возьмите ее на руки! Прошу вас!

Перепуганный толстяк страшно растерялся. Не спрашивая больше ни о чем, он сгреб собаку в охапку и крепко прижал ее к животу.

«Кажется, старик с ума спятил!» — подумал он.

— Так и стойте! — крикнул профессор.

Держа перед глазами лупу и согнувшись в три погибели, он принялся внимательно осматривать квадратики пола один за другим.

— А долго мне так стоять, профессор? — робко спросил фотограф, с тревогой следя за странными движениями профессора.

— Ставьте ногу сюда! — крикнул ему профессор, указывая пальцем на ближайшие квадратики паркета.

Шмидт неловко поставил ногу и так крепко прижал к себе Джека, что тот забился в руках и тихонько взвизгнул.

— Молчи! — прошептал Шмидт, со страхом следя за профессором.

— Теперь — вторую ногу! Ставьте ее сюда!

Толстяк безропотно повиновался.

Так, шаг за шагом, довел профессор онемевшего от удивления фотографа до дверей.

— А теперь, — сказал профессор, широко распахнув двери, — а теперь уходите, пожалуйста!

Дверь захлопнулась перед самым носом Шмидта.

Со звоном щелкнул французский замок.

Толстяк выпустил из рук Джека, испуганно икнул и, теряя сандалии, кинулся вниз по лестнице, тяжело дыша и поминутно оглядываясь.

Джек с громким лаем мчался за ним.

Так они добежали до отделения милиции.

* * *

Вскоре во двор въехала машина с голубыми полосами по бортам. Несколько милиционеров выскочили из машины, вызвали дворника и поднялись на пятый этаж, где жил профессор Енотов.

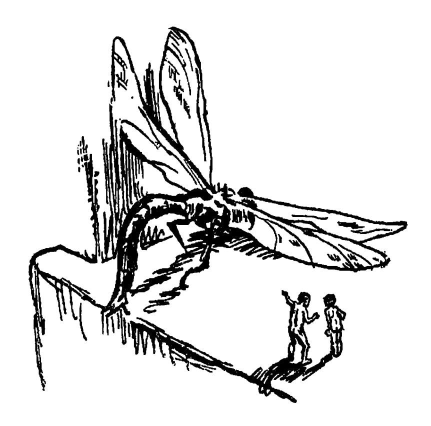
Но профессора дома не оказалось.

На дверях его квартиры висела приколотая блестящими кнопками записка:

Не ищите меня. Это бесполезно.
Профессор И. Г. Енотов

Глава вторая

Чудесная жидкость. — Загадочное поведение трусиков и сандалий. — Необыкновенные превращения в самой обыкновенной комнате. — Приключения на подоконнике. — Карик и Валя отправляются в удивительное путешествие.

А дело было так.

Накануне того дня, когда исчезли ребята, Карик сидел вечером в кабинете профессора Енотова.

Хорошо в такие часы беседовать с Иваном Гермогеновичем.

Весь кабинет погружен в полумрак, из темных углов поднимаются к потолку длинные черные тени: кажется — там притаился кто-то и глядит на светлое пятно над большим столом.

Голубые огоньки спиртовок тянутся, вздрагивая и раскачиваясь, к закопченным донышкам стеклянных колб. В колбах что-то булькает и клокочет.

Сквозь фильтры медленно просачиваются и звонко падают в бутыль прозрачные капли.

Карик залез с ногами в самое большое кожаное кресло.

Прижав подбородок к столу, он внимательно следит за ловкими руками профессора, стараясь не дышать, не шевелиться.

Профессор работает, свистит, рассказывает Карику забавные истории о своем детстве, но чаще всего говорит о том, что видел в Африке, в Америке, в Австралии, — и все это у него выходит очень неплохо.

Сейчас, засучив белые рукава халата, он склонился над столом и медленно, капля за каплей, переливает в узкие стаканчики густую маслянистую жидкость.

Изредка он бросает в эти стаканчики какие-то блестящие кристаллы, и тогда в жидкости появляются хлопья, они тихонько кружатся и опускаются на дно. Потом Иван Гермогенович подливает из мензурки что-то синее, а жидкость почему-то становится после этого розовой.

Все это, конечно, очень интересно, и Карик готов просидеть у стола до самого утра.

Но вдруг Иван Гермогенович торопливо вытер руки полотенцем, схватил за горлышко большую колбу и быстро-быстро завернул ее в синюю бумагу.

— Ну вот, — сказал он, — наконец я могу поздравить себя с успехом.

— Она готова? — радостно спросил Карик.

— Да. Теперь осталось только обесцветить ее и...

Профессор щелкнул пальцами и диким голосом запел:

О жидкость-чудо, о краса!
Творить мы будем чудеса!

Карик невольно поморщился: пел профессор хотя и очень громко, но у него не было слуха, и все песни поэтому он распевал на один мотив, похожий на завыванье ветра в трубе.

— А если кролик не станет пить? — спросил Карик.

— Как это не станет? — Профессор даже пожал плечами. — Заставим выпить... Но это уже завтра... А сейчас...

Иван Гермогенович взглянул на часы и засуетился:

— Ай-яй-яй, Карик! Как мы с тобой засиделись. Одиннадцать часов. Да. Одиннадцать часов и две минуты.

Карик понял, что ему пора идти домой. Вздохнув, он нехотя слез с кресла и спросил:

— А завтра вы не начнете без меня?

— Ни в коем случае, — мотнул головой профессор. — Ведь я же обещал тебе.

— А Валю можно привести?

— Валю?

Профессор подумал.

— Ну что ж... Приходи с Валей...

— А вдруг у нас ничего не получится?

— Все получится, — уверенно сказал профессор, гася спиртовки.

— И кролик превратится в блоху?

— Ну нет, — засмеялся профессор, — кролик так и останется кроликом.

— А скажите, Иван Гермогенович...

— Нет, нет. Больше я ниего не скажу. Довольно. Отложим разговор до завтра. Иди, мой дружок, домой. И я устал, да и и тебе уже пора спать.

* * *

Всю ночь Карик ворочался с боку на бок. Во сне он видел и розового слона, такого крошечного, что его можно было посадить в наперсток. Слон ел компот, бегал по столу вокруг тарелок и так шалил, что даже рассыпал всю соль, а сам чуть было не утонул в горчице. Карик достал его из горчичницы и принялся намывать в блюдечке, но слон вырывался и толкал Карика

хоботом в плечо. Потом он прыгнул на голову Карика и сказал голосом какой-то знакомой девочки:

— Карик, что с тобой? Что ты кричишь?

Карик открыл глаза. У кровати стояла, завернувшись в одеяло, Валя.

— Ага! Ты уже проснулась, — сказал Карик. — Очень хорошо. Одевайся быстрее.

— Зачем?

— Надо идти. Пойдем к Ивану Гермогеновичу. У-ух, что там будет сегодня!.. Такие чудеса!.. Такие чудеса!..

— А что?

— Одевайся быстрее.

— Я надену трусики и сандалии, — сказала Валя.

— И я тоже.

Разыскивая под кроватью сандалии, Карик рассказывал шепотом:

— Понимаешь, Иван Гермогенович придумал розовую жидкость.

— Вкусную? — спросила Валя, застегивая ремешки сандалий.

— Не знаю... Для кроликов жидкость... Сегодня он даст им попить — и тогда... Уй-юй-юй!

Валины глаза широко открылись.

— Ну и что тогда будет с ними? — спросила она шепотом.

— Пока еще ничего не известно. Это ведь только опыты. Пошли скорее!

Ребята тихонько прошмыгнули через мамину комнату.

Мама крикнула им что-то вслед, но Карик схватил Валю за руку и быстро потащил за собой.

— Молчи, — зашептал Карик, — а то еще заставит чистить зубы, умываться, завтракать. Тогда мы обязательно опоздаем.

Перебежав двор, они юркнули на парадную лестницу, взбежали на пятый этаж и наконец остановились у двери, где звонок не действовал и надо было стучать.

Карик постучал — никто не отозвался. Он толкнул дверь — она открылась.

Ребята вошли в полутемную переднюю. На стене поблескивало большое зеркало. Прямо на ребят смотрел со шкафа бронзовый идол. Его профессор привез из Китая, там некоторые китайцы молятся таким безобразным чучелам. А у профессора этот идол служил швейцаром. И это был самый прекрасный швейцар. Он никогда не говорил: «Затворите за собой двери». Во всем же остальном он был похож на живых швейцаров. Так же, как они, он молча глядел весь день на дверь.

На вешалке висели шуба профессора, пальто и какой-то полосатый плащ, похожий на шахматную доску.

В квартире было тихо.

В столовой размеренно постукивали часы. На кухне капала вода из крана.

— Идем, — сказал Карик. — Иван Гермогенович, наверное, у себя и кабинете.

Но в кабинете профессора не было.

Ребята решили подождать.

Окна кабинета были раскрыты настежь. Солнце освещало белый стол, заставленный пузатыми банками, колбами и ретортами. Тонкие стеклянные трубочки стояли, точно цветы, в стаканах. Ослепительно сверкали на солнце никелированные чашечки. Весело сияли медные части микроскопа. По потолку кабинета резво прыгали солнечные зайчики.

Вдоль стен выстроились стеклянные шкафы с толстыми и тонкими книгами.

Названия книг были непонятны: «Экология животных», «Гидробиология», «Хирономиды», «Аскариды». Такие книги, пожалуй, лучше всего не трогать.

Ребята обошли кабинет, покрутили винтики микроскопа, посидели в кожаном кресле, на котором, раскинув пустые рукава, лежал белый халат профессора, а потом стали рассматривать банки.

Среди колб и реторт Валя заметила высокий узкий стакан. Он был до краев наполнен серебристой светлой жидкостью. Маленькие светящиеся пузырьки поднимались со дна и лопались на поверхности. Жидкость была похожа на газированную воду.

Валя осторожно взяла в руки высокий стакан. Он был холодный как лед. Валя поднесла стакан к лицу и понюхала. Вода пахла персиками и еще чем-то, незнакомым, но очень вкусным.

— Ой, как хорошо пахнет! — закричала Валя.

— Поставь на место! — сказал сердито Карик. — Ничего не трогай. Может быть, это отрава. Отойди от стола. Слышишь?

Валя поставила стакан на место, но от стола не отошла: жидкость так хорошо пахла, что хотелось понюхать ее еще раз.

— Валька, отойди! — сказал Карик. — А то я маме скажу. Честное пионерское!

Валя обошла вокруг стола, посидела в кресле, но скоро вернулась обратно и нечаянно очутилась опять перед вкусным стаканом.

— А знаешь, Карик, это же газированная вода! — сказала она, и вдруг ей так захотелось пить, будто весь день она ела копченые селедки.

— Не трогай! — крикнул Карик.

— А если мне хочется пить? — спросила Валя.

— Иди домой и пей чай.

Валя ничего не ответила. Она подошла к окну, посмотрела вниз, а когда Карик отвернулся, быстро подскочила к столу и, схватив стакан, отхлебнула немножко.

— Вот вкусно-то! — прошептала Валя.

— Валька, ты с ума сошла! — закричал Карик.

— Ой, Карик, как вкусно! Попробуй! — И она протянула стакан брату. — Холодная и очень вкусная... Никогда такой не пила.

— А вдруг это все-таки отрава? — сказал Карик, недоверчиво посматривая на серебристую жидкость.

— Отрава бывает горькая, — засмеялась Валя, — а это очень вкусное.

Карик переступил с ноги на ногу.

— Наверное, дрянь какая-нибудь! — сказал он, нерешительно протягивая руку к стакану.

— Совсем не дрянь. Попробуй. Пахнет персиками, а на вкус как ситро. Только еще вкуснее.

Карик оглянулся по сторонам. Если бы в эту минуту вошел профессор, у него, пожалуй, с Кариком мог бы завязаться очень неприятный разговор. Но в кабинете была только Валя, поэтому Карик торопливо отпил несколько глотков и поставил стакан на прежнее место.

— А ведь правда вкусно! — сказал он. — Только больше не пей, а то Иван Гермогенович заметит. Давай лучше посидим на окне. Наверное, скоро придет Иван Гермогенович, и мы начнем делать опыты.

— Хорошо, — вздохнула Валя и посмотрела с сожалением на стакан с вкусной жидкостью.

Ребята взобрались на диван, а оттуда на подоконник.

Свесив головы вниз, они лежали, болтая ногами, и рассматривали сверху далекий двор.

Внизу бродил кот Анюта. Он был такой маленький, как будто игрушечный.

— У-ух, как высоко! — сказала Валя и плюнула вниз. — Ты бы прыгнул?

— Прыгнул, — ответил Карик. — С парашютом прыгнул бы.

— А без парашюта?

— Без парашюта? Нет, без парашюта с такой высоты не прыгают.

Тут в стекло ударилась голубая стрекоза и упала на подоконник.

— Стрекоза! — крикнула Валя. — Смотри, смотри!

— Моя! — крикнул Карик.

— Нет, моя! — закричала Валя. — Это я первая увидела ее.

Стрекоза лежала на подоконнике между Кариком и Валей, беспомощно перебирая крошечными лапками.

Карик протянул руку к стрекозе, и вдруг ему показалось, что он теряет трусики. Он торопливо нагнулся, но не успел их подхватить — трусики скользнули вниз, а вслед за ними упали и сандалии.

Карик хотел было спрыгнуть с подоконника на диван, стоявший у окна, но диван вдруг быстро помчался вниз, точно лифт с верхнего этажа.

Ничего не понимая, Карик растерянно посмотрел по сторонам, и тут он увидел, что вся комната как-то странно растягивается и вверх и вниз.

— Что это? — закричал Карик.

Стены, пол и потолок раздвигались, как меха огромной гармошки.

Люстра мчалась вместе с потолком вверх. Пол стремительно уходил вниз.

Пришло не более минуты, а комнату уже нельзя было узнать.

Высоко над головой покачивался гигантский стеклянный стратостат, обвешанный сверкающими на солнце прозрачными сосульками.

Это была люстра «Викинг».

Глубоко внизу раскинулось необозримое желтое поле, расчерченное ровными квадратами. На квадра-

тах валялись четырехугольные бревна с обожженными концами. Рядом с ними лежала длинная белая труба, на которой огромными буквами было написано «Беломорканал». Один конец ее был опален и покрыт густой шапкой серого пепла. В стороне, точно кожаные горы, стояли черные кресла, а белый халат профессора покрывал их, как вечный снег покрывает горные вершины.

Там, где стояли книжные шкафы, теперь поднимались небоскребы из стекла и коричневых балок. Сквозь стекла можно было видеть большие, как пятиэтажные дома, книги.

— Карик, что это? — спокойно спросила Валя, рассматривая с любопытством чудесные превращения комнаты.

Тут только Карик заметил Валю. Она стояла возле него без сандалий и без трусиков.

— Смотри, Карик, смешно как! — засмеялась она. — Это опыты начались? Да?

Но не успел Карик ответить, как рядом что-то зашумело, застучало. Густые тучи пыли поднялись над подоконником. Валя вцепилась Карику в плечо. В ту же минуту дунул ветер. Пыль взлетела вверх и медленно рассеялась.

— Ай! — крикнула Валя.

На том месте, где только что лежала крошечная стрекоза, шевелилось толстое и длинное, как бревно, коленчатое тело с огромным крюком на конце.

Покрытое бирюзово-голубыми пятнами коричневое тело судорожно сжималось. Суставы двигались, то наползая друг на друга, то выгибаясь в стороны. Четыре огромных прозрачных крыла, покрытые густой паутиной сверкающих жилок, дрожали в воздухе. Чудовищная голова билась о подоконник.

— Кари-ик! — прошептала Валя. — Кто это?

— Ш-ш-ш!

Осторожно ступая, Карик пошел по подоконнику, который теперь был похож на деревянную автостраду, но, сделав несколько шагов, испуганно остановился.

Он стоял на краю пропасти.

Ему показалось, что он смотрит вниз с высоты Исаакиевского собора.

И тогда Карик понял, что случилось. Он вернулся к Вале, взял ее за руку и, заикаясь от ужаса, сказал:

— Это... это, наверное, была вода для кроликов... Понимаешь... Опыт профессора удался... Только уменьшились не кролики, а мы с тобой.

Валя ничего не поняла.

— А это что такое? — спросила она, указывая на чудовище, которое неподвижно лежало на подоконнике.

— Это?.. Стрекоза!

— Такая громадная?

— Совсем не громадная, — уныло сказал Карик, — она такая же, как была. Зато мы с тобой стали крошечные... вроде блохи...

— Вот интересно-то! — обрадовалась Валя.

— Дура! — рассердился Карик. — Ничего интересного тут совсем нет... Посадят нас теперь в банку и станут рассматривать через микроскоп.

— А по-моему, — сказала уверенно Валя, — рассматривать не будут. Иван Гермогенович придет и сделает нас опять большими.

— Да-а, большими! Он даже не заметит нас!

— А мы закричим!

— Не услышит!

— Не услышит? Почему? Разве он глухой?

— Он-то не глухой, а голос у нас теперь, наверное, как у комара.

— Ну да? — недоверчиво улыбнулась Валя и что было силы крикнула: — Эгей! Мы зде-е-есь!

Она взглянула на Карика и спросила:

— Ну что? Плохо слышно?

— Для нас — хорошо, а для Ивана Гермогеновича — плохо.

— А что же будет с нами?

— Ничего особенного. Смахнут нас тряпкой с подоконника и растопчут ногами, вот и все...

— Кто смахнет?

— Да сам же Иван Гермогенович.

— Смахнет тряпкой?

— Ну да! Станет пыль вытирать и смахнет! С пылью!

— А мы... А мы... А мы... Слушай, Карик, я уже придумала... Знаешь... мы сядем на стрекозу. Иван Гермогенович увидит дохлую стрекозу и обязательно положит ее к себе на стол, а мы тогда заберемся под микроскоп, и он увидит нас... Ну, конечно, увидит! И сделает нас опять большими... Залезай скорее на стрекозу.

Валя схватила Карика за руку, и они побежали к стрекозе.

— Садись!

Помогая друг другу, ребята проворно вскарабкались на стрекозу, но лишь только они уселись, как стрекоза зашевелилась, застучала громыхающими крыльями, тяжело заворочалась и запыхтела, точно машина.

Ребята почувствовали, как под ними начало выгибаться ее сильное, мускулистое тело.

— Ой, она еще живая. Слезай скорей! — взвизгнула Валя.

— Ничего, ничего. Держись крепче.

Ребята крепко обхватили руками и ногами туловище стрекозы, но она изгибалась всем телом, пытаясь освободиться от неприятной ноши. Карик и Валя качались и подскакивали точно на пружинах.

— Сбросит! Ой, сейчас сбросит! — завизжала Валя.

— Подожди! — крикнул Карик. — Я ей сброшу... Вот, стой-ка!

Он дополз до головы стрекозы, перегнулся и изо всей силы ударил ее несколько раз кулаком по глазам.

Стрекоза вздрогнула, изогнулась и замерла.

— Кажется, опять сдохла, — сказала Валя.

— Посмотрим.

Карик слез со стрекозы, обошел ее вокруг, потом схватил двумя руками прозрачное, как слюда, крыло и попробовал приподнять его. Стрекоза не шевелилась.

— Сдохла, — уверенно сказал Карик, вскарабкиваясь на стрекозу.

Некоторое время ребята сидели молча, посматривая то и дело на дверь, но скоро им стало скучно, и они принялись рассматривать стрекозу. Карик забрался на крыло и попробовал оторвать его от туловища. Но крыло держалось очень крепко. Тогда Карик прыгнул на голову стрекозы и постучал пятками по ее глазам.

— У-ух, глазища-то какие! Валь, видишь?

— Ага.

Валя робко протянула руку и осторожно дотронулась до холодных, точно вылитых из хрусталя глаз.

— Страшные!

У стрекозы в самом деле были удивительные глаза — огромные, выпуклые, вроде стеклянных фонарей. Покрытые тысячами ровных граней, они светились изнутри голубовато-зелеными огнями.

Эти странные глаза глядели сразу и на Карика и на Валю, и на двор и на небо, и на потолок комнаты и на пол.

Казалось — в каждом глазу светились тысячи отдельных зеленоватых глаз и все они смотрели внимательно и зорко.

Перед этими огромными глазами, на самом краю головы сидели еще три маленьких коричневых глаза, и они тоже зорко следили за ребятами.

— А знаешь, — сказала Валя, — она все-таки живая. Она смотрит, Карик, видишь?

— Ну и что же?

— Надо ее убить еще раз. Вдруг она оживет... Ты знаешь, чем питаются стрекозы?

— Кажется, травой или соком цветов, — неопределенно сказал Карик. — Хорошо не помню. А что?

— Боюсь, как бы она не съела нас, если оживет. Кто ее знает, что она привыкла есть. Давай лучше убьем ее еще один раз.

Валя спустила было ноги на пол, пытаясь слезть со стрекозы, но в это время в квартире как будто грохнул взрыв. Потом раздался мерный, тяжелый топот.

— Что это? — замерла Валя.

— Это... Ур-ра! Это — Иван Гермогенович идет! — радостно закричал Карик.

Валя поспешила занять прежнее место.

Дверь хлопнула. В окно ударила волна воздуха. В кабинет вошел человек-гора с бородой, похожей на стог белого хлопка.

Тут Карик и Валя закричали что было силы:

— Иван Гермогенович!

— Иван Гермогенович!

Человек-гора остановился. Ладонь величиной с обеденный стол взлетела вверх и остановилась у скрученного раковиной уха, из которого торчали в стороны седые пучки волос, толстые, как рисовальные карандаши. Он посмотрел по сторонам, прислушался, пожал недоумевающе плечами.

— Иван Гермогенович! Ива-ан Ге-ермо-о-ге-енович! — крикнули вместе Карик и Валя.

Человек-гора шумно вздохнул. В комнате все загудело. Ребята чуть было не слетели вместе со стрекозой вниз, на каменный двор.

— К на-ам! Сю-юда-а!

Человек-гора шагнул к окну.

— Ур-ра! — закричал Карик. — Он слышит!

— Мы здесь! Зде-есь! — надрывалась Валя.

Человек-гора остановился.

— К нам! К нам! Сюда! Мы здесь! — кричали ребята.

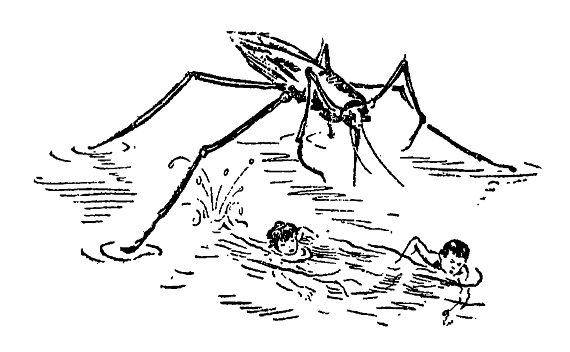
Человек-гора подошел к окну.

Но вдруг стрекоза шевельнулась, затрещала слюдяными крыльями, подняла на подоконнике густое облако пыли и вместе с Кариком и Валей провалилась вниз, в синий воздушный океан.

— Держись! — закричала Валя, хватая Карика за шею.

Глава третья

Встречи в воздушном океане. — Прожорливый самолет. — Невольные парашютисты. — Приключения Карика и Вали в большой луже. —Подводная тюрьма. — В лапах восьмиглазого чудовища.

Стрекоза летела, шумя прозрачными, жесткими крыльями. Они гремели, точно листовое железо.

Упругий ветер мчался навстречу, рвал волосы, пронзительно свистел в ушах.

Он бил в лицо, слепил глаза.

Дышать было трудно.

Крепко вцепившись в стрекозу, охватив ее руками и ногами, ребята сидели ни живы ни мертвы.

— Карик! — крикнула сквозь вой ветра Валя. — Как мне держаться? Меня тащит... Вниз тащит... Ветром!

— Молчи! Упадем! — закричал Карик и чуть не задохнулся от ветра.

Ветер дул с такой силой, что казалось — вот-вот он оторвет ребятам головы или сбросит их вниз. Ребята пригнулись к самой спине стрекозы, но и это не помогало.

— Ложись, Валька! — закричал Карик, вытягиваясь во весь рост.

Валя последовала его примеру.

— Ну что? — крикнул Карик. — Лучше стало?

— Немножко!

И в самом деле теперь напор ветра был не так силен. Даже можно было открыть глаза и оглядеться по сторонам.

Не поднимая головы, Валя крикнула:

— А ведь так совсем не страшно!

Сквозь шум ветра Карик услышал только одно слово: «страшно». Он слегка повернулся назад и сказал как можно громче и спокойнее:

— Ничего, держись крепче!

Стрекоза мчалась, плавно взлетая на воздушные горы и стремительно скатываясь вниз.

— Ой, Карик, — визжала Валя, — она же вроде американских горок!

Но Карик не слышал слов Вали.

Он следил внимательно за работой слюдяных стрекозиных крыльев.

Два передних крыла стояли в воздухе почти неподвижно. Их движения были еле заметны. Изредка они выгибались то вверх, то вниз, и тотчас же стрекоза или опускалась ниже, или взлетала еще выше.

Этими крыльями она, как видно, управляла полетом. И они же поддерживали ее в воздухе.

Но зато два задних крыла мелькали, как пропеллеры. Они гудели и выли, быстро загребая воздух, и, отталкиваясь от него, гнали стрекозу вперед.

Но вот задние крылья начали приподниматься вверх и вдруг встали ребром, как паруса.

В спину подул ровный ветер. Стрекоза бесшумно, как воздушная яхта, поплыла в воздухе.

— Ой, как интересно! — зашептала Валя. — Вот бы такой самолет построить.

Карик искоса взглянул на сестру и недовольно шмыгнул носом. Ее легкомыслие начинало сердить Карика.

— Сиди лучше и молчи! — сказал он.

Но Валя не могла сидеть молча. Да и как можно было молчать? Мимо, точно встречные поезда, проносились, обдавая ребят ветром, огромные крылатые звери. Они пролетали так быстро, что даже нельзя было понять, кто они такие. Птицы? Пчелы? Стрекозы?

Валя то и дело кричала:

— Кто это? Кто? Ты видел, Карик?

Они чуть было не столкнулись в воздухе с каким-то гигантским, величиной в танк, жуком. Он был весь разукрашен золотыми и фиолетовыми красками и так ослепительно сверкал на солнце, что на него невозможно было смотреть.

Жук летел прямо на стрекозу. Столкновенье казалось неизбежным. Но вдруг он с такой же быстротой, и даже не поворачиваясь, помчался назад.

— Задний ход! — закричала Валя. — Он может лететь задним ходом. Ты видел?

Внезапно под крыльями что-то зажужжало, запело. Откуда-то снизу вынырнуло волосатое круглое животное. Поджав под себя мохнатые ноги, оно с гуденьем мчалось навстречу, бросаясь из стороны в сторону. Зеленоватые крылья животного сияли на солнце, то вспыхивая яркими зелеными и синими огнями, то угасая.

— Кто? — спросила Валя.

— Муха! Только очень большая! Как под микроскопом!

Расстояние между мухой и стрекозой становилось все меньше и меньше. Теперь и Валя узнала муху. Она была такая большая, как на плакатах «Берегись мух — они распространяют заразу».

Но не успела Валя подумать о том, какую же заразу несет муха, как та вильнула в сторону и понеслась куда-то вниз.

Стрекоза повернула, точно на стержне, свою огромную голову вправо, влево, вверх, вниз, сверкнула голубовато-зелеными хрусталиками огромных глаз и кинулась вслед за мухой.

— Ай! — закричала Валя, хватая Карика за ногу.

— Держись! — ответил Карик.

Начались крутые повороты, стремительные спуски, подъемы. Преследуя муху, стрекоза то падала вниз камнем, то описывала петли, то скользила боком и, наконец, налетев на муху, протянула к ней огромные, покрытые шипами клещи.

Муха перевернулась и помчалась на спине, ногами вверх. Ноги ее угрожающе вытягивались, стараясь оттолкнуть прочь стрекозиные клещи.

Но это не помогло мухе.

Стрекоза нагнала ее. Клещи сомкнулись.

— Ж-ж-ж! — затрещала крыльями муха.

Клещи щелкнули, как ножницы.

Хлоп!

Хлоп!

И на землю полетели, медленно кружась в воздухе, крылья и ноги несчастной мухи.

Снова щелкнули сильные, крепкие клещи. Они скомкали, смяли, сплющили муху в лепешку и сунули ее в широкий, черный рот.

Карик и Валя молча взглянули друг на друга и тихонько вздохнули.

Так вот она чем питается — стрекоза.

— А ты говорил — соки цветов! — шепнула Валя.

Ей стало страшно. Уж если стрекоза пожирает таких больших мух, то Карика и Валю она шутя проглотит и даже не заметит.

Ребята притихли.

Далеко впереди мелькнули огромные цветные крылья. На концах крыльев темнели крупные бархатные пятна. По краям тянулись ровные полосы, будто кайма. Крылья танцевали, прыгали в воздухе, поддерживая изгибающееся сигарообразное тело, похожее на полосатый дирижабль. Длинные усы с набалдашниками на концах дрожали, опускаясь то вниз, то поднимаясь вверх.

Подлетев ближе, ребята увидели на крыльях красивую чешую, покрытую цветной пушистой пылью.

Крылья бестолково кружились в воздухе, трепетали, как паруса на ветру.

Но вот радужное животное заметило стрекозу. Оно засуетилось, мягко захлопало крыльями, потом, сложив их, начало стремительно падать вниз.

Однако уйти от стрекозы ему не удалось.

Она ринулась за ним, ударила его с налету грудью, отбросила в сторону, а когда оно перевернулось в воздухе, стрекоза схватила его, свернула голову и, оборвав крылья, сожрала в один миг.

И снова стрекоза помчалась, как самолет; могучие крылья загудели, над головой запел протяжно ветер.

— Кого это она?

— Бабочку! — крикнул сквозь шум ветра Карик. — Кажется, бабочку!

Стрекоза, как видно, была в этот день очень голодна.

Скоро она догнала и проглотила еще одну муху, еще одну бабочку, на этот раз белую с голубыми пятнами, потом комара.

— Ну и обжора! — закричал Карик.

Валя только зябко поежилась.

По небу ползли облака.

Время от времени они заслоняли солнце, и тогда землю покрывали холодные синие тени.

И тут ребята с удивлением заметили, как странно ведет себя стрекоза, когда облака набегают на солнце.

Лишь только солнце пряталось, стрекоза становилась какой-то вялой и медленно, как планер, скользила вниз.

Но стоило солнцу выглянуть из-за туч, стрекоза оживала. Легкий взмах крыльев — и она стремительно взлетала вверх и снова принималась за охоту.

— Карик! — крикнула Валя. — Ты замечаешь, что с ней делается?

— Да, да! — кивнул головой Карик.

Он заметил еще кое-что и другое.

Попадая в потоки солнечных лучей, тело стрекозы раздувалось, становилось крепким и гладким. Но как только набегала холодная тень от облаков, оно сжималось, морщилось и начинало пружинить, точно сиденье очень старого кресла.

Казалось, солнце нагревало внутри стрекозы воздух, и он распирал ее, но стоило стрекозе попасть в холодную, теневую полосу, ее тело снова сжималось, становилось дряблым, как воздушный шарик, который проткнули иголкой.

Так оно и было на самом деле, но этого ребята не знали, а поэтому они никак не могли понять странного поведения стрекозы.

Охота продолжалась.

Стрекоза пожирала мух, бабочек и комаров без устали. Если бы ребята решили дать живому самолету какое-нибудь имя, то лучше, как «Смерть комарам и мухам», пожалуй, они ничего бы не придумали.

В погоне за белой бабочкой стрекоза сделала резкий поворот. Валя соскользнула со спины крылатой обжоры и непременно упала бы на землю, если бы не успела ухватиться за ноги Карика.

Но и сам Карик уже еле-еле держался на стрекозе.

— Помоги! — закричала Валя.

— Не... не могу-у! — хрипел Карик.

Валя тянула его вниз, как тяжелая гиря. Напрасно он хватался руками за гладкие, упругие стрекозиные бока. Руки его одеревенели. Пальцы скользили. С отчаянием погибающего он уперся в крыло стрекозы подбородком и обхватил одной рукой упругое тело обжоры.

Но забраться обратно было ему не под силу.

— Нет! Не могу больше! — закричал Карик.

Он быстро взглянул вниз.

Глубоко внизу, точно в бездонной пропасти, плыла под ногами поверхность огромного озера. Зеленые камыши поднимались над водой, теснясь вдоль берегов. Белые чаши водяных лилий стояли, точно впаянные в спокойную синеву озера.

Стрекоза сделала резкий разворот.

В грудь Карика ударил встречный мощный поток воздуха, руки скользнули последний раз по гладким бокам стрекозы.

Карик закрыл глаза, и вдруг сердце его екнуло, замерло: под ногами все провалилось, в ушах засвистел, завыл протяжно ветер.

Ребята полетели вниз.

— И-и-и! — завизжала Валя.

— А-а-а! — закричал Карик.

Они летели, кувыркаясь через голову.

Несколько раз небо и земля поменялись местами.

Небо.

Земля.

Небо.

Земля.

У-ух!

Взметнув фонтаны брызг, ребята врезались в воду, как снаряды, и быстро, камнем, пошли ко дну.

Ударившись ногами в дно, они пробкой вылетели обратно на поверхность. Ребята отчаянно забили по воде руками и ногами. Оглушенные падением, наглотавшись воды, они кружились на одном месте, ничего не понимая, ничего не соображая.

Первым пришел в себя Карик.

— Надо плыть скорее к берегу! — крикнул он, выплевывая воду.

— А где берег? — спросила Валя, захлебываясь.

Карик мотнул головой в ту сторону, где вдали виднелась высокая зеленая стена леса.

— Думаешь — доплывем? — спросила Валя.

— Конечно, доплывем! — уверенно сказал Карик. — Только не надо торопиться. А как устанешь — скажи мне. Будем отдыхать на спинке. Ну, плыви за мной!

И они поплыли к берегу, поднимая брызги, фыркая и отдуваясь.

Вдруг Валя вскрикнула:

— Смотри! Кто это? Прямо на нас бежит.

Какое-то странное животное скользило по воде на высоких, полусогнутых ногах.

— Кто?

— Не знаю! — шепнул Карик, втягивая голову в плечи.

— Кусается?

— Не знаю!

Животное скользило, как конькобежец по льду, приближаясь к ребятам с каждой минутой.

— А этот... не такой, как стрекоза? — спросила шепотом Валя.

— Не знаю... Только надо приготовиться на всякий случай... Если нападет, ныряй как можно глубже.

Широко расставив длинные ноги, животное мчалось по зеркалу воды, ловко перепрыгивая с разбегу через водяные растения.

Коньки-поплавки оставляли на воде волнистый, еле заметный ед.

— Да это же водомерка! — вскрикнул Карик.— Ну да, конечно. Обыкновенная водомерка. Только гораздо больше.

Водомерка-великан приближалась с невероятной быстротой. Бурое тело, покрытое снизу беловатыми волосками, слегка покачивалось на ходу. Большие шарообразные глаза пристально смотрели на ребят. На крутых поворотах водомерка откидывала назад и в стороны задние ноги и тянула их за собой, слегка поворачивая то вправо, то влево. Видимо, они служили ей рулем.

Водомерка мчалась прямо на ребят.

— Ай! — закричала Валя.

Водомерка мотнула головой и подняла вверх длинный, как копье, и острый, как игла, хобот. Он был по-

крыт, словно ржавчиной, бурой, засохшей кровью. Конец его дрожал, словно растянутая стальная пружина.

— Она убивает этим! — крикнула Валя.

Водомерка надвинулась еще ближе, приподняла над водой передние ноги и нацелилась копьем прямо на Валю.

Но тут Карик схватил сестру за руку и потянул под воду.

Ребята нырнули. Там, где только что плыли Карик и Валя, осталось лишь легкое волнение воды и мелкие пузыри.

Водомерка растерянно повела своими круглыми глазами. Она ничего не понимала. Ведь только что добыча была под самым носом — и вдруг...

Что же это значит?

Водомерка еще раз посмотрела по сторонам и, прижав хобот к белому брюшку, помчалась дальше, скользя по водяной пленке.

Фыркая и отплевываясь, ребята вынырнули из-под воды.

— Где она? — спросила, тяжело дыша, Валя.

— У-уф! Не знаю! — тихо ответил Карик. — Кажется, укатила.

— Куда?

— Давай к берегу! — рассердился Карик. — Плыви и не разговаривай.

Некоторое время ребята плыли молча, боязливо оглядываясь по сторонам.

— Ой, что это?

Валя зацепилась под водой за какие-то спутанные сети.

Она дернулась раз — держит, дернулась посильней, но сети опутали пальцы, обмотали всю ногу почти до колена. Валя попробовала правой ногой, но сотни тонких, крепких нитей оплели и эту ногу.

— Ну, что ты там? — обернулся к сестре Карик.

— Сети! —крикнула Валя. — Меня кто-то держит! Какие-то сети под водой...

Карик, фыркая, вернулся обратно и протянул Вале руку.

— Давай хватайся!

Но не успел он дернуть Валю за руку, как почувствовал, что и его ноги запутались.

Ребята изо всех сил захлопали по воде руками.

Вода забурлила как в котле.

— Ой, ой, — захныкала Валя, — не могу... Никак не могу...

— Сильней! Сильней! Не поддавайся!

Но все было напрасно. Сдвинуться с места ребята уже не могли. Крепкие, липкие сети опутывали теперь не только ноги, но и все тело, тянули вниз, под воду.

Минута, другая — и вода с тихим всплеском сомкнулась над их головами.

Захлебываясь и пуская пузыри, ребята погружались все глубже и глубже.

И вдруг чьи-то крепкие, упругие щупальца скользнули по их рукам и ногам, вырвали ребят из сетей, крепко сжали и потащили куда-то вниз, на темное дно.

Ребята захлебывались противной, теплой водой.

Перед глазами поплыли желтые рябые круги. В ушах запело, зазвенело тоненько-тоненько:

— Ти-и-и-ить!

Еще секунду — и они задохнулись бы, но в это время что-то с силой подбросило Карика и Валю вверх, и легкие их сразу наполнились воздухом.

Глубоко вздохнув несколько раз, Карик раскрыл глаза. Он увидел мокрое испуганное лицо Вали. Она широко открывала рот, силилась что-то сказать, но изо рта лилась только вода.

Ребята болтались в воздухе. Их держала высоко над водой огромная мохнатая лапа.

Теперь можно было дышать, однако над головами, вместо ласкового голубого неба и веселого солнца, висел темный, покрытый плесенью свод. Сырые, мрачные стены поднимались из воды.

Валя заплакала.

— Ну, что ж, — сказал печально Карик, — все люди когда-нибудь умирают. Не плачь, Валя!

Но сам всхлипнул и зарыдал еще громче Вали.

Черная вода забурлила.

Она вздулась горбом. Горб лопнул, и показалась медленно всплывающая жирная туша. Потоки воды скатывались по огромным круглым бокам. Потом рядом с туловищем появились мохнатые ноги и еще ноги, и наконец сквозь слезы ребята увидели паука-великана.

Он покачивался на воде, рассматривая ребят холодными, злыми глазами.

Восемь маленьких, немигающих змеиных глаз смотрели на ребят, стерегли каждое их движение.

Карик и Валя рванулись, но паук так крепко стиснул их в своей лапе, что они даже не смогли крикнуть.

Восьмиглазое чудовище перевернуло ребят вниз головами, потом быстро-быстро завертело, закружило их...

В глазах у ребят стало темно, в ушах зазвенело.

Карик и Валя потеряли сознание.

Глава четвертая

Профессор Енотов уходит в иной мир. — Загадка простой паутины. — Первая охота. — Панцирь и копье. — Ловушка. — Иван Гермогенович в опасности.

На вершине зеленого холма стоял профессор Енотов.

Белые брюки его были измазаны смолой и глиной. Галстук съехал набок. Помятая шляпа сидела на затылке, открывая красный и потный лоб. Из густой бороды профессора торчали сухие веточки.

В одной руке Иван Гермогенович держал небольшой фанерный ящик. В другой — длинный, тонкий шест. К концу этого шеста был привязан красный платок. Он развевался на ветру, как флаг.

— У-фу! — отдувался профессор, осматриваясь по сторонам. — Кажется, это здесь...

Внизу, у подножья зеленого холма, блестел на солнце тихий, сонный пруд. На синей неподвижной воде чуть покачивались водяные лилии. В гуще камышей плескалась рыба.

Профессор поставил на землю ящик, а рядом воткнул шест.

— Ну что же, начнем, — вздохнул Иван Гермогенович и, сбросив шляпу с головы на землю, принялся рвать траву обеими руками.

Нарвав целую охапку, он тщательно прикрыл травой фанерный ящик, потом подошел к шесту, воткнул его поглубже, подергал, качнул вправо, влево.

Шест стоял крепко.

— Отлично, — сказал Иван Гермогенович.

Сунув руку в карман, он вытащил маленькую пузатую бутылочку. Серебристые пузырьки поднимались со дна, сталкивались и лопались.

Иван Гермогенович разделся, бросил небрежно одежду на траву и взял в руки бутылочку с серебристой жидкостью.

— Я думаю, этого хватит вполне, — сказал он.

Посмотрев по сторонам, он грустно вздохнул и, запрокинув голову, выпил залпом все, что было в пузырьке.

— Ну вот и прекрасно! — пробормотал профессор. И, размахнувшись, бросил пустой пузырек в пруд.

Некоторое время Иван Гермогенович стоял на месте, задумчиво посматривая на широкие круги, которые бежали один за другим по воде, на свои руки, потом шагнул вниз к пруду и... словно растаял.

Там, где только что стоял большой человек, теперь торчал одиноко длинный шест с красным флажком, а внизу, около шеста, валялось помятое платье, ботинки и полосатые носки.

* * *

Что же стало с профессором?

Проглотив жидкость, он стоял, переступая босыми ногами.

Скоро все вокруг него начало изменяться чудесным образом.

Трава с удивительной быстротой потянулась вверх. Каждая травинка росла, набухала, становилась все толще и выше.

Не прошло и минуты, как вокруг него зашумел густой лес. Блестящие зеленые стволы обступили профессора со всех сторон. Каждое дерево было похоже на гигантский бамбук.

Высоко над вершинами деревьев тихо раскачивались огромные чаши красных, желтых, голубых цветов, осыпая лес золотистой пылью, от которой шел пряный, одуряющий запах.

— Ну вот, ну вот, — сказал, потирая руки, Иван Гермогенович, — я так и знал. Конечно, этот травяной лес напоминает чем-то тропики.

В этом удивительном лесу не было мрака и тишины, как в старом сосновом бору. Не походил этот лес и на березовые рощи, где листва шумит и шелестит не умолкая.

Нет, это был особенный лес.

Он весь светился, зеленый и солнечный. Голые блестящие стволы стояли на холмах и спускались в овраги. В лесу сияли синие озера и тихо журчали ручьи.

Тишину то и дело нарушали странные шорохи. Казалось, где-то, совсем рядом, осторожно крались за профессором какие-то звери.

Идти было трудно. Тело царапали острые листья. Он поминутно проваливался в ямы. Солнце припекало, и профессору казалось, будто он прогуливается в печке. Почва леса была похожа на поле битвы, изрытое артиллерийскими снарядами.

В густых зарослях висели то тут, то там липкие сети, и нужно было очень осторожно обходить эти ловушки.

— Паука работа! — бормотал Иван Гермогенович, пробираясь сквозь заросли.

Изредка Иван Гермогенович останавливался и долго стоял, рассматривая с любопытством искусную работу лесного ткача.

Но особенно внимательно профессор вглядывался в бесчисленные узелки, густо рассыпанные по всей паутине.

Ивану Гермогеновичу, конечно, было известно, что ловит насекомых не сеть, а именно эти крошечные липкие узелки. К ним, точно к свежему столярному клею, прилипают крылья и лапки насекомых, и тогда насекомое становится добычей паука.

Все это было давно известно профессору. Но одно дело знать, другое дело все это видеть своими глазами.

Прошел уже целый час, а Иван Гермогенович совсем забыл, где он находится и даже зачем он пришел сюда.

Ему казалось, что он сидит у себя в кабинете, склонившись над микроскопом, и перед ним один за другим проходят его старые знакомые.

Но что микроскоп?! Разве через стекла микроскопа увидишь всего паука сразу?

Конечно нет.

Микроскоп позволяет рассмотреть только глаз паука или кончик его ноги, или коготок, похожий на гребень, или узелок паутины.

А тут перед профессором сидел весь паук, огромный, как бык, и можно было сразу разглядеть все его восемь глаз, две пары челюстей, восемь ног с коготками-гребнями и вздутое мягкое брюхо.

Но больше всего радовало Ивана Гермогеновича то, что паук был живой и охотился.

Под микроскопом — даже под самым совершенным микроскопом — нельзя было увидеть, как паук ловит свою добычу. А вот сейчас профессор мог наблюдать это на расстоянии вытянутой руки.

Паук охотился.

Он притаился, огромный и мягкий, около расставленных сетей, прямо к нему тянулась сторожевая нитка. Паук сидел, как рыбак на берегу, и ждал.

Вот-вот дернется нитка — и тогда он бросится на свою добычу, вонзит в нее когти с ядом, убьет и высосет из нее кровь.

Профессор смотрел на раскинутую сеть, позабыв все на свете. Вдруг в воздухе над его головой что-то прожужжало, точно снаряд, и с воем врезалось в сеть.

Сеть вздрогнула, заплясала.

— Ага! — крикнул Иван Гермогенович.— Есть одна.

В сетях билось, извиваясь и барахтаясь, огромное крылатое животное.

Оно было побольше паука, во всяком случае — длиннее. Прозрачные, покрытые жилками крылья выгибались дугой, пытаясь оторваться от липких узелков паутины, но выбраться из сетей было не так-то просто.

— Оса. Ну да. Она самая, — сказал Иван Гермогенович и подошел к самой сети.

Паук, опираясь на гребни ног, быстро заскользил по своей паутине, прочесывая ее ногами, точно волосы гребнем. Он обежал вокруг осы раз, другой, потом осторожно стал подкрадываться к ней сзади.

Оса стреканула острым жалом.

Паук отпрыгнул назад и снова закружился и забегал вокруг осы. Но стоило ему только приблизиться к осе, как она выгибала свое коленчатое брюхо и угрожающе вытягивала вперед гладкое, острое жало.

Паук попробовал напасть на осу сзади, сбоку, но всякий раз его встречало изгибающееся, как шпага, осиное жало.

— Любопытно, очень любопытно! — бормотал профессор, наблюдая за борьбой осы и паука.

Наконец, после тщетных и бесплодных попыток, паук вынужден был отказаться от борьбы с опасной добычей.

Описывая широкие круги, он суетливо побежал по своей паутине, сотрясая ее, заставляя осу прыгать, как в люльке.

Оса забилась еще сильнее.

Бегая вокруг осы, паук торопливо обрывал нитку за ниткой. Наконец оса рухнула, увлекая за собой сети, на землю, на край глубокого оврага.

Беспомощно барахтаясь и запутываясь все больше и больше, она покатилась вниз по крутому склону, а за ней посыпались комья земли и камни.

— Ага! Ага! Вот это прекрасно! — обрадовался Иван Гермогенович. — Это мне как раз на руку.

Он подбежал к оврагу и посмотрел вниз.

На дне оврага билась и корчилась, покрытая сетями, огромная оса. Она выгибала полосатое туловище, каталась по земле, стараясь освободиться от паутины, но паутина все плотнее опутывала крылья, ноги, голову.

Профессор побежал по краю оврага, озабоченно посматривая под ноги. Он что-то искал.

И вот, наконец, он нашел большую каменную глыбу с острыми углами. Поднять ее профессор, пожалуй, не взялся бы. Глыба была в несколько раз больше самого Ивана Гермогеновича. Но, к счастью, она висела над краем оврага. Стоило только качнуть ее хорошенько, подтолкнуть, и она обрушилась бы вниз, прямо на дно оврага.

Професор уперся ногами в землю и принялся раскачивать глыбу.

Работа была нелегкая.

Глыба шевелилась, качалась, как гнилой зуб, но все же держалась крепко.

Профессор пыхтел, как паровоз.

— Врешь! Врешь! — бормотал он, нажимая на глыбу плечом. — Качаешься — значит, упадешь.

Всего только каких-нибудь пять минут назад Иван Гермогенович мог бы столкнуть этот камень в яму одним щелчком, но теперь это было не так-то просто.

Профессор раскраснелся, запыхался. Лицо его покрылось потом.

— Отдохнем немного, — сказал, тяжело дыша, Иван Гермогенович и вытер ладонями потное лицо.

Он присел на камень.

Почти над самой его головой взад и вперед сновал паук, сооружая новую сеть. На брюхе паука Иван Гермогенович разглядел четыре вздувшихся, точно бурдюки с вином, бугра.

— Паутинные бородавки! — вспомнил профессор.

Однако теперь было бы смешно называть эти мешки бородавками. Каждый из них был значительно больше головы профессора.

Иван Гермогенович видел без микроскопа сотни дырочек в паутинных бородавках, из которых сочились капельки тягучей жидкости. Они вытягивались, как нити, тянулись за пауком и тут же свивались в толстые тросы с блестящими клейкими узлами.

В несколько минут паук закончил починку разорванной сети и тотчас же, накинув на нее сторожевую паутину, забрался с концом этой паутины в укромный уголок.

— Ну, а я что же? — рассердился Иван Гермогенович, вскакивая на ноги.

Он собрал все силы, уперся плечом в глыбу, а ногами в землю.

— А ну, взя-яли.

Толчок.

Еще толчок.

— Эх, ухнем! Эх, ра-аз!

Глыба закачалась, повисла над оврагом как бы в раздумье и вдруг с гулом и грохотом обрушилась вниз, поднимая столбы густой пыли.

Когда пыль рассеялась, Иван Гермогенович закричал громко:

— Ур-ра-а!

Глыба лежала на дне оврага.

Под глыбой извивалась, судорожно перебирая ногами, раздавленная оса.

Ее длинное полосатое брюхо сжималось, растягиваясь, как меха гармоники.

— Отлично! Очень хорошо! — сказал Иван Гермогенович, потирая руки.

Недолго думая, он спустил с обрыва ноги и, цепляясь руками за корни и выступы камней, начал осторожно спускаться на дно.

Когда Иван Гермогенович добрался наконец до осы, она уже не шевелилась.

Профессор толкнул ее ногой, потрогал руками, — оса не двигалась.

— Ну вот, — сказал Иван Гермогенович и, насвистывая что-то непонятное, спокойно принялся за работу.

Целый час возился профессор, пока ему не удалось вытянуть из тела осы длинное, похожее на копье жало.

— Прекрасное оружие! — сказал Иван Гермогенович, обтирая руками жало-копье.

С таким копьем уже не страшно было бродить в травяных джунглях, разыскивая Карика и Валю. В случае нападения профессор мог не только защищаться, но и нападать на тех, кому вздумалось бы сожрать его.

Теперь следовало подумать и об одежде. Как-никак, а путешествовать по лесу голым профессор не привык.

Ловко орудуя острым копьем, Иван Гермогенович разрезал паутинные сети, в которых запуталась оса, тщательно очистил их от липких узлов и обмотал вокруг себя. Мягкие, шелковистые веревки плотно обвили его тело.

Костюм был не слишком красив, но зато очень прочен.

— Я в нем как в панцире! — сказал Иван Гермогенович, с удовольствием осматривая себя в новом облачении.

Вскинув копье на плечо, он бодро двинулся в путь.

Прыгая по изрытой земле, профессор то и дело останавливался, выбирая дорогу, прислушивался, а иногда, услышав шум, прятался за могучими зелеными стволами, опасливо поглядывая по сторонам.

Эти предосторожности были не напрасны.

Травяные джунгли кишмя кишели чудовищными животными.

Грохоча, точно листами жести, над головами пролетали стрекозы, похожие скорее на самолеты, чем на простых насекомых.

Прыгая через вершины деревьев, скакали зеленые, величиной с автобус кузнечики. Меж стволов ползли, сотрясая своими телами чащи джунглей, полосатые гусеницы. Они были так велики, что профессору казалось, будто по лесу ползут товарные поезда.

Изредка, топоча ногами, пробегали сороконожки. Но теперь любая из них могла бы сплющить профессора, вдавить в землю одной только из своих ног.

Сражаться со всеми животными травяных джунглей у профессора не было ни времени, ни охоты. Он решил вступить в бой только в том случае, если кто-нибудь из этих чудовищ нападет на него.

Профессор держал путь к синеющему сквозь просветы деревьев пруду.

Он шел, переходя от дерева к дереву, с интересом разглядывая огромные цветы, стараясь угадать их названия. Но сейчас он уже не сказал бы с уверенностью, какой цветок называется ромашкой, какой лютиком или поповником.

Все цветы были так огромны, что многие из них профессор не мог узнать, и это очень забавляло его.

— Ну, этот, например, — вздыхал Иван Гермогенович, посматривая на голубой шар, похожий на гнездо аиста, — как называется он в нашем мире?

Но кто же мог теперь ответить профессору на его вопросы?

Над вершинами леса тихо качались розовые кувшины, гигантские желтые звезды, красные шары, сиреневые корзинки.

Из шаров, точно иглы ежа, торчали во все стороны свекольно-красные трубы.

— Что же это такое? — заинтересовался Иван Гермогенович и, вдруг хлопнув ладонью по лбу, крикнул со смехом:

— Клевер! Обыкновенный клевер!

Рядом с цветами клевера раскачивались в воздухе, вздрагивая и приплясывая, лиловые колокола. Они просвечивали на солнце, земля под ними казалась тоже лиловой.

— Ну, вас-то я знаю! — весело сказал профессор. — О вас даже стихи написаны.

И он запел во весь голос:

Колокольчики мои,
Цветики степные...
Что глядите на меня,
Темно-голубые?

— Глядеть-то вы на меня можете, — засмеялся Иван Гермогенович, — но вот если такой цветик оборвется и упадет на мою голову, я вряд ли останусь живым.

С любопытством разглядывая новый, незнакомый мир, Иван Гермогенович пробирался сквозь заросли травяных джунглей, изредка останавливаясь и отдыхая.

Скоро перед его глазами открылась необъятная водная гладь. Вода сверкала на солнце, как огромное зеркало.

— Кажется, это должно быть здесь, — в раздумье сказал Иван Гермогенович и, прижав к себе копье, ускорил шаги.

Он вышел на опушку травяного леса.

Путь его пересекала длинная узкая канава, заполненная до краев коричневой водой.

Иван Гермогенович разбежался, подскочил и легко перепрыгнул через канаву, но в ту же минуту он почувствовал, как земля под его ногами ползет, оседает.

Профессор вскрикнул и, болтая в воздухе ногами, полетел вниз, в какую-то темную нору.

Упав на дно, Иван Гермогенович быстро вскочил на ноги и огляделся. Над головой его синело далекое небо. Слабый свет освещал черные стены норы, густо оплетенные подземными корнями. Прямо перед собой Иван Гермогенович заметил вход в черный туннель.

Профессор нагнулся.

Из туннеля в лицо ему дохнуло сыростью и холодом.

— Н-да, — сказал Иван Гермогенович.

Он отошел от туннеля и полез по отвесной стене норы, цепляясь руками и ногами за подземные корни.

Он уже почти добрался до самого края, оставалось только протянуть руку, и солнце снова засияло бы над его головой, но в ту самую минуту, когда голова профессора высунулась из норы, он увидел прямо перед собой безобразную морду какого-то чудовища.

— Извините! — испуганно икнул профессор и, торопливо втянув голову в плечи, юркнул обратно в нору.

Чудовище, шевельнув огромными лапами, подошло к норе.

Глаза профессора встретились с глазами чудовища.

— Жук, — чуть не крикнул Иван Гермогенович, — жук-навозник.

Рядом с жуком он увидел большую серую грушу, которая, пожалуй, не поместилась бы ни в одной комнате, если бы уменьшился наш мир. Жук повернулся к груше и принялся подталкивать ее к норе.

Не успел профессор вспомнить латинское название жука, как серая груша надвинулась на самый край норы и закрыла собой небо.

В норе стало темно.

Испуганный профессор быстро вскарабкался по стене и изо всей силы стал толкать грушу плечом и головой. Он старался открыть выход из подземелья, но все было напрасно.

Груша не поддавалась.

Он нажал сильнее, но как раз в это время жук-навозник навалился сверху на грушу с такой силой, что она закупорила нору, как пробка бутылку.

Сильный толчок сбросил профессора вниз.

На голову посыпалась земля, в грудь больно ударил острый камень.

— Та-ак... — крякнул профессор.

Потирая ушибленную грудь, он попытался подняться и вдруг почувствовал, что в этой темной норе он не один.

Профессор быстро оглянулся.

Сзади за его спиной кто-то шевелился, медленно и осторожно подкрадываясь к нему.

Иван Гермогенович пошарил вокруг себя руками. Пальцы его нащупали копье. Он крепко сжал его и, быстро вскочив на ноги, прижался к стене.

— Т-ц-з-а-анк! — щелкнуло совсем рядом.

Профессор услышал прерывистое дыхание.

Он замахал перед собой копьем и хрипло закричал:

— Кто? Кто там?

Глава пятая

В плену у паука. — Битва в подводной тюрьме. — Растение-бродяга. — Скверное положение. — Карик находит выход.

Карик очнулся. Он открыл глаза и вдруг вспомнил все.

Вспомнил, как он с Валей летел на стрекозе. Вспомнил страшный хобот водомерки, сильные мохнатые лапы паука.

Вокруг было темно и пахло сыростью. Где-то внизу, под ногами, тихо плескалась вода, и совсем рядом кто-то тихо дышал.

Карик лежал, вытянувшись во весь рост, но на чем лежит он, этого Карик никак не мог понять. В голове у него шумело, руки и ноги одеревенели, глаза слипались.

Карик застонал и тотчас же услышал испуганный голос Вали:

— Тише! Он здесь!

Карик быстро повернул голову и стукнулся лбом о Валин носок.

Валя тихо вскрикнула.

Карик попробовал отодвинуться от нее подальше, но не мог: кто-то обмотал их с ног до головы толстыми веревками и крепко привязал друг к другу.

Карик рванулся посильней, и вдруг от сильного толчка он и Валя начали раскачиваться, как на качелях, из стороны в сторону.

— Тише! — быстро зашептала Валя. — Тише, пожалуйста, — он внизу.

— Паук?

— Ага... Он сейчас возился там... Я слышала...

— Тебе страшно?

— Очень. А тебе?

— Тоже страшно, только, знаешь, ты не плачь. Сначала попробуем как-нибудь освободиться.

Карик раздвинул головой веревочные петли и огляделся. Внизу— черная вода, из которой поднимались темные гладкие стены, а над головой — покатый потолок.

Ребята висели в воздухе посреди норы.

— Понимаешь, — прошептал Карик, — он подвесил нас. Прицепил к потолку.

— Ага, — кивнула Валя, — подвесил. Я уже давно это знаю.

— А зачем?

— И я думаю: зачем?

— Ничего не придумала?

— Нет.

Карик с трудом выдернул из паутинных веревок сначала одну руку, потом другую.

— Что ты делаешь, Карик?

— Тише! Молчи!

Стараясь не дышать, Карик окончательно высвободил голову и стал смотреть вниз. Как раз под ребятами суетился паук. Он беспокойно бегал по воде вдоль стен своего жилища, время от времени останавливался и как будто к чему-то прислушивался.

Сверху, с потолка, отрывались водяные шары-капли и звонко шлепались о поверхность черной воды. К потолку взлетали фонтаны брызг.

До слуха Карика донесся глухой шум. Где-то совсем рядом, — кажется, за стеной, — не то стучали, не то скребли. Было похоже, что там бродит человек, шарит по стене руками, отыскивая дверь.

Этот шум определенно беспокоил паука. Он то и дело подскакивал к стене, ждал чего-то, потом, шевеля длинными лапами, пятился в сторону.

— Ты слышал? — тихо сказала Валя. — За стеной шумит кто-то.

— Да, да, — зашептал Карик, — я слышу.

Шум становился все сильнее и сильнее.

Казалось — кто-то бьет в стену мягкими, но увесистыми кулаками.

— Сюда кто-то лезет! — шепнула Валя.

В ту же минуту стены подводного дома дрогнули так сильно, что ребят подбросило в их паутинной люльке вверх. Люлька ударилась в стену и закачалась, точно маятник.

— Смотри: паук-то, паук! — зашептала Валя.

Паук выскочил на середину норы, беспокойно перебирая ногами, и уставился всеми глазами на стену своего жилища. И вдруг стена треснула. В воду посыпались куски, похожие на штукатурку. В проломе стены показались большие мохнатые лапы.

Лапы еще раз рванули стену. Подводный дом задрожал, закачался. Люльку с ребятами начало кидать от одной стены к другой.

Стена рухнула. С шумом и плеском в подводное жилище ворвался толстый паук, похожий, как две капли воды, на хозяина подводного дома. Он подобрал под себя коленчатые ноги, как бы приготовляясь к прыжку, и тихо-тихо стал продвигаться вперед.

Хозяин подводного дома взмахнул щупальцами.

Пауки смотрели минуту друг на друга.

Потом хозяин поднял щупальца и стремительно бросился на непрошеного гостя.

В темноте началась жестокая битва.

Щупальца свистели в воздухе, шлепали по воде. К потолку взлетали брызги, и скоро стены покрылись дрожащими каплями воды.

Битва пауков сотрясала подводный дом.

Дрожали стены, качался купол.

Ребят так и подкидывало в воздухе, швыряло то вправо, то влево.

Перед их глазами мелькали стены, купол, пауки, вода и опять — стены, купол, вода...

Пауки бились молча. Они оплетали друг друга длинными лапами, раскачивались, точно борцы, из стороны в сторону, потом отскакивали назад и снова бросались друг на друга.

Вот к самому потолку со свистом взлетела оторванная лапа. Она зацепилась за паутину и повисла, качаясь, над головами ребят.

Карик поспешно столкнул ее вниз.

Покачиваясь на воде, изуродованные пауки на миг расходились, сидели, тяжело дыша, у стен, а потом снова бросались друг на друга.

И снова с шумом пенилась вода, и стены домика тряслись от толчков, точно во время землетрясенья.

Ребята со страхом следили за битвой пауков, не смея даже дышать.

От сильных толчков паутинные веревки ослабели. Теперь Карик и Валя могли без особого труда выбраться из своей веревочной люльки.

Первым вылез Карик и быстро ухватился за канат, который спускался с потолка к люльке.

— Ну, Валя, — сказал Карик, — выбирайся!

Валя вытянулась во весь рост и стала рядом с Кариком.

— Знаешь, — сказала она, — надо поискать чего-нибудь.

— А чего?

— Какую-нибудь палку, чтобы отбиваться.

Но как ни смотрели ребята, ничего, кроме голых стен, в подводном доме не было.

— Знаешь! — сказала Валя. — Лапой можно... Вон... Оторванная плавает... — И она опустила палец вниз, показывая на черную воду, на которой плавали искалеченные конечности пауков.

— Ой, Валька, — радостно зашептал Карик, — смотри: они, кажется, убили друг друга!

Ребята свесили головы.

На темной воде плавали, еле заметно вздрагивая, изуродованные туши пауков. Волны загнали их к пролому в стене, и они покачивались бок о бок, не обращая друг на друга никакого внимания. Паук-хозяин еще пытался шевелиться, но вскоре и он замер, бессильно опустив голову в воду.

В подводном доме стало тихо.

— Сдохли! — радостно крикнул Карик.

Он нагнулся, вытянул шею и плюнул сначала на одного паука, потом на другого.

Пауки не шевелились.

Ребята посмотрели друг на друга: сдохли или не сдохли?

Карик крикнул:

— Эге-гей-гей!

Пауки плавали, точно кожаные подушки, надутые воздухом.

— Сдохли! — уже совсем уверенно сказал Карик и, смерив глазами расстояние до воды, выпустил из рук веревку. В воздухе мелькнули руки и ноги, и Карик камнем упал в воду.

— Карик! Сумасшедший! — закричала Валя, с тревогой взглянув на метнувшийся вверх фонтан брызг.

Голова Карика показалась на поверхности воды. Вынырнув, он осмотрелся по сторонам и поплыл к паукам саженками.

— Карик! — завизжала Валя. — Вернись! Они еще дышат!

Но Карик, не обращая внимания на крики сестры, подплыл к одному пауку и, подняв руку над водой, сильно хлопнул его по брюху.

Брюхо загудело, как барабан. Карик поспешно отплыл прочь, но, взглянув на паука, вернулся обратно и ударил его пяткой по голове. Паук не шевелился. Тогда Карик залез на тушу, как на плот, встал во весь рост.

— Прыгай! — крикнул Карик, махнув Вале рукой.

— Нет! — мотнула Валя головой. — Тут высоко очень!

— Что ж, ты всегда сидеть там будешь? Все равно ведь придется прыгать. Ну? Прыгай!

Валя тяжело вздохнула.

— Прыгай скорей, а то, может, сюда придут новые пауки, — тогда нам еще хуже будет.

Валя закрыла глаза, разжала руки и, взвизгнув, грохнулась вниз. В Карика ударил дождь брызг. Волны качнули пауков.

Фыркая и отдуваясь, Валя вынырнула из воды.

— Лезь сюда! — крикнул Карик, барабаня ногами по вздутом брюху паука. — Не бойся! Давай руку!

Бледная и дрожащая, Валя подплыла к страшной туше, нащупала руками толстое, мохнатое тело паука, но тотчас же, отдернув руку, испуганно вскрикнула:

— Шеве-е-ели-ится!

— Не ври! Никто не шевелится! — рассердился Карик. — Ну, скорее!

Наконец, после долгих уговоров, Валя взяла руку, протянутую Кариком, и он втащил ее на страшный плавучий островок.

Паук не шевелился. Бояться было нечего.

Валя присела на корточки и стала выжимать мокрые волосы, а Карик встал во весь рост и принялся внимательно разглядывая мрачную нору паука.

— Надо уходить отсюда, — вздохнула Валя. — Надо поискать дверь.

— А вот дверь. — Карик протянул руку к черному пролому в стене.

Всплеснув ладонями над головой, он прыгнул в воду и быстро поплыл к пролому в стене.

Валя с беспокойством следила за Кариком, а когда он скрылся в темноте, она закричала:

— Ну что? Что там?

Карик молчал.

Валя взглянула под ноги и побледнела. Ей показалось, что паук начинает шевелиться.

— Ка-ари-ик! — закричала она.

Голос ее прокатился под сводами и замер.

— Ка-а-ри-ик! — крикнула Валя еще громче. Она уже приготовилась прыгнуть в воду и поплыть за братом, но в эту минуту Карик показался в темном проломе.

— Чего ты кричишь? — сказал он сердито.

Увидев Карика живым и невредимым, Валя успокоилась. Она протянула брату руки и, помогая ему взобраться на паука, спросила:

— Ну, что ты там видел? Есть какая-нибудь дверь?

— Нет. Такая же нора, как наша, — ответил Карик, пожимая плечами.

— А есть там кто-нибудь?

— Никого!

Карик сел, поднял колени к самому подбородку и обхватил их руками.

— И двери нет?

— Нет!

— А что если нам нырнуть под стену, Карик?

— Под стену?

Карик нагнулся и, свесив голову, стал рассматривать темную воду.

Сквозь толщу воды он увидел черное илистое дно пруда, серебристые паутинные веревки поднимались из черного ила по краям подводного колокола, удерживая, его, не давая ему всплыть.

— Надо нырнуть под стену, — повторила Валя.

— А это видишь?

И Карик показал рукой на сети, растянутые под водой, которые оберегали вход и выход в подводную тюрьму.

Нет! Нырять было страшно.

— Должна быть дверь! — сказал Карик. — Ведь мы же как-то шли сюда.

Валя что-то промычала.

Карик взглянул на сестру и быстро схватил ее за руку.

— Валя, что с тобой?

Валя сидела бледная, широко открыв рот, хватаясь руками за горло.

— Душно, — хрипло сказала она, — мне... не хватает воздуха...

— Сейчас, сейчас! — растерянно забормотал Карик.

Но он не знал, как помочь сестре, да и у него тоже что-то ухало в груди, распирая до боли ребра.

— Кажется, — сказал Карик, — и мне не хватает воздуха.

В голове шумело, сердце билось сильно-сильно, будто Карик поднимался на крутую, высокую гору. Сырой, тяжелый воздух входил в легкие, как перегретый пар; он только стеснял дыханье.

Надо было что-то делать.

— Ты не бойся! — сказал Карик, тронув Валину руку.—Как-нибудь выберемся!

И снова, в сотый раз, стал осматривать подводную тюрьму.

Голова Карика кружилась. Он наклонился, зачерпнул пригоршней воду, плеснул на лицо, и вдруг рука его повисла в воздухе.

Он увидел на черном илистом дне огромные зеленые яйца, расщепленные с одного конца. Одно яйцо шевельнулось и медленно отделилось от ила, потом всплыло и, стукнувшись о край подводного дома, взлетело куда-то вверх. Так же всплыло и исчезло второе яйцо.

Карик протянул руку Вале и дрожащим голосом сказал:

— Водокрас! Видишь?

Он не ошибся: это были почки водокраса — водяного растения.

Карик видел их тысячу раз, когда он был еще большой, и теперь узнал без особого труда.

Водокрас — бродячее растение — путешествует все лето по прудам и озерам, гонимое ветром от берега к берегу. Корни, похожие на усики земляники, добывают питание прямо из воды. К концу лета на усиках появляются молодые побеги. Они выходят на поверхность воды и тут распускаются в листья, похожие на сердце, которое рисуют на картинках.

Зимой водокрас вмерзает в лед и погибает. Но еще раньше он успевает разбросать по дну свои удивительные почки.

Всю зиму почки — зеленые яйца — лежат на дне. А лишь только наступают теплые дни, они наполняются газами и одна за другой всплывают наверх и здесь превращаются в плавающее растение.

Вот эти-то почки водокраса и увидел Карик.

Схватив Валю за руку, он быстро-быстро заговорил:

— Слушай! Эти штуки взлетают, как пробки... Надо нырнуть и схватиться за одну из них. Они сами нас вынесут наверх...

— А паутина? Смотри, сколько веревок под водой...

— Все равно надо попробовать... Ныряй скорей!

Как раз в эту минуту на дне зашевелилось гигантское зеленое яйцо. Раздумывать было некогда.

Почка отделилась от черного ила и начала всплывать.

— Ныряй! — крикнул Карик.

Валя собрала все силы. Глубоко вздохнув, она оттолкнулась от паука и исчезла под водой. Карик видел, как, нырнув под стену, Валя ухватилась обеими руками за толстую почку водокраса и вместе с ней взлетела вверх.

Следом за сестрой нырнул Карик. Раскрыв под водой глаза, он добрался до зеленой торпеды. Она шевельнулась. Карик обхватил руками и ногами толстые, скользкие бока и тотчас же завертелся волчком. Торпеда перевернулась несколько раз и стремительно помчалась вверх, пробивая толщу воды.

Долго пришлось плыть, сверлить воду, Карику уже нечем было дышать. Еще минута, и у него лопнуло бы от недостатка воздуха сердце, но, к счастью, зеленая торпеда вылетела на поверхность воды, и в лицо Карика ударили горячие лучи солнца. Ослепленный ярким светом, он барахтался в воде и дышал.

Дышал легко, полной грудью.

Рядом плавала Валя и с такою же жадностью глотала свежий, чистый воздух.

— Эй, Валя, — засмеялся Карик, — жива? Дышишь?

— Дышу!

— Главное — не бояться ничего, — радостно сказал Карик, — не падать духом, не хныкать и не плакать. Уж если мы с тобой от такого страшного паука сумели уйти, — значит, и до дому сумеем добраться.

Бедные ребята даже и не подозревали, что еще придется пережить им в этом незнакомом мире и какие опасности встретят их на пути возвращения домой.

Глава шестая

Отважные водоплаватели. — Странные пассажиры. — Карик и Валя пробираются сквозь водяные джунгли. — Поиски пищи. — Ребята находят удивительные ягоды. — На краю гибели.

Поднимая голову над водой, ребята смотрели по сторонам. Всюду, куда только хватал глаз, расстилалась синяя водная гладь, и только на западе, куда опускалось солнце, чернела зубчатая стена леса.

Над лесом клубились облака.

— Надо как-нибудь добираться до земли, — сказал Карик, — а потом и до дома.

— Доплывем, думаешь? — спросила Валя, глядя на далекий берег.

— Доплывем! — уверенно сказал Карик. — Вот на этих штуках обязательно доплывем. Залезай на свой корабль.

Ребята сели верхом на зеленые торпеды.

Карик крикнул:

— Греби ногами!

Ребята стали болтать в воде ногами, стараясь двинуться в путь, но почки только покачивались, не трогаясь с места.

— Стой! — крикнул Карик. — Перебирайся ко мне! Будем грести вдвоем.

Валя перебралась к брату. Почка водокраса погрузилась в воду больше чем наполовину.

— Греби! — сказал Карик.

Ребята дружно ударили по воде руками, как веслами. Почка вздрогнула и медленно поплыла.

— Плывем! — закричала Валя.

— Полный ход! — крикнул Карик.

Сначала почка вертелась то вправо, то влево, но скоро дело наладилось.

Разрезая острым носом воду, зеленая торпеда помчалась к берегу, как самая настоящая лодка.

Ребята гнали ее вперед, усердно работая руками

...Далеко впереди кто-то пыхтел, шлепал по воде не то доской, не то веслами, и чем ближе подплывали ребята к берегу, тем явственнее слышался этот шум.

И вдруг совсем рядом заревел кто-то:

— Ква-а-а-га-а-га-га! — разнеслось по воде.

Валя вздрогнула и чуть было не свалилась с почки водокраса.

— Кто это? — прошептала она, переставая грести.

— Лягушка!.. Наверное, лягушка... Обыкновенная лягушка, только больше пятиэтажного дома. Не бойся.

— Да, — жалобно сказала Валя, — обыкновенная... Нас теперь даже муха может сожрать, не то что пятиэтажная лягушка.

— Ничего, — успокоил Карик сестру. — Такая лягушка и не заметит нас.

Валя замолчала.

Ребята плыли теперь, огибая зеленые, изрезанные бухтами берега.

Из воды поднимались мясистые ярко-зеленые острова, они чуть покачивались, точно плоты на мерт-

вых якорях. Чтобы не налететь на них, нужно было зорко смотреть по сторонам.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросила Валя, указывая на один из островов.

— Не знаю, — нерешительно ответил Карик, — наверное, листья какие-нибудь... Наверное, водяные растения.

То справа, то слева выбрасывались из воды круглые животные с гладкой, отполированной, точно кузов автомобиля, спиной. Да и сами они были не меньше автомобиля.

Распрямив крылья, животные взлетали и снова падали в воду, поднимая тучи брызг.

В широкой протоке между островами ребята увидели коричневое волосатое чудовище на длинных изогнутых ногах. Оно сновало взад и вперед, скользя по воде круглым, толстым брюхом.

На спине толстобрюхого зверя сидело пять таких же, как он, зверят, но только очень маленьких.

Малыши вели себя спокойно.

Время от времени волосатый зверь вылавливал что-то из воды. Тогда зверята мигом соскальзывали в воду и так же быстро возвращались обратно. В лапах у них были зажаты куски какой-то снеди, которую они поспешно пожирали.

— Еще какой-то паук! — шепнула Валя, переставая грести.

Почка остановилась, лениво покачиваясь на волнах.

— А на спине у него — паучата, — сказал Карик. — Подождем лучше немного. Пускай они уйдут подальше.

Но тут из-за острова выскочил другой паук, такой же коричневый и волосатый. На спине у него тоже копошились детеныши.

Пауки бросились один на другого.

Это были пауки-доломеды — надводные хищники.

Они свирепо столкнулись друг с другом. Паучата кубарем слетели в воду.

Пока большие пауки дрались, их детеныши бестолково бегали по воде, быстро собирались в кучки и снова разбегались в стороны.

Но вот битва кончилась.

Один из пауков начал медленно погружаться в воду. Широкие водяные круги подхватили паучат, качнули их вверх-вниз.

Они запрыгали на волнах, точно неоперившиеся утята.

— Сейчас маленькие передерутся! — тихо сказала Валя.

Но малыши вряд ли могли сражаться. Они суетливо забегали по воде, налетали один на другого, кувыркались, а потом кинулись к пауку-победителю, толкаясь, проворно взобрались к нему на спину.

Карик и Валя переглянулись.

— Как ты думаешь, — спросила Воля,— сбросит он чужих паучат со спины или не сбросит?

Но паук-доломед и не заметил даже, что пассажиров на спине стало чуть ли не вдвое больше.

Он спокойно стоял на воде, расставив длинные ноги, и ждал, пока все паучата усядутся. А когда все до одного уселись, как ни в чем не бывало помчался вперед и скоро исчез в лабиринте островов.

Ребята поплыли дальше.

— Интересно... — задумчиво сказала Валя.

— Что интересно?

— А интересно, что они ели, эти паучата?

Карик пожал плечами.

— Какую-нибудь гадость!

Валя вздохнула. Она вспомнила, что ничего еще не ела со вчерашнего дня, и тихонько сказала:

— А может быть, это совсем не гадость. Сначала, может быть, будет невкусно, а потом привыкнешь — и ничего. Потом все станет вкусно.

Время было обеденное.

Ребята задумались.

— Что-то делают сейчас дома? Бабушка, наверное, накрывает на стол. Мама говорила вчера: обед будет очень вкусный. Не опоздайте, смотрите.

— Как ты думаешь, — спросила Валя, — что у нас сегодня на обед?

— Кажется, окрошка и пирог с луком и яйцами.

Валя проглотила слюну.

— А, может быть, борщ со свининой, с ветчиной или с сосисками. А на второе бифштекс с луком и поджаристой картошкой. Ты что бы лучше съела?

— Я?

Валя подумала немного и сказала:

— Я бы сейчас съела корочку хлеба и... немножко сыру.

— А я, — сказал Карик, — я бы бифштекс. Только большой... Как тарелка... И много-много картошки с зеленым салатом, а потом я мог бы еще съесть целый пирог и земляничный торт, а потом...

Валя перестала грести. Она повернулась к Карику и спросила:

— А что же мы будем обедать?

— Обедать сегодня нам не придется.

— А ужинать?

— И ужинать не придется.

— А завтракать?

— И завтракать не придется.

— А что же придется?

— Ничего, — сказал угрюмо Карик. — Придется об этом не думать.

Валя вздохнула.

— Ну, греби! Давай к берегу поскорей!— крикнул Карик.— На берегу найдем что-нибудь.

— Хорошо бы найти землянику. Она теперь в десять раз больше нас. Наверное, такая большая, как копна сена. Знаешь, в одной ягодке можно будет сделать пещеру и жить в ней, а кушать можно стенки пещеры и потолок.

— Не болтай! — нахмурился Карик. — Греби лучше, там увидим.

Валя замолчала.

Под дружными взмахами рук и ног почка мчалась к берегу, пеня воду, и сзади, точно водяные усы, тянулся длинный, растекающийся след.

Берег приближался с каждой минутой.

Все выше и выше поднимался из воды лес, и казалось — он сам плыл навстречу ребятам.

— А ну, нажми! — покрикивал Карик.

— Даю полный ход! — пыхтела Валя.

Почка летела стрелой.

Не прошло и часу, как перед юными путешественниками вырос, заслоняя солнце, высокий тростниковый лес. Густая холодная тина лежала на воде, и вода около леса была прохладная, не так как на солнце.

Почка плыла между могучими коленчатыми стволами; они росли прямо из воды. Вершины их уходили к самому небу.

— Тише греби! — скомандовал Карик.

— А что?

— Тут кто-то есть! Слышишь?

Ребята перестали грести.

Карик прижал палец к губам.

Тревожно поглядывая друг на друга, брат и сестра молча прислушивались к нестройному шуму, который доносился до них из леса.

Кривые стволы качались, терлись один о другой и громко скрипели. В темной чаще леса, откуда тянуло холодом и сыростью, кто-то шумно плескался, кто-то пронзительно стрекотал, верещал.

Лес стоял, точно затопленный половодьем. Сквозь просвет блестели синие разводья, а дальше поднимались сплошные, густые заросли. По воде между тростниковыми деревьями носились какие-то странные быстроногие животные, а за ними вдогонку мчались другие, еще крупнее и страшнее. Они настигали свою добычу, раздирали на части и тут же пожирали ее.

— Да-а-а! — сказал Карик и тихонько свистнул.

Валя поняла его без слов.

Испуганно поглядывая на брата, она спросила шепотом:

— Обратно поедем? Да?

— Куда обратно? — сказал Карик, помолчав минуту. — Надо пристать к берегу, где нет этих страшилищ. Давай поищем другой берег.

Они выбрались из зарослей на чистую воду и погнали почку вдоль тростникового леса, то и дело оглядываясь, стараясь держаться от него подальше.

— Знаешь, — сказала Валя, — я предлагаю назвать этот берег «Джунгли кошмарных ужасов».

— Ну, и глупо! — сказал Карик.

— Почему глупо? — удивилась Валя. — Все путешественники дают названия. Я сама читала у Жюля Верна.

Карик ничего не ответил. Посматривая на тростниковый лес, мимо которого они плыли, он насвистывал какую-то очень невеселую песенку.

— Или, — говорила Валя, — можно назвать «Лес кровавых тайн».

— Ладно, — буркнул Карик, — греби знай.

Тростниковый лес понемногу редел и скоро совсем кончился. Справа потянулся пустынный берег, засыпанный желтыми, сверкающими на солнце камнями.

Было так жарко, что все живое попряталось, отсиживаясь под листьями и под камнями. Ребята плыли теперь, не встречая ни одной живой твари.

Путь был свободен.

Карик повеселел.

— Вот эти берега, — сказал он, показывая рукой на каменные завалы, — я назвал бы «Мыс добрых надежд».

— Почему мыс? Я не вижу никакого мыса.

—Это не важно, — ответил Карик, направляя почку к берегу, — может быть, пока мы тут путешествуем, и мыс какой-нибудь наметится.

— А я...

— Я причаливаю! — закричал Карик, брызгая водой в лицо Вале. — Р-р-раз!

Ребята в последний раз взмахнули руками, и зеленая торпеда врезалась в каменистый берег.

От сильного толчка почка перевернулась. Карик и Валя полетели в воду, но быстро вскочили и, цепляясь руками за выступы желтых скал, вскарабкались на берег.

Камни были горячие от солнца. Валя села на один из камней!

И сейчас же вскочила.

— Что? Кусается? — засмеялся Карик. — Как ты предлагаешь назвать этот камень?

Он приставил растопыренную ладонь козырьком к глазам, оглядел горизонт и сказал:

— А знаешь что?..

— Что? — робко спросила Валя.

— Ведь эти камни — песок. Когда мы были большие, он казался нам мелким, а теперь каждая песчинка стала для нас как камень.

— Ну и что же?

Карик вздохнул и сказал:

— Говорят — в Африке пекут яйца, зарывая их в песок. Боюсь как бы и нам не поджариться на этих камнях.

Он потрогал рукой камень и покачал головой.

— Нет, тут нельзя высаживаться! Надо ехать дальше.

Ребята вернулись на свою зеленую торпеду, и почка тронулась в путь.

— Я предлагаю, — сказала Валя, — назвать этот берег...

— Тайной ужасных камней, — подхватил Карик и громко захохотал.

Валя обиженно замолчала. Сдвинув брови, она сидела, усердно подгоняя зеленую торпеду руками и ногами.

Молчал и Карик.

Сколько времени гнали ребята почку вдоль желтого берега, они и сами не знали, но руки и ноги у них начали уставать.

— Если бы ты знал, как хочется есть, — заговорила Валя, нарушив долгое молчанье.

— Знаю, — отозвался Карик, — у меня у самого все кишки слиплись.

— Хорошо бы, — сказала Валя, — поймать кого-нибудь и поджарить на этих камнях...

— Кого, например?..

— Ну, кого-нибудь... Бабочку... Стрекозу...

— Ты думаешь — это будет вкусно?

— Конечно! Если поджарить!.. Обязательно будет вкусно.

— А я, — признался Карик, — я и сырую, кажется, мог бы съесть... Бабочку!.. Только нам не справиться с ней.

Так разговаривая, они доплыли до берега, покрытого зарослями травяного леса.

Над лесом поднимался знойный пар летнего дня. То тут, то там стояли узловатые стволы деревьев, похожие на баобабы, которые Карик и Валя видели на картинках.

— Тут, — закричала Валя, — должны быть ягоды. Уж это я знаю. В лесу всегда бывают ягоды. Давай причаливай скорее.

Почка остановилась у пологого берега. Ребята прыгнули на землю и, спотыкаясь, побежали к лесу.

В лесу было душно.

От деревьев пахло болотной травой. На их зеленых блестящих стволах не было коры.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густые заросли, ложились на землю едкими желтыми пятнами.

Земля под ногами была влажной и вязкой.

— Ну! — крикнула Валя, углубляясь в чащу леса. — Кто первый найдет обед?

— Ладно, — сказал Карик, — ищи, только не отходи далеко, а то мы еще потеряемся тут.

Перекликаясь и аукаясь, ребята шли по лесу, зорко посматривая по сторонам.

По дороге они останавливались, отводили обеими руками тяжелые листья и смотрели, нет ли под листьями ягод. Они залезали на травяные деревья и там искали ягоды. Но ягод не было.

Вот странный лес. Неужели придется умереть от голода?

Вдруг ребята услышали впереди глухой шум.

Они остановились.

Карик поднял руку.

— Ты слышишь?

— Ага, — кивнула головой Валя. — Это вода! Кажется, это речка шумит. Идем! Около речек всегда бывают ягоды. Я знаю!

Валя побежала.

Карик бросился за ней.

— Тише! — закричал он. — Может быть, это и не речка вовсе, а какая-нибудь лягушка дышит.

Он взял Валю за руку.

Ребята двинулись в ту сторону, откуда доносился шум, прислушиваясь к каждому подозрительному шороху.

Кучи поваленных стволов, обросших слоем высохшей грязи, преграждали им путь. Сухие листья стояли стеной, а когда ребята опробовали обойти один листик, он упал на них, и они еле выбрались из-под него.

Наконец Карик и Валя добрались до высокого холма. Они взбежали на его вершину и вдруг почувствовали, как в лицо им подуло холодом.

В траве шумел поток.

Раздвинув руками заросли, они увидели перед собой речку.

Речка была невелика. Бурля и пенясь, она скакала по камням, неслась, виляя то вправо, то влево, низвергаясь грохочущими водопадами.

— Вижу! — закричала Валя.

Она вырвала свою руку из руки брата, оттолкнула его и помчалась вперед.

— Валька! Стой! Назад!

Но Валя уже скрылась за стволами деревьев.

— Сюда! Сюда! — услыхал Карик ее голос. — Скорей! Здесь ягоды! Да какие большие! Скорее, Карик!

Карик побежал на голос сестры.

— Валька!

— Здесь! Здесь!

Валя стояла под высоким деревом и, задрав голову, показывала пальцем вверх.

Карик подбежал к ней.

— Ягоды? Да?

— Ага! Здесь! Большие!

Валя хлопнула рукой по изогнутому зеленому дереву.

Карик взглянул вверх.

Высоко над землей висели, прижимаясь к самому стволу, темные плоды, большие, как пивные бочки. Полные сочной мякоти, они притаились в тени длинных и узких листьев.

— Ну? — сверкнула глазами Валя.

— Что ну? Вперед! — крикнул Карик, бросаясь к дереву.

Обхватив ствол руками и ногами, ребята полезли вверх, не спуская глаз с темных плодов, — сначала Карик, а за ним Валя.

Ствол слегка покачивался, листья дрожали. Внизу, под обрывом, шумела и пенилась река.

Валя взглянула вниз.

— Ох, если свалимся, — беда! — сказала она.

— Лезь! — крикнул Карик сверху. — Не свалимся!

Проворно перебирая руками и ногами, они добрались наконец до заманчивых плодов.

Карик протянул руку, и вдруг в глазах у него потемнело. Руки разжались.

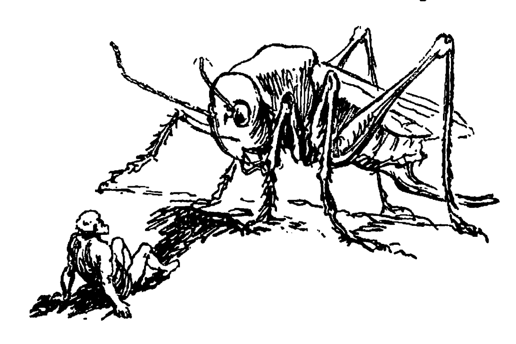
— Ты что? — поспешно спросила Валя и в ту же минуту почувствовала оглушающий шум в ушах. Голова у нее закружилась.

Взмахнув руками и перевернувшись в воздухе, ребята стремительно полетели вниз, прямо в быструю, бурную реку.

Сильное течение подхватило Карика и Валю и, швыряя о камни, понесло вперед, к грохочущему водопаду.

Глава седьмая

Бой в подземелье. — Животное с ушами на ногах. — Необыкновенный лес. — Иван Гермогенович становится пилотом. — Неожиданная встреча.

Профессор сидел в норе. Когда глаза его привыкли к темноте, он увидел в глубине черной пещеры огромную голову с длинными усами.

— Ну и гусар! Кто же это такой? — пробормотал растерянно Иван Гермогенович.

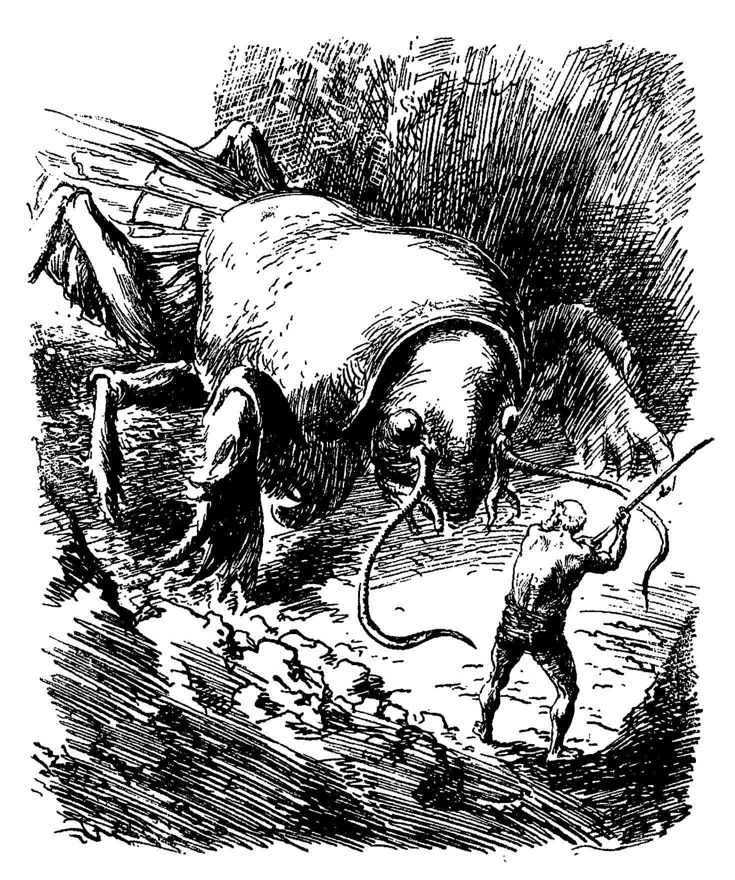
Голову и переднюю часть туловища покрывал широкий выпуклый щит. Из-под щита высовывались зубатые лапы, короткие, но очень широкие. Профессор сразу понял, что бороться с этим подземным животным ему не под силу. Оно убьет его одним ударом лапы. Но все-таки Иван Гермогенович решил защищаться.

Он прижался спиной к холодной, сырой стене подземелья и выставил вперед осиное жало.

Животное зашевелилось. Большое жесткое тело, словно составленное из широких костяных колец, задвигалось. Со стен пещеры с шумом посыпалась земля.

«А что, если напасть на него сзади?» — подумал Иван Гермогенович.

Но и сзади животное было неуязвимо. Два перепончатых крыла, сложенные вместе, прикрывали туловище крепкой броней.

— Но кто же это? Кто?

Профессор приподнялся на цыпочки, вытянул шею и вдруг, увидев две пики с острыми шипами, которые волочились по земле, как два хвоста, с ужасом прошептал:

— Подземный сверчок! Медведка!

Медведка шумно ворочалась в подземелье. Разгребая лапами землю, она подвигалась все ближе и ближе к профессору.

— Питается личинками насекомых, земляными червями, — вспомнил профессор, —значит, сожрет и меня.

Беспомощно оглядываясь по сторонам, Иван Гермогенович начал осторожно отступать в темный угол пещеры, стараясь держаться как можно дальше от медведки.

«Надо обойти ее!» — подумал профессор, пробираясь вдоль стены в тыл своего врага.

Медведка повернулась. Она повела усами, точно принюхиваясь или прислушиваясь.

Профессор затаил дыханье.

Медведка опустила усы и, неуклюже загребая лапами-лопатами, двинулась прямо на профессора.

Иван Гермогенович помчался назад и стал на старое место. Нет! Не так-то легко обмануть медведку под землей. Ведь она здесь чувствует себя, как рыба в воде.

— Нет! Не убежать! Надо драться!

Иван Гермогенович остановился и, решительно вскинув копье на изготовку, приготовился к бою. Он отступил назад. Локти его коснулись стены, и тут он внезапно почувствовал под локтем пустоту.

Он быстро повернулся. Прямо перед ним зиял вход в какую-то темную нору.

Профессор перевел дыханье.

Куда ведет этот туннель? Кто вырыл его? Не скрывается ли там какая-нибудь новая опасность? Но об этом сейчас некогда было думать...

«Спрятаться, уйти, зарыться глубже в землю!» — мелькнуло в голове профессора, и он, не раздумывая, юркнул в нору. Спотыкаясь и ударяясь больно о камни, Иван Гермогенович стал пробираться в полной темноте, ощупывая дорогу руками. Нора оказалась длинной, она то спускалась вниз, то поднималась вверх, то поворачивала вправо, то круто уходила влево и становилась все уже и уже.

Приходилось низко нагибаться, а кое-где ползти на четвереньках, волоча за собой копье.

Но все это было пустяки. Со всеми этими неудобствами профессор готов был примириться. Он согласился бы ползти целый день даже на животе.

— Только бы уйти от проклятого сверчка! Только бы спрятаться куда-нибудь! — бормотал он, дрожа от страха.

Но казалось — уйти от медведки невозможно.

Она шла по горячим следам неотступно, и профессор ясно слышал за собой нарастающий шум погони.

Лишь только Иван Гермогенович шмыгнул в туннель, медведка остановилась, пошарила усами по стенам пещеры и замерла, как бы раздумывая: куда же скрылся этот странный и такой проворный червяк?

Усы беспокойно задвигались. Они щупали пол, стены, потолок и вскоре обнаружили вход в нору.

Медведка просунула туда голову, тяжело задышала.

Тут он, что ли?

Она постояла немного на месте, постукивая лапами, а потом решительно втиснула свое громоздкое тело в нору и, быстро загребая землю, поползла по туннелю.

Медведка продвигалась, как двигается горячий гвоздь в куске сливочного масла, она шла, пробивая своим телом рыхлую землю, буравя ее с непостижимой быстротой.

Профессор услышал позади, за своей спиной, прерывистое дыханье, и вдруг на плечи его опустились жесткие усы медведки. Они ощупывали его, скользили по лицу, по рукам.

Иван Гермогенович вскрикнул. Быстро повернувшись, он ударил копьем по усам и пополз дальше, извиваясь, как червяк.

Неровные стены узкого туннеля больно царапали бока, плечи, локти.

Туннель стал таким тесным, что Иван Гермогенович с большим трудом продвигался вперед.

От плесени и сырости было душно.

Профессор обливался потом. Сердце его стучало. Руки и ноги дрожали.

Чем дальше, тем труднее было пробираться вперед по этому тесному подземному коридору, но профессор слышал, что медведка отстает, и это позволяло ему надеяться на свое спасение.

Все глуше и глуше становился шум погони.

Медведка осталась где-то далеко позади.

— Спасен! Ушел! — часто задышал Иван Гермогенович. Упираясь в землю локтями и коленками, он полз, напрягая все силы. И вдруг ткнулся с разгону головой в землю.

Дальше хода не было.

Туннель кончался тупиком.

Иван Гермогенович вздрогнул.

«Неужели смерть? Но кто же тогда спасет Карика и Валю?»

Обливаясь потом, он торопливо шарил в темноте, но руки всюду натыкались на плотные земляные стены.

Что же делать? Он сидел в норе, как в ловушке. Сзади наступает медведка, впереди — глухая стена.

Что можно предпринять в таком безвыходном положении?

Иван Гермогенович почувствовал, как по телу его поползли мурашки. Руки и ноги похолодели. Во рту пересохло.

— Но нет, — сказал решительно профессор, — мы еще посмотрим, кто кого. Ты — большое, сильное животное, но ведь я человек. Я буду драться с тобой и буду победителем.

Час назад Иван Гермогенович мог бы раздавить пальцем медведку, а теперь ему нужно собрать все свои силы, да и то он не может сказать с уверенностью, чем кончится этот бой.

Иван Гермогенович повернулся назад и, прижимаясь к плотной земляной стене тупика, выставил вперед копье.

— Буду бить прямо в нервный узел, под глаз, — громко сказал профессор.

Но тут в голове его мелькнула мысль, от которой он содрогнулся.

«А как же я выйду отсюда, если убью медведку? Ведь она закупорит туннель своей огромной тушей. Как убрать с пути такое громоздкое чудовище?»

Думать, однако, было некогда.

Все громче и громче нарастал подземный шум. Медведка была совсем близко.

Прошла минута, другая.

— Прочь! Прочь! — завизжал Иван Гермогенович, размахивая копьем.

Земля с гулом рухнула. По стенам туннеля пронесся шорох. Шершавые усы медведки потянулись к профессору и ощупали в темноте его голову и плечи. Дернувшись всем телом, он сбросил с себя эти живые, узловатые веревки и принялся наносить чудовищу по голове бессчетные удары копьем.

— Вот! Вот тебе! Вот! Вот! — хрипло кричал профессор.

Медведка не ожидала такого нападения. Пятясь, она поползла назад.

— Ага! Ага! — закричал Иван Гермогенович, смело бросаясь на врага.

Медведка протянула усы. Профессор ударил по ним наотмашь кулаком и, громко ругаясь, погнал животное по туннелю.

Он не переставая бил медведку по голове копьем, стараясь попасть острым концом в нервный узел. Но вдруг медведка втянула голову под щит, и копье застучало по роговой крышке безо всякого толку.

Чудовище остановилось. Видно, копье больше не беспокоило его. Профессор понял: битва проиграна.

Шевельнув широкими лапами, медведка перешла в наступление.

Профессору пришлось отступать.

Размахивая копьем, он опять стал отходить в конец туннеля, пока не почувствовал сзади плотную стену.

«Вот и конец!» — подумал Иван Гермогенович.

Он закрыл устало глаза, втянул голову в плечи и весь сжался в комок.

Вдруг он услышал над головой шум. Потолок норы трещал, как будто его сверлили сверху. На голову Ивана Гермогенович посыпалась земля.

Потолок лопнул. В норе на одно мгновенье мелькнул мутный свет, профессор увидел кусок далекого синего неба, но тотчас же, закрывая щель, сверху спустилось в туннель что-то в виде огромного стручка.

— Что это? — крикнул профессор и схватил стручок руками.

Стручок вздрогнул и начал быстро подниматься вверх.

Профессор понял только одно: этот стручок пришел оттуда, где было солнце, и он должен выйти к солнцу из-под земли вместе с ним, с этим стручком.

Он еще крепче обхватил стручок руками и ногами и в ту же минуту пробкой вылетел из-под земли.

Солнце ослепило его. Профессор зажмурил глаза.

— Спасен! Спасен! — обрадовался Иван Гермогенович. Но не успел он разжать руки, как какая-то непонятная сила подбросила его вверх, потом швырнула вниз, потом опять вверх, потом опять вниз.

Профессор взлетал, как мячик, и снова падал на землю.

Надо было скорее избавиться от прыгающего стручка. Профессор разжал руки. Вертясь в воздухе, он по-

летел на землю и кубарем покатился по камням. Удар был так силен, что на мгновенье профессор потерял сознанье.

Когда он пришел в себя, то первое, что увидел, было большое зеленое животное. Оно стояло неподалеку от него, расставив длинные ноги, усеянные острыми шипами — шпорами. Сильные голени поднимались выше туловища и были согнуты в равные треугольники. На земле лежал толстый, изогнутый стручком хвост, значительно длиннее самого зеленого животного.

— Ага, — приподнялся на локтях Иван Гермогенович, — понимаю. За этот-то хвост я и держался. Прекрасный хвост!

Услышав голос профессора, животное повернуло к нему сплюснутую большеротую голову и шевельнуло усами неимоверной длины.

— Из какого же ты семейства, мой спаситель? — вежливо спросил Иван Гермогенович.

Зеленое, точно покрытое блестящим лаком животное шевельнуло ногами.

— Ах, вот ты кто! — закричал профессор. — Ты слушаешь меня ногами? Так, так. Понятно. Ты зеленый кузнечик. Ну что ж, спасибо, дорогой! Спасибо, что выручил из беды.

Кузнечик снова шевельнул ногами. Продольные слуховые щели его передних ног повернулись к профессору. Кузнечик, видимо, прислушивался.

Теперь профессору стало понятным все, что произошло с ним.

В это время года самки кузнечиков буравят землю, чтобы прятать глубоко в почву свои яйца. Весной из этих яиц вылупятся личинки кузнечика. Они вылезут на поверхность земли и примутся уничтожать гусениц, бабочек, мух.

На счастье профессора, самка пробуравила землю как раз в том месте, куда загнала его медведка.

Но кузнечик не успел положить яиц. Коснувшись яйцеклада, Иван Гермогенович, конечно, сильно испугал самку, поэтому-то она так поспешно и выдернула из-под земли свой хвост-яйцеклад.

— Извини, пожалуйста, — весело сказал Иван Гермогенович, — извини, что я помешал тебе.

Кузнечик подпрыгнул. Распустив сверкнувшие на солнце крылья, исчез в зеленой чаще травяного леса.

— Прощай! Счастливого пути! — крикнул вдогонку Иван Гермогенович и помахал кузнечику рукой.

Профессор остался один. Он стоял, оглядываясь и поглаживая свою бороду.

— Однако, — забормотал Иван Гермогенович, — куда же ты затащил меня, мой зеленый конь? Где же теперь пруд? Как пройти к нему? Идти ли мне направо или налево?

Вокруг шумел лес. Но только сейчас профессор заметил, как не похож этот лес на травяные джунгли.

Тут не было искривленных бамбукоподобных деревьев. Длинные, слегка изогнутые стволы тянулись вверх, как гигантские свечи.

Профессор взглянул на кроны и удивленно заморгал глазами. Там, на головокружительной высоте, тихо покачивались огромные белые шапки. Каждое дерево стояло, как длинная жердь, на которую нахлобучили сверху белую папаху.

— Какие же это? — прищурился Иван Гермогенович.

Он подошел поближе к стволам и вдруг остановился как вкопанный. Прямо на его глазах белое пушистое облачко сорвалось с вершины одного дерева и внезапно исчезло. Оно как будто растаяло в воздухе.

Профессор пожал плечами. Он ничего не понимал.

В спину ему дунул ветер, и тотчас же белые вершины отделились от стволов и медленно поплыли в воздухе.

Неожиданно к ногам Ивана Гермогеновича откуда-то сверху упало тяжелое продолговатое ядро.

Профессор нагнулся.

Из головки ядра торчал длинный, тонкий хлыст, а на нем трепетал пушистый парашют.

— Ах, вот что! — закричал профессор. — Да ведь это же... Ну как же я сразу не догадался?

Он проворно подбежал к самому высокому дереву и, задрав голову вверх, осмотрел его от вершины до корней.

— Так, так! Прекрасно! Мне положительно везет сегодня.

Профессор затянул потуже свой паутинный костюм, шаркнул по земле пятками и, подпрыгнув, вцепился в ствол дерева.

Ствол был толстый. Профессор еле-еле обхватил его руками и ногами, но лишь только он прикоснулся к нему, как почувствовал, что его ладони и колени прилипли к стволу.

— Ничего, ничего, — забормотал Иван Гермогенович, — только бы мне добраться до середины, а там пойдет дело лучше.

С трудом отдирая руки и ноги, тяжело дыша и обливаясь потом, профессор полз по стволу, как муха по липкой бумаге.

Вначале подъем был очень трудный, но чем выше поднимался профессор, тем тоньше становился ствол, тем легче было передвигаться. Ветер раскачивал дерево, и вместе с деревом качался, не смея взглянуть на землю, Иван Гермогенович.

Но вот и верхушка дерева — белая пушистая шапка.

Профессор протянул руку, приготовляясь перебраться со ствола на крону, как вдруг по его руке скользнуло что-то мягкое.

Иван Гермогенович прижался к стволу. Вокруг него неожиданно захлопали крылья, воздух загудел. Перед глазами профессора понеслись, приплясывая, крылатые животные.

Перепуганный профессор втянул голову в плечи.

«Сожрут! Непременно сожрут, разбойники!» — тоскливо подумал он, но, кинув взгляд на животных, сразу успокоился.

— Уф! Какой я, однако, трус! — вздохнул он с облегчением.

Распластав по воздуху длинные, тонкие ноги, животные кружились вокруг дерева, трепеща прозрачными, узорчатыми крыльями.

Их длинные хвосты задевали лицо профессора, скользили по всему телу.

— Поденки! — пробормотал Иван Гермогенович. — Всего только поденки! — И, ухватившись руками за мясистые листья кроны, спокойно полез на вершину удивительного дерева.

Поденки только с первого взгляда казались великанами. На самом же деле они были немногим больше профессора. Казались все они гигантскими только потому, что сзади у них развевались хвостовые нити, похожие у одних на вилку, у других — на циркуль. Хвостовые нити были вдвое длиннее туловища.

«Ишь как пляшут! — подумал профессор. — Неужели скоро станет темнеть?»

И, не обращая больше внимания на крылатых плясунов, Иван Гермогенович вскарабкался на самую крону.

Бояться поденок у него не было причин.

У этих насекомых нет даже рта. Их жизнь так коротка, что им вовсе не нужно заботиться о пище.

Они появляются на свет, чтобы проплясать в теплом воздухе свой единственный в жизни танец.

В веселом хороводе кружатся они, без устали размахивая крылышками, а когда наступают летние сумерки, спускаются на воду, кладут здесь яйца и уже никогда больше не поднимаются вверх. В эти дни трупы поденок рыжими коврами покрывают реки.

Теченье несет миллиарды безобидных существ, мчит их вдоль крутых и пологих берегов, но к устью реки не доплывет ни одна поденка. Всех их пожрут по дороге рыбы и птицы.

Незавидна участь поденки. Сплясать и быть съеденной — только за этим они и приходят в наш мир!

Окруженный хороводом поденок, Иван Гермогенович стоял на макушке дерева, похожей на купол. Вся ее покатая поверхность была сплошь усажена темными, блестящими ядрами. От каждого ядра поднимались вверх гибкие стебли с парашютами на концах, они шумели над головой профессора, как весенний сад.

Время от времени то одно, то другое ядро, вздрогнув и качнувшись, отрывалось от купола и с минуту висело над кроной. Порыв ветра подхватывал парашют, и ядро уплывало по воздуху вместе со своим пушистым парашютом и стеблем.

Профессор потрогал стебли руками и принялся за работу.

Он выбрал десяток самых крупных парашютов и оторвал их от ядер. В руках у него появился целый пучок зонтиков с пушистыми облачками на концах. Парашюты так и рвались вверх, приподнимая Ивана Гермогеновича над кроной, и ему пришлось напрягать все силы, чтобы удержаться на месте.

Потом Иван Гермогенович быстро сорвал еще пару парашютов и, резво подпрыгнув, повис в воздухе. Некоторое время он висел, болтая ногами, но лишь

только дунул ветер, парашюты весело зашумели над его головой. Воздушный поток подхватил профессора и понес над лесом.

— Замечательно! Просто замечательно! — засмеялся Иван Гермогенович, раскачиваясь в воздухе, точно маятник. — Вот уж никогда бы не подумал, что мне придется летать на пушинках одуванчика.

Странные деревья с белыми шапками выглядели теперь с поднебесной высоты как самые обыкновенные одуванчики.

Лес казался похожим на простую луговую траву.

Профессор огляделся по сторонам.

Вокруг простирались травяные джунгли, песчаные пустыни.

Вдалеке, на высокой горе Иван Гермогенович увидел высоченный столб, на котором развевалось красное полотнище.

— Ага! Мой шест! — прошептал профессор, довольно улыбаясь.

Еще дальше и правее синела широкая водная гладь.

— А вот и пруд! Прекрасно! Теперь я знаю направление.

Ветер трепал пушистые парашюты. Ныряя в воздухе, Иван Гермогенович летел над лесами и полями, зорко посматривая вниз.

Но вот встречный воздушный поток подхватил Ивана Гермогеновича и понес его прямо к пруду.

— Эге! Так я и утону, пожалуй! — нахмурился профессор.— Надо слезать, пока меня не унесло в открытое море.

В эту минуту Иван Гермогенович пролетал над солнечной поляной. Место было удобное для спуска. Он решил приземлиться.

Выпустив из рук один за другим несколько парашютов, профессор прошел бреющим полетом над землей

и медленно стал снижаться. И вот трава уже снова превращается в дремучий лес, узенький ручеек — в широкую и бурную реку.

— Гоп-ля! — вскрикнул профессор, выпуская из рук разом два парашюта.

Его помчало над рекой. Профессор свесил голову, отыскивая удобное место для посадки, и вдруг он увидел плывущих по реке Карика и Валю.

Волны кидали их на камни, тащили по течению, и они переворачивались в воде, как поленья.

— Держи-и-и-итесь! — закричал профессор сверху.

Выпустив из рук последний парашют, он камнем полетел в пенящуюся воду.

Глава восьмая

Спасение утопающих. — Дорога к фанерному ящику. — Живые форточки. — Путешественники встречают стада травяных коров. — Грустные воспоминания. — Нападение воздушной черепахи.

Сильное течение валило профессора с ног.

Он падал то на одно, то на другое колено; вода сбивала его, покрывала с головой, но он снова подымался и, осторожно переступая с одного камня на другой, двигался дальше.

Карик и Валя лежали у него на руках, точно мертвые. Глаза их были закрыты, руки беспомощно мотались, ноги волочились по воде.

— Ничего, ничего! — тяжело дышал профессор. — Все будет хорошо! — И еще крепче прижимал ребят к себе.

Но вот, наконец, и берег.

Профессор опустил Карика и Валю на землю, сел сам на корточки и принялся растирать ребят ладонями.

— Да ну же, ну! Что вы в самом деле? — бормотал Иван Гермогенович.

Он сгибал им руки, ноги, перевертывал то вверх, то вниз лицом. Но все было напрасно. Ребята лежали

неподвижно, закрыв глаза и плотно стиснув побледневшие, подернутые мертвенной синевой губы.

— Ну что мне с вами делать? — нахмурился Иван Гермогенович.

Он потер ладонью лоб и вдруг просиял весь.

Профессор вспомнил старый, теперь уже забытый способ спасанья утопающих. Быстро вскочив, он схватил Валю за ноги, приподнял над землей и с силой начал трясти.

Изо рта, из носа Вали хлынула вода.

Валя застонала.

— Стонешь! — обрадовался Иван Гермогенович. — Прекрасно! Значит, ты будешь жива.

Положив девочку на землю, он принялся за Карика.

— Р-раз! Два!

Изо рта Карика вырвались мутные потоки.

— А теперь, теперь полежи и ты.

Отплевываясь и кашляя, ребята открыли глаза.

Они смотрели, ничего не понимая.

Перед ними стоял Иван Гермогенович. Живой, настоящий Иван Гермогенович. Большой, бородатый, такой, каким они привыкли его видеть каждый день.

От радости ребята не заметили даже, как странно одет профессор. Они смотрели ему в лицо, видели его добрые, смеющиеся глаза, его растрепанную седую бороду.

— Иван Гермогенович! — закричала Валя.

Она бросилась к нему и заревела от радости.

— Ну, ну, ну! — смущенно кашлянул профессор и погладил девочку по голове. — Теперь-то уж плакать не о чем.

Валя размазала кулаками но лицу слезы и улыбнулась.

— Это... это... вода выходит... Сколько ее налилось...

— Много, — согласился Иван Гермогенович. — Ну, а теперь, друзья мои, скажите-ка мне: кто это разрешил вам хозяйничать в моем кабинете?

Ребята опустили головы.

— Ах, вы молчите! Вы разучились говорить?

Ребята вздохнули.

Мокрые, несчастные, они стояли перед профессором, не смея взглянуть на него. Карик так низко опустил голову, что его подбородок уперся в грудь, покрытую липкой грязью. Валя отвернулась.

— Ну, что же вы молчите?

Карик зашмыгал носом, засопел, а Валя тяжело вздохнула.

Профессору стало жалко ребят.

Он схватил их в охапку и, крепко прижимая к себе, засмеялся.

— Разбойники! Подумать только, что вы натворили... Ах, козероги вы этакие... Ведь я чуть с ума не сошел.

— Мы нечаянно! — сказала Валя, накручивая на палец мокрые волосы.

Карик посмотрел на нее с удивлением: вот врет-то, но ничего не сказал.

— Ну, ну. Придете домой — мама покажет вам «нечаянно». Боюсь, как бы она нечаянно не выпорола вас.

— Мама никогда нас не бьет! — сказал Карик, поднимая голову.

Профессор подергал седые усы и сказал грустно:

— А меня били, когда я был маленьким. И ремнем и палкой лупили. Дикая была тогда Россия... Ну ладно, идемте к маме, которая вас никогда не бьет. Такую маму, я думаю, интересно видеть по нескольку раз в день. Что, не правда разве?

— А куда?..

— Что куда? Куда идти? Домой, конечно!

— Домой, домой! — весело закричала Валя. Подпрыгнув, она захлопала в ладоши.

— А далеко до дому, Иван Гермогенович? — спросил Карик. — За час мы дойдем?

— Час? Ну, нет.

Профессор покачал головой.

— Нам теперь и за десять часов не дойти... Ведь мы находимся почти в десяти километрах от нашего дома.

— Ой, хорошо как! — запрыгала Валя. — Мы бегом пробежим такое расстояние. За один час добежим.

— Гм... — смущенно кашлянул Иван Гермогенович. — Когда-то, то есть еще сегодня утром, мы, я думаю, могли бы пройти десять километров в два часа. Это верно! Но сейчас нам придется идти несколько месяцев.

— Как? — удивился Карик.

— Почему? — широко открыла глаза Валя.

— Да потому, что за час мы пройдем самое большее метр или полтора. Вы забываете, что раньше каждый наш шаг равнялся полуметру, а теперь он равен ничтожной доле сантиметра.

— Как? Разве мы все еще маленькие?

Карик быстро оглянулся.

Вокруг стояли странные деревья с зелеными узловатыми стволами. По берегу реки бродило какое-то крылатое существо, поменьше теленка, но много больше барана. В воздухе, как нарочно, над головами промчалось огромное, точно автобус, заросшее черной шерстью животное.

Ребята удивленно переглянулись.

Что же это значит? Профессор настоящий, а вокруг по-прежнему все необыкновенное, ненастоящее.

— А... а как же так? — растерянно замигал ресницами Карик. — Ведь вы же настоящий, большой... Какой вы — настоящий или ненастоящий?

Профессор улыбнулся.

— И настоящий, и ненастоящий, — сказал он. — Но ты подумай сам: ведь я и раньше был выше вас ростом, — значит, и в этом малом мире я имею право быть таким же. Ясно?

— Ясно! — нерешительно ответил Карик.

Но профессор понял по глазам Карика, что ему еще ничего не ясно.

— Представь себе, — сказал Иван Гермогенович, — что жидкость, которую я изобрел, выпили бы

ты, я, слон, лошадь, мышь и собака. Все, понятно, уменьшились бы в сотни тысяч раз, но для нас, людей, слон по-прежнему был бы большим, каким мы привыкли его видеть в зоологическом саду, а мышь... Ну, что ж, мышь так и осталась бы крошечной, только в сотни тысяч раз меньше обыкновенной мыши. Но всех нас, вместе со слоном, лошадью, собакой и мышью, настоящий человек без труда посадил бы к себе на ладонь.

— Понимаю, — кивнул головой Карик.

— А я не поняла... — сказала Валя.

— Что тебе непонятно?

— Я не понимаю, как вы узнали, где мы находимся.

— Расскажу и об этом, но не сейчас, — сказал профессор, хлопнув Валю по плечу. — Дорога у нас длинная. Идти придется долго. Успеем поговорить обо всем по пути домой. Вы расскажете мне, что видели и что узнали, а я расскажу, как нашел вас... Сейчас же вот что, друзья мои... По дороге к дому мы, возможно, потеряем друг друга, поэтому каждый из вас должен сам уметь найти дорогу домой... Идемте за мной... Прежде чем мы двинемся в путь, я должен вам рассказать кое-что.

— Но мы не хотим потеряться! — сказала Валя, хватая за руку Ивана Гермогеновича.

— Очень хорошо. И все-таки... На всякий случай... Мало ли что может случиться.

Профессор подхватил ребят под руки и быстрыми шагами поднялся на пригорок.

Ребята бежали по бокам славного старика вприпрыжку.

— Видите? — спросил профессор, протягивая руку.

Вдали над густыми зарослями травяных джунглей поднимался в небо, как высоченная труба, огромный столб. Наверху в синем воздухе развевалось огромное красное полотнище.

Столб стоял среди леса, но его можно было видеть так же хорошо, как одинокую сосну в степи.

— Это моя мачта! — сказал Иван Гермогенович. — Я поставил ее вместо маяка.

— Зачем?

— А вот слушай... Где бы мы с вами ни были, мы всегда сможем увидеть наш маяк. Стоит только взобраться на вершину травинки и...

— Понятно, понятно! — закричали ребята.

— Ну, остальное все очень просто... Внизу, около мачты, я оставил небольшой фанерный ящик. Он плотно закрыт со всех сторон, надежно защищен от дождей и солнца. А для того, чтобы мы могли попасть в него, я прорезал сбоку, в одной из стен ящика, небольшую дырочку.

— А зачем попасть?

— Когда мы доберемся до ящика, мы влезем в него и там найдем коробку с белым порошком... Это, друзья мои, увеличительный порошок... Достаточно каждому из нас проглотить пригоршню этого порошка, как мы снова превратимся в больших, настоящих людей. Понятно?

— Ой! — вырвалось невольно у Вали. — А вдруг кто-нибудь унесет ящик?

Профессор смутился. Он и сам уже думал об этом. Но стоило ли говорить сейчас ребятам про свои тревоги?

Погладив бороду, профессор сказал уверенно:

— Ерунда! Ну кому же понадобится старый фанерный ящик? Насколько мне известно, сюда, в эти края, вообще редко заходят люди. И... и вообще довольно болтать. Не будем терять понапрасну время. В дорогу, друзья мои! Вперед! Ну, выше головы! Руку, Карик! Руку, Валя!

— Куда же мы сейчас?

— Туда! — махнул рукой профессор. — Курс — на фанерный ящик.

Высоко подняв голову, Иван Гермогенович зашагал к лесу. Ребята шли за ним, о чем-то оживленно перешептываясь.

Профессор услышал:

— Скажи ты!

— Почему я? Скажи сама!

— В чем дело? — спросил Иван Гермогенович, останавливаясь.

— А как же теперь мы будем спать, как обедать, завтракать? — спросила Валя.

Иван Гермогенович пожал плечами.

— Какие пустяки! Мы будем спать, как спали наши предки. На деревьях, в шалашах, в пещерах. И, право, это куда интереснее, чем спать в душной комнате. Считайте, что мы переехали дачу. Устраивает это вас?

— А что мы будем есть?

— Ну, еды-то здесь сколько угодно. Можно обедать, ужинать и завтракать хоть по десяти раз в день.

— А вот мы, — сказала Валя, — когда хотели сегодня съесть одну ягоду, так нас ударил кто-то и сбросил в реку.

— Ударил? — удивился профессор.

— Ну да.

И Валя рассказала, как они пытались сорвать с дерева ягоду, да не долезли и свалились вниз, в бурную речку.

— Вы ели эти ягоды? — с тревогой спросил Иван Гермогенович.

— Нет! Мы не успели!

Профессор с облегченьем вздохнул.

— Ну, и хорошо сделали. Это были, по всей вероятности, ягоды ядовитой дафны, или, как чаще всего называют это растение, ягоды волчьего лыка.

— Но ведь мы не ели его.

— Не важно. Вы надышались ядовитыми испарениями дафны и поэтому потеряли сознание.

— Знаете, Иван Гермогенович, — решительно сказал Карик, — мы согласны ночевать на ветке и где угодно, только...

— Только что?

Карик глотнул слюну и сказал:

— Только мы ничего еще не ели со вчерашнего дня. И... и мы совсем не можем идти... Нам бы...

— Ну вот, ну вот, — засуетился профессор. — И как это я не догадался сразу... Конечно, мои друзья, конечно... Прежде чем двинуться в путь, мы с вами хорошенько закусим... Хотите молока?

— Настоящее молоко?

— М-м... Не совсем, конечно, настоящее, но все-таки молоко.

— Давайте! — протянул руку Карик.

— Только побольше! — сказала Валя.

— Идемте! — сказал профессор.

Задрав бороду вверх, Иван Гермогенович пошел вперед, разглядывая травяные деревья и что-то отыскивая глазами. Наконец он остановился под тенью травяного баобаба, у которого были такие большие листья, что на каждом из них вполне могла бы поместиться футбольная площадка, да еще остались бы места для зрителей.

— Вот! — протянул вверх руку профессор. — Здесь пасутся стада коров.

— Коровы на дереве?

— Н-да... Это у них, знаете ли, вроде альпийских пастбищ... Ну, кто же из вас полезет первым?

— А... а... а эти коровы не кусаются?

— Не кусаются и не бодаются. Ни зубов, ни рогов у них нет, друзья мои.

Карик и Валя разом бросились к дереву. За ними полез Иван Гермогенович.

Хватаясь за мягкие зеленые ветви, они карабкались, помогая друг другу, и скоро добрались до вершины могучего дерева.

Прямо перед ними сияли на солнце глянцевитые широкие листья, похожие больше всего на гладкие зеленые лужайки.

Путешественники вылезли на один из листьев и пошли по нему, ступая босыми ногами по мягкой, мясистой поверхности. Но, сделав всего лишь несколько шагов, ребята нерешительно остановились.

— В чем дело? — спросил профессор и тоже остановился.

Валя протянула дрожащий палец.

— Что это? — показала она на поверхность листа.

— Да, да, что это такое? — спросил Карик, пятясь.

Лист был совсем как живой.

Его глянцевитая поверхность шевелилась, сжимаясь и растягиваясь. Она была усеяна тысячами ртов, которые не то жевали что-то, не то норовили схватить Карика и Валю за босые пятки.

— Ну? Что вас смущает? — удивился профессор.

— Разве это лист? — сказала Валя. — Смотрите, что он делает. Так и хочет откусить ноги. Я очень боюсь таких листьев.

— Какие глупости! Стыдитесь! Да это же самые обыкновенные устьица.

— Устьица?

— Ну, конечно. Это же форточки листа, которые проветривают растение, это его легкие, которыми оно дышит.

— А... они не могут схватить нас за ноги?

— Ясно, нет. Не бойтесь, идите за мной.

И профессор смело зашагал по листу вдоль крепких жил, которыми была прошита зеленая лужайка во всех направлениях.

Следом за профессором двинулись ребята.

* * *

Первой увидела коров Валя.

— Ой, смотрите! — закричала она. — Разве это коровы? Совсем не похожи. И какие зеленые.

По краям листа-лужайки бродили, перебирая тонкими, длинными ногами, зеленые животные, похожие на исполинские груши. Некоторые из них сидели, опустив на мясистую поверхность листа усы и глубоко вонзив в него загнутый хобот.

— Ну, вот, — сказал профессор, — знакомьтесь. Травяные коровы. Пусть не смущает вас, что они не похожи на коров. Зато молоко у них великолепное. Не хуже, чем у настоящих коров.

— А как их зовут? — спросила Валя.

— Неужели ты еще не догадалась? Да это же тля. Самое обыкновенное насекомое. Если ты когда-нибудь читала о муравьях, то должна, конечно, знать и тлей.

— Ага, я помню! — сказал Карик. — Муравьи разводят их.

— Вот, вот, ты прав, Карик, — ответил Иван Гермогенович. — Муравьи нередко переносят тлей к себе, кормят их, ухаживают за ними.

— Как в молочном совхозе!

— Да. Почти... У муравьев тля в большом почете. Так же как у людей корова. Муравьи доят их, питаются молоком тлей и... Осторожнее, пожалуйста. Не наступите на молоко.

Профессор остановился перед лужей густой жидкости.

— Я думаю, — сказал Иван Гермогенович, — доить зеленых коров не стоит. Здесь и так текут молочные реки. Угощайтесь, друзья мои!

Он лег на живот, припал губами к луже тлиного зеленого молока и, пачкая в нем бороду, сделал несколько глотков.

— Очень вкусно! Прошу! Угощайтесь!

Ребята последовали примеру Ивана Гермогеновича и с жадностью накинулись на сладкое, густое молоко.

— Ну как? — спросил профессор. — Вкусно? Понравилось?

— Лучше настоящего! — сказал Карик, с довольным видом вытирая ладонью рот.

Валя чавкала, не поднимая головы, и только мычала что-то нечленораздельное.

Наконец все насытились.

Ребята отползли от молочной лужи и растянулись на листе, точно на пляже.

Валя лежала, поглаживая живот. Карик раскинул широко руки и ноги.

— Хорошо! — сказал он.

— Если вы уже сыты, надо идти!

— Ой, нет! — торопливо сказала Валя. — Сначала отдохнем немножечко.

— Хоть полчасика! — поддержал Карик сестру.

Отяжелевшие ноги казались чужими. Руки лежали на мясистом листе, точно налитые свинцом. Двигаться было лень.

— Ну, хорошо! — согласился Иван Гермогенович. — Отдыхать так отдыхать.

И лег рядом с ребятами.

После всех сегодняшних приключений он и сам был не прочь полежать и отдохнуть полчасика. Сладко зевнув, он закинул руки за голову и закрыл слипающиеся глаза.

Некоторое время путешественники лежали молча, жмурясь от яркого солнца, переваливаясь с боку на бок.

Над головами шумел ветер. Лист покачивало точно люльку.

— А хорошо ведь! — пробурчал профессор.

Он начал что-то бормотать, опустив голову на грудь, и тихо захрапел, чуть посвистывая носом.

— Заснул, — сказала Валя.

— Пусть спит. И мы отдохнем.

Валя помолчала немного и вздохнула:

— Мама теперь плачет, наверное.

— Ясно, плачет.

Валя вздохнула еще тяжелее, словно и сама собиралась заплясать, но в эту минуту в воздухе что-то загудело и с шумом ударилось в лист.

Лист задрожал.

— Кто это? — взвизгнула Валя.

Профессор приоткрыл сонные глаза.

По листу ползла огромная черепаха, чуть-чуть только поменьше танка. Спина черепахи блестела красным лаком. Черные пятна на спине сияли, точно лакированные японские тарелки.

Профессор зевнул, закрыл глаза и безмятежно захрапел.

Ребята с беспокойством поглядывали на красное чудовище, второе легко, совсем не по-черепашьи, бежало прямо на них.

Они прижались друг к другу.

Красная черепаха подбежала к ребятам, взглянула на них сверху, точно с крыши сарая, и грозно шевельнула усами...

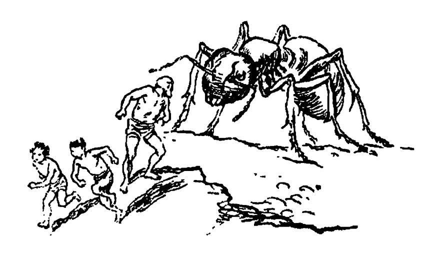
Карик и Валя вскочили и с визгом и криком бросились бежать.

Они пронеслись мимо зеленых коров, которые мирно паслись на листе лужайки, и подбежали к самому краю листа.

Дальше бежать было некуда.

Глава девятая

Тяжелый поход. — Кафе-буфет в травяных джунглях. — Штурм лесной крепости. — Битва с муравьями. — Под грибом. — Наводнение.

Карик и Валя стояли на самом краю листа. Внизу, под ногами, покачивались вершины деревьев, и сквозь просветы листьев виднелась далекая земля.

Прыгать вниз? Но разве можно прыгать с такой высоты.

Валя крепко вцепилась в руку Карика.

Красная черепаха подползла совсем близко. Еще минута, и она набросится на ребят, собьет их, схватит и съест...

— Не бойтесь! Не бойтесь! — вдруг услыхали ребята голос Ивана Гермогеновича. — Это же божья коровка. Она не тронет вас. Идите сюда.

— Она не тронет! — шепнула Валя, прячась за спину Карика. Не спуская глаз с гигантской черепахи, Карик отодвинулся от нее.

— Ну, ну! Смелей! — подбадривал профессор.

Ребята круто повернулись и бросились бежать со всех ног, налетая на зеленых коров.

Еле переводя дыхание, они примчались к профессору и шлепнулись с разбегу на лист, юркнув тотчас же за широкую спину Ивана Гермогеновича.

— Она же безобидная! — сказал профессор. — Напрасно вы ее боитесь!

— Безобидная, но очень страшная! — часто задышала Валя.

— Ой, смотрите-ка, что делает эта безобидная! — крикнул Карик.

Божья коровка подобралась к стаду зеленых коров, остановилась и вдруг, точно лев, сшибла ударом лапы одну из них, подмяла под себя и, навалившись на корову всем телом, впилась и нее. В одно мгновенье от коровы осталась только зеленая шкура.

Божья коровка принялась пожирать других. Она подминала их под себя, грызла, как семечки, и брезгливо отбрасывала прочь шкурки.

Не успели ребята опомниться, как на листе не осталось ни одной тли.

Сожрав тлей, божья коровка провела огромной лапой по усам и, отряхнув приставшие к ногам шкурки, подошла к самому краю листа.

Тут она приподняла свой панцирь, выпустив из-под него прозрачный кремовый шлейф. С легким треском панцирь разломился на два тяжелых, похожих на корыта крыла. Жестко шурша, развернулись еще два крыла, тонких, прозрачных. Они закрутились, затрещали, точно пропеллеры. В лицо путешественникам пахнуло ветром. Божья коровка медленно отделилась от листа и поплыла, удаляясь, над лесом.

— Вот так божья коровка! — сказала Валя. — Слопала всех и улетела.

— Ну и прекрасно, — сказал Иван Гермогенович, — так и нужно. Это очень хорошо.

— Хорошо?

— Конечно... Тлю нужно уничтожать всеми способами. Но, пожалуй, самое лучшее средство борьбы с тлями — божья коровка... В Америке собирают эту коровку мешками, а весной выпускают в огороды, где водится тля. Охотники за коровками имеют даже осо-

бые карты, на которых помечены места, где скопляются на зимовку эти полезные насекомые. Вот тут-то их и собирают.

— А зачем нужно уничтожать тлей? — спросила Валя. — У них же такое вкусное молоко.

— Молоко хорошее, — согласился Иван Гермогенович, — но сама тля очень вредное насекомое, да и, кроме того, оно самое плодовитое существо на свете. Если бы этого вредителя не уничтожали божьи коровки, нам, людям, было бы еще труднее бороться с тлями.

— Чем же они вредят?

— Они нападают на листья фруктовых деревьев, на цветы, на листья овощей. Словом, летом почти невозможно встретить такое растение, на котором не было бы тлей.

— И что они делают?

— Тля высасывает из растений соки. Но это еще полбеды. Хуже всего другое. Своим зеленым молоком, которое так вам понравилосаь, тля залепляет устьица листа, мешает ему дышать и расти. Лист, понятно, погибает. А если гибнут листья, — значит, не жди ни фруктов, ни овощей. Однако довольно болтать. Отдохнули — пора и в путь-дорогу. Пошли, друзья мои!

Но прежде чем слезть с дерева, Иван Гермогенович отыскал на горизонте далекий маяк.

На западе над зарослями травяных джунглей развевался по ветру огромный красный флаг.

— Ага, — пробормотал Иван Гермогенович, спускаясь вниз, — наш путь лежит на запад. Надо держать направление на солнце.

Профессор спрыгнул на землю.

— Пошли! — крикнул он и, шагая через полянку, запел, как ветер в трубе:

Марш вперед, — труба зовет, —
Бра-авыее-е ребя-ята-а!
Выше голову-у держа-ать,
Сла-авны-ы-е-е орля-ята!

Валя поморщилась, заткнула уши пальцами.

Карик махнул рукой: пускай поет. У каждого человека должен быть какой-нибудь недостаток.

Профессор был только человеком.

* * *

Путешественники шли лесом.

Высокие деревья без сучьев, без веток стояли, точно исполинские радиомачты.

Солнечные лучи, падая сверху, ложились на землю золотыми полосами, и земля была похожа на полосатое желтое одеяло.

Путешественники то карабкались на крутые, почти отвесные, горы, то скатывались вниз, поднимая за собой густые облака пыли. Глубокие овраги сменялись высокими холмами. Лес спускался вниз, на самое дно оврагов, и поднимался вверх, на хребты высоких гор.

Почва была вся изрыта, исковеркана.

Руки и ноги профессора и ребят покрылись ссадинами и царапинами.

У Вали на лбу синела большая шишка. У Карика распух нос и через всю грудь тянулся красный шрам.

Ребята пыхтели, но от профессора не отставали ни на шаг.

Солнце обжигало до боли плечи и руки. Иван Гермогенович поминутно вытирал ладонями мокрое лицо. Валя стала такая красная, как будто ее обварили кипятком.

— Ну и Африка! — попробовал пошутить Карик. — Еще один такой день, и мы начнем линять. Будем полосатые, как зебры.

Иван Гермогенович и Валя промолчали. Они шли, облизывая языком потрескавшиеся губы, и то и дело посматривали по сторонам — не блеснет ли где-нибудь пруд или река.

Но воды не было.

— Пить как хочется — если бы вы знали! — не выдержала наконец Валя.

— Еще бы не знать, — сказал хрипло Карик, — у меня у самого во рту точно перцем все пересыпано.

— Ну, ну, носы не вешать! — подбадривал ребят профессор.— Где-нибудь поблизости должна быть вода.

Скоро Валя совсем выбилась из сил.

— Отдохнем! — говорила она через каждые десять минут.

Путешественники останавливались и присаживались отдохнуть, но сидеть на раскаленной земле было еще хуже, чем идти по ней. Не просидев и минуты, они вскакивали и снова пускались в путь.

— Н-да... — бормотал профессор, — путешествуем точно в пустыне Кара-кумы.

Валя шла шатаясь.

— Пить! Пить! — хныкала она.

Карик шагал как во сне, спотыкаясь и наталкиваясь на деревья.

И вдруг в просветах леса мелькнула синяя полоса.

— Вода! — закричала Валя, бросаясь вперед.

Профессор и Карик забыли про усталость. Перегоняя друг друга, они побежали за Валей.

Лес расступился.

Среди зеленых зарослей висели огромные синие цветы, но воды тут не было.

Валя упала на землю.

— Я... не могу больше! — застонала она.

— Сейчас, сейчас! — бормотал профессор. — Пройдем еще немного и найдем воду.

Он подхватил Валю под руку.

— Надо идти! Идем, Валек!

Холодная, освежающая вода мерещилась на каждом шагу, она мелькала то впереди, то справа, то слева.

Обессиленные путешественники, выбиваясь из последних сил, бежали к воде, но всякий раз находили только синие цветы.

— Пить! Пи-и-ить! — хрипела Валя.

— Пить! — шептал пересохшими губами Карик.

Иван Гермогенович пошатнулся и упал лицом на землю. Ребята свалились рядом.

Они лежали, задыхаясь от жары и жажды.

Мимо пробегали чудовища травяных джунглей. Они сновали взад и вперед, точно тут был перекресток двух шумных проспектов. Но путешественники теперь уже не обращали на них никакого внимания. Одна гусеница прошла совсем рядом. Она наступила на руку Вали, но никто даже не пошевелился.

— Пи-и-ить!

— Пи-и-ить! — стонали ребята.

Шатаясь, профессор встал.

Надо было идти. Но куда? В какой стороне можно было найти воду?

Иван Гермогенович прислонился к дереву, опустил голову на грудь и поглядел перед собой мутным взглядом.

Неожиданно почти совсем рядом с Иваном Гермогеновичем зашевелился земляной холм. Камни с шумом покатились к подножью холма. И вдруг весь холм развалился. В воздухе мелькнули длинные усы, из-под земли показалась огромная голова, а затем выползло темное тело с желтой каймой по краям.

— Спасены! — закричал профессор.

Ребята приподняли головы с земли.

— Вставайте! Есть вода! — кричал Иван Гермогенович.

Собрав последние силы, Карик и Валя поднялись.

— Дайте... ка-ка-капельку.

— Через минуту вы получите целую речку, а сейчас нас проводит до воды один мой хороший знакомый.

Профессор махнул рукой в ту сторону, где стояло, очищаясь от пыли и грязи, чудовище с желтой каймой. Оно было похоже на жука, но этот жук казался таким большим, как автобус.

— Кто это? — прошептал Карик.

— Плавунец! Жук-плавунец! Он проводит нас к воде! — сказал Иван Гермогенович.

Плавунец повел усами, повернул вправо и уверенно пошел вперед, подминая под себя травяные деревья.

Путешественники побежали за плавунцом.

Все сразу повеселели. У Карика заблестели глаза.

— А как же знает плавунец, где вода? — прохрипел он.

— Очень просто. Ведь он живет и охотится в воде. Так ему ли не знать, где найти воду?

— Откуда же он появился к нам?

— Из-под земли.

— А почему? — удивилась Валя.

— Такое уж он замечательное животное, этот плавунец...

Шагая по следам жука, профессор рассказывал:

— Размножаются они яйцами, которые прикрепляют к водным растениям. Через месяц из яиц вылупляются личинки, похожие на гусеницу, а своими наклонностями похожие на тигра. Эти смелые прожорливые личинки нападают почти на всех водных жителей, даже на рыб, которые больше их в тысячи раз. Когда личинка вырастет, она выползает из воды на берег, находит удобное, спокойное место и зарывается под землю. Здесь она превращается сначала в куколку, а потом в большого, настоящего жука.

Жук выходит из-под земли — вы это уже видели сами — и отправляется разбойничать в свою родную стихию — в воду.

— А как он знает, где вода?

— А как знают птицы, где юг, когда осенью улетают от нас на зимовку в теплые края?

Профессор говорил не умолкая. Он знал, что дорога становится короче для тех, кто идет беседуя.

— Этот жук, — говорил Иван Гермогенович, — пожалуй, самое замечательное животное на земле. Встретить его можно в любом водоеме. Когда вы его увидите, присмотритесь к нему хорошенько... помните, друзья мои, он плавает по воде, как глиссер, ныряет, как утка-нырок, может сидеть на дне пруда дольше водолаза, путешествует под водой не хуже подводной лодки, летает по воздуху, как самолет, и ходит по земле, как человек. Таких животных не часто приходится встречать в нашем мире... Однажды я...

— Вода! — закричала Валя.

Не слушая больше профессора, ребята бросились вперед.

Вреди зеленых зарослей стояло неподвижно синее зеркало воды.

Жук подошел к обрыву, бултыхнулся вниз и пропал. По зеркалу воды побежали водяные круги.

— Вода!

— Вода!

У берега озера стояли деревья с крупными голубыми цветами. Темные листья бросали на землю густые, прохладные тени.

Карик, не останавливаясь, сбежал с пригорка, подпрыгнул и, вытянув руки, бултыхнулся в воду, как жук.

Он плескался, припадал к воде ртом, пил, брызгался и громко смеялся.

Усталости как не бывало.

— Скорей! — кричал Карик. — Скорей сюда, пока я не выпил всю воду.

Ковыляя и спотыкаясь, к берегу подбежали Иван Гермогенович и Валя. Они прыгнули в воду, подняв тучи брызг, и сразу начали пить, припадая к воде потрескавшимися от жары губами.

— Ух, хорошо! — подняла голову Валя.

Нос ее был мокрый, по щекам и подбородку стекали капли воды.

— Купаться! Купаться! — скомандовал профессор, выжимая мокрую бороду.

Накупавшись вдоволь, путешественники вылезли из воды, обсушились на солнце, а потом забрались в чащу и растянулись к прохладной тени под деревьями с голубыми цветами.

Так лежали они, не двигаясь, не разговаривая, рассматривая сквозь просветы цветов и листьев синее небо, лениво прислушиваясь к шуму травяных джунглей.

Внезапно профессор встал, поправил костюм, подошел к дереву и вцепился обеими руками в зеленую ветку.

— Куда вы? — закричали ребята.

— Лежите спокойно. Я сейчас...

Профессор полез на дерево.

Ребята переглянулись.

— Полезем и мы! — сказала Валя.

— Полезем!

Они вскочили и, толкаясь, подбежали к дереву, но не успели схватиться за нижние ветви, как вверху что-то затрещало, как будто там рвали крепкое полотно.

— Ловите, ребята!

Карик и Валя подставили руки.

В воздухе мелькнуло что-то голубое.

Лениво кружась и покачиваясь, прямо на головы ребят опускалось большое голубоватое покрывало.

Ребята отскочили.

Покрывало бесшумно упало к их ногам.

— Что это? — закричал Карик, наклоняясь над голубым покрывалом.

— Лепесток незабудки! — крикнул сверху профессор.

— А зачем он нам? — спросила Валя.

— Как это зачем? Сошьем из лепестков костюмы, сделаем зонтики... Не знаю, как у вас, а у меня вся спина уже пузырями покрылась от солнечных ожогов.

Профессор сбросил еще несколько лепестков.

Ребята подобрали их, сложили в кучу.

Один лепесток Валя накинула себе на голову.

Лепесток был большой, широкий. Скользнув по плечам, он покрыл ее горячую спину, точно резиновый плащ.

— Ну как? — спросил Иван Гермогенович, спрыгнув с дерева на землю.

— Большой очень! — ответила Валя.

Профессор взял лепесток, повертел его в руках, сложил пополам, затем перегнул еще раз и откусил угол зубами.

— У-ух, крепкий какой! — сказал Иван Гермогенович и бережно развернул прокушенный лепесток.

По середине лепестка оказалась неровная, с рваными краями дырка.

— А ну-ка, просунь сюда голову! — сказал Иван Гермогенович.

На плечи Вали, обожженные солнцем, легла прохладная, мягкая одежда.

Лепесток закрыл Валю от плеч до колен.

— Ничего! — одобрил Карик. — Вроде савана.

— Не саван, — сказал профессор, — а цветочный плащ... Ну-ка, наряжайся и ты. Эти плащи спасут нас днем от солнечных ожогов, а ночью от холода.

Маленькая компания стала похожа теперь на странствующий цирк. Профессор и ребята, одетые в голубые плащи, шли гуськом.

В руках они несли длинные палки, на которые были надеты куски лепестков незабудки.

Голубые зонтики покачивались над головами, овевая лица прохладой. Они прекрасно защищали от палящих солнечных лучей.

Профессор шел, насвистывая марш. Карик и Валя негромко подпевали.

Лес скоро стал редеть.

Путешественники вышли на солнечную полянку.

Над головами с гуденьем проносились крылатые большие, как коровы, животные. Сверкая прозрачными крыльями, они мчались так низко, что Карик и Валя то и дело приседали или испуганно останавливались.

— Напрасно вы боитесь насекомых, — улыбнулся Иван Гермогенович. — Запомните: у каждого из них есть своя, постоянная, привычная пища. Стрекозы, например, питаются мухами и бабочками, пчелы — соком цветов. Многие летающие насекомые вообще ничего не едят. Они появляются на свет только для того, чтобы отложить яички, а затем умирают. У многих нет даже рта. Как видите, здесь так же безопасно, как на улице любого города. Я уверен, что никто из насекомых и не подумает полакомиться нами...

Профессор не договорил.

Он схватил неожиданно Карика и Валю за руки и дернул их изо всей силы к себе. Ребята полетели на землю. Иван Гермогенович растянулся рядом с ними.

— Т-с-с! — зашипел профессор, прижимаясь к земле.

В ту же минуту над головами путешественников просвистело что-то и с шумом грохнулось в чащу леса.

Путешественники торопливо прикрылись зонтами.

— Кто?

— Кто это?

Профессор осторожно выглянул из-под зонтика.

Неподалеку, за темным бугром, над вершинами леса сверкала на солнце чья-то блестящая зеленая спина. Она то поднималась, то опускалась, потом животное поползло в сторону, подпрыгнуло и, с треском раскрыв крылья, исчезло.

— Зеленый кузнечик! — сказал профессор, вставая и отряхиваясь.

Карик тихонько подтолкнул Валю в бок.

— А разве кузнечики — людоеды? — лукаво спросил он.

— Видишь ли, — пробормотал смущенно Иван Гермогенович, — кузнечики хищное насекомое, и почем я знаю, что может прийти ему в голову. Осторожность еще никому не вредила, друзья мои.

Путешественники не торопясь двинулись дальше.

Они шли, переходя вброд речки, переплывая небольшие пруды, пробираясь сквозь густые заросли джунглей. Иван Гермогенович показывал то на одно, то на другое травяное дерево и рассказывал ребятам интересные истории о разных растениях. И, кажется, не было такой травы и такого цветка, которое росло просто так, безо всякой пользы для человека.

Вдруг Валя схватила профессора за руку.

— Смотрите! — крикнула она. — Смотрите... Кто там?

Все остановились перед густыми зарослями.

— Где? Кого ты видишь?

— Вон! Вон они! Подстерегают!

— Ничего не вижу! — нахмурился Иван Гермогенович.

Приложив к глазам ладонь козырьком, он вытягивал шею, поднимался на цыпочки, внимательно всматриваясь в густые заросли.

— И я! И я вижу! — сказал Карик. — Они круглые и шевелятся.

— Да где вы видите? — спросил встревоженный Иван Гермогенович.

Он шагнул вперед и вдруг весело засмеялся.

— Ну, это пустяки. Вы сами посмеетесь, когда подойдете поближе к этим лесным чудовищам. Идемте.

И, широко шагая, профессор двинулся к логовищу страшных животных.

Ребята пошли за ним следом.

Теперь уже можно было ясно видеть висящие на травяных деревьях бурые шары. Издали они были похожи на футбольные мяи, вблизи же оказалось, что каждый из них не меньше аэростата. Стенки этих бурых аэростатов были сделаны из бревен и кусков земли.

— Угадайте, что это? — спросил Иван Гермогенович, останавливаясь.

— Ой! — закричала Валя. — Круглые дома! Смотрите, сколько тут квартирантов. Это лесная гостиница «Приют насекомого».

— Или лесной ресторан «Тайна круглого дома», — засмеялся Карик.

По толстым выпуклым стенам ползали желтые шестиногие животные. Они сталкивались у темных выходов и лениво ползли в разные стороны, потом снова сходились, ощупывали друг друга усиками и, смешно ковыляя, скрывались в темных коридорах круглого дома.

— Да ведь это же тли! — закричал Карик. — Но только почему они такие желтые?

— Очень просто, — ответил Иван Гермогенович, — этот вид тли приспособился к цвету жилища... На севере все птицы и животные окрашены в белый цвет, под цвет снега, а вот на юге у животных окраска пестрая,

похожая на пестрые краски южных лесов и степей. Разве ты не знал об этом?

— Это для того, чтобы лучше прятаться? — спросил Карик.

Профессор кивнул головой.

— И для того, чтобы прятаться, и для того, чтобы лучше подкрадываться к своей жертве. Пятнистая шкура жирафа помогает ему легче спрятаться, а пятнистая шкура тигра позволяет ему незаметно подойти к добыче.

Иван Гермогенович подошел к бурому круглому дому, осмотрел его со всех сторон и даже постучал по стенкам ручкой зонтика.

— Прекрасная работа! Замечательная! Добросовестная! — сказал профессор. — Молодцы муравьи!

— Муравьи? Разве это они построили?

— Ну да?

— Почему же тогда тут живут тли?

— Да ведь это же молочные фермы муравьев...

Профессор взмахнул голубым зонтом и сказал:

— Так же, как человек разводит коров, муравьи разводят тлей. И не только разводят, — они еще оберегают тлей от врагов. А чтобы их коров не смыло дождем, они строят для них вот эти дома-фермы.

— А как же муравьи уносят отсюда молоко?

— Зачем им носить? Муравьи сами приходят сюда пить молоко.

Карик весело засмеялся:

— Так это же не ферма, а кафе-буфет.

— Некоторые виды муравьев, — продолжал Иван Гермогенович, — перегоняют тлей на зиму в муравейник и всю зиму, не выходя из муравейника, питаются свежим молоком.

— Ловко! — свистнул Карик. — А я читал, будто все муравьи засыпают зимой и ничего не едят.

— Совершенно верно. Однако не все. В некоторых муравейниках часть муравьев всегда бодрствует. Вот они-то и питаются молоком тлей.

— Это, наверное, белые муравьи питаются зимой! — сказала Валя. — Я тоже читала. Они — в Африке. Называются термиты.

— Ты, Валя, все спутала. Белых муравьев не бывает. И термиты — не муравьи, хотя постройки их очень похожи на муравьиные. Термиты — ближе к стрекозам, чем к муравьям.

— Значит, не бывает белых?

— Нет! Но есть черные, рыжие, красные, кровавые, желтые. Есть муравьи-скульпторы, муравьи-рудокопы, каменщики, скотоводы, земледельцы, медовые муравьи, зонтичные, муравьи-одиночки. Да всех и не перечислишь, пожалуй.

Разговаривая о муравьях, путешественники вышли к обрыву. Он круто спускался вниз, в зеленую долину, окруженную невысокими горами.

Легкие облака бежали над горами.

Вершины гор были залиты оранжевым светом предвечернего солнца.

— Смотрите! — закричала вдруг Валя. — Египетские пирамиды! Смотрите! Смотрите же!

Посреди долины возвышалась круглая гора.

Она была сложена из темных бревен, пересыпанных землей. Висячие галереи огибали пирамиду, спускаясь спиралями книзу.

— Муравьи! — сказал Иван Гермогенович. — Черные муравьи. Это как раз хозяева тех ферм, мимо которых мы только что прошли сейчас.

Длиннотелые, как гончие собаки, муравьи суетились вокруг муравейника. Они сновали взад и вперед, пробегали, толкаясь, по висячим галереям, сбивали друг друга с ног, вскакивали и снова бежали. Казалось, они были чем-то испуганы. Они хватали огромные бе-

лые коконы и поспешно тащили их в темные ходы своего жилища. Длинные белые яйца плыли над головами черных муравьев.

— Зачем они таскают яйца? — спросила Валя.

Профессор пожал плечами.

— Надо полагать, — сказал он,— будет дождь. Обычно перед дождем муравьи прячут коконы, или, как ты называешь их, яйца, и закрывают все входы и выходы... Но не будем терять времени понапрасну: пока муравьи заняты своим делом, попробуем перебраться через долину. Надо и нам, друзья мои, поискать укромного местечка, где можно будет спрятаться от дождя.

Путешественники начали спускаться вниз. Но лишь только сделали несколько шагов, как услышали какой-то неясный, нарастающий шум.

Профессор остановился.

— Неужели уже дождь?

Он посмотрел на небо.

Оно потемнело, края его были обложены грозовыми тучами. Травяные джунгли стояли неподвижно, как будто притихли. А дождя еще не было.

Что ж это все-таки шумит?

Путешественники насторожились.

Ребята с беспокойством смотрели на профессора, который внимательно прислушивался к нарастающему шуму, поглаживая седую бороду.

— Странно... Очень странно! — пробормотал профессор. — Не нравится мне этот шум, друзья мои.

Профессор и ребята спрятались на всякий случай за травяные деревья.

— Как будто сюда бежит кто-то! — сказал Карик, осторожно выглядывая из-за толстого ствола.

Шум приближался. Теперь уже можно было расслышать топот быстрых ног. Казалось — прямо на путешественников мчится испуганное стадо коров.

Вершины далеких гор задымились.

Их застлало облако пыли.

— Вижу! — крикнула Валя. — Вот! Вот они! Смотрите! Идут! Ой, сколько их!

На волнистых хребтах появились черные точки.

Сначала они рассыпались вдоль хребта, потом на секунду остановились и вдруг покатились по склонам вниз.

Горы сразу потемнели. Несметные полчища каких-то животных лавиной обрушились вниз, и скоро вся долина зашевелилась, как живая. А сзади из-за гор все шли и шли новые и новые колон

— Красные муравьи! — крикнул Иван Гермогенович.

Профессор не ошибся.

Это были огромные красные муравьи.

Крепкие тела их отливали медью. Они были вдвое больше черных. А какой у них был свирепый, воинственный вид!

Не останавливаясь, муравьи-пришельцы кинулись на штурм муравейника черных.

Они хватались за перекладины цепкими ногами и скоро литым потоком затопили все галереи.

Навстречу этим свирепым муравьям выбежали хозяева муравейника.

На галереях завязался ожесточенный бой.

Красные муравьи, как стая голодных собак, рвали мирных скотоводов, убивали их, сбрасывали с галерей.

Они атаковали муравейник со всех концов.

Скотоводы защищались отчаянно.

Они гибли сотнями, храбро отстаивая каждый вход в свое жилище. Но силы были неравны.

По трупам изуродованных черных муравьев красные продвигались шаг за шагом вперед и наконец, опрокинув маленьких защитников, с шумом ворвались в муравейник.

Всюду на галереях валялись трупы.

Внизу, у подножья муравейника, маленькие кучки черных муравьев еще храбро сражались с красными.

Но бой уже кончился.

Красные муравьи разгромили черных и принялись грабить их муравейник.

Победители тащили из туннелей белые коконы и торопливо спускались по галереям вниз, где собирались беспорядочной, шумной толпой. Они были похожи на бандитов, которые, разгромив дом, тащили в узлах награбленное имущество.

— Чего это они не поделили? — с недоумением спросил Карик.

— Разве ты не видишь? — шепотом ответил Иван Гермогенович. — Красные муравьи отняли у черных их коконы, их детей. Теперь они отнесут эти коконы к себе в муравейник, и, когда из них выйдут муравьи, они превратят их в своих рабов.

— Что-о?

Карик вскочил, точно ужаленный.

— Так чего же это вы молчали все время? Эти рабовладельцы их грабят, а мы тут сидим сложа руки?!

Он схватил с земли камень и, размахнувшись, пустил его с силой в толпу бандитов, которые тащили из муравейника белок коконы.

— Бейте их! Валька, чего смотришь? Не видишь, что ли?! Ах, паразиты несчастные!

В красных муравьев полетели комья земли и камни.

Не думая об опасности, ребята выскочили из-за деревьев.

— Пли! — скомандовал Карик.

И два камня со свистом врезались в толпу разбойников.

Перепуганный Иван Гермогенович схватил ребят за руки.

— Стойте! Сумасшедшие! Что вы делаете? Вы хотите, чтобы они бросились на нас?

— Ну и пускай! — нахмурилась Валя. — Пускай бросаются. Мы им покажем, как забирать рабов!

— Нам не справиться с ними! — уговаривал профессор.

— Это еще мы посмотрим: кто кого?! — воинственно ответил Карик, обстреливая красных муравьев камнями.

Ребята так разошлись, что их уже нельзя было унять.

— А сами-то вы что? — закричала Валя на профессора. — Как не стыдно стоять сложа руки? Помогайте! — И она сунула Ивану Гермогеновичу камень.

Но профессор, махнув рукой, отошел в сторону.

Он сел на край обрыва и, свесив ноги, стал считать подшибленных ребятами муравьев.

Вот кто-то из ребят метко угодил одному муравью прямо в голову. Муравей зашатался и медленно, точно раздумывая, начал падать. Тотчас же в грудь его со свистом врезался второй камень. Муравей дернулся и затих. Кокон выпал у него из лап и покатился под горку. К нему сейчас же подбежал другой бандит.

— Да бейте же вы их! — крикнула Валя.

Профессор неожиданно для самого себя размахнулся и с силой пустил свой снаряд в муравья.

Как раз в эту минуту муравей добрался до кокона. Он уже было схватил его цепкими лапами, но камень, пущенный Иваном Гермогеновичем, ударил муравья по лапе. Муравей завертелся, припадая на один бок, закружился и, прихрамывая, пополз прочь.

— Ага, не нравится! — засмеялся профессор и нагнулся за камнем.

А к брошенному кокону уже бежал третий муравей. Подхватив кокон, он быстро помчался к своей шайке.

— Шалишь! — закричал профессор. — Не отдам!

И он так метко пустил камень, что с одного удара сшиб и этого муравья.

Кокон далеко откатился в сторону.

— Кройте их! — крикнул Карик. — Их еще не так надо бить. Эх, если бы сюда привести наш пионерский отряд, мы бы показали этим рабовладельцам... Какие негодяи! Их не трогают, а они лезут... Ну-ка, все разом! Батарея, пли!

В красных муравьев полетели увесистые камни.

— Ура! Они бегут! — радостно закричала Валя.

Она нагнулась, чтобы поднять с земли новый камень, как вдруг прямо перед ней появилась страшная муравьиная морда.

Как пробрался муравей через овраг? Почему его никто не заметил?

Схватив глыбу земли и высоко приподняв ее, она ударила муравья по голове и закричала:

— На помощь! Сюда!

Муравей зашатался, но двинулся прямо на храбрую девочку.

— Здесь они! Ко мне! — кричала Валя.

Профессор и Карик подскочили к ней.

Профессор скомандовал:

— Вы — сбоку, я — спереди! Бейте его камнями!

— Ур-р-ра-а! — закричали ребята и бесстрашно бросились на муравья.

Профессор ударил его со всего размаху камнем по глазам.

Муравей вздрогнул, зашатался, беспомощно задрыгал ногами. Карик стукнул его по спине, а Валя, подскочив поближе, ударила камнем по голове. Муравей грохнулся на землю.

— Ур-а-а! — закричала Валя.

Высоко подняв камень, она стояла вся красная, с гордостью посматривая на профессора и Карика.

Но радоваться было еще рано.

На помощь бандиту уже мчалась через овраг целая ватага свирепых муравьев. Они бежали, ловкие, мускулистые, и солнце освещало их красные сияющие бока, которые сверкали, как медные латы.

Травяные джунгли задрожали от тяжелого гула муравьиной поступи.

— Валька, Валька!.. Смотри-ка... Сзади! — крикнул Карик.

Валя обернулась.

— Ой, их целых сто! — закричала она. — Нет, больше. Лезут! Лезут!

Хватаясь лапами за края оврага, на пригорок карабкались полчища муравьев.

— Бежим! — закричал профессор.

Он схватил ребят за руки, и они помчались, не разбирая дороги, прыгая через ямы, спотыкаясь о камни.

Ветер засвистел в ушах, запел тоненьким голосом: фью-и-и-и-и!

Тяжело топая, сзади бежали муравьи, настигая несчастных путешественников.

Вот-вот, еще минута — и они догонят, схватят и растерзают профессора и ребят в клочья.

Задыхаясь от быстрого бега, Иван Гермогенович то и дело оглядывался на муравьев и с беспокойством следил за ребятами — выдержат ли они эту гонку?

«Не уйти! — тоскливо думал профессор. — Не уйти ни за что!»

Но что же делать? Погибать? И ребятам, и ему?

Нет, немыслимо!

А что, если остановиться и задержать муравьев? Может, ребята успеют скрыться, пока он будет драться с муравьями.

Профессор как будто нечаянно споткнулся и остановился.

Увидев это, ребята тоже остановились.

— Бегите! Бегите! — замахал руками Иван Гермогенович.

Карик и Валя побежали, но через несколько шагов снова остановились.

— Да бегите же вы, черт возьми! — рассердился профессор. — Бегите! Что вы стали?

— Река! Тут река!

— Где?

Профессор подбежал к ребятам.

Впереди тянулась цепь невысоких холмов.

За холмами синела река, искрясь на солнце.

— Переплывете? — быстро спросил профессор, тяжело переводя дыханье.

Карик и Валя переглянулись и разом ответили:

— Переплывем!

— Конечно, переплывем!

— Тогда — вперед! Мы спасены!

Профессор взбежал на крутой холм.

— Ныряйте! — крикнул он.— Плывите на тот берег! — И, взмахнув руками, он бросился с обрыва в реку.

— За мной! — услыхали ребята.

Не раздумывая больше ни одной минуты, Карик и Валя нырнули следом за профессором.

От холодной воды захватило дух. Карик выскочил пробкой на поверхность и быстро осмотрелся.

Впереди, отдуваясь и фыркая, как тюлень, плыл профессор. Лысая голова его сверкала на солнце, как полированный бильярдный шар.

Загребая торопливо руками воду, Карик и Валя поплыли за профессором.

Но он, кажется, не видел ребят. Он вертел головой, выпрыгивал из воды, осматривался.

— Эге-ге-ге! — кричал Иван Гермогенович. — Где вы?

— Здесь!

— Здесь!

— Не отставайте!

Карик и Валя били руками по воде. Напрягая все силы, они старались догнать Ивана Гермогеновича, но он, как видно, был отличным пловцом. Расстояние между ним и ребятами увеличивалось с каждой минутой. Профессор уже подплывал к другому берегу, а Карик и Валя были еще только на середине.

Валя что-то крикнула. Тогда Иван Гермогенович повернул обратно и, поравнявшись с ребятами, поплыл рядом с ними.

— Ну как? — с беспокойством спрашивал он. — Не устали? Доплывете?

— Доплывем! — еле выдохнула Валя, пуская пузыри.

Карик повернул голову назад; он больше всего боялся, как бы красные муравьи не пустились в погоню вплавь.

На берегу суетились муравьи: они подбегали к реке, наклонялись к самой воде, осторожно вытягивали лапы, точно собираясь плыть, но тотчас же пятились назад.

Никто из них не решался войти в воду.

Измученные, усталые, путешественники добрались до другого берега и, шатаясь от усталости, побрели к полосатым камням.

Ребята сели на камни.

— Вот так война! — сказал профессор, наклоняясь над землей и выжимая воду из бороды.

Карик и Валя промолчали.

Они смотрели не отрываясь на тот берег, где взад и вперед бегали красные муравьи.

— А эти не плавают... муравьи? — спросила Валя, вытирая лицо руками.

— Нет! Эти не плавают! — успокоил девочку Иван Гермогенович.

— А я, — сказал Карик, тяжело переводя дыханье, — а я читал, что они, цепляясь друг за друга, устраивают мосты и так переходят через реки.

— Верно! — кивнул головой Иван Гермогенович. — Однако не так уж много, чтобы они могли построить такой мост... А вообще-то...

Профессор озабоченно взглянул на обложенное тяжелыми грозовыми тучами небо и круто повернулся к берегу.

— Нам, друзья мои, грозит другая опасность. Сейчас хлынет такой дождище... ай-яй-яй... Мы должны укрыться где-нибудь... И как можно скорее.

Валя засмеялась:

— Так ведь мы же все равно мокрые. Чего нам теперь бояться?

— Ты забываешь, — сказал Иван Гермогенович, — что теперь первая же капля дождя сшибет нас с ног, а следующие капли вколотят в землю. Ну-ка, друзья мои, смотрите лучше по сторонам, нет ли тут поблизости надежной крыши, где можно переждать дождик.

Не успели путешественники отойти от реки, как небо почернело, над вершинами травяных джунглей прошумел холодный ветер, и частый, крупный дождь забарабанил по листьям.

Но это были только первые капли.

— Скорей! — крикнул профессор. — За мной, друзья мои!

Он кубарем покатился вниз по крутому спуску, потом быстро вскочил и побежал дальше.

Ребята помчались за профессором.

Их голубые плащи развевались от ветра. Зонтики трепетали. Тонкие ручки зонтов выгибались дугой.

Вдруг профессор круто свернул в сторону.

— Сюда, ребята! — крикнул он, подбегая к серой высокой скале, которая вздымалась над долиной, точно силосная башня.

Вверху на скале лежала, как шляпа, огромная темно-коричневая глыба.

Издали все это было удивительно похоже на исполинский гриб.

Профессор подбежал к подножью этой странной скалы и, запрокинув голову, быстро осмотрел ее.

— Ну, право, это чудесно! — сказал он, потирая руки.

Карик и Валя подбежали к Ивану Гермогеновичу и разом крикнули:

— Что это?

— Что за скала?

— Не узнаете? — спросил профессор. — А ну-ка, взгляните на это чудо получше.

Скала уходила высоко в небо, и чем выше поднималась, тем она тоньше становилась.

Вверху, на высоте десятиэтажного дома, висела круглая пористая крыша. Она опускалась, точно поля огромной шляпы, намокшей от дождя. Черная тень падала от крыши до середины столба.

— Гриб! — закричала Валя.

— Ну, конечно, гриб! — рассмеялся Иван Гермогенович.

— А интересно, какой гриб? — спросил Карик. — Белый, подберезовик, мухомор, сыроежка?

Иван Гермогенович открыл рот, собираясь ответить, но тут хлынул проливной дождь. Голос профессора потонул в громовом шуме ливня.

Такого дождя ни профессор, ни ребята не видели еще никогда в своей жизни.

В воздухе со свистом и воем проносились тяжелые водяные шары и с грохотом падали на землю. Комья

земли взлетали вверх, точно от взрывов снарядов. Еще не успевала грязь осесть на землю, как сотни новых водяных шаров, грохоча и воя, врезывались в почву, взрывая ее, разбрасывая, разбрызгивая.

Потоки воды обрушились на землю. И скоро мутная водяная завеса закрыла от путешественников весь мир.

Воздух внезапно похолодел.

Поеживаясь и поджимая ноги, профессор и ребята стояли, как гуси на льду.

Леденящий ветер поддувал сбоку, обдавая путешественников холодными брызгами.

— Хол-л-лодно! — лязгнул зубами Карик.

— Скверно, друзья мои, — сказал Иван Гермогенович и зябко передернул плечами. — Этак мы совсем окоченеем. Надо найти подветренную сторону гриба. Вот что... Ты, Карик, иди направо, а ты, Валя, — налево. Сборный пункт здесь. Взгляните, нет ли тут где получше местечка... Ну, марш!

Выбивая зубами барабанную дробь, ребята побежали вокруг гигантского гриба.

Валя обогнула толстый выступ грибной скалы. Ветер дохнул ей в спину и пропал.

За выступом было тихо.

Тут под ногами лежали сухие жерди и бревна. Земля была теплая. Ступая по ней озябшими ногами, Валя почувствовала, как она сразу же стала согреваться.

Это было самое сухое и самое теплое место под грибом, только здесь было немного темновато. Невысоко над землей толстая кожа гриба лопнула и свешивалась, точно навес над крыльцом, затемняя землю.

Валя забралась под навес.

— Сюда! Ко мне! — закричала она. — Палатку нашла! Здесь палатка! Идите ко мне!

С разных сторон гриба подбежали к Вале профессор и Карик.

Укромный уголок под навесом им сразу понравился.

— Очень неплохо! — сказал Иван Гермогенович, осматриваясь. — В этом павильоне можно вполне сносно переждать дождик.

Он подкатил под навес толстые, короткие стволы сухой травы, и путешественники удобно расселись.

— Я предлагаю, — сказал повеселевший Карик, — назвать этот приют путешественников «Гриб имени Вали».

— Я не протестую! — сказала Валя, очень довольная предложением Карика.

— Ну вот, — сказал профессор, — сейчас бы нам сюда по стакану горячего чая и...

Но он не договорил. На крышу беседки упало что-то тяжелое и с грохотом прокатилось над головами.

В воздухе мелькнула, свиваясь и скручиваясь в кольца, белая толстая змея с черной головкой. Она шлепнулась на землю, завертелась, заюлила у самых ног путешественников, точно собираясь напасть на них.

Ребята бросились к профессору и поспешно скрылись за его широкой спиной.

Но и профессор тоже испуганно попятился.

Змея была почти вдвое больше Ивана Гермогеновича и значительно толще его. Воткнув черную голову в землю и работая ею как буравом, она крутилась, извивалась и наконец ушла под землю.

— Ах, вот что! — пробормотал профессор.

Не успели путешественники опомниться от испуга, как сверху посыпался дождь белых змей, которые также быстро скрывались под землей.

Ребята бросились бежать.

— Куда? Куда? — закричал профессор. — Стойте!

Он схватил их за руки.

— Змеи! — захныкала Валя.

— Какие змеи! Чепуха! Это не змеи, друг мой, это самые обыкновенные личинки комариков.

— Комаров?

— Ну да! Личинки грибного комарика. Видите, — показал профессор рукой на шляпу, крышу гриба, — видите, как источили они гриб?.. Да вы не бойтесь, друзья мои! Они на вас даже и не посмотрят. У них сейчас своя забота... Пока земля мокрая, рыхлая, они спешат забраться поглубже в землю, чтобы превратиться там в куколок.

Ребята успокоились.

Все снова уселись под навес беседки и прижались друг к другу.

А вокруг гриба бушевал ливень. Травяной лес валился под тяжестью потоков воды. По шляпе гриба дождь барабанил с такой силой, что вверху, над головами, все гудело, как будто перекатывался гром.

Профессор и ребята с тревогой посматривали вверх, невольно втягивая головы в плечи.

Вдруг Карик закричал:

— Еще какой-то! Ух, большой какой! Смотрите-ка! К нам подбирается!

Вверху по мясистому зонту лениво ползло какое-то голое, жирное животное. Оно было похоже на туго набитый грязный матрац. Спина этого урода лоснилась, точно она была смазана жиром.

— Кто это? — спросила Валя, прячась на всякий случай за спину профессора.

— Голая улитка! — очень спокойно ответил Иван Гермогенович. — Самый обыкновенный слизень.

— Он тоже будет падать?

— Ну, нет! — засмеялся профессор. — Этот не упадет! Не ждите! Он крепко держится.

— Тоже вредитель?

— Слизень-то? Что ты! Слизень — лучший друг гриба. Правда, он уничтожает гриб, но в то же время дает ему новую жизнь.

— А разве можно быть и полезным, и вредным сразу?

Профессор погладил бороду и неторопливо ответил:

— Слизень глотает кусочки гриба, в которых находятся споры — грибные семена. Споры эти проходят через желудок слизня, а когда они падают на землю, — прорастают. Многие грибы, не будь слизня, встречались бы гораздо реже, чем теперь.

— Ну, Валька, — засмеялся Карик, — мы назвали гриб именем Вали, а крышу придется назвать грибной шляпой имени слизня.

Валя хотела что-то ответить, но тут Иван Гермогенович предостерегающе поднял палец вверх и, к чему-то прислушиваясь, сказал с тревогой:

— Что это? Слышите?

Путешественники встали.

Сквозь шум и грохот ливня они услышали какой-то смутный рев. Казалось — где-то совсем недалеко грохочет о скалы море.

Шум прибоя, приближаясь с каждой минутой, становился все громче и громче,

— Гром, что ли? — прошептала Валя, прислушиваясь.

И вдруг в воздухе заревело, загудело. Неизвестно откуда хлынула вода, и вокруг забурлили пенящиеся потоки мутного моря.

Иван Гермогенович и ребята стояли на маленьком островке, плотно прижавшись к стволу гриба.

Опрокидывая все на своем пути, вода с ревом мчалась, ломая травяные деревья, пригибая их к самой земле. Гриб стоял, точно башня на острове, но вода поднималась все выше и выше, угрожая затопить и остров, и башню.

Она плескалась уже почти у самых ног.

— Где-нибудь тут, неподалеку, протекает речка, — сказал профессор, — по всей вероятности, она выступила из берегов — и вот...

Он беспомощно развел руками.

— А нас не смоет водой? — с беспокойством спросила Валя.

Профессор ничего не ответил.

Хмуря брови, он молча разглядывал свои ноги, шевеля озябшими, синими пальцами.

Вода подступала. Она поднималась, как тесто, грозила смыть путешественников с островка, умчать в чащу травяных джунглей и потопить там в каком-нибудь глубоком овраге.

Взглянув на растерявшегося профессора, Карик понял, что Иван Гермогенович уже ничего не может придумать для спасения.

— Послушайте, Иван Гермогенович, — решительно сказал Карик, дотрагиваясь до холодной руки профессора, — мне кажется, положение наше не такое уж страшное.

— Что же ты предлагаешь?

— Надо залезть на гриб! — ответил Карик.

— Да, да, — растерянно забормотал профессор, — попробуем залезть.

Но, взглянув на круглый толстый ствол гриба, который отвесно поднимался вверх, он вздохнул и грустно покачал головой: забраться на гриб было невозможно.

— Нет, не выйдет, мои друзья, — сказал Иван Гермогенович, кротко мигая ресницами, — не залезть нам.

— А если на крышу этой беседки? — спросила Валя, посматривая на свисающую толстую кожу гриба. — Выдержит она или нет?

Профессор взглянул вверх.

— Чудесно! — обрадовался он. — В самом деле... Это прекрасная мысль. Скорей, друзья мои! Это же просто замечательно!

Он помог ребятам забраться к нему на плечи. С плеч они перебрались на крышу беседки. Сначала Валя, потом Карик.

Валя стала на колени, свесила голову через край навеса и протянула профессору руку.

— Давайте вашу руку!

Профессор добродушно замигал глазами.

— Ну, что же вы? — крикнула Валя.

— Ничего, ничего! Я и тут постою, — сказал Иван Гермогенович.

Он знал, что втащить его на крышу беседки ребятам не под силу, да и крыша не выдержала бы такой тяжести.

Между тем вода поднималась. Она уже совсем затопила островок, на котором стоял гриб, и подбиралась к ногам Ивана Гермогеновича.

Подул холодный ветер.

Вода вздулась свинцово-серыми волнами.

Волны бились о ствол гриба, окатывая дрожавшего от холода профессора с головы до ног.

Что делать? Плыть?

Но куда? Пока доплывешь до суши, окоченеешь, замерзнешь. Да и как оставить ребят одних?

Профессор стоял, лязгая зубами, тоскливо поглядывая на бушующее вокруг озеро.

Вода поднялась до колен Ивана Гермогеновича. Сильное течение валило его с ног, но он уперся спиной в холодный, скользкий ствол.

Прямо на профессора плыли бревна. Они толкали его, больно ударяли по коленям. Ноги Ивана Гермогеновича покрылись глубокими ссадинами.

Вода поднялась уже по пояс профессору.

Он стоял, крепко сжав застывшие от холода губы, стараясь уже ни о чем больше не думать.

А вода поднималась все выше и выше.

«Кажется, — мелькнуло в голове профессора, — ребятам придется одним пробираться домой».

Глава десятая

Мертвый лес. — В поисках ночлега. — Валя находит лесную гостиницу. — Профессор нападает на ручейника. — Первая ночь в новом мире.

— Залезайте сюда! — кричали ребята, с беспокойством поглядывая сверху на Ивана Гермогеновича.

— Ничего, ничего! — отвечал весь синий от холода профессор.

Вытянув шею и приоткрыв рот, чуть не плача, Валя глядела на профессора. Карик, хмуря брови, прикусил губу и отвернулся. Он ничем не мог помочь Ивану Гермогеновичу, но он был не в силах смотреть на добряка, который погибал у него на глазах.

— Друзья мои, — сказал Иван Гермогенович, — если со мной что-нибудь случится, не забудьте о маяке. Спешите к нему. Вернуться домой вы можете только так, как я уже сказал вам. Иных путей у вас нет.

Ему никто не ответил. Ребята растерянно смотрели по сторонам. Они как будто не слышали его слов. Но и у Карика, и у Вали глаза были полны слез.

Профессор готовился к смерти.

И, несомненно, он умер бы, не дожив до вечера, если бы дождь вдруг не прекратился.

Все вокруг сразу стихло.

По небу мчались рваные тучи, но край неба был чист.

Огромное красное солнце спускалось за холмы.

Редкие, тяжелые капли еще с шумом падали на крышу гриба, но веселый, освещенный заходящим солнцем летний вечер уже вставал над землей, поднимая теплые испарения.

Вокруг профессора плескались волны. Они были красны, как угасающее солнце, и такие же фиолетовые, как предвечернее небо.

В мутных потоках плыли, крутясь, бревна и вырванные с корнями травяные деревья.

Профессор стоял, широко расставив ноги, и отталкивал окоченевшими руками мокрые, скользкие стволы, которые лезли на него точно живые.

Вода пошла на убыль.

Огромное дерево, плывшее мимо гриба, вздрогнуло на волнах и медленно опустилось на землю. Иван Гермогенович торопливо встал озябшими ногами на мокрый ствол.

— Кончилось! — радостно крикнул Карик.

— Она уходит! Уходит! — захлопала в ладоши Валя. — Смотрите — больше нет воды. Можно слезать...

Иван Гермогенович зябко повел плечами. Переступив с ноги на ногу, он хрипло закашлял и сказал:

— Да, да, слезайте... Надо идти...

Ребята проворно спустились на землю.

— Ой, вы совсем замерзли! — сказала Валя, обращаясь к профессору. — Давайте побежим. Когда бежишь, всегда жарко становится.

— Хорошо, — кивнул головой Иван Гермогенович, — но сначала посмотрим, в какую сторону надо нам идти. Ну-ка, Карик, влезь, дружок, на дерево да погляди, где наш маяк.

— Сейчас, Иван Гермогенович!

Карик подбежал к высокому стволу, покрытому колючками, и, цепляясь за мокрые колючки, быстро полез наверх.

Дерево качнулось.

По листьям, как по водосточным канавкам, хлынули на Карика потоки холодной воды.

Карик вздрогнул, прижался к стволу, но тотчас же встряхнулся, как кошка, и полез дальше.

Но вот и вершина травяного дерева.

Она сгибалась под тяжестью Карика, и он тихо покачивался, поворачивая голову то вправо, то влево.

Внизу, насколько хватал глаз, тянулся лес, лес и лес, но теперь он уже не был похож на прежний. Все деревья покосились на одну сторону, как будто подрубленные.

Широкие листья пригибались под тяжестью огромных водяных шаров, точно отлитых из тонкого хрустального стекла. Лучи заходящего солнца отражались на их поверхности багровым светом.

Весь лес горел тысячами огней.

Дрожа от холода, Карик повернулся вокруг скользкой, мокрой вершины и взглянул назад.

Далеко на западе он увидел одинокую мачту. На ее вершине безжизненно висел мокрый флаг.

— Вон он! — крикнул Карик, махнув рукой на запад. — Туда нужно. В ту сторону!

— Видим, видим! — закричала внизу Валя.

Карик быстро спустился на землю.

Путешественники двинулись в путь и скоро углубились в чащу травяных джунглей.

* * *

В лесу было тихо.

Изредка с шумом и грохотом падали на землю водяные шары, и снова наступала мертвая тишина.

Не видно было ни одного живого существа. Вокруг все как будто спало мертвым сном, точно в заколдованном сказочном царстве.

— А куда же девались эти?.. Дождем их убило, что ли? — спросила Валя.

— Кто эти?

— Да разные... Дикие звери...

— Насекомые?.. Где-нибудь здесь! — ответил профессор, поеживаясь. — Где-нибудь спрятались.

— Спят?

— Сохнут!

Иван Гермогенович крепко потер озябшие руки и прибавил шагу.

— Все, кто летает, — сказал он на ходу,— и все, кто прыгает в травяных лесах, сидят теперь после дождя и ждут, когда солнце высушит их, а тогда уж они снова забегают, запрыгают и полетят... Так же вот терпеливо ждут они восхода солнца и по утрам, когда сидят в траве, покрытые тяжелой росой.

— Вот хорошо! — засмеялся Карик. — Пусть хоть круглый год сохнут, — ничуть не пожалею.

— Мы, значит, теперь одни в лесу? — сказала Валя. — А я-то все боялась: вдруг ляжем спать, а ночью они возьмут да нападут на нас. А теперь я не боюсь ничего.

Ребята повеселели.

Они шли, болтая без умолку, потом затеяли какую-то игру. Гоняясь по лесу друг за другом, они громко перекликались и прятались за могучие стволы травяных деревьев.

Карик то и дело убегал далеко вперед, а Валя храбро совала нос в каждую щель, в каждую нору. Она хотела посмотреть, как выглядят после дождя чудовища травяных джунглей.

Профессор следил за Кариком и Валей с нарастающим беспокойством и наконец сказал сердито:

— Не думайте, друзья мои, что все насекомые будут теперь сидеть и смирно ждать восхода солнца... Лишь

только станет темно, из нор и щелей выползут ночные хищники. А ночные хищники, пожалуй, пострашнее дневных... И вообще я не советую вам совать свой нос в каждую щель.

Ребята переглянулись.

— Мы, — сказала притихшая Валя, — не знали про ночных.

Они взялись за руки и пошли следом за Иваном Гермогеновичем, не отставая ни на шаг и не забегая вперед.

Солнце зашло.

В лесу стало совсем темно и как-то особенно тихо. Черные деревья обступили путешественников стеной. Вверху, над головами, печально шумел ветер. Изредка шлепались на землю, точно каменные глыбы, тяжелые капли дождевой воды.

В темноте идти было трудно.

Профессор и ребята все чаще и чаще налетали на деревья, поминутно спотыкались и падали.

— Подождите, — сказал наконец Иван Гермогенович, останавливаясь. — Так мы, пожалуй, заблудимся, да и вообще пора уже позаботиться о ночлеге. Я думаю, нам лучше всего идти сейчас по лесу цепью, не теряя, конечно, друг друга из вида.

— Темно же, — прошептала Валя. — Мы можем заблудиться!

— Будем перекликаться.

— А потом?

— А потом нужно внимательно искать какого-нибудь укромного местечка... Кто встретит подходящее место для ночлега, пусть крикнет... Согласны?

— Согласны! — разом ответили Карик и Валя.

Путешественники разошлись в разные стороны.

Валя пошла вдоль широкого ручья. Левее от нее побрел Карик, а еще дальше Иван Гермогенович.

— Смотрите внимательно! — послышался голос профессора.

— Ау-у! — крикнула Валя.

— Ау-у! — отозвался Карик.

Вдруг Вале показалось, что рядом с ней кто-то шевельнулся.

Она побежала, но тотчас же за спиной у нее послышались чьи-то торопливые шаги.

Валя остановилась и спряталась за дерево. Ей стало страшно.

— Ау-у! — закричала Валя.

— Эге-ге-гей! — откликнулись откуда-то из-за деревьев два голоса.

Профессор и Карик были совсем близко. Валя успокоилась и опять двинулась вперед, но тотчас же сзади снова послышались осторожные шаги.

— Кто? Кто это? — крикнула Валя и, не ожидая ответа, побежала в темную лесную чащу.

Она бежала, спотыкаясь, боясь остановиться, не смея оглянуться.

Вдруг в темноте выросла высокая стена. С разбегу Валя чуть было не налетела на нее. Хорошо, что успела вытянуть вперед руки.

Ее ладони уперлись в холодную каменную глыбу.

— Ау-у! — крикнула Валя.

— Ау-у! — тотчас откликнулся Карик.

Тяжело дыша, Валя пошла вперед, держась рукой за глыбу. Земля под ногами хлюпала. Ноги увязали в грязи.

Пройдя несколько шагов, Валя остановилась. Перед ней лежала большая, глубокая лужа.

«Обойду ее с другого конца», — подумала Валя и, круто повернув, пошла назад.

Она выбралась на сухое место и, ощупывая руками гранитную глыбу, попробовала обойти ее, но, сделав

несколько шагов, вдруг почувствовала под руками пустоту.

Валя остановилась.

В темноте чернел вход в какую-то пещеру.

— Сюда! — закричала Валя. — Идите скорее! Я нашла!

— Где ты? — крикнул Карик, выбегая из-за деревьев.

— Здесь! Здесь! Нашла!

Карик поглядел на глыбу, потом на Валю и сказал сердито:

— И чего ты орешь зря? Это же камень. Большой камень... Под камнем, что ли, ночевать?

— В нем! — сказала Валя. — Гляди!

Она подтолкнула брата к широкому черному входу, который вел в глубину каменной глыбы.

Карик отошел немного от каменной глыбы, остановился и, подбоченясь, принялся осматривать ее с таким видом, как будто старался купить это жилище.

— М-да! — важно кивнул головой Карик. — Ничего! Приличная гостиница!

Это было длинное, немного похожее на сигару каменное строение.

Оно лежало между стволами больших узловатых деревьев; казалось — его сюда принес и положил какой-то сказочный великан. Оно почти висело в воздухе. Между ним и землей с трудом можно было просунуть руку.

Карик сложил ладони рупором и закричал:

— Иван Гермо-о-ге-но-ви-и-ич! Нашли-и-и!

— Ау-у! Иду! Иду-у!

Карик повернулся к Вале. Похлопав ее по плечу, он сказал важно:

— Молодец! Это вроде каменного ангара... Кажется, тут в самом деле можно ночевать... Ну-ка, попробуем забраться туда.

У самого входа в пещеру лежал поваленный дождем толстый ствол. Карик вскарабкался на него и заглянул в темную широкую дыру.

— Жалко, нет спичек! — сказал он. — Ничего не разглядеть.

Он подтянулся на руках, просунул в пещеру голову и плечи.

— Ну, что там? — нетерпеливо дернула его за ногу Валя.

Вдруг Карик, отпрянув назад, кубарем скатился с мокрого ствола.

Одним прыжком он отскочил от пещеры и, схватив Валю за руку, быстро присел за деревом.

— Занято! — зашептал Карик. — Там сидит кто-то... Огромный... Страшный...

Из темного входа высунулись два длинных щупальца, потом появилась черная круглая голова. Она посмотрела вправо, влево, качнулась и медленно убралась обратно.

— Видела?

— Ага! Усач какой-то! Что это у него — усы? Да?

— Наверно, усы! Тут они все усатые.

— Надо позвать Ивана Гермогеновича! — тихо сказала Валя.

— Ау! — крикнул Карик.

— Ау-у! — услыхали ребята голос Ивана Гермогеновича. — Да где же вы? Куда идти?

— Здесь! Здесь!

— Сюда!

В лесу зашумели листья, потом послышались грузные шаги и хриплый кашель.

Из-за деревьев вышел профессор.

— Ну как? Нашли что-нибудь?

— Нашли!

— Почти нашли!

Валя показала рукой на пещеру.

— Это я нашла, — сказала она.

Профессор подошел ближе и постучал палочкой по каменной стене.

— Узнаю... Весьма удачно... Просто замечательно. Это как раз то, что нам сейчас нужно... Прекрасная гостиница для таких путешественников, как мы.

Иван Гермогенович встал на поваленный ствол и заглянул в пещеру.

— Стойте, стойте! — закричал испуганно Карик, схватив его за руку.

— Что еще? Что случилось?

— Занята гостиница эта... Уже там сидит какой-то... Раньше нас забрался.

— Головастый такой... Страшный-престрашный, — шепотом сказала Валя.

— Ничего, ничего, — спокойно ответил профессор, — этого постояльца я хорошо знаю... Старый знакомый... Не пройдет и минуты, как мы освободим от него это помещение.

Профессор перешел вброд лужу и остановился около узкого конца каменной глыбы. Присев на корточки, он пошарил по стене руками.

— Так! Так! — услыхали ребята. — Все в порядке!

Бормоча что-то себе под нос, Иван Гермогенович встал и направился в чащу леса.

— Куда он? — спросила Валя.

— Не знаю.

— Куда вы, Иван Гермогенович? — крикнула Валя.

— Стойте на месте. Я сейчас... Одну минутку! — послышался в темноте голос Ивана Гермогеновича.

Прошла минута, но профессор не возвращался. Ребята слышали его шаги и бормотанье, но что он делал в лесу — понять было трудно.

Наконец профессор вернулся.

— Ну, вот и я! — крикнул он, волоча за собой по земле длинную жердь.

Подтащив жердь к каменной глыбе, профессор опять пошарил по стене руками и, нащупав круглое отверстие, сунул туда острый конец жерди.

Карик и Валя следили за каждым движением Ивана Гермогеновича, но никто из них не мог понять, что затеял профессор.

— Кажется, — сказала Валя, — будет сражение.

— Ага!

Ребята нагнулись, пошарили по земле руками. Карик поднял увесистую дубину. Валя нашла камень и крепко зажала в руке.

Теперь в любую минуту они могли прийти на помощь профессору.

— Ну-ка, друзья мои, отойдите в сторону, — выпрямился Иван Гермогенович.

Ребята не спеша отошли от пещеры и, держась за руки, стали в стороне.

— А теперь, — засмеялся профессор, — смотрите, как этот большой и страшный будет улепетывать.

Профессор повернул жердь вправо, влево, потом вогнал ее глубоко в узкую щель и принялся ворочать ею точно кочергой в печке.

Чудовище забеспокоилось.

Темная голова, покрытая шипами, поднялась над входом и, качаясь, свесилась вниз.

— А ну! — крикнул профессор, наваливаясь всем телом на толстый конец жерди.

Голован вздрогнул, будто ужаленный, выбросил вперед три пары ног и, быстро перебирая ногами, вывалился из пещеры. Потом, волоча по земле изгибающееся, коленчатое тело, пополз к ручью.

Не успели ребята разглядеть его, как странное животное покатилось под откос и с глухим всплеском

упало в воду. Быстрое течение подхватило его, и оно тотчас же скрылось в темноте.

— Вот ловко! — засмеялся Карик. — В следующий раз он уже не полезет в чужую гостиницу.

— Ладно, ладно! — добродушно заворчал Иван Гермогенович. — Сейчас не будем разбирать, кто у кого захватил территорию. Он у нас или мы у него. Во всяком случае, судиться с нами он не станет.

— Как? — догадался Карик. — Значит, мы отняли у этого урода его собственную квартиру?

— То-то и есть! — сказал профессор. — Но раскаиваться теперь уже поздно, да и не стоит, пожалуй... Ну, друзья мои, давайте устраиваться на ночлег. Тащите ветки, листья, сучья. Складывайте все это около входа.

В темноте закипела работа.

Профессор и ребята подтаскивали к домику листья, корни и травяные стволы.

Нелегкая это была работа.

Один лист пришлось тащить вдвоем. А светлый лепесток голубого цветка еле дотащили втроем.

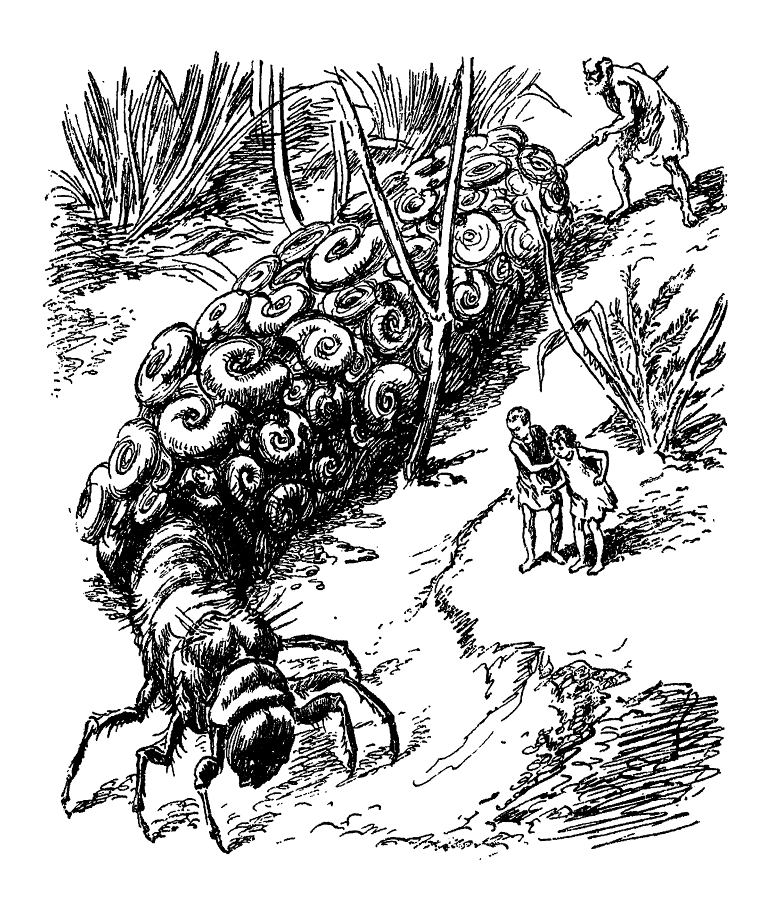
Профессор покрикивал:

— Ну, ну, скорее, скорее. Валя, не лезь в воду! Карик, брось этот лист, все равно не поднимешь... А ну-ка, помогите мне подтащить вот эти ветки!

Иван Гермогенович был доволен. Он боялся, что им придется провести ночь под открытым небом, и вдруг такое неожиданное счастье.

— Ах, друзья мои, — приговаривал Иван Гермогенович, — нам удивительно везет сегодня. Наверное, как говорят англичане, мы родились с серебряной ложкой во рту... Вот погодите, залезем под крышу, тогда вы сами увидите, какие мы счастливцы...

— А наводнение? — спросил Карик. — Брр... даже страшно вспомнить. Совсем оно не похоже на серебряную ложку.

— Наводнение?.. Да, это, конечно, наши самые черные часы. Однако мы не утонули все-таки... И, знаете, друзья мои, оно оказало нам немалую пользу... В сущности, не будь наводнения, я даже не знаю, где бы мы ночевали сегодня и что случилось бы с нами в эту ночь... Ведь это же наводнение выкинуло на берег ручейника с его домиком-чехлом.

— Он даже не защищался! — сказала Валя. — Большой, а такой смирный.

— Кто? Это ручейник-то смирный?

Иван Гермогенович засмеялся.

— Ну, совсем уж он не такой тихоня, — сказал он. — Под водой ручейник никому не даст спуску. Этот прожорливый хищник нападает на крошечных раков, на личинки насекомых, а нередко пожирает даже своих родичей.

— Такой разбойник?

— Самый настоящий разбойник... А посмотрите, как выходит он на охоту. О, вооружен ручейник просто замечательно. Ведь он, каналья, закован, точно рыцарь большой дороги, в крепкую, непроницаемую броню. Да что рыцарь? Рыцари надевали только латы, шлемы и кольчуги, а этот господин таскает на себе целую крепость.

— Он, значит, сидит в ней, как в танке? — спросила Валя.

— Не совсем так, — сказал Иван Гермогенович, — потому что танкисты сами едут в танке, а ручейник таскает свой танк на себе.

Валя поглядела на каменную глыбу и покачала головой.

— Такая тяжесть, ой-ой-ой!

— Однако не у всех ручейников такие тяжелые дома, — сказал Иван Гермогенович. — Там, где растут камыши и на дно падают кусочки сухого камыша, ручейники устраивают свое жилище внутри камышинок, а там, где дно песчаное или каменистое, они соединяют вместе камешки, ракушки, песчинки и строят из них свои дома-крепости. Можно, впрочем, встретить домики ручейников, построенные из самых простых листиков, которые падают в воду.

— А почему у него два входа в домик, один большой, а другой маленький?

— А для того, — ответил Иван Гермогенович, — чтобы вода свободно проходила через весь домик.

— А зачем ей проходить?

— Как это зачем? — удивился профессор. — Ведь дом ручейника всегда полон воды. А если она не будет меняться, стены дома покроются плесенью, и крепость этого хищника возьмут штурмом миллионы разных бактерий. Для них стоячая вода — то же самое, что для нас воздух.

—Но как вы ловко придумали прогнать его! — с восхищением сказал Карик.

— О, — скромно ответил Иван Гермогенович, — это не мое изобретение. Помню, в детстве мы, ребята, частенько добывали ручейников таким способом. Бывало вставишь соломинку в черный ход, а ручейник уже выглядывает из парадного. Шевельнешь слегка — и он падает на ладонь.

— Зачем? — с удивлением спросил Карик.

— А мы ловили рыбу на ручейника! — ответил профессор.— Как насадка — это очень ценное существо.

— Рыбу? — переспросил Карик. Он даже подпрыгнул. — И хорошо клюет на него?

Профессор засмеялся:

— Да ты не рыболов ли? Ишь как загорелся весь.

— Ого! — замахал руками Карик. — Рыба... Да я могу хоть целый месяц просидеть с удочкой...

— И как? Удачно ловишь?

— Нет, — честно сознался Карик. — Мне почему-то не везет.

— Вот как. Ну, тогда я скажу тебе: почаще лови на личинку ручейника. Лучшей насадки на крючок, чем эта самая личинка, нет и не было.

— Надо попробовать.

— А как же он теперь, этот ручейник... без чехла?.. — спросила Валя. — Пропадет?

— Не пропадет, — беспечно сказал Иван Гермогенович. — Пока мы разговариваем, он, наверное, уже

полдомика себе построил... Да ты не бойся. Он не погибнет... Вырастет, а потом превратится в летающее насекомое.

— Он? В летающее?

— Ну да, — сказал Иван Гермогенович, волоча по земле розовый лепесток. — Превратится в насекомое, очень похожее на ночную бабочку... Впрочем, ручейник — мастер не только летать. Он неплохо бегает и по земле, и по воде. А когда наступает время откладывать яички, он спускается под воду и здесь прикрепляет свою икру-яички к водяным растениям.

Иван Гермогенович окинул взглядом гору веток, листьев, лепестков, которые они натаскали во время разговора, и сказал:

— Ну, хватит. А то мы так завалили вход, что нам самим в пещеру не пробраться... Залезайте.

Карик и Валя долго просить себя не заставили. Они перескочили через кучу веток и вошли в полутемный, низкий коридор.

В самом конце еле-еле заметно светилась узкая щель.

Ребята шли в темноте, ощупывая стены руками. Ноги ступали будто по мягкому, нежному ковру.

Такими же мягкими, шелковистыми были и стены.

Карик поднял руку, пощупал потолок.

— И тут мягко! — удивился он.

Ребята дошли до конца коридора и тут перед круглой дырой остановились.

Холодный ветер дунул по ногам.

— Эту форточку надо закрыть! — сказал Карик. — Мама не велела на сквозняке сидеть.

Карик вернулся, принес мягкий лепесток, скомкал его и крепко забил им отверстие.

— Теперь не дует, — сказала Валя,— но зато стало очень темно. Идем обратно.

Ребята вернулись к входу в пещеру, где копошился среди веток, листьев и лепестков профессор.

— Ну, как? Понравился дом? — спросил Иван Гермогенович. — Жить можно?

— Кругом ковры, ковры! — весело сказал Карик. — Очень неплохо живет этот ручейник.

— Недурно! — согласился профессор. — Между прочим, эти ковры не простые. Если кто-нибудь захочет вытащить ручейника из домика, он уцепится за них крючками, и тогда уж никакая сила его не сдвинет... Однако за дело, друзья мои! Помогите-ка мне заложить вход, а то еще ночью к нам заберется какой-нибудь нежданный, непрошеный гость!

Профессор с помощью ребят навалил у входа кучу корней, а на них положил ветки, на ветки лепестки.

Получилась настоящая баррикада. Только сверху оставалась узкая щель, через которую в дом ручейника проникал синий ночной свет.

— Прекрасно, — сказал профессор. — Теперь уж к нам никто не заберется. Располагайтесь, друзья мои. Отдыхайте.

Ребята выбрали в углу, у самой стены, удобное местечко, растянулись на пушистом коврике и крепко-крепко прижались друг к другу.

Профессор лег рядом.

Отважные путешественники притихли, слушая, как за стенами домика шумел ночной печальный ветер и как уныло скрипели травяные деревья.

Сверху, с мокрых листьев, падали на крышу тяжелые, как чугунные ядра, капли воды.

В домике было тепло и сухо.

Профессор и ребята растянулись. Ковры были мягкие, как пуховики. Но путешественники не могли заснуть.

Это была их первая ночь в этом странном, новом для них мире, где за один только день они так много пережили и встретили так много опасностей.

Сквозь щели баррикады просвечивало темное ночное небо, и в небе мерцали огромные звезды.

Валя лежала с открытыми глазами. Она смотрела не отрываясь на голубую звезду, которая висела над входом в пещеру.

Звезда была такая большая, как полная луна, но только часто-часто мерцала.

Вот так и дома, когда лежишь в кровати и смотришь в окно, перед глазами качается большой, похожий на луну веселый уличный фонарь.

Валя вспомнила дробное позвякивание трамваев, хриплые, сердитые гудки автомобилей и быстрые светлые полосы, которые бегут по окнам, будто догоняя одна другую.

Валя закрыла глаза.

На минуту ей показалось, что она лежит у себя дома в теплой кровати и слушает веселый уличный шум.

Дверь в соседнюю комнату закрыта, но из-под двери виднеется желтая полоска света.

В столовой мама убирает посуду. Гремят тарелки и чашки, звенят чайные ложечки.

Перемыв посуду, мама смахивает со стола крошки, накрывает стол чистой белой скатертью.

Валя вздохнула.

Она вспомнила крошки сыра, которые оставались утром на столе после завтрака, и проглотила слюнки.

Ах, если бы сюда, вот в эту пещеру, хоть бы одну крошку сыра, такого свежего и вкусного! Этой крошки, конечно, хватило бы на ужин и профессору, и ей, и Карику, да и на завтрак осталось бы немного.

И Валя вздохнула снова.

А может быть, они навсегда останутся в этом страшном мире?

Вернутся ли они домой? Увидят ли они маму?

— Мама плачет, наверное, — тихонько сказала Валя.

— Плачет, — согласился Карик, — ясно, плачет.

Ребята задумались.

Что-то делает сейчас мама? Может быть, лежит одетая на кровати и при каждом шорохе поднимает голову с подушки и все прислушивается: не идут ли ее ребята?

На столе стоит, покрытый салфеткой, ужин, оставленный для них. В столовой тихо постукивают часы. В темном углу возится кошка.

На глаза Вали навернулись слезы. Она потихоньку вытерла их кулаком и крепко зажмурилась.

— Нет! Все-таки плакать не буду!

За стенами домика уныло свистел полночный ветер.

Путешественники лежали, каждый по-своему думая о большом мире, в котором они еще так недавно жили.

— Все ерунда! — с шумом вздохнул наконец профессор. — Не может этого быть, чтобы мы не вернулись... Вернемся, друзья мои, не унывайте.

Карик и Валя ничего не ответили. Они уже спали крепким, здоровым сном.

Тогда Иван Гермогенович сладко зевнул, повернулся на бок и, положив под голову, вместо подушки, кулак, раскатисто захрапел.

* * *

Путешественники спали так крепко, что даже не слышали, как ночью снова хлынул проливной летний дождь.

Глава одиннадцатая

Необыкновенный воздух. — Профессор угощает ребят яичницей. — Иван Гермогенович открывает фабрику одежды. — Пчела Андреевна. — Профессор и Карик исчезают.

Над холодной землей густыми волнами перекатывался белый туман. Он точно молоком залил притихший темный лес, заполнил глубокие лога и овраги.

Вершины деревьев то погружались в туман, то появлялись снова.

Утренний холод и сырость ползли в пещеру сквозь щели баррикады, и скоро здесь стало так же прохладно, как под открытым небом.

Ребята беспокойно ворочались во сне, поджимали колени к самому подбородку, но от этого теплее не становилось.

Наконец Карик не выдержал, вскочил, протер сонные глаза, зябко поежился и с недоумением посмотрел на покатые стены. Они были серебристо-белые, точно покрытые инеем. Карик прикоснулся к ним.

— Нет, это не иней. Это — ковры. Серебристые ковры.

— Б-р-р, хо-о-лодно!

На полу, на ковре, лежала, свернувшись в комочек, Валя. Она подтянула колени к закрытым глазам, а голову прикрыла руками. Во сне она тихонько стонала и всхлипывала.

Карик запрыгал на одном месте, стараясь согреться, потом побежал вдоль стены в конец коридора.

Ему стало как будто немного теплее.

Он повернул обратно и с разбегу перекувыркнулся через голову — одни раз, другой, третий и вдруг шлепнулся прямо на Валины ноги.

— Что? Что такое? — закричала Валя, вскакивая. — Уже нападают?

Она, дрожа и ежась, смотрела на Карика заспанными, испуганными глазами.

— Чего ты? — удивился Карик. — Это ж я. Очнись... Ты совсем замерзла... Синяя вся... Ну-ка, давай бороться. Сразу согреешься. Начали!

Он подскочил к Вале и, прыгая вокруг сестры, принялся тормошить ее.

— Отстань! — оттолкнула Карика Валя. Но, падая на пол, он вцепился в сестру, и они покатились по мягкому, пушистому полу.

Валя захныкала:

— Уйди! К тебе не лезут, и ты не лезь.

— Эх, ты, улитка-недотрога! Я ж согреть хочу тебя.

— А я спать хочу! — пробурчала Валя и опять улеглась.

— Ну и спи, — рассердился Карик.

За стенами кто-то возился, стучал, кашлял и вдруг громко и весело запел:

— Где обедал, воробей?
— В зоопарке у зверей.
Пообедал у лисицы,
У моржа попил водицы.

Это был ужасный голос профессора.

— Вот видишь, — сказал Карик — все уже встали, поют, а ты валяешься...

Он подбежал к выходу из ковровой пещеры и крикнул:

— Иван Гермогенович, где вы?

— Здесь! Здесь! Вставайте, друзья мои. Завтрак уже готов.

— А что на завтрак?

— Прекрасная яичница.

— Яичница?

О, это было интереснее, чем мерзнуть, а поэтому Валя быстро вскочила на ноги и взяла Карика за руку.

— Пошли!

Ребята откинули ветки и сучья, которыми был завален вход в дом ручейника, и выбрались на свежий воздух. Но лишь только Валя ступила на землю, как тотчас же испуганно попятилась назад.

— Что это, Карик? Где мы? — зашептала она, крепко сжимая руку брата.

Ни земли, ни неба, ни леса не было видно.

В воздухе плавали тучи блестящих пузырьков. Пузырьки кружились, сталкивались, медленно опускались вниз и снова взлетали вверх.

Вокруг мела и кружила пурга светящихся пузырьков.

— Иван Гермогенович! — крикнул Карик. — Что такое? Что это кружится?

— Туман! — услышали ребята голос профессора.

Иван Гермогенович был тут же, где-то поблизости, совсем рядом, но ребята не видели его.

— Разве туман такой бывает? — недоверчиво спросила Валя.

— Да, Валек, это туман. Такой он бывает под микроскопом.

Голос профессора звучал глухо, как будто доносился из глубокой ямы.

Ребята протянули руки, пытаясь поймать пузырьки, но они лопались, растекались холодной водой по пальцам.

— Ну где вы там застряли? — крикнул из гущи тумана Иван Гермогенович. — Бегите скорее!.. Тут есть у меня кое-что поинтереснее тумана.

Карик и Валя, осторожно ступая, двинулись на голос профессора.

— А много яичницы у вас? — крикнула Валя.

— Если ты поторопишься, — может быть, и тебе удастся попробовать ее, — отозвался Иван Гермогенович. — Иди скорее, пока я не съел всю яичницу.

Вдали в тумане заблестел синий огонек.

— Огонь! — крикнул Карик.

Неужели профессор развел костер? Но где он взял спички? Валя во весь дух помчалась к огню.

— Костер, костер! У нас костер! — кричала она.

Впереди, разбрасывая тучи пузырьков тумана, плясало пламя костра.

Высокий столб зеленого огня поднимался до самых вершин черного, мокрого леса. У костра на корточках сидел профессор. Толстой палкой он ворошил корчившийся на огне с веселым потрескиванием хворост.

— Ура! — закричали ребята.

Они подбежали к огню и, взявшись за руки, принялись отплясывать какой-то дикий танец.

— Гоп-ля! — кричала, прыгая, Валя.

— Гоп-ля-ля-ля! — скакал раскрасневшийся Карик.

— Тише, тише! — останавливал ребят профессор. — Так вы тут всю посуду перебьете. Садитесь-ка лучше да поешьте.

От костра валил такой жар, что невозможно было стоять даже далеко от него. А между тем сучьев в ко-

стре было не так уж много. Валя схватила охапку сухого хвороста и хотела подкинуть в костер, но Иван Гермогенович остановил ее.

— Не надо! Яичница уже готова.

— А костер?.. Он же потухнет.

— Нет, он не потухнет... Садитесь, друзья мои, завтракать, — сказал Иван Гермогенович и поставил перед Кариком и Валей прямо на землю огромную белую посудину с неровными краями; она была доверху наполнена дымящейся яичницей.

Не ожидая повторного приглашения, ребята с жадностью набросились на еду.

Обжигаясь и дуя изо всех сил на пальцы, они глотали кусок за куском.

Валя раскраснелась. У Карика нос покрылся потом. И только Иван Гермогенович ел не спеша, орудуя, точно ложкой, куском сложенного вдвое лепестка.

Ребята не съели еще и половины яичницы, как почувствовали, что сыты по горло.

— Ну, — сказал профессор, вытирая клочком лепестка бороду, — надеюсь, вы теперь сыты!

— Еще как! — засмеялся Карик. — У меня даже живот перекосился набок.

— И у меня перекосился, — сказала Валя.

— Прекрасно! Замечательно! — улыбнулся профессор. — Я очень рад, что яичница так понравилась вам.

— А из чего вы ее состряпали? — спросила Валя.

— Ясно, из чего делают яичницу, — из яиц, — перебил ее Карик. — Это-то просто. А вот как вы костер разожгли? Где спички достали? И потом — почему огонь столбом стоит, почему он зеленый и почему костер горит без сучьев?

— Тебе не нравится костер без сучьев? Ну, что ж, тогда подбросим в огонь вот эту охапку.

Иван Гермогенович подбросил в костер сухих сучьев и, поправив их палкой, весело подмигнул ребятам.

— Вы думаете, я бездельничал ночью. Ничего подобного. Я всю ночь ел поджаренную ветчину с зеленым горошком, горячие пироги, бифштексы, борщи, фрукты, торты. Но, к сожалению, все эти кушанья подавали мне во сне... Проснулся я голодный, как волк. Ну, вскочил и побежал искать чего-нибудь съедобного. Однако отойти далеко от нашей роскошной квартиры я побоялся... Видите, какой туман стоит... За два шага ничего не видно. Заблудишься, чего доброго, или свалишься в какую-нибудь пропасть... Что делать? Ждать рассвета?.. Идти на авось?.. Подумал я, подумал и решил развести костер. К счастью, еще вчера вечером я нашел в лесу два кремешка. Они-то и выручили меня... Набрал я сухих веток, сложил их в кучу и принялся работать...

— Как доисторический человек! — прошептала Валя.

— Вот именно, — улыбнулся профессор. — Ну, скажу я вам, это была нелегкая работа, и помучился же я, пока мне удалось превратить искру в огонь... Теперь только я понял, что нашим допотопным предкам жилось совсем не весело.

— А почему все-таки огонь зеленый? — спросил Карик.

— Почему? Да потому, что это горит газ. Обыкновенный торфяной газ — метан, который во многих местах выбивается из-под земли... Мне повезло... Я случайно развел костер в таком месте, где под землей скопилось много этого газа... Ну, а яичница сама пришла на костер.

Валя так и ахнула.

— Сама пришла?

Иван Гермогенович посмотрел на Валю, важно погладил бороду и сказал:

— Как только костер разгорелся, рядом со мной кто-то начал шуметь, возиться, и вдруг сильный ветер свалил меня с ног. Вокруг все так загудело, будто я нечаянно выпустил из-под земли ураган. Это была птица. А ураган поднимали ее крылья. Должно быть, огонь спугнул ее с гнезда.

— Она не сгорела?

— Нет, она улетела, — сказал Иван Гермогенович, — а я начал искать ее гнездо. Ведь не зря же она сидела так тихо.

— Нашли?

— Конечно... Из этого гнезда я и добыл яйцо.

— Оно не воронье?

— Нет. По всем признакам, это — яйцо малиновки, белое с крапинками. Вы когда-нибудь видели яйца малиновки?.. Они чуть побольше крупной горошины. Но мне пришлось изрядно повозиться с ним. Я катил его перед собой, как бочку, и по дороге, наверно, раз десять отдыхал. Но еще труднее было разбить скорлупу. Целый час, кажется, я долбил ее камнем. Наконец разбил все-таки и чуть было не утонул в белке... Хорошо еще, что успел отскочить в сторону.

Профессор, посмеиваясь, поглядел на ребят.

— Ну, все остальное просто. Белок вылился сам, а желток я поджарил на скорлупе, как на сковородке.

Карик наклонился к Вале и сказал ей что-то на ухо. Валя одобрительно кивнула головой.

— Обязательно скажи.

Карик встал, одернул незабудковую рубашку и, вытянув руки по швам, отрапортовал с торжественным видом:

— От имени двух пионеров Фрунзенского отряда благодарю за вкусную яичницу и за костер!

Профессор поклонился.

— Надеюсь быть полезным и в будущем! — шутливо ответил он.

И, подкинув в костер новую охапку сучьев, сказал:

— А в сущности, друзья мои, и здесь, в этом мире лилипуте, можно неплохо прожить! Вот подождите, привыкнем немного и устроимся поуютнее.

— Как? — с тревогой в голосе спросил Карик. — Разве вы думаете, что мы уже не вернемся домой и останемся такими, как сейчас?

— Этого я не думаю, — ответил профессор, — однако мы должны быть готовы к самому худшему... Наш маяк может повалить буря; наконец, какой-нибудь любопытный паренек может забрать фанерный ящик домой для исследования... Мало ли что на свете бывает...

— И что же тогда?

— Да ничего особенного, — пожал плечами Иван Гермогенович. — Будем жить травяными робинзонами... Кстати, друзья мои, наше положение куда лучше, чем у настоящего Робинзона. Ему нужно было целое хозяйство завести, а у нас все под рукой. Молоко, яйца, мед, душистый нектар, ягоды, мясо. Лето мы проживем без особых забот. А на зиму насушим черники, земляники, грибов; запасемся медом, вареньем, хлебом...

— Хлебом?

— Ну да. Мы посадим одно только зерно, и нам хватит урожая на всю зиму...

— Но откуда же мы мясо возьмем?

— А будем есть насекомых.

— Насекомых? Разве их едят?

— Представьте себе, — сказал Иван Гермогенович. — Даже в большом мире и там едят очень многих насекомых... Вот саранча, например. Ее едят и жареную, и копченую, и сушеную, и соленую, и маринованную.

Профессор, вспомнив что-то, улыбнулся и сказал:

— Когда спросили арабского калифа Омар Бен-эль-Коталя, что он думает о саранче, калиф ответил: «Я желал бы иметь полную корзину этого добра, уж я бы поработал зубами...» В старые времена, когда саранча налетала целыми тучами на арабские земли, в Багдаде падали цены на мясо... Между прочим, из саранчи приготовляют муку и пекут на масле превосходные лепешки.

— Фу, гадость! — с отвращением плюнула Валя.

— Ну вот уж и гадость! —засмеялся Иван Гермогенович. — Просто непривычная для тебя пища — и только... Едим же мы омаров, креветок, крабов и даже раков, которые питаются падалью... Едим, да еще похваливаем... А вот арабы смотрят на тех, кто ест крабов и раков, с отвращением... Кроме саранчи, люди едят и других насекомых. В Мексике, например, многие туземцы собирают яйца полосатого плавунчика клопа, называют они их «готль» и считают самым лакомым блюдом... Неплоха, по мнению знатоков, и цикада. Та самая цикада, которую воспел в своей оде поэт древней Греции Анакреон.

Иван Гермогенович откашлялся и, подняв руку над головой, прочитал нараспев:

Сколь блаженна ты, цикада.
Ты — почти богам подобна.

Профессор задумчиво погладил бороду.

— А простые греки — прозаики — жарили эту богоподобную цикаду в масле и с аппетитом ели... Даже таким насекомым, как муравьи, и тем случалось попадать в руки поваров. Когда-то во Франции из муравьев делали соус к мясным и рыбным кушаньям... Индейцам, между прочим, очень нравятся зонтичные муравьи. Они жарят их, чуть подсолив, на сковородке, но, бывает, едят и сырыми.

— А жуков едят? — спросила Валя. — Они самые противные, по-моему.

— В Египте, — ответил Иван Гермогенович, — из жука-медляка бороздчатого приготовляют особое кушанье. Это кушанье едят женщины, желающие потолстеть.

— Вот это здорово, — сказал Карик. — Теперь я вижу, что у нас дело пойдет на лад... Мы закоптим окорока кузнечиков, наготовим колбасы из бабочек, засолим бочку стрекоз... Прямо целый амбар придется строить. Под потолком мы повесим окорока и колбасы, а вдоль стен поставим бочки с маринованными тлями.

— А муравьи? — спросила Валя. — Они кисленькие!

— Из муравьев приготовим пикули... Нет, лучше сделаем из них разные приправы к блюдам.

— Замечательно! — поглаживал бороду Иван Гермогенович. — Просто замечательно!.. Как видите, друзья мои, ваше будущее прекрасно. И если случится что-нибудь и мы не сумеем попасть домой, то проживем здесь лучше всех робинзонов мира.

— Все это хорошо, — сказала Валя, — но ведь мы замерзнем зимой, и все эти окорока и маринады пропадут зря.

— Ничего, — успокоил Валю Иван Гермогенович, — мы найдем пещеры с газовым отоплением. Наконец, можем провести по камышовым и по тростниковым трубам этот газ куда угодно.

— Конечно, — сказал Карик. — Торфяной газ даст нам тепло и свет и... Скажите, Иван Гермогенович, мы ведь сможем построить тут целые фабрики и заводы...

— О, нет, мой друг, — улыбнулся Иван Гермогенович. — Но мы могли бы заняться приручением насекомых...

— Ура! — крикнул Карик. — Мы будем на них летать, переплывать озера...

— Мы, — подхватила Валя, — заставим их рыть туннели, прокладывать каналы, и... и вообще — пусть они работают.

— Правильно! — сказал Карик.— На гусеницах можно пахать, жуков поставим на заготовку леса, а на стрекозах будем летать на свои фактории.

— А чтобы нас не съели, — вздохнув, сказала Валя, — хорошо бы придумать такие дома, как у ручейника, чтобы их можно было таскать на себе.

— Тоже выдумала! — махнул рукою Карик. — Я же говорил, что ты улитка. Улитка и есть.

— Но как же нам защищаться? — спросила Валя.

— Иван Гермогенович выдумает порох, — ответил Карик и повернулся к профессору. — Вы ведь выдумаете порох, Иван Гермогенович?

— Ой, нет... Пороха я, пожалуй, не выдумаю, — засмеялся Иван Гермогенович, — но все-таки я надеюсь, что мы и так не пропадем. Без пороху. Я ведь, друзья мои, биолог. Неплохо знаю жизнь окружающего нас мира, а эти знания сильнее всех взрывчатых веществ... А теперь, Карик, подбрось в костер хворосту. Приятнее сидеть, когда потрескивают в огне сучья.

Карик принес охапку хворосту, бросил его в зеленый огонь и растянулся на земле, поглядывая задумчиво на костер.

Все замолчали.

Весело трещали сучья и ветки. Дым столбом поднимался в небо.

Путешественники сидели у огня и думали каждый о своем.

Торопиться было некуда.

Пока туман не рассеется, двигаться вперед было невозможно. Да и куда, в какую сторону идти? Где теперь маяк?

Спереди?

Сзади?

— Ну, — сказал профессор, — пока нам нечего делать, предлагаю спеть песню.

Ребята испуганно переглянулись.

«Что угодно, только не это», — можно было прочитать на лицах Карика и Вали. Слушать спокойно, как поет Иван Гермогенович, могли бы только мертвые. На всех живых голос профессора действовал, как удар дубиной по голове.

Жмурясь от дыма и закрывая лицо руками, Карик повернулся боком к дымящемуся костру и поспешно спросил профессора, который откашливался и готов был запеть:

— А скажите, Иван Гермогенович, как вы догадались, что с нами случилось, и как это вы нас разыскали?

— Очень просто, — сказал профессор. — Ведь вы же выпили у меня почти полстакана жидкости... И это я, конечно, заметил сразу.

— Но...

— И у меня было «но», — засмеялся Иван Гермогенович.— Выпить-то вы выпили, а вот куда вы после этого исчезли?.. Я ведь целый час ползал по полу с лупой в руках, но... ничего... Понимаете? Никаких следов. Значит...

— Значит, мы улетели! — сказала Валя.

— Это слишком поспешный вывод, — остановил ее Иван Гермогенович.

— Но мы же в самом деле улетели, — сказала Валя.

— Тем не менее я не имел основания предположить это, пока собака уважаемого фотографа Шмидта не разыскала ваши трусики и не бросилась на подоконник... Вот тут-то я и вспомнил, что, когда вошел в кабинет, на подоконнике сидела стрекоза. И я готов был ручаться, что слышал комариные голоса, которые кричали: «К нам! Сюда!»

— Да, да... Это мы кричали.

— Сначала я подумал, что ослышался, но потом, сопоставляя одно с другим, я понял: шалунов утащила стрекоза, и, если я хочу спасти их, я должен бежать в Дубки, к пруду, который зовут «Гнилое болото».

— Но почему вы пошли сюда? — спросил Карик. — Ведь стрекоза могла утащить нас в лес, в поле...

— Нет, этого не могло быть, — снисходительно улыбнулся Иван Гермогенович. — Стрекозы живут около воды. В воду они кладут яйца, в воде родятся, в воде живут и растут стрекозьи личинки, над водой стрекозы обычно и охотятся. Но иногда, в погоне за добычей, стрекоза улетает от места постоянной охоты.

— И далеко как, — сказала Валя. — Ведь от нас до Дубков больше пятнадцати километров.

— Для стрекозы это пустяки. Она пролетает семьдесят–девяносто километров в час, а поэтому пятнадцать километров это только небольшая прогулка.

— Значит, вы пошли к Гнилому болоту...

— Да, — погладил бороду Иван Гермогенович. — Зная, что рано или поздно, а стрекоза вернется к месту постоянной охоты, я решил идти к Гнилому болоту. К счастью для нас всех, это единственный пруд около нашего города. Есть, правда, еще один в трехстах километрах от нас, поэтому я уже твердо знал, где искать вас... Ну вот и все. А теперь, — кашлянул профессор, — споем, друзья мои.

— Стойте! — крикнула Валя.

— Что, что такое? — испуганно взглянул на Валю Иван Гермогенович.

— А разве вы не хотите послушать, что с нами случилось? — спросила Валя.

— Ах да... Конечно... Я очень рад буду услышать ваши рассказы, — забормотал Иван Гермогенович. —

Ну, ну, рассказывайте. Это должно быть очень интересно.

Он обнял ребят за плечи и протянул пятки к огню. Карик и Валя стали наперебой рассказывать ему, что с ними было после того, как они выпили чудесную жидкость.

Слушая ребят, профессор понимающе кивал головой и без устали приговаривал:

— Совершенно верно... Все понятно...

— И мне все понятно, — сказал наконец Карик. — Но вот я одного не понимаю...

— Да? Чего же именно?

— Почему в гнезде у подводного паука мы сначала дышали легко, а потом чуть было не задохлись?

— Очень просто, — ответил Иван Гермогенович. — Судя по твоему рассказу, мой друг, я думаю, что вы попали в лапы к пауку-аргиронету... Так называется этот подводный паук. Аргиронет — это значит «серебряная пряжа». Зовут его также паук-серебрянка... Он строит свое гнездо под водой... Это гнездо похоже на водолазный колокол. В таких колоколах водолазы опускались когда-то под воду. Но этот колокол не больше грецкого ореха... Он держится, не всплывая, только потому, что с боков его удерживает паутина, прикрепленная к подводным растениям...

— Ого! — сказал Карик. — Мы еле пробрались сквозь эту паутину.

— А воздух? — спросила Валя. — Как попадает туда воздух?

— Воздух паук приносит в свой колокол с поверхности пруда. Он поднимается наверх и выставляет наружу брюшко, покрытое очень тонкими волосками. Эти-то волоски и хватают воздух. Когда пространство между волосками наполнится воздухом, паук натягивает на брюшко паутину и несет свой воздушный

баллон, точно под полой, к себе в домик. Кстати, со своим воздухом в чемоданах путешествуют под водой многие водяные жуки.

— А надолго ему хватает воздуха?

— Нет, — ответил Иван Гермогенович, — этого запаса не надолго хватает. В домике становится душно... Помните, как вы задыхались?

— Да, да.

— Обыкновенно подводный хищник-аргиронет по нескольку раз поднимается на поверхность пруда за свежим воздухом... Вот если тихо и терпеливо сидеть на берегу пруда, можно очень часто видеть, как аргиронет — серебряная пряжа — пополняет запасы воздуха.

— А как же их узнать? — спросила Валя.

— Эти пауки-серебрянки, — ответил Иван Гермогенович, — похожи на шарики ртути с черными точками... Всплывают аргиронеты чаще всего около водяных зарослей... Они поднимаются брюшком вверх, головой вниз. Несколько секунд остаются на поверхности, а затем медленно опускаются под воду... С первого взгляда кажется, что эти паучки — самые безобидные существа. А на самом деле аргиронет — свирепый хищник... Он никому не дает спуску ни на дне, ни на поверхности воды.

— Почему же он не сожрал нас, а подвесил к потолку? — спросила Валя.

— Да, да. Это меня тоже интересует, — сказал Карик.

— На ваше счастье, аргиронет был сыт, — ответил Иван Гермогенович. — Поэтому он подвесил вас про черный день... Так же, впрочем, поступают лисы, белки, человек, многие птицы, и в этом нет ничего удивительного... Он сожрал бы вас в тот день, когда холод или сильная жара разогнали бы всю его добычу.

— Ага! Понимаю, — сказала Валя. — Наш паук был сыт, а который рядом с ним жил, у того было плохо с продовольствием, поэтому он и залез, чтобы сожрать нас.

— О, нет! — сказал Иван Гермогенович. — К вашему пауку явился... Знаете кто?..

— Знаю! — закричал Карик. — Его враг.

— Нет, — улыбнулся Иван Гермогенович. — Пришел к нему... жених.

— Жених? Откуда вы знаете? — удивились ребята.

— Эти пауки, — сказал профессор, — всегда строят свои подводные домики рядом; к дому паучихи прикрепляет свой дом паук. Потом этот паук прогрызает стенку и является с визитом...

— Который, — подхватил Карик, — называется дракой.

— Да, иногда рассерженная чем-нибудь невеста бросается на жениха и пожирает его, а иногда, осилив невесту, пожирает ее жених, но чаще всего невеста встречает своего жениха благосклонно, и они начинают жить очень дружно.

Профессор встал.

— Кажется, — сказал он, — нам пора уже собираться в путь-дорогу. Ну-ка, соберем все наши пожитки.

Он пошарил в кустах и вытащил оттуда великолепный кожаный рюкзак.

— Ой! — Валя открыла широко глаза. — Где это вы купили?

— Не купил, — улыбнулся Иван Гермогенович, — а получил в виде подарка от одной знакомой тихоходки... Пока вы спали, я кое-что отрезал от этого мешка, и, как видите, рюкзак получился отличный.

— Ага, — кивнул головой Карик, — на вас напала какая-то тихоходка. Вы убили ее и сняли шкуру.

— Ничего подобного, — сказал Иван Гермогенович. — Тихоходка никак не могла напасть на меня. Это же очень крошечное существо, не более миллиметра. Не нападал и я на тихоходку.

— А мешок из шкуры?

— А мешок... Видите ли, друзья мои, тихоходка размножается яйцами, а для того, чтобы яйца эти не сожрал кто-нибудь, она снимает с себя шкуру и складывает их в нее, как в чемодан.

— А сама помирает? — спросила Валя.

— Нет.

— Как змеи! — сказал Карик. — Они тоже меняют шкуру.

— Да, — кивнул головой Иван Гермогенович. — Но только змеи бросают свою старую шкуру, а вот тихоход нашел для нее прекрасное применение...

— Яйца вы, конечно, выбросили?

— Ну, конечно: они, к сожалению, не съедобны.

Профессор открыл тихоходкин мешок и положил в него посуду из яичной скорлупы и остатки яичницы, которые он бережно завернул в розовый лепесток какого-то цветка.

* * *

Подул свежий ветер.

Туман стал редеть.

Ветер нес его, точно дым, над полями и сметал вниз, в лога и овраги.

Профессор завалил костер землей.

— Ну, — сказал он, — кажется, мы можем идти. Собирайтесь, друзья мои.

— А мы уже готовы, — вскочила Валя.

— Гм, — хмыкнул Иван Гермогенович, взглянув сначала на Валю, потом на Карика, и, подумав немного, сказал:

— Вам надо переодеться.

— Во что переодеться? — спросила Валя, оглядывая свое незабудковое платье, которое за ночь помялось, разорвалось и теперь висело клочьями.

— А вот в такой же костюм, как у меня, — сказал Иван Гермогенович. Он сбросил с плеч свой измятый голубой плащ и остался в серебристом костюме из паутины.

Ребята только теперь вспомнили, что Иван Гермогенович явился к ним вчера одетый в странный серебристый костюм, но тогда они не обратили на это внимания. Сейчас же они рассматривали костюм профессора так, как будто увидели его впервые.

— Ой, красиво как! Из чего он? — спросила Валя.

— Из паутины.

— И я хочу такой, — сказал Карик.

— И я! — закричала Валя.

— Идемте, — сказал Карик. — Я еще вчера видел тут недалеко паутину.

— Ну, нет, — засмеялся Иван Гермогенович. — Отбирать паутину у паука я, пожалуй, не стану, да и вам не советую... Ваши костюмы мы приобретем в другом магазине... Идите за мной.

И профессор быстро зашагал к дому ручейника.

Ребята побежали следом.

Слабый утренний свет еле освещал домик ручейника, но теперь уже можно было разглядеть, что и стены, и пол, и потолок были покрыты густой и плотной паутиной.

— Вот где ваши костюмы, — сказал Иван Гермогенович.

Он подошел к одной стене и вцепился в нее руками.

— Эй, ухнем! — крикнул профессор и рванул паутину к себе.

Стена затрещала.

— Эх, взяли! — еще громче крикнул Иван Гермогенович.

Паутина отставала кусками, точно отсыревшие обои.

Профессор бросил несколько кусков Карику и Вале.

— Разматывайте, друзья мои, паутинные пакеты, очищайте их от клея.

Ребята принялись мять паутину руками. Высохший клей крошился и падал комками. Карик нашел конец и начал разматывать.

Шелковые шнуры паутины ложились ровными витками, и скоро у ног Карика и Вали выросла серебристая груда распутанной паутины.

— Ну и длинная! — сказал Карик, разматывая бесконечную нить.

— Бывает и подлиннее, — усмехнулся Иван Гермогенович. — Паутину шелковичного червя, например, можно вытянуть на целых три километра.

Профессор нагнулся, взял конец серебристого шнура и протянул его Вале.

— Одевайся.

— В нитку... Как же я в нее оденусь?

— А вот как...

Иван Гермогенович сделал из шнура петлю, накинул ее на Валю, точно аркан, а потом, схватив девочку за плечи, принялся вертеть ее в одну сторону.

Нить в куче дрогнула и быстро побежала, наматываясь на Валю, как на катушку.

— Замечательно!.. Прекрасно! — сказал Иван Гермогенович, оглядев Валю. — Прочно, тепло и удобно. Ну, а теперь ты, Карик.

Но Карик уже сам обвязал конец паутины вокруг пояса и быстро-быстро завертелся волчком.

Не прошло и пяти минут, как ребята были уже одеты в длинные серебряные фуфайки.

— Ну вот и все, — сказал Иван Гермогенович. — Теперь прогуляйтесь вокруг домика, а я тем временем тоже переоденусь.

Ребята вышли.

Туман совсем рассеялся.

Вокруг стоял мокрый лес. Огромные капли воды лежали на травяных деревьях, точно хрустальные шары.

Лишь только Валя и Карик переступили порог дома, по вершинам скользнули первые лучи утреннего солнца.

И вдруг все вспыхнуло, засверкало, загорелось тысячами разноцветных огней.

Это было так неожиданно, что ребята зажмурили глаза и невольно отступили назад.

Несколько минут они стояли молча и, прищурившись, разглядывали странный лес, обвешанный сверкающими шарами.

— Вот бы нашей маме показать! — сказала наконец Валя.

Карик вздохнул.

— Мама кофе варит сейчас! — сказал он.

— И молочница, наверное, уже пришла, — грустно сказала Валя.

— Нет, — покачал головой Карик. — Рано еще. Молочница в семь приходит.

— А сейчас сколько?

— Не знаю.

— Ну, все равно... Знаешь, Карик, давай полезем на это дерево, посмотрим, нет ли тут зеленых коров.

— Полезем.

Ребята подбежали к дереву, похожему на баобаб, и начали было карабкаться вверх, но в это время Иван Гермогенович высунул из пещеры голову и крикнул:

— Напрасный труд, друзья мои.

— Почему?

— Сегодня вы днем с огнем не найдете зеленых коров.

— А где же они? — удивился Карик. — Ведь вы говорили вчера, что тли пасутся на каждом дереве.

— Так это было вчера, — ответил Иван Гермогенович. — Вчера днем, а вечером пошел дождь, и, конечно, он смыл всех тлей дочиста... Ну вот я и готов. Идемте!

Ребята повернулись к профессору и вдруг, взглянув на него, дружно захохотали.

— В чем дело? — смущенно осмотрел себя Иван Гермогенович.

— Ой!.. Как вы...

— Как вы оделись... — хохотали ребята.

Иван Гермогенович стоял, обмотанный шелковистым шнуром от горла до пяток. Всю паутину, которая была в домике ручейника, он намотал себе на живот, на плечи, на шею.

— Вы похожи на кокон! — сказала Валя, давясь от смеха.

Профессор улыбнулся:

— А ты сама, думаешь, на бабочку похожа? И ты, и Карик похожи сейчас на маленьких гусениц... Идемте, друзья мои.

— А куда идти? — спросил Карик, оглядываясь.

За ночь вода залила все кругом.

Идти можно было только в одну сторону. От домика ручейника тянулась узкая полоска земли, покрытая густым зеленым кустарником.

Профессор вскинул мешок на плечо и сказал:

— Очевидно, придется сначала выйти из этого болота, а там уж мы увидим, что делать. Вперед!

И, махнув рукой, профессор затянул:

Марш вперед, — труба зовет, —
Бравые ребята!
Выше голову держать,
Славные орлята!

* * *

Густые заросли травяного леса были безмолвны. Тяжелые водяные шары висели над головами путешественников, — приходилось идти очень осторожно, чтобы падающие капли не сбили с ног.

В пустом и гулком лесу падение водяных шаров производило такой шум, как взрывы бомб. Одна капля упала прямо на путешественников.

— Ай! — взвизгнула Валя, падая.

— У-ух! — крикнул Карик, отброшенный в сторону.

— Ничего, ничего! Утренний душ полезен! — смеялся Иван Гермогенович, поднимаясь с земли.

Но вот солнце поднялось высоко над лесом. Горячие лучи точно подожгли землю. Она задымилась. Пар окутал травяные джунгли. Стало душно, как в бане.

К полудню путешественники вышли на опушку леса.

Впереди сквозь редкие просветы деревьев мелькнули желтые холмы.

Один холм поднимался над землей острой вершиной, точно сахарная голова, которую позолотили.

— Ну вот, — сказал Иван Гермогенович, — с этой высоты мы посмотрим, где наш маяк.

— Бежим! — крикнула Валя и помчалась вперед. — Я назову этот пик «Золотой Везувий».

Профессор и Карик побежали за Валей.

Однако до пика Золотой Везувий было не так близко, как это казалось. Путешественники подбежали к пику сильно запыхавшиеся, вытирая ладонями потные лица.

— Ну и Везувий! — фыркнул Карик.

Это была обыкновенная гора из желтых камней. А странные камни, которые блестели, как золотые, были самым простым песком.

Хватаясь руками за камни-песчинки, путешественники начали подниматься на вершину пика Золотой Везувий.

Солнце стояло уже высоко.

Горячие волны зноя струились над землей, точно прозрачные воздушные реки.

Раскаленные желтые камни обжигали ноги и с шумом неслись вниз.

Подниматься было трудно. Иван Гермогенович спотыкался почти на каждом шагу. Гора под его ногами ползла, превращаясь в гудящий поток раскаленных камней. Карабкаться следом за профессором было опасно. Карик и Валя догнали Ивана Гермогеновича пошли с ним рядом.

Подъем становился все круче и круче.

Маленьким альпинистам пришлось ползти вперед на четвереньках, цепляясь за каменные выступы руками.

— Прямо восхождение на Эверест! — говорил, отдуваясь, профессор.

Ни Карик, ни Валя никогда не слышали об Эвересте, но оба сразу догадались, что Эверест, наверное, такая же гора, как та, на которую они сейчас поднимались.

Но вот и вершина.

Обливаясь потом, профессор и ребята взошли на гребень горы.

Иван Гермогенович выпрямился, приложил к глазам ладонь и, поворачивая голову, начал осматриваться.

— Ну-ка, ну-ка, — приговаривал профессор, — посмотрим, поглядим, где наш маяк, пос...

Он не договорил. Земля под его ногами поползла. Профессор провалился по пояс. Ребята бросились на помощь. Но тут холм под ногами дрогнул и вдруг раздвинулся, как пасть.

Профессор, а за ним ребята полетели вниз по узкой, наклонной трубе. Вдогонку им посыпались с грохотом камни и тяжелые комья земли.

Валя взвизгнула. Карик налетел на профессора, и они со страшной силой врезались в мокрое, вязкое дно.

Первым опомнился профессор. Кряхтя и охая, он выбрался из густой, липкой грязи и, потирая поясницу, грустно сострил:

— Затяжной прыжок без парашюта. Разрешите поздравить вас с благополучным приземлением. Поднимайтесь, друзья мои.

Он вытер руки о костюм, заботливо поглядел на ребят, которые все еще барахтались в грязи, и спросил:

— Все в порядке, надеюсь? Как Валя? Не ушиблась?

— Ничего, — ответила, поднимаясь, Валя, — только локоть, кажется, ободрала.

— А ты, Карик?

— А я колено ушиб.

Ребята, потирая ушибленные места, испуганно оглядывали темные стены узкого колодца.

— Ну, это пустяки! — сказал Иван Гермогенович. — А вот я потерял мешок с провизией и посудой. Это уже хуже.

— Где мы? — спросила Валя.

— Сейчас узнаем, — пробормотал Иван Гермогенович, задирая бороду вверх.

Высоко над головами сияло далекое небо. Бледный дневной свет падал на высокие отлогие стены, но на вязком дне этого глубокого, мрачного колодца было почти совсем темно.

— Кажется, — сказал Карик, — мы попали в нору к пауку-землекопу. Это очень страшные пауки. Я читал про них.

— Как? — вздрогнула Валя. — Опять пауки? И в воздухе, и на земле, и под водой, и под землей — пауки?

— Успокойся, — сказал Иван Гермогенович, — пауки-землекопы, о которых говорит Карик, живут в Италии и на юге Франции. У нас их нет.

— Но тогда чья же это нора?

Профессор ничего не ответил. Пощипывая бороду, он обошел колодец вокруг, постучал кулаком в стены и задумчиво сказал:

— Да, да... Это она... Андрена!

— Какая еще Андреевна? — захныкала Валя.

— Да, да... Я так и думал... Все в порядке, друзья мои. Ничего опасного. На этот раз мы провалились очень удачно. Мы попали прямо в кондитерскую.

Глаза Вали стали круглыми от удивления.

— И здесь, — спросила она, — можно найти торты и пирожное?

— Да! — улыбнулся профессор.

— Но где же все это? Я вижу только грязь.

— Минутку терпенья!

Профессор стукнул кулаком по стене.

— Сезам, откройся!

Стена загудела, точно он ударил по днищу пустой бочки.

— Не открывается! — сказала Валя, облизнув языком губы.

— Не мудрено! — улыбнулся профессор. — Ведь это только в сказках все делается по щучьему веленью. Нам нужно будет поработать немного. Копайте землю. Вот в этом месте.

Иван Гермогенович подошел к стене и принялся рыть землю, как медведка, разбрасывая руками тяжелые, липкие комья.

Карик и Валя бросились помогать профессору.

Особенно усердствовал Карик. Из-под рук его так и летели комья земли и камни.

— Тише, тише! — закричал Иван Гермогенович. — Так ты и нас засыплешь. Осторожнее! Не торопись, пожалуйста.

Карик хотел что-то ответить, но в эту минуту стена дрогнула, к ногам путешественников посыпались камни, и все увидели в стене глубокую нишу.

В воздухе запахло свежими медовыми пряниками.

— Что это? — облизнулась Валя. — Пахнет, как на елке в Новый год.

— Это и есть кондитерская! — ответил Иван Гермогенович, нагибаясь. — А теперь отойдите в сторону... Так! Прекрасно!

Он запустил в нишу обе руки и, широко расставив ноги, принялся тянуть что-то к себе.

— Есть! Есть! — засмеялся профессор.

Он поднатужился и вытащил из ниши большой серый шар, покрытый, точно желтой пудрой, мелким песком.

— Ну вот и все! — сказал Иван Гермогенович, осторожно опуская шар на землю.

Острым камнем он очистил его от мелких камней и с трудом оторвал от верхушки шара что-то белое.

Это было яйцо, вроде гусиного, но только очень большое.

— Ого! — сказал Карик. — Опять яичница!

— Из этого яйца, — засмеялся профессор, — яичницы не приготовишь. Займемся лучше вот этим. — И он похлопал рукой по шару, похожему на огромный колобок сдобного теста.

— Цветочный торт! — сказал Иван Гермогенович.

Он вытер о свой костюм руки, отщипнул кусок теста и сунул в рот. Брови профессора поползли вверх. На лице появилась довольная улыбка.

— Недурно, — сказал он, пожевав,— очень недурно! Угощайтесь, друзья мои.

Душистое, вязкое тесто пахло медом и цветами. Оно так и таяло во рту.

— Вот вкусно-то! — сказала Валя. — Вкуснее сливочного торта.

— Ты просто проголодалась, — ответил Иван Гермогенович, улыбаясь. — И не мудрено... Завтракали мы чуть ли не ночью, а сейчас уже скоро полдень.

— Нет, нет, правда, это очень вкусно! — уверяла Валя.

— А что это такое? — спросил Карик, уплетая за обе щеки душистое тесто.

— Цветочная пыльца с медом! — ответил профессор.

— Почему же она оказалась в колодце?

Профессор поднял с земли белое яйцо, покрытое упругой кожицей, и подбросил его на ладони.

— А вот почему, — сказал Иван Гермогенович. — Торт этот был приготовлен для личинки, которая выйдет из этого яйца, а положила сюда и торт, и яйцо подземная пчела андрена.

— Если она подземная, — сказала Валя, — тогда мы должны поскорее уходить отсюда.

Профессор улыбнулся.

— Подземной пчелой, — сказал он, — называют андрену только потому, что она устраивает свои гнезда под землей, но сама андрена живет там, наверху, где живут стрекозы, мухи, комары. Правда, иной раз гнездо ее можно найти и на поверхности земли: в гнилых пнях, в стволах поваленных деревьев, но чаще всего в земле. Поэтому ученые зовут андрену подземной пчелой.

И профессор рассказал Карику и Вале, как из яйца выходят личинки, как питаются они приготовленным

для них вкусным пирогом и как потом превращаются в крылатую пчелу андрену.

— Таких пирогов, — сказал Иван Гермогенович, — лежит в каждом гнезде андрены несколько штук. Если вы хотите, я сейчас еще достану.

Ребята засмеялись.

— Что мы — слоны, что ли? — сказал Карик. — Нам и этого не съесть... Давайте лучше удерем отсюда, пока эта пчела Андреевна не вернулась домой.

— Во-первых, андрена, а не Андреевна, — поправил Карика Иван Гермогенович. — А, во-вторых, я уже сказал, после того, как андрена выроет гнездо, положит в него яйца и приготовит для своего потомства корм, она больше сюда не заглядывает. Ей тут нечего делать... Да и нам здесь оставаться незачем. Подкрепились — и до свиданья.

Профессор подошел к наклонной стене и, цепляясь руками за корни растений, полез наверх. Ребята проворно, точно обезьяны, полезли следом. Медленно, шаг за шагом продвигались они по стене колодца к большому, круглому отверстию, над которым сияло голубое небо. Время от времени они останавливались, отдыхали, а потом снова карабкались вверх. Камни, вырываясь из-под ног, с гулом падали вниз, на самое дно гнезда андрены.

Профессор первым добрался до края колодца. Здесь было светло и жарко.

— Уф! — тяжело вздохнул он. — Ну и подъем... Что же это вы, ребята, отстаете?.. Я старик, а раньше вас справился.

Он нагнулся над темным колодцем, протягивая руку вниз.

— Давайте помогу!

Но Карик не успел ухватиться за его руку. Иван Гермогенович вдруг подпрыгнул, точно резиновый

мячик. Высоко над колодцем мелькнули его пятки, и он исчез.

Карик в ужасе прижался к стене.

— Ш-ш-ш!

— Что такое? — спросила Валя.

— Его склевала птица! — шепнул Карик. — Большая-большая. С крыльями!

Валя вздрогнула.

— Ты видел?

— Да, видел крылья... Огромные... Как паруса!

Ребята поглядели друг на друга. На глазах Вали показались слезы.

Карик сказал:

— Все равно вырвется!

Валя тихо заплакала.

— Ну, не плачь, пожалуйста! Он же вырвется! — утешал сестру Карик и, осторожно выглянув из колодца, громко крикнул:

— Иван Гермогенович!

Ответа не было.

Валя вытерла слезы кулаком и решительно сказала:

— Надо вылезать!

— Надо! — согласился Карик.

И ребята, помогая друг другу, вылезли из колодца.

Они опять стояли на вершине пика Золотой Везувий. Недалеко от них на земле валялся мешок Ивана Гермогеновича с остатками яичницы и скорлупочной посудой. Впереди расстилалась холмистая желтая пустыня. Сзади, точно зеленое море, шумели травяные джунгли, сквозь которые утром пробирались путешественники. Справа и слева синели озера, поросшие по берегам высоким тростниковым лесом.

Но профессора нигде не было.

— Иван Гермогенович, где вы? — закричала Валя.

Она прислушалась.

Ни звука.

— Иван Гермогенович!

Но в ответ только ветер прошумел печально над вершиной горы да покатилось, замирая за холмами, разноголосое эхо.

— Давай крикнем вместе! — предложил Карик.

Ребята взялись за руки.

— И-ван Гер-мо-ге-но-ви-ич! — закричали они разом.

«О-о-ви-ич!» — отозвалось эхо и смолкло.

У Вали из глаз ручьем полились слезы. Она закрыла лицо руками и заплакала навзрыд. В ту же минуту над ней промчался с воем вихрь. Ее отбросило в сторону и покатило по огромным камням.

Когда она наконец поднялась на ноги и огляделась, Карика на вершине горы не было. А ведь он только что стоял здесь, вот у этого круглого камня...

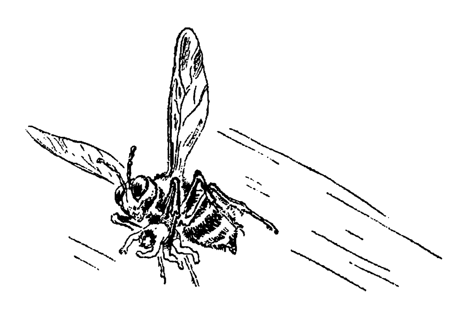
— Карик! — испуганно закричала Валя. — Карик, где ты? Зачем пугаешь?

Высоко-высоко, точно под самыми облаками, кто-то отозвался слабым голосом:

— Ва-аля!

Глава двенадцатая

В лапах крылатого чудовища. — Путешественники встречаются в кувшине. — Деревянный Монблан. — Живые консервы. — Карик и Валя расстаются с профессором.

Валя в тревоге металась по склонам горы. Она сбегала вниз, снова возвращалась на вершину, заглядывала и темный колодец.

— Карик! — кричала она. — Иван Гермогенович!

Ответа не было.

— Ой, где они? — бормотала Валя.

Бедная девочка совсем выбилась из сил. Она села на горячий камень, сжала голову руками и заплакала.

Сквозь слезы, точно сквозь мутные от дождя стекла, она видела, как мимо нее то и дело пролетали огромные крылатые животные. Они проносились близко, совсем рядом с Валей. Их крылья поднимали целый вихрь. Валя втягивала голову в плечи, пригибалась к земле и со страхом следила за полетом крылатых чудовищ.

Они то взлетали вверх, то снова со свистом падали на землю.

Сложив прозрачные, блестящие крылья и выгнув полосатые туловища, они неуклюже ползали по песку, а потом, подхватив что-то с земли, снова взмывали вверх.

Одно из этих животных проползло совсем рядом с Валей. Оно даже задело ее крылом. От сильного толчка Валя упала с камня на землю. Полосатое животное быстро повернулось к ней и стало рассматривать ее блестящими выпуклыми глазами.

Валя замерла.

Животное неторопливо поползло дальше. Но едва только девочка шевельнулась, чудовище мгновенно прыгнуло к ней и остановилось, покачивая над самой ее головой усами.

Валя похолодела от страха.

Затаив дыхание, она смотрела на длинные усы широко открытыми от ужаса глазами. Она не видела всего чудовища, но чувствовала, что оно находится здесь, рядом с ней.

Наступила тишина, прерываемая только ее собственным дыханием. Затем Валя услышала, как чудовище поползло, тяжело передвигая по земле свое тело, удаляясь с каждой минутой.

Валя вскочила. Она вся дрожала. Тело ее покрылось испариной. Взмахнув руками, она с визгом бросилась вниз, к подножью горы. Но тут вокруг ее тела сомкнулись цепкие мохнатые лапы. Острая игла проколола паутинную фуфайку, содрав на спине кожу. Это было очень больно, но Валя даже не успела вскрикнуть. Над головой ее загудели, затрещали огромные крылья, и девочка очутилась в воздухе.

Крепкие лапы прижимали ее к мохнатому брюху, которое то сжималось, то раздувалось, точно кузнечные мехи. Валя попробовала повернуть голову и посмотреть, что за чудовище держит ее в своих лапах, но лишь только она пошевелилась, лапы сжали ее, точно железные клещи.

Она застонала от боли.

— Помогите! — крикнула Валя.

Свист ветра заглушил ее голос. Она кричала до хрипоты, но крика своего не слышала.

Внизу проплывали зеленые луга и леса, мелькали реки и синие озера, тянулись бесконечные желтые пески.

Все дальше и дальше улетала Валя от колодца, где ее могли бы найти профессор и Карик.

Куда теперь утащит Валю этот страшный крылатый зверь?

Что будет делать она одна в дремучих травяных джунглях? Как найдет дорогу домой, да и вернется ли она когда-нибудь обратно в такой большой, уютный мир?

Валя изловчилась, повернула голову и со злостью вцепилась зубами в упругую сильную лапу.

Лапа была твердая, гладкая, как полированное дерево. Валины зубы только скользнули по ней.

В ту же минуту цепкие клещи сжали бедную девочку еще сильнее. Бороться с чудовищем было бесполезно. Оно могло раздавить ее, как муху.

— Умру, — всхлипнула Валя, — умру, и никто не узнает даже, что я умерла.

Ей стало так жалко себя, что она заплакала навзрыд.

Потом и слезы высохли. Глаза стали сухими, будто из них выжали все до одной слезинки. Тогда Валя начала снова брыкаться и кричать:

— Пусти! Чего пристала? Я тебя трогаю, что ли? Пусти! Уйди! Отвяжись!

Но крылатое чудовище все летело и летело вперед, свистя своими жесткими, гремящими крыльями, которые шумели, как лесопильный завод.

Но вот скользящим полетом оно спустилось вниз, затрепетало в воздухе крыльями и, вытянув вперед лапы, в которых была зажата Валя, сунуло ее, будто в печку, в какую-то темную дыру.

Валя стукнулась головой обо что-то твердое и стремглав покатилась вниз, как по ледяной горке.

«Пропала я!» — мелькнуло в голове Вали.

От страха она закрыла глаза. И вдруг почувствовала, что ее снова подхватили какие-то лапы.

— Ой! — закричала Валя, отбиваясь руками и ногами.

Она в ужасе открыла глаза и увидела, что лапы, которые ее держат, вовсе не лапы, а руки старого профессора.

— Иван Гермогенович, это вы? — крикнула Валя.

— Я, Валечка, я! — ласково ответил профессор, опуская ее на покатый пол.

— И я тоже здесь! — услышала Валя голос Карика.

— А где же мы все? — спросила Валя.

— Ладно, ладно, потом разберемся, — сказал Иван Гермогенович, — мы все вместе, а это пока самое главное.

Валя растерянно оглянулась по сторонам.

В полумраке она увидела гладкие стены; они уходили крутым наклоном вверх.

Потолка не было. Сверху через широкое круглое отверстие падали бледные солнечные лучи. В полосах света плавала пыль.

Тюрьма, в которой очутились Валя, Карик и профессор, была похожа на длинный кувшин. Но только кувшин этот стоял не прямо, а косо, как будто, падая, он зацепился за что-то и повис в воздухе.

Валя глядела на темные стены, на Карика, на профессора.

Как попали сюда профессор и Карик? Кто посадил их в этот огромный кувшин? Неужели то самое чудовище, которое принесло сюда и ее, Валю?

Она стала расспрашивать их, но Иван Гермогенович перебил ее.

— После, после, — сказал он, хмуря брови, — теперь не время болтать. Если мы не выберемся сию минуту наверх, мы погибли. Ну-ка, ребята... Попробуем.

Профессор стал на четвереньки и медленно полез по отлогой, гладкой стене. За ним поползли ребята.

Подъем был трудный.

Руки и ноги скользили, точно по льду. Профессор почти добрался до края кувшина, но вдруг колени его дрогнули, ладони скользнули, и он с грохотом покатился обратно на дно, увлекая за собой ребят.

— Неудачно, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Попробуем еще раз.

Путешественники снова полезли по гладкой стене. И снова скатились вниз.

— Попробуем еще!

Несколько раз пытались они подняться, но все усилия их были напрасны.

— Не вылезть отсюда, — грустно сказала Валя.

— Замолчи! — рассердился профессор.

Он смерил глазами расстояние от верха кувшина до пола, оглядел Карика с ног до головы и решительно сказал:

— А ну-ка, забирайся ко мне на плечи.

Карик подпрыгнул, как мячик, схватил профессора за шею и проворно вскарабкался к нему на плечи.

— Попробуй дотянуться до верху, — сказал Иван Гермогенович.

Карик потихоньку начал выпрямляться. Держась руками за стену, он выпрямил согнутые колени и наконец встал во весь рост.

— Теперь полезай на мои ладони! — сказал профессор, подставляя ему обе руки.

Карик поставил одну ногу, потом другую на ладонь профессора.

— Не упадешь? — спросил профессор.

— Не упаду!

Профессор поднатужился и, кряхтя, начал поднимать Карика вверх, точно тяжелую штангу.

— Есть! — крикнул Карик, хватаясь за неровные края кувшина.

— Прекрасно! Подтянись еще, еще выше!

Карик стал извиваться всем телом, подтягиваясь на руках, крепко упираясь пятками в ладони профессора.

— Ну, ну, ну! — подбодрял профессор.

Наконец Карик подпрыгнул и ловко сел верхом на край кувшина.

— Прекрасно! — сказал Иван Гермогенович. — Принимай теперь Валю.

Он подхватил Валю с пола и передал ее Карику. Потом быстро начал разматывать паутину, в которую был завернут. Размотав свой костюм до половины, он сделал на конце паутинной веревки петлю.

— Ловите! — крикнул Иван Гермогенович, бросая петлю ребятам.

Карик подхватил веревку и накинул петлю на выступ кувшина.

— Готово! — весело сказал он.

Иван Гермогенович дернул паутину, попробовал, крепко ли она держится, потом ухватился за нее обеими руками и медленно пополз вверх, передвигаясь короткими толчками. Тяжело дыша и отдуваясь, он взобрался наконец на край кувшина.

Путешественники взглянули вниз.

Кувшин, из которого они выбрались, был прикреплен к гигантскому бревну, покрытому рыжими буграми. От этого бревна во все стороны отходили бревна потоньше, а из них зелеными пучками торчали огромные копья.

В просветах между бревнами виднелась далекая-далекая земля.

— Куда же это мы попали? — спросила Валя, со страхом озираясь но сторонам.

Профессор улыбнулся:

— Мы находимся на самой обыкновенной сосновой ветке.

— На ветке? — переспросила Валя, недоверчиво покачивая головой.

— Да, на сосновой ветке, которую ты, надеюсь, видела на своем веку тысячи раз. Ветка, конечно, осталась такой же, как была всегда, но зато сама ты стала гораздо меньше. Вот отчего ты всему удивляешься.

— Ну, хорошо. Ветка так ветка, но как мы с нее спустимся на землю? — сказал Карик. — Пожалуй, без парашюта тут ничего не выйдет.

— Обойдемся и без парашюта, — сказал Иван Гермогенович.

Он похлопал рукой по своему костюму и весело подмигнул ребятам.

— А вы еще смеялись над моим нарядом... Нет, дорогие мои, для таких бедных путешественников, как мы с вами, каждая нитка — клад.

И профессор снова принялся разматывать серебристую паутину, в которую был обернут.

— Нам тоже раздеваться? — спросила Валя.

— Ну, конечно! Одного моего костюма не хватит.

Карик и Валя взялись за дело.

Они сматывали с себя кольца паутины, бережно укладывая их бухтами рядом с собой.

— Торопитесь! Торопитесь, друзья мои! — подгонял ребят Иван Гермогенович. — Эта зверюга, что притащила нас сюда, скоро вернется назад, и тогда мы пропали.

— У нас уже все готово! — крикнула Валя.

— Прекрасно! Попробуйте теперь свить толстые веревки.

— А как это делается?

— Очень просто! Вот так! — И профессор показал, как нужно свивать веревки.

Помогая друг другу, путешественники поспешно вили из паутинных нитей веревки, а из веревок толстый канат.

Наконец все было готово для спуска.

Иван Гермогенович собрал весь канат в кучу, обмотал один его конец вокруг острого выступа кувшина, а весь остальной ворох сбросил пинком ноги вниз.

Тяжелая бухта скользнула между ветвей и помчалась вниз, разматываясь на лету в длинный узловатый канат.

Конец каната повис над нижней веткой сосны.

— Первой спускается Валя! — распорядился Иван Гермогенович.

— Почему я?

— Не время теперь спорить! — нахмурился профессор.

— Ну, ладно, ладно, — поспешно сказала Валя, — полезу первая, только не сердитесь, пожалуйста!

Она храбро ухватилась за канат и быстро заскользила вниз.

— Счастливого пути, — махнул рукой Иван Гермогенович.— Когда спустишься, придержи конец.

— При-дер-жу-у! — крикнула Валя, скользя по канату.

Профессор и Карик наклонились и молча следили, как спускается их маленький товарищ.

— Не тру-усь! — закричал Карик.

— И не думаю даже! — донесся снизу слабый голосок Вали.

Она спокойно скользила по канату от узла к узлу и уже добралась до середины его. Но тут внезапно подул ветер.

Валю стало раскачивать, точно маятник. Она судорожно вцепилась в узел каната и, подняв голову вверх, растерянно искала глазами профессора.

— Спускайся! — закричали разом профессор и Карик.

Ветер раскачивал канат все сильнее. Валя описывала широкие круги над пропастью.

— Спускайся!

Валя зажмурилась и опять заскользила по канату от узла к узлу. Наконец ее ноги коснулись чего-то твердого. Это была нижняя ветка сосны, которая оказалась еще шире и значительно толще верхних ветвей. Валя могла по ней прогуливаться так же свободно, как гуляют люди по широкому проспекту.

— Долезла! — крикнула Валя, взглянув вверх.

Высоко над ее головой висел неуклюжий кувшин. На краю его сидели Иван Гермогенович и Карик и что-то кричали.

Валя прислушалась.

— Придержи веревку! — кричал Карик сверху.

Валя схватила веревку за конец. Веревка дрогнула, натянулась. Карик, а за ним профессор быстро спустились вниз и стали рядом с Валей.

— Отсюда до земли не так уж далеко! — сказал Иван Гермогенович, поглядывая вниз. — Давайте-ка посмотрим, в какой стороне наш маяк.

Он поглядел направо, налево и вдруг закричал:

— Вон он!

— Где? Где? — спросили Карик и Валя, вытянув шеи.

Сквозь заросли сосновых игол путешественники увидели на далеком горизонте шест с красным флагом.

Но как далеко он был теперь! Он казался совсем крохотным, — такими бывают флажки на игрушечных пароходах.

Валя, прищурив глаза, посмотрела на маяк, на Карика, на профессора и тяжело вздохнула.

— Нам теперь не дойти до него! — сказала она. — За год не дойти. Мы такие маленькие, а он так далеко.

— Н-да, — процедил сквозь зубы профессор, — пожалуй, придется шагать месяца два или три.

— Три месяца? Но ведь тогда наступит зима... Придется дом строить, — сказала Валя.

— Гм... Возможно... Однако что же мы здесь стоим? Идемте по ветке к стволу сосны.

Профессор осмотрелся еще раз и уверенно пошел вперед. Следом за ним побрели ребята.

Они карабкались по темно-красным буграм сосновой коры, прыгали через узкие, но глубокие расщелины.

Наконец путешественники дошли до отвесной стены.

Это был ствол.

Красно-коричневые глыбы коры громоздились одна над другой, между глыбами проходили глубокие ущелья. В некоторых местах эти ущелья густо заросли серым, седым кустарником.

— Отдохнем, друзья мои, — сказал Иван Гермогенович, присаживаясь. — А потом спустимся по стволу, как это делают муравьи.

Ребята взглянули вниз и невольно попятились.

— Страшно! — сказала Валя.

— И все-таки придется спускаться! — сказал Иван Гермогенович.

Валя прижалась к красной глыбе и замотала головой.

— Ничего, ничего, — утешал ее профессор, — на Кавказе и на Памире наши альпинисты взбираются на горы еще покруче. И спускаются, конечно, с них. А там разве такие подъемы и спуски? То и дело встречаются ледники, глетчеры. От ветра слезятся глаза. От холода замерзают слезы на щеках. Б-р-р-р... Подумать даже страшно. Ну, а по нашему деревянному Монблану не так уж и опасно спускаться.

— Ну, что ж, как-нибудь спустимся! — вздохнула грустно Валя.

— Конечно, спустимся, — отозвался Карик. — Ведь все равно другого пути на землю нет? Значит, нужно спускаться по стволу.

Профессор размотал остатки своего костюма, свил надежную веревку и протянул один конец ее Вале.

— Ты опять пойдешь первой, — сказал он. — Обмотай веревку вокруг пояса и держись за нее крепче. Следующим пойдет Карик. Я буду спускаться последним.

Иван Гермогенович сделал из веревки петлю и накинул ее на плечи Карика.

— Освободи руки. Та-ак.

Карик поднял руки, опустил петлю до пояса, затянул ее покрепче.

— Ну, вот и все, — сказал профессор.

Путешественники двинулись вниз.

Сначала спускали на веревке Валю. Она шарила внизу ногами, нащупывала выступ коры и кричала:

— Стою! Отпустите немножко веревку!

Веревку ослабляли. Следом за Валей спускался Карик. Иван Гермогенович ждал наверху, широко расставив ноги, придерживая веревку обеими руками. Он следил за каждым движением ребят.

Как только Валя и Карик укреплялись на новой площадке, профессор сбрасывал им веревку и, крепко цепляясь за каждый выступ, осторожно спускался сам.

Так прошли они почти половину опасного пути.

Земля приближалась с каждым шагом. Уже можно было разглядеть узловатые стволы травяного леса.

— А все-таки далеко еще! — сказал Иван Гермогенович. — До земли мы доберемся, пожалуй, не раньше чем через три часа.

Все трое сильно устали.

Плечи, колени путешественников были в ссадинах, в синяках, в царапинах. Руки дрожали и больше не слушались.

Пора было отдохнуть.

На одной из широких площадок профессор и ребята остановились.

— Привал! — скомандовал профессор, падая в изнеможении на бугристую площадку.

Ребята опустились рядом с ним.

Иван Гермогенович лежал, тяжело дыша, вытирая ладонью мокрое от пота лицо. Карик и Валя сидели, свесив ноги над пропастью.

Все трое молчали.

И вдруг Валя вскочила, замахала руками.

— Ай, смотрите! Кто это?

— Что? Что такое? — спросил Иван Гермогенович, приподнимаясь.

И тут профессор увидел огромную голову, покрытую целым лесом густой щетины. Короткие, но цепкие лапы хватались за края площадки. Наконец животное вскарабкалось на площадку и, выгибая лохматое длинное тело, поползло по коре, перебирая многочисленными ногами. За ним появилось другое, такое же лохматое и длинное, затем еще и еще.

— Не бойтесь, — сказал Иван Гермогенович, усаживаясь на выступ коры. — Это всего только гусеницы соснового шелкопряда. Нас они не тронут.

— Ох, все-таки я их боюсь! — прошептала Валя.

— Чего трусишь? — сказал Карик. — Говорят тебе, что они нас не тронут, — значит, не тронут... Чем они питаются? — спросил он у профессора.

— Зеленой хвоей и мягкими, молодыми побегами сосны, — ответил Иван Гермогенович.

— Ну вот видишь. Это гусеницы-вегетарианки. Можешь их даже погладить рукой.

Но Валя на всякий случай отодвинулась подальше. Профессор, улыбаясь, подошел к Вале, похлопал ее по плечу и сказал:

— Не бойся, не бойся, дружок. Сейчас они уползут дальше. Мы-то им совсем не нужны. Они подбираются к хвое, к молодым побегам сосны. Вот этой-то зелени достанется от волосатых вегетарианок. О, я их прекрасно знаю! Когда-то написал даже о них книгу.

— Книгу о гусеницах? — удивилась Валя.

— Что ж тут удивительного? — пожал плечами Иван Гермогенович. — Ведь эти гусеницы — настоящая лесная саранча. Они собираются в бесчисленные стаи и пожирают хвойные леса, как саранча пожирает хлеб. Однажды я видел лес, по которому прошли шелкопряды. Он был начисто обглодан этими обжорами. Десятки километров ехал я, но нигде не видел ни одного зеленого пятнышка, только голые сучья торчали во все стороны.

Тут профессор поглядел вверх и улыбнулся, как будто увидел самого лучшего из своих друзей.

— А вот и микрогастер неморум! — сказал Иван Гермогенович.— Добро пожаловать, добро пожаловать!

— Где? Кого это вы увидели?

— А вы разве не видите?

Ребята задрали головы.

В воздушных волнах прямо над шелкопрядами бесшумно парили огромные животные с узкими телами и длинными прозрачными крыльями.

— Комары! — закричала Валя.

— Микрогастер неморум! — сказал профессор. — Наездники! Друзья лесов и полей. Смотрите, ребята, что будет дальше. Многие ученые позавидовали бы вам сейчас. Смотрите! Р-р-раз! — отсчитывал профессор. — Есть один! Р-раз! Другой! Прекрасно! Р-р-раз! Третий! Молодцы! Смотрите! Смотрите!

Крылатые наездники падали сверху на гусениц, точно коршуны на добычу, и усаживались у них на спине.

— Едут! Едут! — засмеялась Валя. — Настоящие наездники!

Это было похоже на забавное представление в цирке, где собаки катаются на лошадях, а на кошках мчатся перепуганные мыши.

Ребята захлопали в ладоши. Но вдруг Валя опустила руки, поглядела на профессора и растерянно спросила:

— Эти... микры... что же это они делают?

Она увидела, что наездники быстро поднимают вверх брюшко с острой шпагой на конце и со всего размаху вонзают эту шпагу в спину гусеницы.

Кольнув гусеницу, они сейчас же взлетали вверх.

— Дерутся! — сказала Валя. — Дерутся, а не катаются!

— И не дерутся и не катаются! — ответил Иван Гермогенович. — Наездники прокалывают своим острым яйцекладом кожу гусеницы и под кожу кладут яички. Через некоторое время из яиц выйдут личинки наездника и примутся уничтожать гусениц... Они, я полагаю, сожрут гусениц раньше, чем из них выйдут бабочки-шелкопряды... Если бы, друзья мои, не было наездников, сосновый шелкопряд пожрал бы все леса, но микрогастер не дает ему расплодиться. Поэтому мы можем назвать его самым лучшим сторожем наших лесов.

— А нельзя ли разводить искусственно этих микрогидров? — спросил Карик.

— Микрогастеров?.. Можно! — сказал профессор.

— Так почему же их не разводят?

— Пробуют, но не всегда эти опыты бывают удачны! — ответил Иван Гермогенович. — К сожалению, в личинок этих наездников откладывают свои яйца другие наездники. Правда, совсем крошечные, но эти яйца убивают микрогастера, и он погибает.

— Вот паразиты! А разве нельзя эту мелюзгу уничтожить?

— Можно! У этих крошечных наездников есть тоже свои враги, тоже наездники. Это уже совсем малютки.

— Ну вот, — сказал Карик, — этих-то, значит, и надо разводить!

— Да, это, конечно, разумно, — согласился профессор, — да вот беда: есть еще на свете наездники, которые откладывают свои яйца в личинок этих полезных крошек.

Карик смущенно развел руками.

— Вроде... сказки про белого бычка. Начало есть, а конец потерялся.

— Вот именно, вот именно! — подхватил Иван Гермогенович. — Иной раз кажется, что ты уже нашел конец и все, все узнал о том или ином животном, но стоит только поглубже и посерьезнее вникнуть в суть дела, как ты уже убеждаешься, что в твоих руках не конец, а только начало новой увлекательной главы исследования.

Профессор позабыл, что он сидит на кусочке коры.

Он вскочил и с жаром начал говорить о том, как ученые, точно Колумбы, путешествуют ежедневно в неведомых странах и как открывают они все новые и новые материки.

По коре, точно по широкому проселочному тракту, ползли вверх шелкопряды.

Навстречу им спускались какие-то жуки. Над сосновой дорогой порхали крылатые животные.

Профессора бесцеремонно толкали гусеницы-шелкопряды, которые деловито ползли вверх. Его чуть не свалил с ног огромный черный жук, а он все говорил, говорил, говорил...

Как долго простоял бы Иван Гермогенович на кусочке коры, будто на кафедре, неизвестно. Возможно, что беседа затянулась бы до вечера. Но тут неожиданно в нее вмешался какой-то крылатый зверь.

Он камнем упал рядом с профессором и ударом крыла отбросил его в сторону. Потом, приподняв вверх брюхо с длинной острой пикой, зверь коротким, сильным ударом пробил кору около самой головы профессора.

Пика глубоко погрузилась в кору.

Ребята и вскрикнуть не успели, а животное уже выдернуло пику и исчезло так же молниеносно, как появилось.

Карик и Валя прижались к красной скале. Бледные от испуга, они тяжело дышали.

— Ну вот, — приподнялся с коры Иван Гермогенович, — я тут немножко заболтался, кажется! А нам ведь надо до ночи спуститься на землю.

Он поглядел на Карика, на Валю и сказал:

— Ничего опасного! Это самый обыкновенный талесса, или, попросту говоря, тоже наездник.

— Он кладет яички в кору?

— Зачем же в кору? — сказал профессор. — Он положил яички в личинку вредителя сосны.

— В личинку? — оглянулся Карик. — Где же она?

— Под корой!

— Как же вы ее видите?

— Я-то ее не вижу, но теперь я готов ручаться чем угодно, что под нами, под слоем этой коры шевелится личинка какого-нибудь жучка-усача.

— Значит, наездник видит сквозь кору?

— Нет. Он тоже не видит личинки, но он ее чувствует... Нам, впрочем, этого не понять. Мы вообще плохо знаем нравы и жизнь насекомых. А многое из жизни этих удивительных созданий и вовсе нам неизвестно. Мы хорошо не знаем даже, для чего, например, нужны насекомым усики! — сказал Иван Гермогенович.

Он встал и не спеша намотал конец веревки на руку.

— Ну, — сказал Иван Гермогенович, — поднимайтесь, друзья мои! Пойдем дальше.

И снова начался опасный и тяжелый спуск по глыбам коры.

Время от времени профессор и ребята, выбрав площадку для отдыха, молча ложились на красные скалы.

Растирая одеревеневшие руки и ноги, они осматривали, целы ли веревки, не перетерлись ли узлы, потом вставали и снова пускались в путь, прыгая, как козы, со скалы на скалу.

На одном из привалов путешественникам пришлось просидеть довольно долго.

Это было уже совсем недалеко от земли.

Профессор и ребята после короткого отдыха приготовились было спускаться, как вдруг над их головами зашумели крылья.

Иван Гермогенович взглянул вверх и побледнел. Быстро схватив ребят за руки, он вместе с ними юркнул в узкое ущелье.

— Сидите смирно! — шепнул профессор.

Мимо пролетело полосатое животное с узкой длинной талией. Его вытянутое тело было покрыто желтыми и черными полосами, как тигровая шкура.

Рассекая воздух прозрачными крыльями, животное мчалось, прижимая к брюху что-то извивающееся, очень похожее на змею.

— Эвмена, — прошептал профессор, — оса-эвмена.

Оса подлетела к кувшину, из которого только что выбрались Иван Гермогенович и ребята, сбросила туда свою добычу и залезла в кувшин.

— Это она перетащила нас? — спросила Валя.

— Она, — кивнул Иван Гермогенович. — Я думаю, друзья мои, что эвмена приняла нас за гусениц. Но смотрите, что она делает!

Оса-эвмена вылезла из кувшина, стремительно ринулась на землю и тотчас же снова взлетела вверх.

Овеяв путешественников ветром, она, как вихрь, пролетела мимо них и, описав круг, опустилась на кувшин. Суетливо ползая вокруг отверстия, она проворно перебирала лапками, деловито постукивая по краям кувшина головой.

Потом эвмена улетела.

Путешественники увидели, что входное отверстие кувшина было плотно замазано чем-то серым. В середине, как пробка, торчал большой острый камень.

— Видите, — сказал Иван Гермогенович, — как оса замуровала свой кувшин. Ну, друзья мои, если бы мы вовремя не выбрались оттуда, мы пропали бы, умерли от голода.

— А разве нельзя сломать стенку?

— Нет! Оса приготовляет из пыли и собственной слюны такой крепкий цемент, что его даже большим людям нелегко сломать.

— Я все-таки не понимаю, — сказал Карик. — Ну, она притащили нас, ну, запихала нас в кувшин... А для него? Почему она не съела нас сразу?

— Да она и не собиралась нас есть, — ответил Иван Гермогенович. — Эвмена питается соком цветов, а гусениц она таскает для своего потомства, для будущих своих детей... При этом, заметьте, она не убивает свою добычу. Ударом жала она только усыпляет гусениц... Консервирует их... Приготовляет из гусениц живые консервы.

— Почему же оса не усыпила нас? — спросила Валя.

— Не знаю! — пожал плечами профессор. — Ничего не понимаю... Может быть, ее жало не могло проткнуть наши фуфайки из паутины, а может быть, ее яд не подействовал на нас. Не знаю! Да и вообще все это очень удивительно... Право, я не понимаю, как могла она спутать нас с гусеницами... Обычно осы не ошибаются в таких случаях... Для науки это совершенно загадочный случай.

— А кто же сделал ей такой кувшин? — спросила Валя.

— Сама же она его и сделала, — ответил Иван Гермогенович. — Из пыли и собственной слюны... За эти-

ми надежными стенами личинка может расти, не опасаясь, что ее кто-нибудь проглотит или раздавит. Пищи для нее приготовлено как раз столько, сколько нужно... Когда же личинка вылупится из яйца, она спустится на паутинке вниз, упадет на гусениц и начнет пожирать их. И как пожирать! Неделями грызет она свою жертву, но до последнего дня гусеница остается живой, а мясо ее свежим... В первый день личинка питается только кровью гусеницы, затем поедает жир, а потом уж мускулы... Без крови, без жира, без мускулов гусеница продолжает жить и остается по-прежнему свежим мясом для личинки. Наконец личинка пожирает все остальное и закукливается, а через некоторое время из кокона вылетает самец или самка осы-эвмены... из нашего кувшина должен был бы вылететь самец, но теперь...

— Почему вы знаете, что непременно самец?

— Знаю! — сказал Иван Гермогенович. — Оса опустила в этот кувшин нас троих и принесла после еще одну гусеницу. Четыре гусеницы — это запас для будущего самца. Для яйца, из которого должна выйти самка, оса оставляет ровно десять гусениц. И это вполне понятно. Будущая самка осы-эвмены крупнее самца, а поэтому и пищи для нее нужно оставить побольше.

— Значит, осы умеют все-таки считать до десяти? — спросила Валя.

— Не думаю, чтобы они умели считать даже до двух, — ответил улыбаясь Иван Гермогенович. — Вспомни-ка, оса ведь залезала в кувшин после того, как мы оттуда выбрались? Не правда ли?

— Ну, залезала!

— А залезала затем, чтобы положить яйцо. Значит, она видела, что в кувшине не четыре гусеницы, а только одна. И все же она не догадалась принести еще трех гусениц, а так и замуровала кувшин. Личинка, конечно, теперь погибнет.

Профессор вышел из ущелья, поглядел вправо, влево и сказал:

— Она умчалась, — теперь мы можем идти спокойно.

До земли было уже недалеко, и скоро путешественники благополучно спустились вниз.

Перед ними лежала каменистая пустыня.

Влево синел далекий травяной лес. Над лесом, точно соломинка, торчал шест-маяк с крошечным красным флажком.

Путешественники двинулись в путь.

Весь день шли они по пескам, лесам и горам. Пробирались через овраги, переходили вброд ручьи.

К вечеру, усталые и голодные, остановились они на берегу бурливой речки. Перебираться через речку было уже не под силу ребятам.

Валя растянулась на берегу и сказала:

— Не могу больше!

На землю спускались сумерки. Небо потемнело. Багровые облака клубились над лесом. Вверху, над головами, потянулись с криком стаи птиц.

— Ну что ж, — сказал Иван Гермогенович, — придется здесь переночевать.

— На берегу?

— Попробуем найти пещеру или берлогу какую-нибудь.

После недолгих поисков Карик набрел на огромное, как стог сена, коричневое яйцо. Сбоку в плотной стене исполинского яйца чернела круглая дыра.

Карик заглянул внутрь и закричал:

— Идите ко мне! Я, кажется, нашел какой-то дом.

Профессор подошел к яйцу, осмотрел его со всех сторон и, подумав, сказал:

— Пустой орех. Брошенная квартира личинки жука орехового долгоносика. Залезайте, ребята. Вполне сносная гостиница.

Становилось уже темно. У ребят от усталости слипались глаза. Ныли ноги. Быстро юркнув в дырочку ореха, Карик и Валя упали на шершавый пол и сразу заснули как убитые.

Между тем профессор бродил, вздыхая, вокруг ореха. Входное отверстие было так узко, что Иван Гермогенович мог просунуть в него только голову. Плечи его уже не пролезали.

— Экая досада! — бормотал профессор.

Сердито ворча, он еще раз заглянул в орех, послушал, как ровно дышат во сне ребята, и побрел искать для себя ночлега.

Недалеко от ореха он нашел в ямке раковину улитки, осмотрел ее. Раковина была пуста. Иван Гермогенович, кряхтя и охая, забрался туда.

Покатый пол раковины был жесткий и холодный, Но профессор, утомленный дорогой, даже не заметил этого.

Подложив под голову кулак, он вытянулся во весь рост и тотчас же заснул.

Около полуночи в воздухе что-то загудело. Профессор смутно слышал это сквозь сон. Вероятно, поднимался ветер.

Проснувшись от холода, он открыл глаза.

Небо было подернуто тучами, в тучах ныряла луна. Профессор поежился, поджал под себя ноги и задремал, беспокойно ворочаясь во сне.

За стенами раковины носился, как бешеный, холодный порывистый ветер. По земле летели, кружась, пыль, травинки, лепестки.

Орех зашатался под напором ветра и наконец, сильно дрогнув, качнулся и, подхваченный ветром, стал медленно сползать к реке. Новый порыв ветра столкнул орех в воду. Он заплясал на волнах и поплыл вниз по течению.

Сквозь сон ребята почувствовали, как их покачивает, точно в люльке.

Прижимаясь друг к другу, они спали, улыбаясь во сне. А река мчала орех, уносила ребят от профессора все дальше и дальше.

Светила луна.

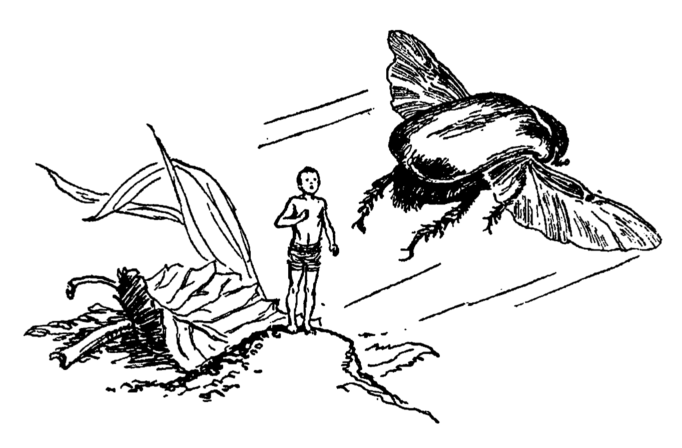
Она покрывала реку живой серебристой чешуей, освещала тихий, пустынный берег и свернутую рогом раковину, откуда доносился могучий храп профессора.

Ветер качал над рекою темные травяные деревья.

По реке, как по серебряной дороге, плыл, покачиваясь, черный орех, и скоро он исчез за темным поворотом реки.

Глава тринадцатая

Высадка в неизвестной гавани. — Снова в плену. — Иван Гермогенович идет по горячим следам. — Животное, которое дышит хвостом. — Неожиданное открытие.

Перед рассветом поднялся сильный ветер.

Орех, ныряя в волнах, то взлетал на высокие гребни, то исчезал в белой, кипящей пене. Волны с шумом перекатывались через него, подбрасывали, швыряли во все стороны. Холодные брызги сыпались сверху в широкий люк, падали на Карика и Валю, но ребята только беспокойно ворочались во сне, закрывали лицо и шею руками и отодвигались подальше от люка. Они так измучились и устали, что их не мог бы разбудить даже ледяной душ.

Но вот сильное течение завертело орех, закружило в водовороте. Орех резко качнулся, накренился набок. Карик перекатился через сестру и больно ударился головой о стену.

— Что? Что такое? — вскрикнул Карик.

Он попробовал встать, но орех опять качнуло, и Карик снова покатился по полу.

Хватаясь за шершавые стенки ореха, он кое-как приподнялся и закричал:

— Валька, что-то случилось! Вставай! Кто-то тащит наш орех!

Протирая заспанные глаза руками, Валя растерянно посмотрела на Карика.

— Может, это зверь какой-нибудь напал на нас, Надо разбудить скорее Ивана Гермогеновича... Иван Гермогенович! — закричала Валя, вскакивая.

Но лишь только она выпрямилась, пол под ее ногами качнулся, Валю отшвырнуло к стене. Она сшибла Карика и вместе с ним покатилась по шершавому полу.

Вокруг было совсем темно, и только сверху, через круглый люк, падал голубоватый ночной свет.

Держась за стенки ореха, Карик подполз к люку и высунул голову. В лицо хлестнула волна.

Ветер со свистом метался над водой, поднимая крутые, пенящиеся валы.

Вокруг бушевали волны. Все кругом кипело, как в котле.

Карик закричал:

— Валя! Скорей!.. Смотри, что это? Смотри, мы плывем!

Валя с трудом добралась до люка и вцепилась в его края руками.

— Плывем! — испуганно сказала Валя. — Куда-то плывем.

Качало так, как будто ребята плыли по настоящему океану.

Валя оглянулась, потом посмотрела на Карика, потом оглянулась снова и побледнела:

— А где же Иван Гермогенович?

— Не знаю... Может, где-нибудь рядом! — неуверенно ответил Карик.

— Где рядом? Что ты говоришь? — испуганно закричала Валя. — Мы же в орехе. В орехе, понимаешь? А кругом вода.

Сильный толчок отбросил ребят от люка. Пол под ногами завертелся, запрыгал.

Карик и Валя упали.

Ветер с яростным свистом пронесся над рекой. Все кругом завыло, загудело. В люк плеснула волна, ребят окатило с ног до головы холодной водой. Мокрые и дрожащие, они сидели на полу, крепко обнявшись, со страхом посматривая на круглый люк.

Над люком, в мутном небе, проносились черные облака.

Орех кренился набок, и тогда перед самым люком прыгали пенящиеся валы, но вот новый крен, и снова мимо люка быстро несутся облака, и в облаках ныряет бледная луна.

При каждом новом толчке ребята разлетались в стороны, но тотчас же Валя торопливо подползала к брату и крепко цеплялась за него. Бедные ребята ничего не могли понять: где Иван Гермогенович, как орех попал в воду, куда их несет река?..

А орех мчался все вперед и вперед, то прыгая по гребням волн, то зарываясь в воду.

Но вот как будто буря стала стихать. Орех уже не бросало и не швыряло, а только покачивало, как люльку.

Ребята встали.

— Кажется, кончилась болтанка! — сказал Карик.

Он подошел к люку, выглянул из него.

Мимо, совсем близко, плыли берега, поросшие лесом. Волны тихо плескались внизу.

И вдруг орех остановился.

Черные глыбы земли поднимались перед самым люком, точно стена. Берег был так близко, что до него можно было дотронуться рукой.

Орех пришвартовался к неизвестной пристани.

— Куда-то все-таки приехали! — тихо сказала Валя.

— Вылезай скорей! — приказал Карик, цепляясь руками за края люка.

Помогая друг другу, Карик и Валя выбрались из ореха и прыгнули на землю.

* * *

Было раннее утро.

В серых, предрассветных сумерках стояли тихие, печальные холмы. На далеком горизонте еле заметно светилась розовая полоса.

В тихой бухте у самого берега плавал, чуть покачиваясь, черный и мокрый орех.

Мимо с шумом катилась река. Течение мчало по волнам жерди, сухие ветки и лепестки. Их несло в бухту, прибивало к берегу. Они кружились и, проплывая мимо ореха, слегка подталкивали его, как бы пытаясь сдвинуть с места.

Вся бухта, точно шелухой, была покрыта сухим плавником. Ребята поднялись на пригорок и нерешительно остановились. Поеживаясь от холода, они стояли, растерянно посматривая друг на друга.

Куда идти?

Что делать?

Ах, если бы здесь, рядом с ними, был Иван Гермогенович!

— Неужели пропал? — вздохнула Валя.

— Найдем! — решительно сказал Карик. — Он здесь. Обязательно где-нибудь здесь...

Он сложил ладони рупором, приподнялся на цыпочках и крикнул что было силы:

— Иван Гер-мо-ге-е-е-ны-ы-ыч!

Где-то сзади, за темными холмами, зашумела листва.

Ребята прислушались.

Шаги?

Нет. Это ветер. Это шумят деревья.

Валя опять тяжело вздохнула.

— Ничего, ничего. Мы найдем его. Вот увидишь. Он не бросит нас.

Карик взял сестру за руку и повел ее за собой по берегу реки. Через каждые пять-шесть шагов они останавливались и громко кричали:

— Иван Гер-мо-ге-ны-ы-ыч!

Но профессор не откликался.

— Знаешь что, — сказал Карик, — я пойду по берегу, а ты иди немного подальше. Вон видишь — там какая-то роща за холмами. Ну вот. Ты иди к этой роще и кричи. Только громче. Сначала буду я кричать, потом ты, потом опять я, потом ты! Ладно?

— Ладно.

— Только не отходи далеко и по сторонам поглядывай. Осторожнее. Ну, иди.

Карик пошел по берегу, а Валя направилась к темной роще. Время от времени ребята останавливались, кричали и снова шли дальше.

Валя дошла до рощи.

В роще было темно и очень мрачно. Черные узловатые стволы деревьев поднимали вверх изогнутые, искривленные ветки; широкие листья свисали до самой земли.

— Эй, Ва-аля-я! — прокатилось где-то у реки.

— Ау! — отозвалась Валя. — Я здесь. Дошла до какого-то леса.

Валя подошла к темному, развесистому дереву. От дерева шел вкусный, приятный запах.

Валя потянула ноздрями воздух.

Странное дело — пахло свежим миндальным печеньем. Как дома, перед праздниками, когда мама

вынимала из духовки листы с печеньем, пахло во всей квартире — и ванилью, и миндалем, и горячим тестом.

Валя сразу вспомнила, что со вчерашнего дня она еще ничего не ела.

«Надо посмотреть, что это так вкусно пахнет, — подумала она и решительно подошла к дереву. — Полезу. Посмотрю».

— Эй, Карик! — закричала Валя. — Я на дерево полезу. С дерева буду кричать. Ты слышишь?

— Залезай и кричи. Только громче. Я сейчас приду к тебе! — отозвался Карик.

Валя ухватилась руками за мокрые, скользкие ветви и быстро, по-обезьяньи полезла вверх.

Раздвигая широкие листья, которые, свешиваясь со ствола, преграждали дорогу, Валя лезла все выше и выше. Изредка она поглядывала наверх.

Совсем близко, над головой, виднелось что-то вроде огромной чашки. Она добралась до нее, уцепилась за влажные, упругие, точно резиновые стенки и заглянула внутрь.

Перед самым носом Вали покачивались пушистые шары. Они висели на толстых длинных шестах, которые поднимались со дна чашки.

От них-то и шел этот крепкий и такой вкусный запах.

Валя почувствовала, что если сейчас же, сию минуту не съест вот этот шар, который качается перед ее носом, она просто умрет от голода.

Валя подтянулась на руках и села верхом на край лепестка, как на забор.

Вкусный шар был совсем рядом. Валя вцепилась в него руками и с силой дернула к себе. Но оторвать его не удалось. Шар держался крепко.

Валя дернула сильнее.

Лепесток, на котором она сидела, качнулся, и она чуть не потеряла равновесие. Чтобы не упасть, девочка отпустила шар и крепко ухватилась за края лепестка.

Шар отлетел в сторону, ударился о другой край чашки и тотчас же снова заплясал перед глазами Вали.

Тогда Валя так рванула шар, что вся чашка задрожала. Шар оторвался от шеста, и в ту же минуту Валя вместе со своей добычей грохнулась вниз, на дно чашки.

Не выпуская шара из рук, Валя вскочила и посмотрела вверх по сторонам. Она находилась в сердцевине огромного цветка.

Влажные лепестки поднимались вокруг, точно гладкие стены круглой башни. Сквозь щели темных лепестков просачивался розовый утренний свет.

Где-то далеко-далеко закричали птицы. Внизу, шурша листвой, пробежал кто-то, быстро перебирая легкими ногами.

«Надо слезать на землю!» — подумала Валя.

Прижимая крепко к груди вкусный шар, она обошла чашку-цветок и остановилась перед узкой щелью между лепестками. Она попыталась протиснуться сквозь щель, но щель оказалась слишком узкой.

Тогда Валя попробовала взобраться наверх по шесту, но лишь только она ухватилась за него руками, стены чашки задвигались, словно живые, и медленно стали сближаться.

Огромный цветок, в который залезла Валя, сложил над ее головой лепестки. В цветке сразу стало темно.

Напрасно Валя пыталась раздвинуть лепестки и выбраться из цветка. Лепестки крепко сжались и не выпускали ее из душистой тюрьмы.

— Карик! Ка-арик! — испуганно закричала девочка. — Скорей! Сюда! Ко мне!

Она кричала что было силы, но голос ее не мог пробиться сквозь мягкие, толстые стены. Казалось, что она кричала, уткнувшись лицом в пуховую подушку.

Этот придушенный, еле слышный крик, точно отголосок далекого эха, донесся до Карика. Он остановился, прислушался. Ему показалось, что где-то, далеко-далеко за холмами, кричит Иван Гермогенович.

— Ага! — обрадовался Карик. — Идет сюда. Нашел нас все-таки.

Он быстро взбежал на высокий пригорок и снова, сложив руки рупором, закричал:

— Зде-есь! Сю-юда! Мы здесь!

В ответ только гукнула ночная птица.

У подножья холма с шумом катилась река. Волны плескались о берег. Мягко шуршал осыпающийся с обрыва песок.

«Откуда же он кричал? — думал Карик. — Справа или слева?»

Он постоял немного и снова крикнул.

Но никто не отозвался. Он крикнул еще и еще раз, повертываясь в разные стороны.

Напрасно. Ему не отвечал никто.

Карик нахмурился:

— Нет. Должно быть, показалось.

Он взглянул на темную рощу, где осталась Валя, и громко оказал:

— Валя, ты слышала? Как будто бы Иван Гермогенович кричал? Слышала ты или нет?

Но на этот раз и Валя не ответила Карику.

«Ну, не хватает еще, чтобы и она пропала!» — подумал Карик и крикнул погромче:

— Ва-аля!

С обрыва упал в воду камень. Карик вздрогнул, оглянулся, постоял немного и снова крикнул:

— Ва-алька-а-а!

Валя не отвечала.

— Ну вот, говорил ей, чтоб сидела на дереве и ждала, а она ушла куда-то... Свяжешься с девчонками — и сам не рад будешь.

И он не спеша пошел через поле к роще.

Но вот и роща.

Карик подошел к деревьям. Задрав голову вверх, он посмотрел на густые вершины.

Утренний ветерок тихо покачивал широкие листья, из которых выглядывали огромные желтые шары.

Вали на деревьях не было.

— Где же она? — совсем растерялся Карик.

Он крикнул еще раз и еще раз, но только ветер прошумел ему в ответ.

Валя не отзывалась.

Карик прикусил губу, остановился и задумался:

«Валя не могла убежать далеко. Значит?.. Значит, ее кто-то схватил, утащил куда-то, а может быть... сожрал».

Карик даже вздрогнул.

«Ах, если бы здесь был Иван Гермогенович! Он непременно что-нибудь придумал бы, непременно нашел бы Валю».

Карик беспомощно огляделся.

Вокруг лежали безмолвные холмы. Холодное, какое-то чужое небо висело над мертвыми песками. Тоскливо шумел голый, высохший лес на соседнем пригорке.

Над головой со свистом мчались куда-то исполинские жуки, задевая крыльями уродливые деревья.

Все кругом было каким-то чужим, непривычным, страшным. Карик вздрогнул и с пронзительным криком побежал вперед не разбирая дороги.

Перед рассветом Иван Гермогенович проснулся от страшного холода. Он придвинулся к стенке, но тотчас

же отскочил от нее точно ужаленный. Роговая стенка раковины была холодна как лед. Спать в таком леднике было совсем невозможно. Иван Гермогенович выбрался из раковины и принялся бегать вокруг нее, стараясь хоть немного согреться.

Еще светила луна.

Холодный ветер дул в лицо, в спину, поднимая тучи мелких камней, и камни больно хлестали по рукам и ногам.

— Ну и ночка! — ворчал профессор. — Хорошо еще, что ребята устроились в теплом месте.

Он решил посмотреть: как-то они спят в орехе? Удобно ли им? Спокойно ли? И, дрожа от стужи, пошел к реке.

Бледная луна освещала голый пригорок с одиноким сухим деревом на вершине. Профессор взбежал на пригорок и растерянно огляделся.

Пригорок был пуст.

Сухое, искривленное дерево скрипело на ветру, грустно шурша, высохшими листьями. Черные тени листьев печально ползали по холодной земле.

— Странно... Очень странно... — пробормотал Иван Гермогенович.

Он прекрасно запомнил, что здесь, на этом самом месте, лежал огромный орех. Вот и неглубокая впадина, вдавленная его круглыми боками. Ну, конечно, это то самое место. Сомнений быть не могло.

Профессор наклонился к земле и принялся внимательно рассматривать ее.

От впадины к реке тянулась черная широкая полоса, как будто здесь протащили совсем недавно тяжелую кладь.

Профессор вытянул шею и, поминутно нагибаясь, пошел по следу.

След довел до реки.

Иван Гермогенович остановился на самом краю обрыва и задумчиво посмотрел вниз, на черную реку, которая с шумом катила свои воды.

Дальше идти было некуда.

Пощипывая бороду, хмуря брови, он стоял над обрывом и разговаривал вслух сам с собой:

— Если бы кто-нибудь напал на них, они бы закричали, позвали бы меня. Я всегда сплю так чутко, я непременно услышал бы их. Но что же тогда случилось? Утащил кто-нибудь орех, что ли? Да нет. Кому он нужен, старый, испорченный орех? Чепуха. Все дело значительно проще: орех сдуло в воду.

Профессор быстро спустился к реке.

— Куда же, однако, понесло орех? Вправо? Влево?

Иван Гермогенович поднял кусочек сухого листа и бросил его в воду.

Течение подхватило листок, закружило и помчало, подбрасывая на пенящихся волнах.

Профессор побежал по берегу в ту сторону, куда понесло листок.

Лес подступал к самой реке. Профессор то пробирался сквозь чащу, то шел по воде, теплой, как парное молоко. Ночь была светлая, лунная. Только у берегов, где густо росли высокие травяные деревья, лежали черной полосой широкие тени.

По середине реки, по лунной дорожке, неслись, обгоняя профессора, лепестки, гигантские листья и бревна.

Они ныряли, то пропадая, то появляясь снова, — издали казалось, что это кто-то плывет, борясь с волнами.

Всякий раз, когда на середине реки проплывало, ныряя, бревно, Иван Гермогенович останавливался и с тревогой следил за ним:

— Не ребята ли плывут?

Он лез в реку, заходил по пояс в воду, готовясь броситься на помощь. Но вот бревно подплывало ближе. Уже совсем отчетливо видны голые сучья.

— Фу! — с облегчением вздыхал Иван Гермогенович и быстро шел дальше.

Река долго петляла среди темных лесов и гор и наконец раскинулась перед профессором широким, сияющим плесом.

Раздвинув руками мокрые ветви, Иван Гермогенович вышел из леса и вдруг невольно остановился.

— Ребята!

По залитой лунным светом реке плыли Карик и Валя.

— Да, да, это они! — зашептал Иван Гермогенович.

Вон по середине реки плывет Карик, а немного правее его, ближе к берегу, — Валя. Головы их то исчезают под водой, то появляются снова, точно поплавки. Очевидно, ребята давно уже выбились из сил. Вот-вот пойдут ко дну.

Ах, только успеть бы!

Профессор бросился в воду. Течение подхватило его и понесло вдоль берега.

— Держи-те-есь! — закричал Иван Гермогенович.

Рассекая руками воду, он быстро поплыл на помощь к ребятам.

С каждым взмахом руки расстояние между ним и ребятами сокращалось.

И вот уже профессор подплыл к ним вплотную, протянул руку... Но что это?

Он увидел под водой изгибающиеся буквой S суставчатые тела.

— Ах, будь ты неладна! — вырвалось с досадой у профессора, и он повернул обратно к берегу.

То, что принял он при неверном лунном свете за ребят, были только самые обыкновенные личинки мухи-львинки.

Они держались на поверхности реки, цепляясь за водную пленку своими удивительными хвостами, похожими на растрепанные парики.

Личинки плыли вниз головой, то и дело хватая зазевавшихся речных жителей. Дышали они своими волосатыми хвостами.

Когда-то в молодости профессор собирал этих личинок для аквариума. Из личинок выходили потом мухи с черными и желтыми полосками, похожие на пчелку, и даже откладывали яички на цветущие водные растения аквариума.

О кузнечиках, которые слушают ногами, и о львинке, которая дышит хвостом, профессор даже написал книгу.

В другое время Ивана Гермогеновича нельзя было бы оттащить и силой от этих удивительных насекомых, но сейчас ему было не до того.

Нащупав ногами дно, профессор вышел на берег и, дрожа от холода, побежал, стараясь согреться на бегу.

Время от времени он останавливался, прислушивался. Но слышал только, как стучит его сердце да как шумит над головою ветер.

Заметив в стороне пригорок, он бежал к нему, забирался наверх и, сложив ладони рупором, громко кричал:

— Ка-а-ари-ик! Ва-а-аля!

И снова бежал к реке.

«А что, если спустить на воду плот? — подумал Иван Гермогенович. — Столкнуть в реку три-четыре бревна, связать их — и плот готов. На плоту я, пожалуй, скорее догоню ребят».

Но профессору не пришлось сколачивать плот.

Плот, точно в сказке, точно по щучьему веленью, сам подплыл к берегу. Он остановился около темной песчаной отмели и закружился на месте.

— Вот это замечательно! — крикнул Иван Гермогенович. Он с разбегу вскочил на плот и принялся раскачивать его, помогая ему сойти с песчаной мели.

Плот дрогнул, закачался на волнах и медленно поплыл по течению. В это время мимо профессора проплыл еще один такой же плот, а за ним еще и еще.

«Странно. Откуда это столько плотов появилось?» — подумал Иван Гермогенович.

На лунной дорожке профессор внимательно осмотрел свое удивительное судно. Он увидел, что стоит на толстых бревнах, заостренных с обеих сторон. Бревна были похожи на гигантские сигары и лежали в ряд так плотно, как будто их кто-то склеил. Профессор нагнулся, потрогал рукой и растерянно пробормотал:

— Скажите, пожалуйста... Вот так плот...

Даже при лунном свете он узнал эти страшные сигары.

Судно, на котором плыл Иван Гермогенович, было набито необыкновенным грузом: трюмы его были начинены лихорадкой: каждое бревно-сигара скрывало в себе личинку малярийного комара-анофелеса.

— Вот уж никак не думал, что мне придется быть капитаном малярийного корабля! — усмехнулся Иван Гермогенович.

Справа и слева от плота проплывали, обгоняя профессора, такие же малярийные суда. Очевидно, где-то в верховьях реки комары-анофелесы откладывали яйца.

Время от времени по реке проплывали яйца простого, самого обыкновенного комара. Они плыли, склеенные стопочкой, стоймя, точно поплавки, и с виду очень походили на лодочки.

На каждом повороте, на каждой излучине реки профессор вытягивал шею и напряженно всматривался

в темноту: не прибило ли орех к берегу, не плавает ли он в какой-нибудь тихой заводи?

Лесистые берега давно уже остались позади.

Река круто повертывала в сторону. Мимо проплыли бесконечной цепью голые холмы.

Светало.

Луна побледнела. Звезды гасли одна за другой, точно их тушил кто-то, и только низко над холмами еще висела одинокая зеленая звездочка.

Плот несло сильным течением к берегу. Профессор стоял на самом краю плота, растирая холодные руки, грудь и бока.

Река повернула вправо. И вдруг профессор услышал вдали, за холмами, чей-то слабый голос.

Иван Гермогенович вздрогнул. Сердце у него забилось, застучало.

— А-ая! — кричал кто-то на берегу.

Профессор забегал по зыбкому плоту и во весь голос крикнул:

— Карик! Валя!

— Иван Гермоге-но-ви-ич! —донеслось до него из-за холмов.

— Здесь! Здесь! Сюда! — засуетился еще больше Иван Гермогенович.

Из-за пригорка показалась голова Карика, потом плечи, наконец Карик выскочил на пригорок, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Сюда! Карик! Сюда! — закричал Иван Гермогенович.

Увидев профессора, Карик как-то странно всхлипнул и сломя голову побежал к реке.

— Причаливайте! Причаливайте скорей! — кричал он, бестолково размахивая руками.

Профессор лег на плот и начал торопливо загребать руками воду, но плот, как нарочно, относило в сторо-

ну вниз по реке, кружило в водоворотах, бросало на камни.

Плот промчался мимо Карика и начал быстро удаляться от него.

— Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь! — кричал Карик, догоняя плот.

— Сейчас, сейчас, голубчик! — И профессор стал еще быстрее загребать руками воду.

Но плот совсем не слушался его. Тогда Иван Гермогенович подбежал к самому краю плота и с разбегу нырнул в воду.

Карик заплакал и тоже полез в реку.

— Куда ты, куда? — крикнул профессор, поднимая над водой голову.

Но Карик, ничего не соображая, шел по воде навстречу профессору и остановился только тогда, когда зашел в реку по пояс, тяжело дышал, широко открыв рот, колени его тряслись. Профессор подплыл к мальчику и стал рядом с ним.

— Ты один? А где же Валя? Что-нибудь случилось? — спросил он, с тревогой поглядывая на заплаканное лицо Карика.

— Случилось! — всхлипнул Карик. — Валька пропала!

— Что ты говоришь?! — схватил профессор Карика за руку. — Как это случилось? Когда? Где ты ее потерял? Что же ты молчишь?

— Ну, мы плыли сначала в орехе, потом приплыли к берегу и пошли вас искать, а потом...

Карик махнул рукой и замолчал.

— Ну, а дальше, а дальше что? — торопил профессор. — Говори, где ты ее оставил?

— Там, — неопределенно махнул рукой Карик, — за этими холмами.

— Ты помнишь это место?

— Да, но отсюда не найду, а вот от ореха найду!

— А где орех?

— Там, в бухте.

— Вот что, — решительно сказал Иван Гермогенович, — пойдем-ка сначала к бухте, где остановился орех, а там уж видно будет, что делать. Пошли!

Профессор и Карик вышли на берег и молча зашагали по холодной, мокрой земле.

— Показывай дорогу! — сказал Иван Гермогенович.

— Я показываю, — вздохнул Карик и снова всхлипнул, — вот здесь надо идти.

— И, пожалуйста, не плачь! Мы найдем ее. Не иголка ведь — живой человек... И покричать может. И нас услышит... Найдем, обязательно найдем.

Вдали показалась бухта.

На синей спокойной воде покачивался, как баржа, черный огромный орех.

— Вон он, — сказал тихо Карик.

— Вижу.

Профессор остановился.

— Ты помнишь, куда вы пошли отсюда? — спросил Иван Гермогенович.

— Помню, — сказал Карик. — Я пошел по берегу, а Валя пошла вправо. Туда.

— Хорошо! — сказал Иван Гермогенович. — Веди по той дороге, где проходила Валя.

Путешественники двинулись в путь. Когда они дошли до рощи, Карик сказал:

— Вот отсюда она кричала мне в последний раз. А потом пропала.

— А что она кричала, ты не помнишь?

— Кажется, «ау»! — неуверенно ответил Карик.

Профессор задумался.

— Утром ты ее искал здесь?

— Искал. Всю рощу обошел.

— Вот что. Ты ступай вправо, а я пойду влево, — сказал Иван Гермогенович. — Не теряй только из виду эту рощу. Тут, в роще, встретимся. Пошли.

Профессор и Карик разошлись в разные стороны. Они шли, осматривая внимательно каждую ямку, заглядывали под камни, приподнимали с земли толстые листья и смотрели: не спряталась ли туда Валя, не заснула ли она там?

Карик кричал, пока не охрип. Но все было напрасно.

Вали нигде не было.

После долгих поисков они вернулись в рощу. Иван Гермогенович и Карик так устали, что еле передвигали ноги. Говорить не хотелось.

Они сели под деревом и, опустив головы, сидели, стараясь не смотреть друг на друга.

Над самой головой профессора свешивалась ветка с желтыми шарами.

Шары раскачивались, волоча по земле круглые тени. Один шар был совсем как живой. Стенки его дрожали. Он как-то странно шевелился на ветке, словно хотел оторваться и спрыгнуть на землю.

Другие шары висели спокойно.

— Ну, что ж, — вздохнул профессор, — пойдем, посмотрим еще раз. Ты иди в эту сторону, а я пойду к реке. Потом опять вернешься в рощу. Понял?

— Понял, — сказал печально Карик.

Иван Гермогенович встал и быстрыми шагами направился реке.

Карик пошел в противоположную сторону.

Когда он уходил, ему послышался слабый, придушенный крик. Он быстро повернулся.

— Иди, иди, — закричал профессор, — не теряй напрасно времени!

И снова они принялись за поиски, бегая по холмам и пескам, изредка перекликаясь друг с другом.

Вдруг профессор остановился. В стороне от рощи он увидел какие-то странные следы. Земля была разрыта, раскидана. Отпечатки чьих-то ног были ясно видны на рыхлых буграх. Очевидно, здесь недавно произошла горячая схватка.

Профессор наклонился к самой земле.

Свежий широкий след тянулся к песчаным холмам.

— Это она, — выпрямился профессор, — надо торопиться. Карик, скорей сюда! — махнул он рукой.

— Нашли? — закричал Карик издали.

— Иди сюда!

Когда прибежал запыхавшийся Карик, Иван Гермогенович молча показал ему следы борьбы на земле.

— Что это? — побледнел Карик.

— Кажется, — тихо сказал профессор, — ее здесь схватили. Как видно, она сопротивлялась, но...

Профессор замолчал.

— Ее растерзали? — вскрикнул Карик.

— Не думаю, — сказал неуверенно Иван Гермогенович, — но ее потащили в нору.

— Для чего потащили?

— После об этом, а сейчас бежим скорее по следу. Кажется, я уже знаю, кто ее схватил. Бежим. Мы еще успеем.

Профессор и Карик помчались по следу.

Они бежали, удаляясь все дальше и дальше от рощи, где в желтом цветке осталась Валя.

Ветер поднял на холмах высокие столбы пыли, закружился, завертелся вокруг профессора и Карика, заметая на земле их легкие следы.

Глава четырнадцатая

Встреча с аммофилой. — Растение-хищник. — Любопытные разговоры в энотеровой роще. — Чудесные корзины. — Дождь мертвецов.

Роща давно уже скрылась за холмами.

Путешественники бежали теперь по широкой голой долине. Справа и слева от них поднимались, точно желтые стены, крутые песчаные горы.

Изредка по дороге попадались чахлые травяные деревья. Ветки на них были поломаны. Листья засыпаны песком.

— Она жива! — кричал Иван Гермогенович на бегу. — Видишь — она хваталась за кусты. Она боролась. Надо бежать как можно быстрее. Мы еще успеем. Вперед, Карик! Вперед, мой мальчик!

И они помчались еще быстрее.

— Вижу! Вижу! — вдруг закричал Карик. — Смотрите! Вон там, у деревьев. Вон они. Борются.

Чахлые травяные деревья раскачивались, как будто их кто-то сильно тряс.

— Это Валька! Отбивается! — проговорил хрипло Карик. — Скорей, Иван Гермогенович, скорей!

Профессор и Карик понеслись во весь дух. Но когда они добежали до редких деревьев, здесь уже никого не было.

Деревья были примяты к земле, ветви поломаны. Широкий след уходил куда-то дальше, в чащу травяных джунглей.

— Вперед! Она недалеко! — крикнул Иван Гермогенович и побежал по следу.

Заросли неожиданно кончились. Они бежали теперь по мертвым, сухим пескам. Вдруг профессор остановился. Карик чуть было не налетел на него с разбегу.

— Стой! — угрюмо сказал профессор.

— А что? — тихо спросил Карик.

Иван Гермогенович слегка подтолкнул Карика и протянул руку вперед.

Вдали, на желтых песках, мальчик увидел крылатое длинноногое животное, очень похожее на осу. Оно волокло по земле огромную желтую гусеницу. Гусеница была большая, толстая, в несколько раз больше осы. Она отчаянно сопротивлялась, но, как видно, не могла вырваться из цепких лап осы. Оса волочила гусеницу, оставляя на земле широкий след.

По этому-то следу бежали путешественники.

— Песочная оса-аммофила, — угрюмо буркнул Иван Гермогенович, — тащит к себе в нору озимого червя. Самого страшного вредителя хлебных и свекловичных полей... Ну, хорошо. Она тащит добычу для своего потомства, а нам-то какое до этого дело? Мы-то зачем бежим за ней?

Карик растерянно посмотрел на профессора.

— А как же теперь Валя? — спросил он.

— Надо вернуться, — сказал Иван Гермогенович, — далеко она не могла уйти. Нужно искать ее около бухты. А если не найдем до ночи, зажжем болотный газ. Валя увидит огонь и, конечно, догадается, что мы

здесь. А если и не догадается, так все равно она пойдет на огонь.

Но Карик теперь уже плохо верил, что они найдут Валю.

«Пропала! Не найти! Ни за что не найти!» — думал он, шагая за профессором. И все стало ему как-то безразлично. Он хотел заплакать, но глаза были сухие. Карик тяжело вздохнул. И тут только почувствовал, как сильно устал.

Ноги его дрожали. Он спотыкался на каждом шагу. Во рту пересохло. Язык распух и горел, точно в огне. Сейчас Карик мог бы выпить залпом целое ведро ледяной воды, но вокруг лежали мертвые, сухие пески. В такой пустыне воды не найти.

«Хоть бы ручеек какой-нибудь, хоть бы лужица какая», — думал Карик, поглядывая по сторонам.

И вдруг у подножья желтого холма он увидел высокий голый ствол.

Ствол слегка покачивался на ветру.

Карик подошел поближе. Внизу под стволом лежали мясистые серо-зеленые листья.

Из листьев торчали, точно ресницы огромного глаза, полусогнутые, гибкие хлысты.

На конце каждой ресницы висели тяжелые серебристые капли.

— Роса! — крикнул Карик, бросаясь к этим странным листьям.— Идите. Я догоню вас. Я только попью росы.

Карик перепрыгнул через канаву.

— Стой! — закричал Иван Гермогенович. — Слышишь? Стой, Карик! Вернись сейчас же!

— Но если я хочу пить, — упрямо сказал Карик.

Иван Гермогенович перескочил канаву и быстро преградил ему дорогу.

— Это не роса. Это нельзя пить!

Он взял Карика за плечо и подвел его к странному растению.

— Смотри! — сказал он.

Подняв с земли камень, он размахнулся и бросил его в гущу сверкающих капель.

Лишь только камень коснулся листа, хлысты сомкнулись и плотно прикрыли его.

Камень исчез.

— Что это? — удивился Карик.

— Росянка, — спокойно ответил Иван Гермогенович, — насекомоядное, хищное растение.

— Как? — еще больше удивился Карик. — Разве есть у нас такие растения? Они же только в жарких странах растут. Я даже об этом читал в какой-то книге.

— Правда, — сказал профессор, — в жарких странах таких растений гораздо больше, чем у нас, но и здесь они попадаются. Чаще всего их можно встретить там, где земля бедна соками. На такой земле простым, обыкновенным растениям не прожить. Им питаться нечем. А вот растения-хищники и на бедной земле неплохо себя чувствуют. Земля не кормит — так они охотой промышляют. Ловят насекомых и высасывают из них питательные соки. Вот так и живут, так и растут. Ни животное, ни растение, а то и другое вместе. Запомни хорошенько: кроме росянки, охотятся за насекомыми также некоторые виды первоцвета, жирянки, а в прудах нередко встречается хищная пузырчатка, которая ловит даже мелкую рыбешку. Вообще-то их очень много, этих хищников, мой друг. Я мог бы назвать тебе более пятисот видов, но...

— Стойте! — закричал Карик. — Теперь я все понимаю: Валя попала в такое растение.

— Что-о? — остановился Иван Гермогенович и с беспокойством взглянул на Карика.

— Да, да, теперь я припомнил. Она мне кричала: «Я лезу на дерево». И, значит, полезла, а на землю уже не спустилась. Вот почему я и не нашел ее в роще.

Профессор схватил Карика за руку.

— За мной, Карик!

И они помчались, прыгая по желтым кочкам.

— А как оно ест? — крикнул на бегу Карик. — Сразу или потихоньку?

— Эти растения, — задыхаясь, ответил профессор, — сначала поливают свою добычу соком и держат ее, пока она не размокнет, а потом высасывают из нее соки.

— Но Валька еще не размокла? — спросил Карик.

— Не болтай глупостей.

Профессор крепче сжал руку Карика и потащил его за собой. Они стремительно миновали заросли и наконец добежали до бухты, где все еще плавал черный мокрый орех.

— Здесь! — закричал Карик. — Стойте, это здесь!

Тяжело дыша, они остановились на высоком холме.

Внизу лежала желтая пустыня. Вправо от путешественников зеленела небольшая роща.

— А где же эти деревья? — спросил профессор. — Я пока не вижу здесь ни одного насекомоядного растения.

— А все-таки это здесь, — быстро проговорил Карик, — я хорошо помню: Валька пропала вон в той роще.

И Карик махнул в ту сторону, где стояли развесистые деревья с желтыми шарами.

— В той роще? — спросил Иван Гермогенович. — Там, где мы уже были? Ты уверен, что она полезла именно на эти деревья?

— Ну да. Других же здесь нет.

Иван Гермогенович внимательно посмотрел на желтые шары и вдруг, хлопнув себя по лбу, рассмеялся:

— Ну о чем же я только думал раньше? И как я не догадался сразу? Да ведь это же... Ой!..

Он повернулся к Карику и быстро спросил:

— Когда это было? Утром? Ночью?

— Утром. Солнца еще не было.

Профессор взволнованно потер руки.

— Тогда все понятно, — сказал Иван Гермогенович. — Да, да, теперь я все понимаю... Очень хорошо. Прямо-таки замечательно.

Он с шумом вздохнул, улыбнулся и, схватив Карика за руки, с силой сжал их.

— Валя жива. Она там. Сидит в цветке.

— В цветке?

— Ну да. Это же энотера. Валя сидит в цветке энотеры.

— А это не опасно? — спросил Карик.

— Нет, нет, — ответил профессор. — Мы скоро увидим ее живой и здоровой.

— Тогда бежим! — закричал Карик и схватил профессора за руку. — Залезем скорей на энотеру и поможем Вальке выбраться.

Иван Гермогенович покачал головой.

— Видишь ли, — сказал он, как-то особенно покашливая, — сейчас это, пожалуй, бесполезно: мы ведь с тобой не знаем даже, в какую энотеру залезла Валя. Это во-первых. Но допустим, что мы и найдем эту энотеру. Найдем, допустим, даже цветок, в котором Валя сидит. А как мы освободим ее? К сожалению, освободить ее мы все равно не сумеем. У нас не хватит силы, чтобы раздвинуть лепестки энотеры. Это во-вторых.

— А, в-третьих, Валька там не задохнется? — спросил Карик.

— Не задохнется. Цветок большой, просторный. Подождем до вечера, он сам откроется.

— Вот странный цветок, — сказал недовольно Карик. — Другие цветы открываются по утрам, а этот почему-то вечером.

— Заморский гость. Чужестранец. Прибыл к нам из Америки и живет по старой, американской привычке.

Карик недоверчиво улыбнулся.

— Я не шучу, — серьезно сказал профессор, — энотеру привезли из Виргинии. Лет триста назад ее семена прислали в Европу для ботаника Каспара Богена. И вот за триста лет энотера перешла через всю Италию, Францию, Германию, Польшу и наконец появилась у нас... В наши дни по песчаным берегам многих рек

энотеру — иностранку — встречают чаще, чем другие, местные растения.

— Но вечером она обязательно откроется?

— Обязательно. Каждый вечер цветы энотеры распускаются, а рано утром закрываются снова. Недаром же ее прозвали «Ночная свечка». Однако, мой друг, что же нам делать? Ведь в нашем распоряжении несколько свободных часов.

— Я, — сказал Карик, — предлагаю поесть чего-нибудь и лечь спать.

— Предложение дельное, — кивнул головой профессор, — единогласно принято.

Потягиваясь и зевая, он встал и побрел по берегу.

— Пойдем-ка, друг мой, прямо к цветам. Там уж мы непременно найдем что-нибудь съестное.

Карик вытянул шею.

— А где же вы увидели цветы?

— Цветов-то я пока не вижу, — сказал Иван Гермогенович, — но зато я прекрасно слышу, как вон там, у мыска, жужжат пчелы. Значит, там и цветы должны быть.

Профессор не ошибся.

Лишь только они перевалили через холмы, они увидели внизу, в долине, огромные деревья, которые торчали то тут, то там. Вершины деревьев гнулись под тяжестью лиловых цветов.

Профессор подошел к одинокому дереву, осыпанному цветами, залез на него и крикнул сверху:

— Стой на месте!

Он забрался в цветок и принялся за какую-то сложную работу.

Карик стоял внизу.

Он видел мелькающую в зеленой листве обожженную солнцем, красную спину Ивана Гермогеновича. Профессор работал, широко расставив локти, локти

его то поднимались, то опускались, точно поршни машины.

Карик вспомнил маму. Вот так же на кухне она месила тесто.

— Эгей! — крикнул профессор, повертываясь к Карику. — Лови свежие булки!

Он выглянул из цветка, нагнулся и сбросил что-то на землю.

По листьям забарабанили круглые колобки. Подпрыгивая, они покатились по земле.

Карик поднял один колобок и откусил от него кусочек.

— Ну как? — спросил сверху профессор.

Колобок был душистый и такой же вкусный, как тесто пчелы-эндрены.

— Это из пыльцы и меда? — спросил Карик.

— Да, это из пыльцы и нектара. Нравится?

— Очень вкусно. Как вы их там делаете?

— А просто насыпаю в нектар пыльцу и начинаю месить тесто.

Колобки сыпались на землю, точно осенние яблоки с дерева.

Карик подбирал их и складывал в кучки.

Наконец профессор слез с дерева, сел на землю и, выбрав колобок покрупнее, сразу откусил полколобка.

— Неплохая, в сущности, жизнь! — дружески подмигнул Иван Гермогенович Карику.

— Да, — согласился Карик, — жить тут можно, но все-таки... — вздохнул и замолчал.

— Ну, ну, — сказал Иван Гермогенович, — ничего. Вернемся домой, и все будет хорошо.

Профессор встал.

— Хотя до вечера и далеко еще, но мы не должны уходить из энотеровой рощи. Пойдем-ка туда, сядем

и будем ждать Валю. Забирай колобки. Я думаю, они ей понравятся.

— И я так думаю, — кивнул Карик. — Она же, бедняга, целый день ничего не ела. Ей теперь все понравится.

— Это хорошо, — задумчиво сказал профессор, — но как мы понесем эти колобки? Без корзины, пожалуй, не много захватишь... Вот что, друг мой, ты посиди немного, а я пойду поищу корзинку.

Он посмотрел направо, налево и подошел к большим бурым кучам, которые поднимались буграми у берега реки, наклонился над одной из них и поковырял ее щепочкой.

— Прекрасно, — сказал он, — кажется, это как раз то, что нам нужно.

Иван Гермогенович принялся разгребать кучу.

— Ну-ка, дружок, прополощи вот эту штуку, — протянул он Карику большой комок грязи.

Карик взял его и, стараясь держать подальше от себя, чтобы не запачкаться, побежал к реке.

Он вошел по колени в воду и опустил находку профессора в реку. Вода замутилась.

Грязь таяла, как кусок масла на сковороде. И вот что-то белое блеснуло под слоем грязи. Карик стал соскабливать грязь рукой и вдруг нащупал какую-то тонкую ручку.

— Кажется, и в самом деле корзина, — удивился он.

Скоро сильные струи воды начисто смыли грязь, и в руках у Карика оказалась корзинка необыкновенной красоты.

Он поднял ее за ручку, поднес к самым глазам и минуту стоял, рассматривая с удивлением узорчатые решетки, которые, казалось, были выточены из слоновой кости.

— Ну как? Хороша корзинка? — услышал Карик за своей спиной голос профессора.

— Прямо, как будто из кружев сплетена, — ответил Карик, любуясь. — Кто ж ее такую сделал?

— Об этом после, — сказал профессор, — а сейчас прополощи еще вот эти.

Иван Гермогенович бросил на землю два тяжелых шара грязи и пошел обратно к разрытым кучам. Карик принялся за работу.

Он старательно отмывал грязь с необыкновенных корзиночек и расставлял их на берегу рядышком, а профессор подносил все новые и новые.

Одна корзиночка была удивительнее другой.

Тонкие серебряные стрелы переплетались в узорчатые решетки. На решетках лежали щиты, пробитые стрелами и украшенные звездами, листьями, венками. Можно было подумать, что эти маленькие корзиночки сделаны руками искусного мастера.

Одна корзиночка напоминала даже чем-то маленький дворец, с ажурными башенками, со стрельчатыми окнами. Серебряные решетки поднимались вокруг дворца, точно стены. На этих стенах красовались цветы, оленьи рога и звезды. А другие и вовсе не были похожи на корзинки. Но Карик не бросал их, а ставил рядом с корзиночками.

Это были сплетенные из серебристой кости блюда, вазы, шлемы, шары, звезды, кубки, короны.

— И все разные! — удивлялся Карик.

— Да, — сказал профессор, — они очень разнообразны. Можно изучать их всю жизнь, и все же ты каждый день будешь открывать все новые и новые формы этих растений.

— Что? — быстро повернулся к профессору Карик. — Вы сказали — это растение?

— Да, это одноклеточная водоросль. Диатомея. Вернее — оболочка растения. В этих красивых корзиночках-оболочках живет простая водоросль — диато-

мея. Вот в этой, — поднял Иван Гермогенович круглую корзиночку, — живет диатомея гелиопельта, в этих треугольных — трицератея, в этой ромбовидной — навикула. То, что ты сейчас держишь в руках, — это только скелеты диатомей. Сами водоросли погибли. Но их твердая оболочка осталась. Пройдут еще десятки и сотни лет, а эти удивительные корзиночки не рассыплются от времени.

— Ого, — сказал Карик, — они, действительно, очень крепкие, смотрите, никак не сломать.

Профессор усмехнулся:

— Потому что оболочка диатомей построена из кремнезема. А это очень крепкий материал.

— Вы сказали, что это водоросль. Значит, они в воде живут. Так как же они?..

— Ты хочешь спросить, как очутились на земле? Очевидно, их выбросило на берег наводнением или бурей. А может быть — очень давно здесь было озеро, которое диатомеи засыпали сверху донизу.

— Такие-то маленькие? Как же они могут засыпать озеро.

— Да, они малы, но зато их очень много. Они, как пыль в широком солнечном луче, носятся в толще воды. Миллиарды миллиардов. Их жизнь коротка. Они родятся и, прожив несколько часов, умирают. И день и ночь на дно морей, озер и рек падает, не прекращаясь, дождь мертвецов.

Их трупы ложатся на дно. На трупы падают новые трупы. Слой за слоем, все выше и выше поднимаются миллиарды диатомовых трупов, и вот проходят тысячи лет. Диатомеи поднимаются со дна реки островами, отмелями. Река разделяется на рукава, на дельты. Меняется и русло реки. Изменяется ее география. Огромные озера медленно умирают под слоем трупов диатомовых. Превращаются в болота. Исчезают с географических карт.

Недалеко от Ленинграда находится крепость Кронштадт. Тридцать километров надо ехать до него по Маркизовой Луже. Но через две с половиной тысячи лет из Ленинграда в Кронштадт можно будет пройти, не замочив ног. Трупы диатомовых покроют Маркизову Лужу плотным и крепким грунтом.

Как видишь, эти крошки незаметно для человека меняют и самый вид земли.

Ну, а сейчас оболочки диатомей получат новое назначение. Выбирай-ка для своих колобков кошелки.

Карик задумчиво наполнил две корзиночки колобками и пошел следом за профессором.

Путешественники вернулись в энотеровую рощу. Они положили корзинки под деревом и растянулись в прохладной тени. Закинув руки за головы, они лежали, негромко разговаривая, но скоро оба стали зевать.

— Поспим, — предложил профессор.

— Спите, — сказал Карик, — а я постерегу вас.

Профессор заснул.

Карик лежал рядом и, слушая мерное дыхание Ивана Гермогеновича, думал о том, как обрадуется мама, когда он и Валя придут домой, и как она будет ахать, когда он, Карик, станет рассказывать ей про это удивительное путешествие.

Глаза Карика слипались.

Он повернулся на бок и заснул так же крепко, как и профессор.

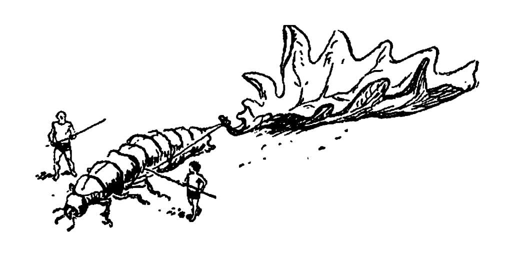
Сквозь сон они слышали какой-то неясный шум и чьи-то тихие шаги, как будто к ним подкрадывался дикий зверь. Потом все стихло. И вдруг самый настоящий человеческий голос закричал громко:

— Ах, вот вы где? А это что же такое?

Иван Гермогенович и Карик открыли глаза.

Глава пятнадцатая

Карик знакомится с муравьиным львом. — Ночевка в пещере. — Шмелиный склад. — Таинственные огни. — Необыкновенная лошадь. — Нападение мух.

В розовом свете вечерней зари перед профессором и Кариком стояла Валя. Живая, настоящая Валя.

В руках она держала корзиночку-диатомею, внимательно рассматривая ее серебристые узоры. Она то подносила корзиночку к самым глазам, то поднимала высоко над головой и рассматривала ее, прищурив один глаз.

— Глядите, граждане! — засмеялся Карик. — Перед вами продолжение фильма «Девушка с Камчатки». Пропавшая девушка таинственно появляется на западном побережье.

Профессор ничего не сказал. Он только крепко прижал Валю к себе и молча погладил ее по голове.

Валя вывернулась из рук профессора и, протягивая ему корзинку-диатомею, спросила:

— Неужели вы сами сделали? Из чего это? И чем она так вкусно пахнет? Ее можно есть?

— Корзиночку нельзя, но булки, которые лежат в корзинке, можно, — сказал профессор.

— Тебе сколько? Две? Три? — спросил Карик, доставая колобки из корзиночки.

— Пять! Мне пять! — быстро сказала Валя.

Профессор и Карик засмеялись.

— Вот это называется проголодалась! — сказал Карик.

— Ничего, ничего! Пусть ест как следует. Да и мы с тобой закусим заодно. Хочешь?

— Это можно! — согласился Карик.

Путешественники сели в тени развесистого дерева.

Профессор поставил против Карика и Вали по корзиночке колобков и широким, гостеприимным жестом пригласил ребят к ужину.

Валя откусила кусочек колобка, пожевала и сказала:

— Очень вкусно! — И принялась уплетать колобки за обе щеки.

Профессор и Карик посматривали, улыбаясь, на Валю.

Карик подмигнул Ивану Гермогеновичу и с самым невинным видом спросил:

— А это правда, что в Москве жил человек, у которого был аппетит слона?

— Не слышал, — сказал профессор.

— А я слышал. Говорят, он съедал десять тарелок супа.

— И я съела бы! — сказала Валя, запихивая в рот большой кусок колобка.

Карик подтолкнул профессора локтем.

— А на второе — пятнадцать отбивных котлет.

— И я могу пятнадцать! — сказала Валя.

— И, наконец, после обеда он съедал двадцать компотов! — продолжал Карик.

— А я хоть тридцать!

Карик отодвинул от себя корзинку и вытер пальцы о лепесток.

— А потом этот человек подвязывал салфетку на грудь и говорил: «Ну, кажется, я заморил червячка, теперь, пожалуй, можно приступить и к настоящему обеду!»

— И я...

Валя протянула руку к восьмому колобку, но, дотронувшись до него, подумала немного и, тяжело вздохнув, сказала:

— Нет, я уже больше не хочу.

— Ну, а теперь, — похлопал Валю по плечу Иван Гермогенович, — рассказывай, как это ты ухитрилась попасть в цветок энотеры.

— А мы с Кариком вас искали... Правда, Карик?

Карик кивнул головой.

— Я ходила-ходила и вдруг захотела есть, а в лесу пахнет как в кондитерской. Полезу, думаю, на дерево. И полезла. А там ка-ак захлопнется и не пускает. Кричала-кричала, — даже у самой уши заболели.

— И плакала, наверное?

— Немножко... А потом заснула да так крепко, что даже ничего во сне не видела. А потом, слышу, кричат: «Валя, Валя!» Я хочу проснуться, но никак не могу!

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается! — сказал Иван Гермогенович. — А чтобы нам снова не потерять друг друга, дайте мне слово, что теперь вы больше уже не отойдете от меня ни на шаг.

— Честное пионерское! — сказал Карик.

— Честное под салютом! — подняла руку Валя.

— Тогда — в поход! — весело сказал профессор. — В поход, друзья мои, в поход!

Путешественники забрали корзинки с колобками и пошли вдоль реки.

К ночи они добрались до больших холмов. Здесь в какой-то норке они переночевали, а утром, закусив душистыми колобками, двинулись снова в путь.

Так шли они несколько дней, ночуя в цветах, в раковинах, в пустых осиных гнездах и под камнями, в мрачных, сырых берегах.

Питались они нектаром, пчелиным медом, яйцами бабочек, зеленым молоком.

В долине Трех Рек профессору удалось убить малиновку. Путешественники ели три дня жареную и копченую дичь, и, наверное, им хватило бы мяса еще на две недели, но дорогой на них напали жуки-кожееды, отняли всю провизию и чуть не искалечили профессора.

* * *

С каждым днем они подходили все ближе и ближе к озеру, на другой стороне которого стоял шест-маяк.

По расчету профессора, они должны были прийти к озеру на другой день к вечеру, за ночь переплыть его, а там уж совсем недалеко и до маяка.

— Примерно через два-три дня мы уже будем дома! — уверял профессор ребят.

Но расчеты Ивана Гермогеновича не оправдались.

Когда путешественники были уже совсем близко от озера, произошло печальное событие.

Это случилось рано утром.

Профессор и ребята только что вышли из пещеры, в которой они провели ночь, и зашагали по холодной утренней росе.

— Ну и стужа! — ежился профессор.

Дрожа от холода и выбивая зубами мелкую дробь, путешественники шагали по холмам и долинам. Казалось, их босые ноги ступают по льду, только слегка засыпанному землей. Хотелось остановиться и поджать под себя ноги, как поджимают лапы гуси на льду.

Наконец ребята не выдержали и, чтобы хоть как-нибудь согреться, быстро побежали вперед.

— Не убегайте далеко! — крикнул им вдогонку Иван Гермогенович.

Но ребята уже мчались к высокой цепи холмов, обгоняя друг друга, перепрыгивая с разбегу через широкие рвы и небольшие ручьи.

— Вернитесь! — кричал Иван Гермогенович. — Вернись, Карик! Иди сюда, Валя!

Но Карик только махнул рукой и, быстро взбежав на гребень песчаного холма, скрылся за ним.

Валя остановилась, как бы раздумывая: вернуться ей обратно или бежать за Кариком, но, подумав немного, полезла за братом и тоже скрылась за холмом.

Встревоженный Иван Гермогенович прибавил шагу. И вдруг из-за холма раздался отчаянный крик. Тотчас же на вершине холма появилась Валя. Она махала руками, звала Ивана Гермогеновича на помощь.

— Скорей, скорей!.. Нападают! — кричала она.

Профессор побежал так быстро, как только мог.

Он с разбегу взлетел на холм.

— Где он? Где? — задыхаясь, спросил профессор.

— Вон! Вон он! — показывала Валя пальцем на глубокую воронку.

На дне воронки, зарывшись по горло в песок, ворочалось страшное чудовище. Большая черная голова с длинными, изогнутыми крючками быстро-быстро подбрасывала вверх тучи песка и камней.

На склоне воронки стоял испуганный Карик. Он беспомощно закрывал руками голову и вертелся во все стороны. Песок, камни летели прямо в него. Он падал, поднимался и снова падал. А чудовище не переставая нападало на него. Песчаные стены воронки осыпались под ногами Карика, он сползал все ниже и ниже, прямо в логово чудовища.

— Повернись спиной! — закричал ему Иван Гермогенович.

Но Карик ничего не понимал, ничего не слышал.

Тогда профессор сбежал вниз, схватил Карика на руки и полез из воронки по осыпавшейся стене.

Вдогонку убегавшим полетел целый град камней. Но Иван Гермогенович стиснул зубы и, не выпуская из рук Карика, быстро лез вверх, втягивая голову в плечи, нагибаясь к самой земле.

Наконец он выбрался из воронки, осторожно положил Карика на землю и сказал:

— Ну, вот... Разве так можно?

Карик лежал бледный, по щеке его тоненькой струйкой ползла кровь. Его голова и весь паутинный костюм были запорошены песком.

Валя подбежала к брату.

— Он живой? — с тревогой спросила она профессора, опускаясь около брата на колени.

— Живой, — хмуро сказал Иван Гермогенович, — сейчас очнется!

— Ой, скорее пусть очнется! Надо уходить отсюда. Тот страшный вылезет и опять набросится.

— Не вылезет! — буркнул профессор, сердито посмотрев на Валю. — Ведь говорил, кричал... Так нет... Все по-своему хотят...

Он приложил ухо к груди Карика, потом нащупал пульс и, глядя на небо, зашевелил беззвучно губами.

Карик вздохнул.

— Ты меня слышишь? — громко спросил профессор.

Карик приподнялся, посмотрел на профессора мутными глазами. Губы его еле шевелились.

— Он... ушел? — спросил слабым голосом Карик.

— Ушел, ушел! — сказал профессор. — А вот ты-то как? Можешь встать?

— Кажется, могу! — сказал Карик.

Шатаясь, он встал на ноги и сказал, стиснув зубы:

— Пойдемте!

Некоторое время путешественники шли не разговаривая, но профессор не мог долго сердиться. Когда они сели отдохнуть, он поглядел на Карика и усмехнулся:

— Герой какой... А? Смотрите-ка! В берлогу льва полез!

— Я нечаянно, — сказал Карик. — Бежал-бежал — и вдруг эта воронка. Ну, я и скатился вниз...

— А ты бы лучше под ноги смотрел, а не считал в небе ворон. Ведь еще немного, и ты попал бы на обед к муравьиному льву.

— Как, вы сказали, его зовут? Муравьиный лев? — спросила Валя.

— Именно так его и зовут, — кивнул профессор, — но это был не сам муравьиный лев, а только его личинка. Сам-то он не сидит в яме, сам он летает, но еще чаще ползает по деревьям. Я думаю, вы даже встречали его когда-нибудь...

— Какой он? На кого похож?

— Похож на стрекозу немного. Но увалень и лентяй ужасный! Сядет на дерево, опустит четыре длинных крыла, да так и висит целый день, точно его булавкой прикололи. А эта забияка, которая сидит в яме и швыряется камнями, — его личинка. Это она охотится тут. Видели, какую хитрую ловушку поставила она для ротозеев?

— Для муравьев?

— Не только для муравьев. Она и другим насекомым не дает спуску. И что самое обидное, — улыбнулся Иван Гермогенович, — тебя хотело съесть животное, у которого даже и рта-то нет.

— Ну да... Чем же оно меня стало бы есть? Ногами?

— Да вроде того, — сказал профессор, — крючками! Видишь ли, мой друг, у муравьиного льва нет ротового отверстия, но зато у него на голове есть два огромных крючка, которыми он присасывается к жертве и вы-

тягивает из нее кровь. Еще две-три минуты, и ты бы познакомился с этими крючками.

Профессор поднялся с земли и сказал:

— Ну, ладно, пойдемте!

Валя побежала за профессором, а Карик поплелся сзади, стараясь не отставать от Вали.

Временами резкая боль заставляла его подпрыгивать и останавливаться. Ему казалось, что он наступает на длинные, острые иглы.

И все же он шел. Морщился, гримасничал, кусал губы, но шел, не отставая ни на шаг.

Иван Гермогенович поминутно оглядывался, украдкой наблюдая за Кариком. Когда же Карик спотыкался, профессор останавливался и с тревогой в голосе спрашивал:

— Ну что там у тебя?.. Может быть, ты хоть обопрешься на меня? Что-о?

— Нет, нет, ничего, — торопливо отвечал Карик, — это так... Наступил на острый камень.

Наконец Карик начал отставать. Он теперь уже не шел, а подпрыгивал на одной ноге, волоча по земле другую.

Профессор остановился и сказал:

— Ну, ты, я вижу, совсем раскис.

— Нет, нет! — запротестовал Карик. — Я хоть сто километров еще пройду.

Он выпрямился и быстро пошел вперед, но, сделав несколько шагов, упал и, обхватив больную ногу, застонал. Тогда профессор, не говоря ни слова, взвалил Карика себе на плечи.

— Да я дойду. Пустите! Я сам! — отбивался Карик.

— Сиди уж! — прикрикнул профессор. — Дойду!.. Подумаешь, скороход какой...

Прижимая к себе Карика, он шел, хмуро поглядывая под ноги. Рядом с ним шагала с виноватым видом Валя.

Карик положил голову на плечо профессора, скоро глаза его закрылись, и он заснул крепким сном.

Когда же он открыл глаза, он увидел, что лежит на берегу большого озера. Профессор стоял на камне и, приложив ладонь козырьком к глазам, смотрел на другой берег, где одиноко торчал далекий шест-маяк.

Карик услышал, как Валя спросила что-то, но что именно, он не разобрал.

Карик приподнял с земли голову, прислушался. Теперь уже говорил профессор:

— Построим корабль и поплывем. Но сначала поищем удобную квартиру. Ведь нам придется пожить недельку на берегу.

— А зачем?

— Как это зачем? Разве ты не видишь, как расхворался наш Карик?

— Не надо!.. — сказал Карик, приподнимаясь на локтях.

— Что не надо?

— Не надо жить на берегу. Я смогу доползти до корабля и грести даже буду.

— Чепуха! — махнул рукой профессор. — А вдруг поднимется буря? Ты же камнем пойдешь ко дну.

Иван Гермогенович нагнулся над Кариком, осторожно потрогал рукой его распухшее колено.

— Гляди, как посинело! И болит, наверное?

— Болит, — поморщился Карик, — и жжет все, будто горячим утюгом по колену гладят.

Профессор задумался и вдруг, хлопнув себя по лбу, побежал к озеру.

— Ух, какая распухшая! — дотронулась Валя кончиком пальца до больной ноги Карика.

— Да, тебя бы так обстреляли, и ты бы вся распухла! — сказал Карик, поглаживая больное колено.

— А ты не ступай на эту ногу, тогда скорей пройдет! Хочешь, я тебе костыль найду?

В это время вернулся профессор. Он держал перед собой на вытянутых руках небольшой листик, с которого струилась на песок вода.

— А ну-ка, повернись, — сказал Иван Гермогенович Карику,— дай-ка твою ногу.

И, положив мокрый, холодный листик на горячее, опухшее колено, он ловко обернул им больную ногу Карика.

— Ну как?

— Хорошо,— сказал Карик, — вроде компресса. Сразу стало полегче!

— Прекрасно! Лежи смирно, а мы пойдем с Валей, поищем место для ночлега.

К счастью для путешественников, на этот раз им не пришлось долго искать убежища. Весь берег озера был изрыт глубокими пещерами. Профессор и Валя заглянули в одну, в другую и наконец выбрали сухую, песчаную пещеру с низкими водами, с узким входом.

— Давайте останемся в этой! — предложила Валя.

Профессор согласился.

Он вернулся на берег, поднял Карика и на руках перенес его в пещеру.

— Лежи! — сказал Иван Гермогенович, укладывая Карика около стены. — Удобно тебе?

Карик ничего не ответил. Он уже спал тяжелым сном больного.

Иван Гермогенович и Валя сели у входа и при слабом вечернем свете поужинали остатками медового теста.

— А теперь спать! — сказал профессор.

Завалив вход в пещеру камнями, путешественники растянулись на сухом песке и скоро заснули.

* * *

Под утро Иван Гермогенович увидел во сне муравьиного льва. Лев крепко держал Карика изогнутыми крючками и в упор смотрел на него выпуклыми, большими глазами.

Карик бил по голове чудовище руками и ногами и тихо стонал. Профессор открыл глаза.

«Ну и приснится же!» — подумал он.

Однако стоны не прекращались. Значит, это не сон?

— Карик, ты что? — окликнул его профессор.

Карик не отвечал.

Профессор встал и, держась рукой за стенку, пошел к выходу. Нащупав в темноте баррикаду из камней, которая загораживала вход в пещеру, он снял сверху два больших камня и осторожно, чтобы не напугать шумом ребят, положил их на землю.

В пещере стало светло.

Серый, предутренний свет падал на песчаный пол, на спящих ребят.

Посреди пещеры лежала, свернувшись калачиком, Валя. Около стены спал, раскинув широко руки, Карик. Он был весь красный. На лбу у него проступил пот. Карик вздрагивал и стонал во сне.

Профессор подошел к нему, наклонился и тихонько дотронулся до распухшего колена, завернутого в листок.

Не просыпаясь, Карик поджал ногу и громко застонал.

— Карик, ты пить не хочешь? — спросил профессор.

Карик приоткрыл глаза. Ничего не соображая, он долго смотрел на профессора, потом отвернулся от него к стене.

— Тебе принести воды?

— Н-нет! — сквозь зубы сказал Карик.

— А хочешь — я компресс переменю? — спросил Иван Гермогенович.

— Да... компресс, пожалуйста!

Профессор принес свежий мокрый лепесток и положил его на опухшее колено.

— Ну как, получше стало?

— Получше! — вздохнул Карик.

— Ну вот и хорошо! Спи тогда! А я пойду поищу чего-нибудь поесть. Если Валя проснется, ты не выпускай ее из пещеры. Я скоро вернусь.

Карик молча кивнул головой.

Профессор завалил камнями вход в пещеру и, оглядываясь, чтобы хорошенько запомнить место, где остались ребята, отправился поискать чего-нибудь к завтраку.

Недалеко от пещеры стояла гора, покрытая густым кустарником.

Профессор подошел к подножью горы, внимательно осмотрел ее, потрогал мягкие, пушистые ветви зеленых кустов.

— Кажется, это мох! Ну да, самый настоящий мох. Ну что ж, смотрим, нет ли тут чего-нибудь съестного.

Иван Гермогенович смело полез в густые заросли мха. Но только он сделал несколько шагов, как провалился по пояс.

Падая, он успел схватиться за ветви.

Болтая ногами над черной ямой, он заглянул вниз и в полумраке увидел земляные своды и гладко утоптанный пол. Слабый свет проникал сверху, сквозь густые заросли, скупо освещая темное подземелье.

В глубине подземелья вдоль стен стояли ровными рядами белые бочки.

— Кажется, шмелиный склад! — пробормотал Иван Гермогенович.

Он смерил глазами расстояние до земляного пола и, выпустив из рук ветви, прыгнул вниз. Земля под ногами была сухая и теплая.

С любопытством оглядывая подземелье, профессор подошел к бочкам. Все они были плотно прикрыты белыми круглыми крышками. Он приподнял крышку одной из бочек, наклонился над ней и понюхал.

— Ну, так и есть!

Бочка была наполнена до краев душистым медом. Рядом стояли такие же бочки, и они были налиты медом.

Все это было похоже на кладовую, в которой хранятся запасы на черный день.

Да это и в самом деле была кладовая шмелей.

Матка-шмель кладет в гнездо яичко и рядом с ним оставляет комочек меда с цветочной пыльцой. Из яичка выходит личинка, съедает комочек меда и пыльцы и закукливается в коконе, похожем на бочоночек. Через некоторое время молодой шмель открывает на верхнем конце бочонка крышечку и улетает. Но кокон не пропадает даром. Летом шмели наполняют их медом и в холодную, дождливую погоду, когда нельзя вылетать из гнезда, питаются им.

Профессор не спеша позавтракал, потом выбрал бочку покрепче и принялся вытаскивать ее из кладовой.

Это была нелегкая работа.

Бочка, точно живая, вырывалась из рук, толкала профессора, валила его с ног, но все же Иван Гермогенович вытащил ее наверх.

Колени его дрожали. Руки одеревенели. Сердце билось так сильно, что стучало даже в висках.

«А вот как теперь докатить ее до пещеры?» — размышлял Иван Гермогенович.

Положить бочку на бок и катить по земле, как обычно катают простые бочки, профессор побоялся. Верхняя крышка могла открыться, и весь мед вылился бы тогда на землю.

— Ну что ж... попробуем как-нибудь иначе.

Иван Гермогенович ухватился за край бочки руками и сильно тряхнул ее.

Бочка качнулась.

— Ага! Пошла уже! — обрадовался профессор.

Он накренил бочку и, держа ее за края, принялся толкать, повертывая с боку на бок, как будто хотел просверлить бочкой землю.

Медленно, шаг за шагом, подталкивая бочку руками и нажимая на нее всем телом, Иван Гермогенович гнал ее к пещере.

Когда профессор подходил к берегу озера, навстречу ему выбежала Валя.

— Встала уже? — спросил Иван Гермогенович, останавливаясь и переводя дыхание. — Ну как там Карик?

— Спит! Давайте я вам помогу!

— Помоги, помоги!

— А тут что такое? В этой бочке?

— Мед!

— Целая бочка! Вот хорошо-то!

Она ухватилась за бочку и принялась толкать ее, помогая профессору.

Дружными усилиями они вкатили бочку в пещеру и поставили в угол.

— Завтракай, Валек, — сказал профессор, вытирая потную шею ладонями, — а я пойду поищу постель для Карика. Ему ведь, бедняге, неудобно спать на голой земле.

Профессор ушел.

Валя поспешно откинула крышку и прямо руками залезла в бочку. Пальцы погрузились в душистый мед.

Она ела так усердно, что скоро лицо, шея и руки до самых локтей были испачканы, точно клеем, янтарно-желтым медом.

— Что ж теперь делать? — растопырила липкие пальцы Валя. — Даже вытереться нечем. Пойду к озеру — помоюсь.

Она вышла из пещеры и побежала на озеро.

На песчаной отмели Валя остановилась, посмотрела, нет ли поблизости каких-нибудь чудовищ, и только после этого залезла в воду и принялась мыться.

После купанья она побежала обратно. По дороге подобрала кусочек лепестка и потащила его в пещеру.

— Пригодится, — рассуждала она, — нам теперь все пригодится!

У самой пещеры она увидела профессора, который тащил ворох пушистого волоса.

— А ты куда же это бегала? — спросил Иван Гермогенович, останавливаясь.

— Мыться!

Профессор покачал головой:

— Ну, вот это уж мне совсем не нравится. Я тебе не советую, серьезно не советую ходить без меня.

— А я перепачкалась медом!

— Тем более, — сказал Иван Гермогенович, — тебя вместе с медом могла утащить муха, оса, пчела, — да мало ли тут охотников на девочек, вымазанных медом.

Профессор вошел в пещеру и сбросил охапку спутанного волоса на пол.

— Ну вот и постель для Карика! Да и нам с тобой волоса хватит.

— Как настоящий матрац! — потрогала Валя волос. — Где вы это взяли?

— Отобрал у непарного шелкопряда!

— Он спит на матраце, этот непарный шелкопряд?

— Нет, — улыбнулся Иван Гермогенович, — сам-то он не спит. Летает. А вот свое потомство он заботливо прикрывает пушком. Ни дождь, ни холод не страшны яичкам шелкопряда, которые лежат под такими плотными, пушистыми одеялами.

— Какой же это пух? Это ж настоящий конский волос!

— Ты забываешь, что мы и сами с тобой не настоящие, поэтому пушок нам и кажется волосом. А теперь давай-ка устроим для Карика постель.

— Я и сама постелю! — сказала Валя.

Она сложила волос около песчаной стены, взбила его руками, как взбивают пуховики, потом бросила в изголовье большую охапку волоса и отошла в сторону.

— Кажется, хорошо!— сказала она, любуясь.

— Прекрасно! — одобрил профессор. Он взял спящего Карика на руки и перенес его на постель. Валя развернула лепесток и накрыла им Карика, как одеялом.

— Ну, теперь ему, кажется, удобно. Посмотри за ним, а я уйду на полчасика, — сказал Иван Гермогенович, — тут у меня есть кое- какие дела. Если Карик проснется, накорми его!

— Ладно, — сказала Валя, — идите, у меня тут тоже есть кое-какие дела.

Когда профессор ушел, Валя приготовила еще две постели, притащила два новых голубых одеяла из лепестков колокольчика, подмела кусочком лепестка пол, потом вкатила в пещеру четыре больших камня, положила на них плоский камень, а сверху разостлала, как скатерть, белый лепесток ромашки.

Получился замечательный стол.

Вокруг стола Валя поставила камни поменьше, обложила их остатками волоса и накрыла желтыми лепестками.

— Это будут кресла! — сказала Валя.

Окончив работу, она обошла пещеру и осталась очень довольна: в пещере стало совсем уютно.

— Теперь тут можно даже целый месяц ждать, пока выздоровеет Карик.

Она на цыпочках подошла к постели брата, нагнулась над ним и заботливо поправила одеяло.

— Спит, — шепотом сказала она.

Скоро вернулся профессор. Тяжело отдуваясь, он вкатил в пещеру вторую бочку с медом и поставил ее около стены.

— Смотрите, что я тут наделала! — похвасталась Валя.

— А что? — испуганно спросил профессор, но, оглядев пещеру, одобрительно закивал головой. — Браво, браво! Молодец! Да ты настоящая хозяйка! — похвалил он Валю. —Кстати, и я могу украсить кое-чем наше жилище. Сейчас тут, около пещеры, я нашел интересную вещичку.

Он быстро вышел и через десять минут вернулся с листиком в руках.

На листике, как на подносе, лежали горкой продолговатые яйца.

— Что это? — спросила Валя. — Их едят?

— Нет, — ответил профессор, — их не едят, но они пригодятся нам, да еще как!

— А для чего пригодятся?

— Поживешь — увидишь!

Иван Гермогенович поставил поднос с яйцами на бочку и сказал:

— Значит, так: наш больной, очевидно, пролежит несколько дней. Чтобы не терять зря времени, мы перекатим с тобой бочки с медом в пещеру, а потом нам придется построить броненосец.

— Какой броненосец?

— Да уж какой выйдет, такой и построим! И как только Карик выздоровеет, отправимся в дальнее плавание. Ведь наш маяк находится на другом берегу, — значит, нам придется плыть к нему на корабле.

Закусив медом, Иван Гермогенович и Валя принялись перекатывать бочки с медом из шмелиного склада в пещеру. Всякий раз, когда они возвращались, профессор подходил к Карику, прислушивался к его неровному дыханию, щупал пульс.

Карик спал как убитый.

Когда весь угол пещеры был заставлен бочками с медом, профессор сказал:

— Ну, а теперь, Валек, идем строить корабль.

— Вот интересно-то! — обрадовалась Валя.

— Не знаю, будет ли это интересно, — сказал Иван Гермогенович, — но готов ручаться головой, что потрудиться нам придется изрядно.

Завалив вход в пещеру камнями, чтобы к Карику не забрались хищные звери, профессор и Валя пошли на озеро.

— А из чего мы построим корабль? — спросила Валя, шагая рядом с профессором.

— Найдем что-нибудь. Мало ли валяется на берегу листьев. Из них и построим. Утром я видел за холмами самый настоящий лес. Наверное, ветер и сюда заносит листья. Да вот сейчас посмотрим, поищем.

Профессор и Валя пошли по берегу, но не успел Иван Гермогенович отойти от Вали, как вдруг она закричала:

— Нашла! Нашла! Уже нашла!

— Где? — повернулся профессор.

— А вот!

У самого озера лежал глубоко вырезанный по краям желтый огромный лист. Толстые жилы расходились веером во все стороны.

Профессор обошел лист, осмотрел его со всех сторон, приподнял край и, заглянув под него, сказал:

— Да, это лист дуба, но, к сожалению, из него нам не построить корабля.

— Почему?

— Галлы на листе! Видишь? Весь лист осыпан галлами!

— Галлы? А что это такое?

Профессор приподнял повыше край дубового листа.

Валя присела и посмотрела под лист. Вся его нижняя сторона была покрыта темными шарами. Эти шары были точно припаяны к листу. Валя потрогала их руками. Они были твердые, как камень.

— Такой лист нам и с места не сдвинуть! — сказал Иван Гермогенович.

— Что же это за штуки? — спросила Валя.

— А это гнезда насекомых! — сказал профессор. — Многие насекомые откладывают свои яйца прямо на листья. Но листьям это совсем не нравится, и они изо всех сил защищаются от непрошеных гостей. Клеточки листа собираются вокруг яичка, стараясь вытолкнуть его вон, как выталкивают белые шарики крови занозу, которая попадает в палец. При этом на пальце образуется нарыв, а на листьях появляются опухоли — вот эти самые галлы. Называют их чаще всего чернильными орешками, хотя далеко не все такие орешки чернильные.

— А какие насекомые это делают? — спросила Валя.

Профессор пожал плечами.

— Разные, — сказал он. — Свои яички откладывают в листья 60 видов бабочек, 113 видов жуков, 486 видов мух и 290 видов других насекомых.

— Значит, надо искать другой лист?

— Значит, надо искать другой! — сказал профессор.

Уже смеркалось, когда Иван Гермогенович и Валя отыскали наконец удобный для плавания сухой дубо-

вый лист. Но он лежал так далеко от берега, что столкнуть его в воду профессору и Вале было не под силу.

— Не дотащить! — покачала Валя головой.

Профессор задумался. Поглаживая бороду, он стоял на листе, молча рассматривая его толстые жилы, которые расходились веером в стороны.

— А что, если?.. Ну да, конечно! — пробормотал профессор и вдруг засмеялся.

— Вы что? — удивилась Валя.

— А вот что, — сказал Иван Гермогенович. — Идем-ка домой. Завтра мы впряжем в эту работу лошадей.

— Лошадей?! — еще больше удивилась Валя.

Профессор ничего не ответил. Бормоча что-то под нос, он быстро зашагал в сторону пещеры. Валя вприпрыжку побежала за ним.

— Ну, Иван Гермогенович, миленький, скажите, какие это лошади? Откуда вы их возьмете?

— Не скажу!

— Скажите! — приставала Валя.

— Не будь любопытной, — увидишь завтра сама.

— Ну, Иван Гермогенович, — заныла снова Валя и вдруг замолчала.

Впереди блеснул огонь.

Валя схватила профессора за руку и остановилась.

— Горит! Смотрите! В нашей пещере горит.

Огонь просвечивал между камнями, которыми был завален вход в пещеру.

— Пожар! В нашей пещере пожар! — испуганно сказала Валя. — Бежим скорее — Карик сгорит!

— Ничего! Это не страшно! Не сгорит твой братец!

Но Валя, не слушая профессора, опрометью побежала к пещере.

— Карик? — кричала она на бегу. — Ты горишь? Ты горишь, Карик?

— Нет, это не я! — услышала Валя спокойный голос Карика.

Валя поспешно отвалила камень. Вскочив в пещеру, она остановилась как вкопанная.

— Что это?

Угол, где на подносе лежали горкой яйца, которые принес профессор, был освещен мерцающим голубым светом, как будто это горели фонарики новогодней елки, но только они горели еще светлее. Даже можно было бы читать книгу.

— Ну как? — услышала Валя сзади голос профессора.

— Вот красиво-то! — восхищенно сказала Валя. — Это ж они... яйца эти светятся.

— Да, — улыбнулся Иван Гермогенович, — яйца светляка.

— Ага, знаю! — кивнула Валя головой. — Это такой червяк. Червячок-светлячок! Иванов червячок.

— Да! Его зовут так, однако на самом деле это не червяк, а жук. В этом легко убедиться, если посмотреть, чем питается он и как живет. Обыкновенные черви живут под землей и едят землю, а этот жук живет в сырой траве и питается улитками.

— Да, да! Я вспомнила. Эти жуки светятся в траве!

— Совершенно верно. Светятся они сами, светятся их личинки, светятся их яйца... Красиво, не правда ли?

— Очень красиво! — сказал Карик из своего угла. — Это хорошо, что вы нашли их.

— Ну как мы себя чувствуем? Лучше? Хуже? — Профессор подошел к больному. — Не хочешь ли поесть?

— Уже! — сказал Карик. — Уже поел! Пока вас не было, я тут все осмотрел, нашел мед и закусил как следует.

— Напрасно ты встаешь, — нахмурился Иван Гермогенович, — рано еще тебе вставать! Рано, дорогой мой! Смотри, разболеешься еще больше.

— А знаете, — сказал Карик, — когда я проснулся, смотрю — стол стоит, кресла, горит огонь. Ну, я и подумал, что я уже дома, что настало утро и надо уже вставать.

— А тебе нравится наша новая квартира? — спросила Валя.

— Очень! — сказал Карик. — И особенно нравятся лампочки светляка. Какой у них сильный свет!

— Ну, это еще что! — сказал профессор. — Вот если бы сюда принести парочку ночных пирофор, — такой ли еще был бы свет!

— А это что за штука... пи... пирофоры ваши?

— Такие жуки! Живут они в Гвиане, в Бразилии и Мексике. И вот если какому-нибудь бразильцу или мексиканцу понадобится ночью идти по лесу, он ловит ночных пирофор и привязывает их к шляпе. Свет, который излучают эти жуки-фонари, такой яркий, что можно идти даже в самых темных тропических зарослях, не сбиваясь с дороги. А мексиканские дамы этими пирофорами украшают себя. Они прячут их в прическе, рядом с брильянтами, а иногда делают из этих насекомых пылающие ожерелья или обвертывают их вокруг своей талии, точно огненный пояс. После бала местные модницы купают уставшее насекомое в ванне и кладут в стеклянную вазу, и вот всю ночь ночная пирофора освещает нежно и приятно спальню мексиканки.

— А у нас только один иванов жучок светится? — спросила Валя.

— Не только он, — ответил Иван Гермогенович. — Я мог устроить такое же освещение из светящихся бактерий... Когда я был студентом, я сделал однажды настоящую лампу из таких бактерий. При свете этой лампы можно было и читать и писать.

— Бактерии? Это такие маленькие, невидимые простым глазом существа. Как же они светятся? Ведь их же не видно.

— Когда их очень много, — ответил Иван Гермогенович, — тогда можно видеть этот свет, хотя самих бактерий, конечно, не увидшь. Иной раз в лесу сияют голубым или зеленым светом гнилые пни. Кажется, что светится сам пень, но это излучают свой свет бактерии. Светятся также гниющие рыбы, выброшенные на берег. Нередко такой голубоватый свет можно увидеть и на трупах животных.

Но тут профессор спохватился, подбежал к бочке и, откинув с шумом крышку, крикнул весело:

— Ужинать, ужинать, друзья мои! Ужинать и спать!

* * *

Утром профессор отправился на разведку.

Он вернулся только вечером и принес ворох паутинных веревок. До поздней ночи сидел Иван Гермогенович на пороге пещеры, свивая из паутины толстые канаты, а когда все стали укладываться спать, он сказал, обращаясь к Вале:

— Завтра мы с тобой отправимся к нашему кораблю! Пора спускать его на воду... Карик поправляется, и скоро мы сможем двинуться в путь.

* * *

На другой день Иван Гермогенович разбудил Валю перед рассветом. Они позавтракали медом.

Потом профессор взвалил на плечи канаты и вместе с Валей отправился на работу.

Дубовый лист лежал на старом месте.

Профессор сбросил канат около листа.

— А теперь, — сказал он, — пойдем в конюшню за нашим битюгом.

И он пошел по берегу, наклоняясь к земле, заглядывая под камни.

Около большого серого камня Иван Гермогенович стал на четвереньки, долго смотрел в темную дыру под ним, потом пошарил вокруг и бросил туда пригоршню песку.

Под камнем кто-то начал возиться.

— Славный жеребец! — сказал Иван Гермогенович, вставая. — Если только он не будет брыкаться, мы быстро спустим корабль на воду!

— Кто там сидит? Под камнем? — шепотом спросила Валя.

— Дикая лошадь! — пошутил профессор. — Конь о шести ногах! Ну-ка, помоги, Валек!

Иван Гермогенович подтащил канат из паутины к черешку листа, замотал его вокруг черешка и, с силой дернув канат на себя, крепко затянул петлю.

— Прекрасно! — пробормотал он.

Волоча другой конец каната по земле, он отошел с ним в сторону от листа. Когда канат вытянулся, Иван Гермогенович скрутил на его конце вторую петлю. Потом притащил четыре коротеньких чурбашка и поставил их торчком на землю, как ставят «письмо», когда играют в городки.

Слегка пристукнув камнем чурбашки, профессор загнал их неглубоко в землю и толкнул тихонько ногой один чурбашок.

Чурбашок упал.

— Прекрасно! — сказал профессор.

Он схватил упавший чурбашок, поставил его на старое место.

Валя с любопытством наблюдала за профессором, но ничего не могла понять.

— Вам помочь? — спросила она наконец.

— Ничего, ничего! Я сам!

Иван Гермогенович поднял петлю каната, подтащил ее к чурбашкам и осторожно положил сверху.

Петля повисла над землей, опираясь на шатающиеся чурбашки.

— Ну, хомут готов, — сказал Иван Гермогенович, — а теперь идем за лошадью! Ты когда-нибудь запрягала лошадей? — шутливо спросил профессор.

— Нет, — созналась откровенно Валя, — лошадей я никогда не запрягала!

— Чудесно! Мне тоже не приходилось. Но это не беда.

Иван Гермогенович поднял с земли длинную жердь и протянул ее Вале.

— На! Держи!

Потом он нашел для себя жердь подлиннее и, положив ее на плечо, скомандовал:

— За мной!

Широко шагая, он повел Валю к большому серому камню.

Около камня Иван Гермогенович остановился, стукнул концом жерди о землю и, выставив ногу вперед, сказал:

— Теперь слушай внимательно. Вот здесь, под этим камнем, прячется от дневного света личинка жужелицы. А жужелица—это хищный жук, который питается насекомыми. Эта личинка, как и ее родитель, также питается насекомыми. Днем она смирно сидит под камнями, а ночью отправляется на охоту. Сила у нее необыкновенная! Прямо — тигрица, да и только!

— Я боюсь! — прошептала Валя, глядя на профессора испуганными, широко открытыми глазами.

— Напрасно! — ответил профессор. — Ты слушай дальше. Итак, мы должны будем выгнать личинку жужелицы из-под камня и загнать ее в хомут. А там она уж сама потащит наш корабль к озеру. Я думаю, мы легко с ней справимся. Только не надо трусить.

— А вдруг она укусит?

— Конечно, укусит, если мы будем зевать!

— Так как же мы ее погоним?

— А вот как: сначала выгоним из-под камня, а потом ты станешь с той стороны, а я с этой. Как только она поползет, ты не давай ей ползти вправо, а я не дам ползти влево. Будем загонять прямо в хомут. Ну, приготовились?.. Отойди подальше!

Валя отбежала в сторону. Иван Гермогенович сунул свою жердь под камень и принялся ворочать ею, точно кочергой в печке.

— Ага! Идет! Идет!

Профессор отскочил.

Прямо на Валю ползло, вытягивая из-под камня длинное тело, огромное чудовище. Валя ударила жужелицу жердью по спине. Жужелица вздрогнула и повернула к профессору. Иван Гермогенович стукнул ее жердью по голове.

Тогда чудовище, перебирая всеми шестью ногами, поползло прямо к дубовому листу, но на полдороге остановилось.

Профессор подскочил к жужелице и так ударил ее сзади, что она вздрогнула и закрутилась на месте.

— Валя, подгоняй, подгоняй ее!

Валя ткнула жужелицу жердью в бок.

— Но, но! Пошла! Пошла!

Так, шаг за шагом, они двигались к дубовому листу, подгоняя личинку жердями.

Наконец голова жужелицы поравнялась с петлей. Профессор бил жердью чурбашки. Петля упала на голову жужелицы.

Иван Гермогенович бросил жердь, схватил руками канат и с силой дернул его. Петля затянулась. Тогда профессор подобрал жердь и подбежал к голове жужелицы.

— Поехали! — закричал профессор.

Лист дрогнул. Поднимая тучи пыли, он медленно потащился к берегу.

Жужелица металась из стороны в сторону, но всякий раз натыкалась на острые жерди. Путешественники не позволяли ей свернуть ни вправо, ни влево.

Наконец она смирилась и потащила тяжелый лист к озеру.

Она ползла, поглядывая на профессора и Валю большими глазами, не понимая, чего от нее хотят эти странные двуногие насекомые с длинными жердями в лапах.

— Ну и сивка-бурка! Молодец! — кричала в восторге Валя.

— Не сивка-бурка, а карабус канцелятус, — строго сказал Иван Гермогенович. — Карабус — это фамилия, канцелятус — имя!

Личинка-жужелица подтащила дубовый лист к самой воде, но тут она точно взбесилась. Она помчалась сначала вдоль берега, потом круто повернула и побежала обратно к берегу.

Профессор и Валя с криком бегали за ней, лупили ее жердями по голове, по бокам, по спине.

Как долго продолжалась бы эта возня — трудно сказать. Но кончилась она совсем неожиданно: пробегая мимо огромной скалы, жужелица остановилась и юркнула под скалу.

— Фу-у, — тяжело вздохнул профессор, — ну и карабус! Помучил же он нас.

— А как же нам теперь отцепиться от него, от этого карабуса? — спросила Валя.

— Очень просто! — сказал Иван Гермогенович, отвязывая канат от черешка листа. — Хоть и жалко бросать такой хороший канат, но ничего не поделаешь! Пойдем. На сегодня, пожалуй, хватит. Надо нам и отдохнуть немного.

* * *

Оставив лист на берегу, путешественники вернулись домой. За обедом Валя рассказала Карику, как ловко перевезли они дубовый лист к берегу на личинке жужелицы. Карик слушал ее с завистью.

— Эх, жалко, меня там не было, — вздохнул он, — уж я бы прямо в воду ее загнал. Надо было за петлю дергать.

— Советовать легко, — сказал профессор,— а вот поработал бы ты так, как мы с Валей.

Он провел ладонью по усам, вытер с бороды мед и встал.

— Завтра начнем собираться потихоньку в экспедицию. А сегодня до вечера нужно будет перетащить на берег бочки с медом, найти для себя одежду, приготовить мачты, паруса, канаты. Словом, работы много.

Иван Гермогенович взял с пола охапку волоса шелкопряда.

— Пойдем, Валек! — сказал он, направляясь к выходу из пещеры.

Весь день профессор и Валя провели на берегу озера. Валя плела веревки из волоса, а Иван Гермогенович бродил, разыскивая мачту.

Наконец он вернулся. На плечах его лежала длинная сухая мачта-травинка.

К вечеру корабль был спущен на воду.

Иван Гермогенович пробил острым камнем в середине листа дыру, вогнал в эту дыру мачту, потом пол вокруг мачты облепил толстым слоем глины и сказал:

— Завтра солнце обожжет глину, и наша мачта будет пришита к кораблю крепко-накрепко.

Профессор осмотрел корабль, немного подумал, потом взял из рук Вали длинную веревку и прошел к узкому концу листа. Здесь он накинул петлю на черешок листа и с силой натянул веревку.

Лист дрогнул, конец его зашлепал по воде и немного приподнялся вверх.

Теперь дубовый лист был совсем похож на корабль.

Он покачивался, высоко приподняв нос над водой.

— Вроде гуся шею выгнул, — засмеялась Валя. — Вот если бы еще парус поставить!

— Будет и парус, — сказал профессор, — из лепестка какого-нибудь сделаем!.. Только сейчас, пожалуй, не стоит его ставить! Это уж потом, в день отъезда. А то еще он высохнет на солнце, скукожится.

Иван Гермогенович забил в берег толстый кол, привязал к нему корабль волосяной веревкой.

— Вот теперь совсем хорошо!

Валя забралась по веревке на нос корабля и осколком раковины что-то начертила там.

— Ты что? — спросил профессор.

— Хочу назвать как-нибудь наш корабль! — сказала Валя.

— И как же ты решила назвать его?

— А вот смотрите!

Валя спрыгнула вниз. Профессор подошел ближе и, прищурив глаза, увидел на носу корабля крупные буквы: К А Р А Б У С.

— Неплохо! — одобрил профессор.

* * *

На другой день путешественники шили одежду из лепестков, а вечером профессор и Валя перекатывали бочки с медом на корабль.

Карик уже вставал. Он ходил, опираясь руками о стены пещеры, и все время пытался помогать профессору и Вале, но Иван Гермогенович останавливал его.

— Лежи, лежи, — ворчал профессор, — тебе еще день-два полежать нужно. Без тебя управимся.

Карика это очень огорчало, но спорить он не стал. Он лег на свою постель, повернулся лицом к стене

и сделал вид, будто спит, а сам украдкой поглядывал на профессора и Валю.

«Ладно, — думал он, — уйдете, а я тут и без вас половину работы сделаю. Потом сами же мне спасибо скажете».

Лишь только профессор и Валя отошли от пещеры, он вскочил, схватил бочку и начал толкать ее к выходу.

Он уже выкатил ее из пещеры, но тут случилось несчастье. Под ногами Карика перевернулся круглый камень. Карик взмахнул руками и навалился на бочку всем телом. От сильного толчка бочка накренилась. Карик быстро схватил края бочки, но, потеряв равновесие, упал на землю.

Бочка грохнулась рядом с ним. Крышка откинулась. Густая медовая кашица поползла по земле.

Карик встал. Отряхиваясь от пыли, он растерянно смотрел на опрокинутую бочку.

Вот так помог!

Медовая лужа расползлась по земле, точно жидкое тесто. Карик отодвинулся в сторону, оглянулся, а затем, махнув безнадежно рукой, запрыгал на одной ноге к пещере.

Было уже совсем темно, когда вернулись профессор и Валя. Карик еще издали услышал их голоса. Он поспешно зарылся головой в волосяной матрац и притворился спящим.

— Ой, что это? — испуганно крикнула Валя, останавливаясь у самого входа в пещеру.

Карик заткнул уши пальцами и крепко-крепко зажмурил глаза.

— Ой, не могу идти! — крикнула Валя. — Мои ноги прилипли к земле!

Профессор бросился к ней на помощь, но лишь только подбежал к Вале, как и его ноги завязли в липкой медовой кашице.

— Что такое? — удивился профессор.

Увязая по щиколотку, он с трудом добрался до Вали и протянул ей руку.

— Давай!

Валя подала руку. Иван Гермогенович шагнул назад и потащил Валю к себе. Валя качнулась и чуть было не упала: ноги ее крепко завязли в густой медовой каше.

— Стойте! — закричала она. — Я совсем прилипла! Я как муха в варенье.

— Ничего, ничего, — бормотал профессор, отдуваясь.

Он с силой выдернул Валю из меда, поднял ее на руки и, с трудом переставляя ноги, побрел, шатаясь, к пещере.

Мед под ногами хлюпал, чавкал, вздыхал, как живой. Кашица приставала к ногам, точно тяжелая, липкая грязь.

Наконец профессор выбрался из лужи. Опустив Валю на землю перед входом в пещеру, он снял толстой палкой мед с ног и помог Вале почиститься.

— Эй, Карик! — крикнул профессор, заглядывая в пещеру. — Что такое здесь было?

Карик еще глубже зарылся в свой матрац.

Профессор и Валя молча переглянулись.

— Ну, ясно, — сказал Иван Гермогенович, входя в пещеру, — это уж, конечно, наш Карик постарался! И ведь не спит! Слышит все! Только стыдно ему посмотреть на нас. Эй, Карик!

Карик осторожно повернул голову и приоткрыл один глаз. И тут он увидел, что прямо на него смотрит Валя. Карик поспешно зажмурил глаз и очень громко захрапел.

— Спит! — засмеялась Валя.

Профессор покачал головой, но ничего не сказал. Путешественники легли спать.

* * *

Незадолго до рассвета Карик услышал сквозь сон какой-то шум около пещеры. Он поднялся с примятого матраца и подошел к входу. Сквозь щели между камнями он увидел площадку, слабо освещенную утренним светом.

На площадке перед пещерой ползали огромные крылатые животные. Карик узнал их. Это были мухи. Они суетились около лужи меда, толкались, с жужжанием взлетали вверх и снова опускались на мед. С каждой минутой мух становилось все больше и больше.

Сильный шум разбудил профессора и Валю. Профессор что-то сказал, но ребята не расслышали ни одного слова. Мухи жужжали так, что в ушах гудело, точно рядом гремели мощные моторы.

Тащить теперь на корабль оставшиеся бочки с медом было нельзя. Мухи могли сбить путешественников с ног и даже убить их. Они толпились у самого входа, заглядывали в пещеру, просовывали сквозь щели свои длинные хоботы. Они ползали по камням, которыми был завален вход, и под тяжестью мух камни шатались.

Путешественники со страхом смотрели на свою баррикаду. Вот-вот обвалится она, в пещеру ворвутся полчища мух — и тогда... они погибли. Но к вечеру мухи расползлись на ночлег.

— Ушли! — обрадовалась Валя.

— Ничего не ушли, — уныло сказал Карик. — Завтра они вернутся обратно и опять полезут в пещеру. Я их знаю! Они чуют бочки с медом!

— Давайте завалим получше вход! — предложила Валя.

— Чепуха, — сказал профессор. — Сидеть еще день и дрожать — благодарю покорно.

— Так что же нам делать?

— Наступать! — сказал профессор. — Наступать, а не обороняться.

Он схватил корзиночку-диатомею, взял с подноса яйцо светляка и, подняв его высоко над головой, точно факел, выбежал из пещеры.

— Куда вы, Иван Гермогенович? — закричали ребята.

— Сейчас, сейчас! Я их угощу, негодных!

Голубой огонек замелькал в темноте и пропал.

— Куда это он?

— Не знаю! Что-то, кажется, придумал.

Поздно ночью профессор вернулся в пещеру очень довольный и веселый. Он поставил корзиночку на пол и, отдуваясь, сказал:

— Вот! Бомбы принес! Завтра откроем по мухам артиллерийский огонь.

Ребята бросились к корзиночке.

— Бомбы?

— Вот здорово!

Карик осторожно запустил руку в корзиночку и достал оттуда серый комочек.

Лицо Карика вытянулось.

— Ну и бомбы! Какие-то ерундовые комочки. Просто засохшая грязь. Разве бомбы такие бывают?

Профессор засмеялся.

— Не нравится? — спросил он. — Напрасно! Вот посмотришь, как они завтра будут действовать. Не хуже пироксилиновых шашек.

Он вытряхнул комочки из корзины, разделил их на две кучки. Придвинув маленькую кучку Вале, профессор сказал:

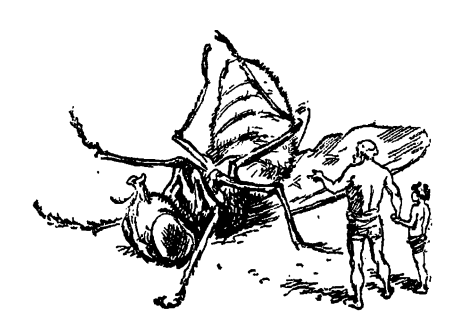
— Возьми-ка, Валя, вот это и пойдем!

Нагруженные бомбами, профессор и Валя вышли из пещеры.

— Разбрасывай свои бомбы вокруг пещеры! — услышал голос профессора.

Глава шестнадцатая

Битва с мухами. — Необыкновенные паруса. — Глаза на ногах. — Клоп играет на скрипке. — Верхом на шмеле.

— Хлоп! Хлоп!

Ребята вскочили с примятых, разворошенных постелей. Протирая глаза, они испуганно осмотрелись.

— Карик, что это?

— Не знаю.

— Может быть, это наши батареи палят?

В пещере по-прежнему мерцал голубой свет. Темные своды висели низко над головой. В углу, вдоль стен, рядами стояли толстые белые бочки.

— Хлоп! Хлоп! Хлоп! — трещали за стеной взрывы.

Иван Гермогенович приподнялся со своего волосяного матраца, широко зевнул и, вытирая заспанные глаза кулаками, пробормотал:

— Ага!.. Действуют... Работает моя артиллерия...

Иван Гермогенович, а следом за ним и ребята подошли к баррикаде, загораживавшей выход из пещеры.

Сквозь щели между камнями просвечивал утренний свет, площадка перед пещерой ослепительно сверкала на солнце желтым соком. Лужи пролитого меда блестели, как жидкое золото. В стороне валялась опрокинутая на бок белая бочка.

Путешественники даже зажмурились от яркого света.

— Хороший будет денек! — сказал профессор, рассматривая чистое, точно вымытое, голубое небо.

— Зато мух сколько будет! — вздохнула Валя.— Еще даже больше, чем вчера,

— Это ничего! — успокоил Валю Иван Гермогенович и, весело потирая руки, сказал: — Скоро их станет меньше! Значительно меньше...

— Почему меньше?

— А разве ты не слышишь, как хлопают мои бомбы? — с удивлением спросил Иван Гермогенович.

— Слышу, — сказала Валя, — но мухи, кажется, совсем не боятся ваших бомб. Вон бомбы рвутся среди мух, а мухам хоть бы что.

— Погоди немножко! — спокойно погладил бороду Иван Гермогенович. — Не торопись! Мухи от моих бомб не сразу погибают. После того как в муху попадет осколок, она еще поползает-поползает часиков пять-шесть, а потом очень интересно начнет умирать. О, на это стоит посмотреть!

— А эти мухи уже раненые?

— Несомненно! — с уверенностью ответил Иван Гермогенович. — Ведь перепалка идет, если я не ошибаюсь, с самого рассвета.

Валя вытащила из баррикады камень и, прильнув к образовавшейся амбразуре, стала разглядывать площадку.

По камням бродили огромные мохнатые мухи. Они подходили к медовой луже, погружали хоботки в мед, толкали друг друга. Одна из них, толстая, с белым брюхом, села на опрокинутую бочку. Бочка качнулась. Муха испуганно взлетела и закружилась, рассматривая бочку сверху огромными выпуклыми глазами. Потом осторожно опустилась и села рядом с бочкой.

И вдруг она приподнялась и зашаталась, точно пьяная. Ноги ее подогнулись. Она упала на землю, повозила по песку отяжелевшей головой и замерла. Только ее растопыренные крылья еще слегка шевелились.

— Есть одна! — закричал Карик.

— Это еще не все! — сказал Иван Гермогенович. — Подождите, то ли еще с ней будет.

Через некоторое время профессор и ребята опять подошли к баррикаде.

На площадке перед пещерой валялось уже несколько мух. Одни из них были еще живы — шевелились, другие лежали, растопырив крылья, уткнувшись головой в песок. Они были покрыты чем-то белым, точно инеем, а у мухи, которая лежала возле бочки, вырос из брюха длинный, тонкий хлыст с круглой шляпкой на конце.

— Что это у нее? — спросила Валя. — На гриб похоже.

— Да это и есть грибок эмпуза.

Вдруг шляпка грибка отвалилась и упала на землю.

— Новая эмпуза созрела! — сказал Иван Гермогенович.

— Какое смешное слово — эмпуза! — фыркнула Валя.

— Разве смешное? А вот мне оно никогда не казалось смешным. С эмпузой я давно вожусь. Это мой старый знакомым. Грибок-паразит... Один из полезнейших для человека грибков... Он убивает мух. Вот эта новая эмпуза, которая упала сейчас на землю, разорвется, как только к ней подойдет поближе муха, и осыплет ее осколками-семенами; семена прорастут, убьют муху и выбросят на погибель другим мухам новую бомбу-грибок.

— А если мухи не подойдут?

— Тогда эмпуза не разорвется!

— Ну, а если не муха подойдет, а пчела, — разорвется эмпуза или нет?

— Нет, не разорвется.

— Значит, в пчел они не стреляют, эти эмпузы?

— Эти нет. Но у пчелы есть тоже свой грибок-паразит. Он попадает в соты и портит их. Ну, конечно, такие грибки не полезны, а даже очень-очень вредны.

Хлоп! — треснуло что-то на площадке.

Профессор высунул голову и сказал:

— Еще пяток мух готов! Скоро и они протянут ноги.

И, действительно, вскоре вся площадка покрылась мушиными трупами.

Путь к озеру был свободен.

* * *

После обеда Иван Гермогенович решил сходить на берег посмотреть свой славный «Карабус». На месте ли он? Не сорвало ли его ветром? Не повалило ли на бок?

Он собрал ворох паутинных веревок, взвалил его на плечи и, сунув за пояс острый камень, направился к выходу.

— Ну, Валя, пошли! Ты, надеюсь, поможешь мне?

— Конечно, помогу, если только...

— Если только — что?..

— Если на площадке мух больше нет.

— Нет и не будет, — ответил Иван Гермогенович.

— А новые? Не прилетят?

— Ни в коем случае. А если даже и прилетят, то погибнут тотчас же. Ведь наша площадка теперь минирована эмпузой.

Успокоенная Валя двинулась к выходу.

— А я? — вскочил с матраца Карик.

— А ты лежи. Поправляйся! Мы сегодня без тебя справимся.

— Без меня! — возмутился Карик. — Да знаете ли вы, что такое грот-мачта? А что такое бизань? А кливер? А шкоты? А брамсели?

— Ну, ну, — усмехнулся профессор, — смотрите, какой волк морской!

— И не волк и не морской, а в кораблях кое-что понимаю! — с гордостью ответил Карик, который слышал морские названия от одного знакомого моряка.

Профессор махнул рукой.

— Ну, если так, идем! Ничего не поделаешь. Только осторожно — не повреди больную ногу.

Путешественники вышли из пещеры.

— Настоящее Мамаево побоище! — сказал Иван Гермогенович, пробираясь между мертвыми мухами.

Валя старательно обходила трупы, искоса поглядывая на них.

Хотя мухи были мертвые, но... все-таки уж лучше держаться от них подальше.

— Стойте! — закричал вдруг Карик.

Профессор и Валя быстро оглянулись.

Карик стоял около большой мухи, которая лежала, широко раскинув крылья.

— Что ты, Карик?

— Смотрите, — ответил Карик, приподнимая обеими руками прозрачное крыло мухи. — Парус! Понимаете?

— Понимаю! Конечно, понимаю! — обрадовался Иван Гермогенович.

Он подошел к мухе и, пошевелив ее гремящее крыло, сказал:

— Прекрасный выйдет парус! Воспользуемся!

Вытащив из-за пояса острый камень, профессор взобрался на муху и сильным ударом отсек крыло.

Крыло упало к ногам Карика.

— Одного мало, — сказал Карик, поднимая крыло и рассматривая его, — этого хватит только на кливер. А нам ведь нужны паруса и для грот-мачты.

— Что ж, можно и для грот-мачты, — сказал профессор.

И принялся ловко отсекать острым камнем гремящие крылья, сбрасывая их вниз. Ребята складывали крылья в кучу. Наконец Карик сказал:

— Пожалуй, хватит!

Они быстро сложили крылья стопкой, одно на другое; крылья гремели, точно это было листовое железо.

Профессор привязал к самому нижнему крылу веревку, потом перекинул ее через плечо и потянул за собой тяжелый груз к берегу.

— Вот видите, — говорил весело Карик, придерживая крылья руками, — я-то уж знаю, какие паруса нужны. Я как только увидел их, сразу понял, что с ними делать!

— Ладно, ладно! — посмеивался Иван Гермогенович. — Расхвастался! Придерживай-ка получше крылья, не то мы растеряем половину по дороге.

Путешественники дотащили тяжелую кладь до берега.

В тихой гавани покачивался на приколе славный «Карабус». Его изогнутый нос отражался в тихой, спокойной синей воде. Низкие борта лежали почти на одном уровне с поверхностью озера. Вокруг высокой мачты стояли белые бочки с медом.

— Настоящий корабль, — сказал Карик, — только парусов не хватает.

— А вот сейчас и паруса будут! — отозвался профессор.

Перетащив мушиные крылья на корабль, путешественники приступили к его оснастке.

Карик взобрался на мачту.

— А ну-ка, давайте мне сюда крылья и веревки! — крикнул он сверху.

Работа закипела.

Профессор подавал Карику крылья, а Карик привязывал их к мачте одно над другим, и скоро вся грот-мачта покрылась прозрачными парусами-крыльями.

В крыльях зашумел ветер. Паруса «Карабуса» задрожали. И вдруг кол, на который была накинута веревка, затрещал и переломился.

— Ой! — крикнула Валя.

Иван Гермогенович, не говоря ни слова, прыгнул в воду.

— Что случилось? — спросил сверху Карик.

Но ему никто не ответил. Тогда он, просунув голову между крыльями, увидел профессора, который стоял по пояс в воде и, побагровев от натуги, подтягивал корабль к берегу.

— Отвязалась? — спросил Карик.

— Да нет! Это оса перегрызла кол!

От удивления Карик даже сполз с мачты на палубу.

— Оса? — спросил он. — Что же она дура, что ли, чтобы палки есть?

— Вовсе нет, — сказал Иван Гермогенович, наматывая пойманную веревку на толстый пень. — Палок оса не ест, она приготовляет из них бумагу для постройки гнезда.

Валя широко открыла глаза.

— Осы умеют делать бумагу?

— Да. Они и человека научили делать бумагу из древесины, — ответил Иван Гермогенович и прочел ребятам целую лекцию об осах, о древесине, о старинных, давно забытых открытиях.

— Было время, — говорил он, — когда бумагу приготовляли исключительно из тряпок. Ученый Яков-Христиан Шефер, который жил сто пятьдесят лет на-

зад, исследуя жизнь насекомых, научился у них делать бумагу из древесины. Рассматривая однажды гнездо осы, он заметил, что оно сделано из материала, который похож на бристольский картон. Он проследил за работой ос. И тут Христиан Шефер обнаружил, что осы жуют кусочки древесины и приготовляют из нее отличную бумагу.

Но в то время на открытие Шефера никто не обратил внимания.

Прошло еще пятьдесят лет. Другой ученый, Келлер, напомнил людям про открытие Шефера, и напомнил как раз кстати. В бумаге в то время уже сильно нуждались, а тряпок не хватало... Попробовали делать бумагу, как делают ее осы, из древесины... Сначала ничего не выходило, но потом дело наладилось. С тех пор почти вся бумага изготовляется исключительно из древесины.

— Ох, — сказала Валя, выслушав лекцию. — Значит, тут поблизости должны быть осы. Давайте-ка тогда поскорее домой пойдем.

— А и в самом деле пора домой, — согласился Иван Гермогенович.

Путешественники вернулись в пещеру.

* * *

Утром, чуть свет, они перекатили на корабль последние бочки меда, перенесли свои матрацы, захватили с собой яйца светляков.

Одно яйцо, как сигнальный фонарь, Карик прикрепил к верхушке мачты.

Он суетился теперь больше всех.

Бегая по кораблю, он кричал настоящим капитанским голосом:

— Эй, на юте! Подобрать шкоты!

— А что такое «на юте»? — робко спрашивала Валя.

— Ну, там, где ты стоишь, — это и есть ют. Корма, значит. Гей, подбирай шкоты, юнга!

— А что такое шкоты?

— Шкоты — это веревки.

— А нельзя ли, — робко спросил профессор, — корму называть кормой, а шкоты — веревками?

Карик только усмехнулся:

— Ну что ж, называйте. Но я тогда буду называть муравьиные коконы муравьиными яйцами.

Профессор схватился за голову.

— Нет, нет, только не яйца, а коконы! Уж как-нибудь я усвою морскую тарабарщину, только, пожалуйста, не называй кокон яйцами.

Карик снова заметался по кораблю.

— Отдать концы! — кричал он громовым голосом. — Марсовые, по местам! Поднять сигналы!

Профессор выбрал причальную веревку, аккуратно сложил ее на корме. Валя подобрала шкоты.

Теперь «Карабус» был готов к дальнему плаванию.

«А хорошо бы, — подумал Карик, — пальнуть из пушки перед тем, как покинуть гавань...»

Но, к сожалению, пушки не было.

Карик прошел по кораблю, переваливаясь с боку на бок, как заправский моряк, оглядел свою команду и сплюнул за борт.

Минута была торжественная.

Карик поднял руку вверх.

— Внимание!

Команда следила за своим капитаном, не спуская с него глаз.

— Зюйд-вест! Полный вперед, тысяча чертей и одна ведьма!

— Есть, капитан! — гаркнул Иван Гермогенович, весело подмигнув Вале.

Валя отпустила шкоты. Ветер заполоскал паруса.

«Карабус» дрогнул, качнулся, точно раздумывая, плыть ему или остаться в гавани, и тихо отошел от берега.

— Полный вперед! — крикнул бравый капитан.

...Дул ветер.

По воде бежали белые барашки. Корабль качало, подбрасывало на волнах. Теплые брызги летели в лицо мореплавателям. Славный корабль мчался, черпая бортами воду.

Вокруг «Карабуса» шныряли какие-то странные живые существа. Они обгоняли корабль, выпрыгивали из воды, резвились, точно дельфины.

Одно животное, похожее на кролика с рогами оленя, но совершенно прозрачное, долго плыло рядом, не отставая от корабля путешественников.

У этого причудливого спутника «Карабуса» можно было разглядеть сквозь прозрачную оболочку все его внутренности.

— Кто это? — спросила Валя.

— А это самая обыкновенная сида, — ответил профессор, — одна из сотни водяных блох.

Валя стукнула сиду по голове палкой.

Сида исчезла.

Мимо, обгоняя корабль, промчалось что-то очень похожее на подводную лодку. Животное плыло под водой, а на поверхности был виден след. Это животное чуть было не налетело на «Карабус», но в самую последнюю минуту круто свернуло вправо и быстро исчезло глубоко под водой.

— Кто это? — прошептала испуганная Валя.

— А это, — ответил спокойно Иван Гермогенович, — самая обыкновенная улитка. Прудовик!

— Водяная улитка?

— Угу!

— Как же она передвигается?

— Вот этот вопрос, — сказал, улыбнувшись, Иван Гермогенович, — был самым трудным для всех ученых, однако и он разрешен блестяще. Водяная улитка-прудовик путешествует, как это ни странно, вниз головой. Вытянув свою единственную ногу, она выделяет на поверхность воды слизь, прикрепляется этой слизью к пленке воды и скользит по ней, как по плоту.

— Но она же в таком случае не видит.

— Прекрасно видит. Ведь ее глаза находятся на ноге.

— Вот это здорово! — удивился Карик.

— Н-да! — промычал Иван Гермогенович. — Что ж тут удивительного? Мы уже встречали хищных животных, у которых нет рта, животных, которые слушают ногами, а теперь вы сами увидели существо, которое глядит ногами. Но все это сущие пустяки по сравнению с тем, что я мог бы рассказать вам о странных животных. Все эти животные живут рядом с нами. Это не чудовища из сказок Андерсена и Гримма. Эти животные существуют в самой лучшей, в самой замечательной сказке, которая называется — жизнь... Впрочем, я так часто читаю вам лекции, что боюсь, как бы вы не подумали, будто я пришел к вам не для того, чтобы довести вас до дому, а для того, чтобы читать лекции. Споемте лучше что-нибудь, друзья мои.

Но это предложение просто испугало ребят. Рассказы профессора хоть и были иногда скучноваты, но все-таки их можно было слушать, а вот пение Ивана Гермогеновича... его мог слушать только глухонемой. Поэтому Карик и Валя, опасаясь, как бы профессор не запел, стали расспрашивать его обо всем, что только попадалось им на глаза. А профессор все время порывался запеть.

— Ну, — говорил он, откашливаясь, — грянем... кха... кха... что-нибудь вроде «Марш вперед»... Итак...

— Ой, смотрите, смотрите! — торопливо закричала Валя. — Что это там под водой? Такое большое-большое...

«Карабус» плыл над какими-то полосатыми глыбами, которые лежали на боку, точно затонувшие корабли.

Профессор взглянул вниз и сказал добродушно:

— А это, друзья мои, бывшая пища человека. Ракушки. Когда-то, очень давно, эти ракушки были для людей то же самое, чем сейчас является для нас хлеб. Но теперь мы смотрим на этот бывший хлеб с брезгливостью.

— Не думаю, — сказал Карик, — что ракушки вкуснее хлеба.

— Ты прав, — согласился Иван Гермогенович, — но все-таки жаль, что такое огромное количество пищи пропадает зря. Ведь этих ракушек можно было бы собирать миллионы центнеров.

— Но для чего же, если их не едят?

— В Германии, например, их собирают, варят в больших котлах и...

— Неужели едят?

— Нет! Ими кормят свиней. От такой пищи свиньи быстро жиреют, и мясо у них становится исключительно нежным и вкусным.

На некоторое время разговор смолкал, но лишь только ребята слышали угрожающее покашливание, — а это значило, что профессор собирается запеть, — они торопливо задавали ему какой-нибудь вопрос.

Так прошло несколько часов.

«Карабус» мчался на всех парусах. Но вот солнце поднялось высоко, и ветер стих.

Теперь корабль лениво тащился по мертвой зыби, еле-еле покачиваясь. Паруса обвисли. Капитан приуныл.

Путешественники сели у борта и свесили в прохладную воду ноги.

В колеблющейся воде резвились водяные животные. Они сновали среди зеленых подводных лесов, которые поднимались с темного дна озера.

Валя растянулась на палубе. Свесив голову через борт, она рассматривала качающиеся на дне заросли.

Наконец подводные леса кончились. Теперь дно было серое, холмистое. По склонам подводных холмов ползали, извиваясь, гигантские красные змеи. Их было так много, что дно казалось красным.

— Ой, сколько их! И кто они такие? — спросила Валя.

Профессор наклонился.

— Кулицида хирономус... А попросту, по-русски, личинки комара-дергуна... Прекрасный рыбий корм. Любимая пища мелкой рыбешки.

— А почему их называют дергунами?

— Да потому, что они всегда дергают, сучат ногами.

— Значит, все комары называются дергунами, потому что дрыгают ногами? А я и не знала.

— Нет, — сказал профессор, — так называют только один род комаров. У других комаров — другие названия.

— Как? — удивился Карик. — Разве комары бывают разные? А я думал, что все комары на один лад.

— О нет, их сотни видов! В одном только нашем районе комары-дергуны, комары-толкунчики, бородатые комарики, комары-долгоносики, малярийные комары, комары перистоусые, комары земноводные, комары обыкновенные. У нас есть даже снежный комарик.

— Белый?

— Нет! Снежным он называется потому, что живет на снегу.

— Разве и зимой комары живут?

— Жизнь не прекращается ни летом, ни зимой, — ответил Иван Гермогенович. — Летом ползают, прыгают и летают одни насекомые, зимой — другие. Например, у нас на снегу можно встретить снеговых блох, снежных червей, снежных паучков, ледничников, бескрылых комариков и много-много еще других живых существ.

— А комары все кусаются? — спросила Валя, боязливо поглядывая на личинку дергуна.

— Личинка не кусается, да и взрослый дергун не трогает ни человека, ни других животных. А вообще-то, что такое, в сущности, укус нашего комарика? Так! Чепуха! Пустяки!

Иван Гермогенович погладил бороду и, улыбаясь, сказал:

— Вот на острове Барбадосе комары кусают, так это, действительно, я вам скажу, кусают!

— А что? Очень больно? — прошептала Валя.

— Чувствительно... А то еще был такой случай. В городе Веракруце какая-то женщина заснула летаргическим сном. Думали, что она умерла. Лицо у нее было восковое, а сама она холодная как лед. Ну ее, понятно, положили в гроб, а гроб вынесли на веранду.

— Ну и что же?

— Лишь только наступила ночь, на веранду налетели комары; они густо облепили мнимоумершую и принялись ее так жалить, что она проснулась, схватила с перепугу крышку гроба да так, с крышкой в руках, в саване, и выбежала на улицу.

— И уж больше не умирала? — спросил Карик.

— Да, она жила до самой смерти.

Вдруг Валя вскочила и закричала:

— Ой, смотрите, какая барбадоса плывет. Уй-юй-юй!

Под водой, в стороне от корабля, мчалось длинное серое животное с огромной головой. Все оно было точно сшито из кусков. Широкий хвост, похожий на три петушиных пера, извивался.

Животное останавливалось, вытягивалось, как струна, и вдруг быстро-быстро надувалось. Надувшись до отказа, оно отбрасывало назад упругую струю воды. Этой струей оно отталкивалось, двигаясь вперед, как ракета.

— Личинка стрекозы! — сказал профессор.

— Вот нам бы ее, — задумчиво сказал Карик, — вместо мотора.

Профессор засмеялся.

— Ну, с таким мотором нам, пожалуй, и не справиться. Личинка стрекозы, друзья мои, очень опасная зверюга. Она нападает даже на мелкую рыбку и пожирает ее. А ведь любая рыбешка по сравнению с нами — целый кит.

— А вот и ее мама-стрекоза! — сказала Валя. — Смотрите, куда это она лезет?

Прижав к спине крылья, большеголовая, глазастая стрекоза зацепилась за ствол подводного дерева и стала спускаться на дно вниз головой.

— Чего это она? — удивился Карик. — Топиться вздумала, что ли?

Валя поглядела на стрекозу, подумала немного и нерешительно сказала:

— Наверное, она пришла свою личинку навестить. Соскучилась, вот и пришла. Очень даже просто!

Профессор засмеялся.

— А еще проще и вернее вот что, — сказал он. — Стрекоза спускается под воду, чтобы отложить яички.

— А страшная какая! — сказала Валя.

— Что ты, она очень красивая! — возразил Иван Гермогенович. — Недаром немцы дали ей поэтическое

имя — вассерюнгфер — водяная дева, а французы называют стрекозу мадемуазель, что по-русски значит девица.

В это время по озеру побежали волны. Паруса зашумели. За кормой заплескалась вода.

— Команда, по местам! — закричал Карик.

— Есть, капитан! — ответил Иван Гермогенович.

И корабль снова помчался по волнам.

Карик забрался на мачту.

«Карабус» плыл, лавируя между зелеными плоскими островами,— это были мясистые листья кувшинок и белых лилий. Наконец «Карабус» вышел на чистую воду.

Карик приложил ладонь к глазам.

Вдали, за синевой озера, сверкающей под солнцем, он увидел туманный берег. Берег почти сливался с водой. Облака лежали, как ватные горы, над голубой полоской земли.

Когда Карик присмотрелся, он заметил на горизонте крошечную, тонкую, как булавка, черточку. Наверху трепетало что-то, очень похожее на красную пушинку.

— Вон он, маяк! Держите, Иван Гермогенович, вправо. Так, так! Еще правей! Натяните правые шкоты, тысяча чертей! Еще! Еще! Стоп! Так держать!

— Есть, так держать! — гаркнул профессор.

Прямым курсом «Карабус» помчался к берегу. И вдруг все кругом зазвенело, запело.

Пела вода, пело небо.

Карик испуганно оглянулся и торопливо спустился с мачты на палубу.

Профессор, задумчиво прищурив глаза и склонив голову набок, слушал удивительную музыку.

Казалось, что тысячи скрипок и флейт играли одну какую-то песенку, несложную, но очень приятную.

Профессор вздохнул:

— Вот так же когда-то плыл по морю легендарный Одиссей, и вокруг его корабля пели сирены.

— Это сирены поют? — спросил Карик.

— Нет, — сказал Иван Гермогенович. — Сирены — это сказочные морские девы, заманивающие путников своим пением. А те существа, что сейчас поют, называются попросту сигара минтиссима. Не правда ли, какая нежная музыка?

— Очень! — сказала Валя.

— Да, они умеют петь, эти свирепые хищники! — сказал профессор.

— Хищники?

— Ну да, ведь это ж водяные клопы кориксы. Обжоры и разбойники, но талантливы, как сказочные сирены.

— А как же они поют? Разве у клопов есть голос?

— Ногами поют, — сказал Иван Гермогенович. — На одной передней лапке у самца-клопа есть такие щетинки, вроде зубчиков в музыкальном ящике... По этим щетинкам клоп проводит, точно смычком, второй передней лапой, и получается музыка.

Карику и Вале очень хотелось увидеть клопов-скрипачей, но, как они ни вытягивали головы, отыскать водяных клопов им не удалось...

Кориксы сидели где-то в подводном лесу.

Между тем «Карабус» мчался на всех парусах к отлогому берегу, который приближался теперь с каждой минутой.

Вот уже из воды выступают камни, кое-где желтеют отмели.

Все яснее и яснее виден прибрежный травяной лес.

— Где будем приставать? — спросил Карик.

— Да где хочешь, — ответил Иван Гермогенович, поглядывая на берег, — немножко ближе, немножко

дальше — это не так уж важно, — ведь нам все равно придется пешком тащиться.

Валя вздохнула:

— Неужели опять пешком? Ох, и надоело же мне!

— Ничего, Валя, потерпи, — сказал Иван Гермогенович, — когда-нибудь, я надеюсь, наше путешествие все-таки кончится. Мне и самому хотелось бы поскорее домой попасть. Меня же студенты в университете ждут! Экзамены скоро!

Профессор вдруг захохотал.

— Вот если бы мои студенты увидели меня на этом кораблике из дубового листа, под парусами из мушиных крыльев, что бы они сказали?! Ведь меня сейчас любой из них мог бы в жилетный карман посадить, за пояс заткнуть! Ха-ха-ха!

Был полуденный час.

Царапая днищем о камни, «Карабус» тихо подошел к берегу и стал, покачиваясь на легкой зыби.

Путешественники вышли на берег.

За ближним лесом торчала черная мачта-маяк.

Казалось — она стоит совсем рядом; только пройти через этот лесок — и вот она.

Карик оглянулся и, посмотрев грустно на славный «Карабус», помахал на прощанье рукой:

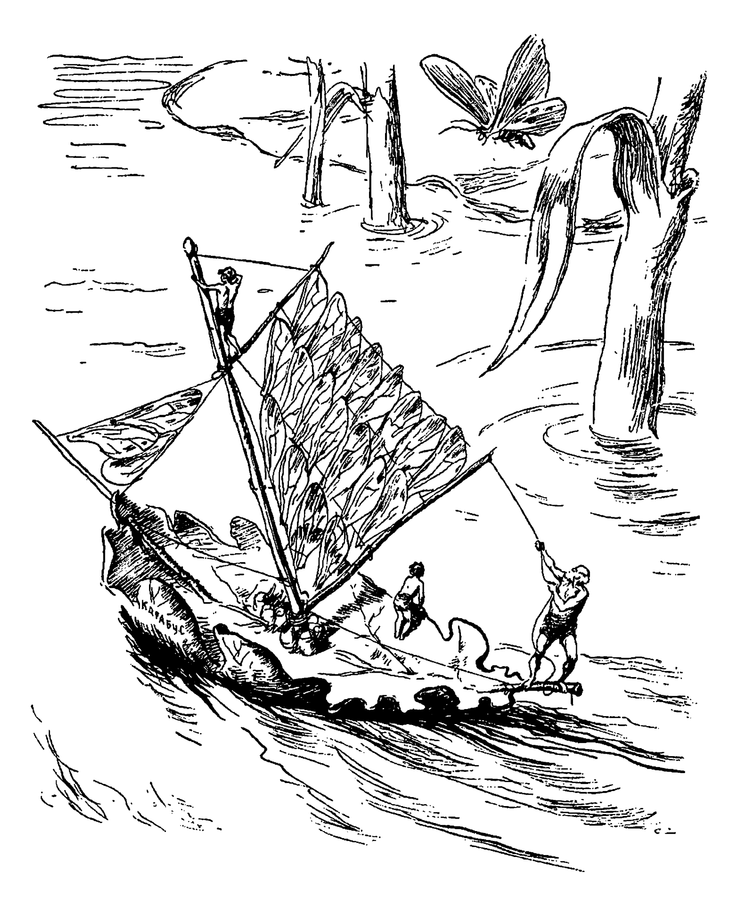
— Прощай, «Карабус»! Не забывай своего капитана!

— А я думала — мы до самого маяка на нем доедем! — сказала Валя.

— Напрасно думала! — пожал плечами Иван Гермогенович.

— А тогда зачем же мы нагрузили на корабль столько продуктов?

— Как это зачем? — возмутился Карик. — А если бы началась буря? А если бы нас выбросило на какой-нибудь необитаемый водяной лист? Что бы ты стала тогда есть?

— Верно, — сказал Иван Гермогенович, — надо быть предусмотрительным, когда отправляешься в путь. Лучше потом выбросить лишнее, чем умереть с голоду.

* * *

Через два-три часа профессор и ребята расположились на опушке леса и плотно позавтракали.

Иван Гермогенович встал, вытер лепестком усы, бороду, руки и сказал:

— Ну, а сейчас мы с ва...

Профессор не договорил. Отбросив прочь лепесток, он проворно, как мальчик, взбежал на ближайший пригорок.

— Так, — сказал он, глядя вверх, — очень хорошо! Прекрасно! Просто замечательно!

Ребята тоже подняли головы.

Над лесом мчались на широких, точно стеклянных крыльях какие-то тяжелые, мохнатые животные.

Не их ли разглядывал Иван Гермогенович?

— Осы! — сказал Карик.

— Не осы, а шмели! — поправил профессор.

Темные с золотом шмели кружились над густыми зарослями травяного леса, кружились и опускались на какие-то странные деревья, у которых, вместо кроны, были огромные лилово-красные шапки. Шмели садились на эти шапки, копошились в них, а потом, взмыв вверх, летели в сторону маяка и там исчезали, должно быть, садились на землю.

Профессор схватил ребят за руки и, пристально посмотрев на них, сказал:

— Вот что, друзья мои! Мне пришел в голову очень смелый план. Дальше мы полетим на шмелях.

Ребята испуганно попятились.

— На шмелях?.. Я... я не хочу на шмелях, — сказала Валя, — я боюсь их.

Профессор обнял Валю за плечи:

— Не бойся, голубчик! Это совсем безопасно. Ведь летали же личинки жука-майки на пчелах, и пчелы их не трогают.

— А, может быть, лучше на пчелах полететь? — спросил Карик.

Профессор покачал головой:

— Нет, на пчелах нельзя! Пчелы утащат нас к себе в улей, и там нам конец будет. А шмели понесут нас прямо к маяку. Наверное, у них там гнезда. Видите, ку-

да они все летят. Значит, нам больше подходит шмель, а не пчела.

— Нет, я все-таки боюсь! — замотала головой Валя. — Я...

— Да ты постой, — перебил ее Иван Гермогенович, — я расскажу тебе подробно, как путешествуют на пчелах личинки жука-майки, и надеюсь, что после этого ты перестанешь бояться.

Профессор сел на пригорок, усадил ребят рядом и начал:

— Очень прошу вас, друзья мои, не смешивать жука-майки с майским жуком. Это далеко не одно и то же. У этого жука-майки удивительная особенность... У всех насекомых — три превращения: из яйца выходит личинка, становится куколкой, и, наконец, куколка превращается в совершенное насекомое. Ну, а вот у жука-майки целых четыре превращения: яйцо, личинка-триунгулина, потом просто личинка, куколка и взрослый жук-майка. Запомните: триунгулина. Фабр называет ее попросту «вошкой». Так вот эта триунгулина питается пчелиным медом... А как найти ей соты?.. Кто покажет ей дорогу к пчелам? Кто отнесет ее в улей?

— Ее мама! — сказала Валя.

— Ну, на маму ей не приходится надеяться, — усмехнулся Иван Гермогенович. — Когда личинка вылезает из яйца, ее мамы часто уж и на свете нет... Чтобы попасть в пчелиное гнездо на полное иждивение, триунгулина должна забраться на цветок и, притаившись, ждать там пчелы. Лишь только пчела опуститься на цветок, триунгулина хватает ее лапками за мохнатую шубу и держится до тех пор, пока пчела не перенесет ее к себе. Поняла, Валя? А теперь ты подумай: какая-нибудь глупая триунгулина, и та не боится воздушных полетов, так неужели ты же испугаешься?

— Так то триунгулина, — вздохнула Валя, — она же глупая!

— Да брось ты трусить, Валя, — сказал Карик. — Если мы не полетим на шмелях, нам придется тогда идти пешком, может быть, целых три недели, а может быть — и месяц. Да еще неизвестно, что с нами случится. В пути мы можем встретить тысячи новых опасностей. Какой-нибудь жук слопает нас, или гусеница раздавит, или бабочка смахнет в пропасть. Уж лучше на шмелях! И... и, вообще, пионеры не должны быть трусами.

— Ну, ладно, поехали на шмелях! — сказала Валя дрожащим голосом. — На какой цветок нужно лезть?

— А вот на этот! На красный круглый шар, который качается там наверху. Это — красный клевер. Любимый цветок шмеля.

По высокому стволу Иван Гермогенович и ребята вскарабкались на лилово-красную шапку клевера и спрятались между его трубочками, которые таили в себе капли чистого, светлого меда.

— А скоро этот шмель прилетит? — шепотом спросила Валя.

— Почем я знаю! — также шепотом ответил Карик.

— Тише вы! — зашипел профессор.

Так просидели они больше часа.

Наконец над их головами загудели крылья. Широкая тень заслонила небо, как будто на солнце набежала туча.

Валя прижалась к брату. Сердце ее стучало, руки и ноги тряслись. Она хотела что-то сказать, но губы не слушались.

— Приготовьтесь! — чуть слышно сказал профессор.

Валя украдкой стиснула Карику руку.

Все сильнее и сильнее шумели могучие крылья. Взъерошенный, лохматый шмель, кружась, спускался к цветку. Вот он уже вытягивает лапы и собирается сесть.

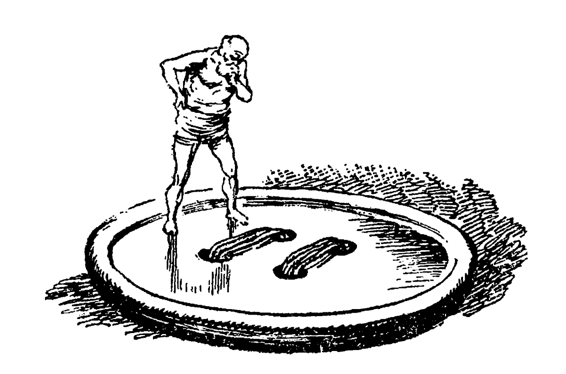
Но что было дальше, Карик и Валя не поняли. Огромное волосатое тело опустилось на них, точно тяжелая медвежья шуба. Ребята услышали глухой голос профессора:

— Хватайтесь крепче!

Они вцепились руками в шерсть и в ту же минуту вихрем взлетели вверх.

Глава семнадцатая

Странная земля. — Профессор сражается с бабочкой. — Приключения Карика и Вали в фанерном ящике. — Дорогая экофора. — Профессор запакован. — На пути в старый мир.

От ветра у путешественников перехватило дыхание, земля качнулась и пропала.

— Держитесь крепче! — крикнул профессор.

Ребята едва расслышали его голос. Ровное, густое гудение шмелиных крыльев и пронзительный свист ветра заглушали все.

Сначала шмель летел высоко над землей. Но потом ему, как видно, стало тяжело, а может быть — и больно. Три пары рук вцепились в его мохнатую шерсть, три пары ног колотили его по брюху и груди при каждом резком повороте.

Шмель стал метаться из стороны в сторону, — должно быть, для того, чтобы сбросить непрошеных пассажиров.

Он летел, спускаясь все ниже и ниже, отряхивался на лету, но избавиться от тяжелой ноши не мог.

У Вали кружилась голова, сердце так и екало.

Профессор со страхом поглядывал на нее.

Только бы удержалась, бедняжка, только бы не разжала рук.

И вдруг шмель еще сильней затрещал крыльями.

В ушах у путешественников завизжал ветер.

И шмель стрелой пронесся вниз.

«Эх, жалко будет, если сядет раньше времени, — мелькнуло в голове у Карика. — Уж хоть бы дотащил до середины пути».

Земля приближалась с каждой минутой.

Профессор и ребята поджали ноги, чтобы не стукнуться обо что-нибудь твердое при посадке.

Все ближе и ближе верхушки травяных джунглей.

И вот — сильные толчки — один, другой, третий...

Еще толчок, и путешественников выбросило из меховых кабин, швырнуло прямо на землю.

Кувыркаясь через головы, ребята и профессор покатились по какому-то синему, мягкому полю, покрытому такими же мягкими холмами и буграми.

Наконец, перекувыркнувшись в последний раз, профессор ухватился руками за край огромного, гладкого камня.

Иван Гермогенович встал на ноги и, придерживаясь за края камня рукой, пошел вокруг него, слегка прихрамывая.

— Странно, — бормотал Иван Гермогенович, ощупывая плоский и гладкий камень, похожий на мельничный жернов, — что же это такое?.. А вон еще точно такой же круглый камень... И вон третий, четвертый...

Профессор с трудом вскарабкался на один из камней и взглянул вокруг себя. Перед ним лежала странная земля. Она была похожа на шахматную доску. Ровные синие шоссе пересекали ее из края в край. Он наклонился над камнем, добросовестно осмотрел его гладкую черную блестящую поверхность, и вдруг смелая догадка пронеслась в его голове.

— Пуговица! — хлопнул ладонью по лбу профессор. — На пуговице стою... А шахматная земля и синие дороги — это... это же... Ребята! — закричал он Карику и Вале, которые сидели на клетчатом бугорке, потирая ушибленные бока и колени. — Ребята, да мы же почти дома. Это мой пиджак.

Обрадованные ребята вскочили.

— А ящик?.. Где ящик с увеличительным порошком? — нетерпеливо крикнула Валя.

Профессор, стоя на пуговице, внимательно разглядывал окрестности пиджака. Он искал шест с красным платком. Но шеста нигде не было.

— Странно... Очень странно, — пожал плечами Иван Гермогенович.

Он осмотрелся еще раз. И вдруг увидел гигантский столб, который лежал на земле. Другой конец его уходил далеко на запад. Лесные джунгли расступились, и прямая просека терялась где-то в голубеющей дали, сливаясь с далеким горизонтом.

— Упал! Упал, разбойник! И не более как десять минут назад.

— Кто упал? — разом спросили ребята.

— Наш маяк. Но это не беда. Мы уже на месте. Ящик должен быть здесь. В этой стороне, где лежит маяк. За мной, друзья мои!

И профессор бодро побежал по лацканам пиджака, перепрыгивая через петли и спотыкаясь о нитки. За ним бежали вприпрыжку Карик и Валя.

На краю пиджака все остановились. Впереди шумели травяные джунгли.

— Вон он! — крикнул Иван Гермогенович, протягивая руку к густым зарослям.

Сквозь просветы джунглей они увидели высокое желтое здание.

— Ур-ра! — радостно закричали ребята.

И, взявшись за руки, бросились к ящику.

Пыхтя и отдуваясь, подбежал к ящику и профессор.

— Ну вот, ну вот, — возбужденно потирал руки Иван Гермогенович, — кончились наши мытарства. И как хорошо, что мы не испугались шмеля. Это просто замечательно! Ведь пешком мы не смогли бы добраться до ящика. Маяк-то упал за несколько минут до нашего приземления. Да! Быть смелым — это то же самое, что быть счастливым!

Профессор провел рукой по лысине и сказал взволнованно:

— Итак, друзья мои, через минуту мы снова станем большими, настоящими людьми. Здесь, у стен этого ящика, кончается наше тяжелое, опасное путешествие. Мы стоим на пороге большого мира. Но прежде чем покинуть этот малый мир, я хочу сказать вам несколько слов. Вы многое увидели за эти дни, но, если правду вам сказать, вы заглянули только в один из крошечных уголков малого мира. Вы прочитали только несколько строчек из толстой книги, которая называется «Природа». И эти строчки, я бы сказал, еще далеко не самые интересные. В книге природы есть и другие страницы, от которых просто невозможно оторваться.

Вы увидели пока лишь крошечный кусочек соседнего с нами мира. Он мал, он незаметен, этот мир. Мы часто не обращаем на него внимания. Мы плохо знаем его. А между тем это очень важная часть нашего большого мира, в котором живем мы с вами. Его жизнь крепко связана с нашей жизнью. Во всяком случае гораздо крепче, чем об этом думают многие.

В этом малом мире есть и друзья наши, есть и враги. И тех, и других нам нужно знать.

Мы еще вернемся сюда когда-нибудь снова. Мы придем с большой экспедицией, вооруженные с ног до головы, и завоюем этот мало исследованный мир.

Для такого похода нам не понадобится уменьшительная жидкость. Мы придем с микроскопами, с большими знаниями, с опытом многих ученых.

Нашим оружием будет терпение.

Но мы поговорим об этом подробно дома, когда вернемся к себе. А сейчас займемся самым неотложным делом.

Давайте увеличиваться.

Иван Гермогенович шагнул к стене фанерного ящика. Заглянув в единственное круглое окошко, он сказал, весело потирая руки:

— Все на месте. Залезайте, друзья мои, по одному. Коробка с увеличительным порошком в правом углу. Действуйте!

Карик, а за ним Валя полезли в окошко.

Профессор подсадил их и собрался уже было сам лезть за ними следом, но тут вдруг на стену ящика села бабочка с блестящими крыльями металлического оттенка.

Это была очень маленькая бабочка, всего только в несколько раз больше профессора.

Иван Гермогенович взглянул на нее, да так и замер.

— Оливковая экофора, — прошептал он, задыхаясь от волнения. Он прижался к фанерной стенке и весь насторожился, точно охотник, увидевший неподалеку редкостного зверя.

Экофора, не обращая внимания на профессора, ползла мимо него по стене.

Сердце Ивана Гермогеновича забилось, застучало.

— Стой! — крикнул он и, высоко подпрыгнув, схватил экофору за крылья.

Бабочка рванулась, и они вместе грохнулись на землю. Экофора забилась, замахала свободным крылом, уперлась ногами в грудь профессора, но Иван Гермогенович не выпускал ее.

Лежа на земле под бабочкой, он напрягал все силы, стараясь удержать свою драгоценную добычу.

Он позабыл обо всем на свете.

Да и не мудрено.

В руках его билась оливковая экофора — редкая в наших краях бабочка-моль, самый крошечный представитель чешуекрылых.

Как она появилась на стене фанерного ящика — эта бабочка, живущая в теплых странах, об этом профессор сейчас и не думал. Он помнил только одно: в его богатой коллекции, в отряде бабочек, в семействе молей, там, где под стеклом на тонких булавках сидят, распластав крылышки, ковровая моль, меховая моль, волосяная, зерновая, вишневая, боярышниковая, лопушниковая и полевая моль, — в этом семействе нет еще до сих пор оливковой экофоры.

И теперь она будет.

— Да погоди же ты. Ай, какая! — уговаривал Иван Гермогенович упрямую бабочку, которая таскала его по земле, всячески стараясь освободиться.

— Да ну же... ну... Довольно... Ну, перестань!

* * *

Пока Иван Гермогенович боролся с оливковой экофорой, Карик и Валя пробирались в правый угол ящика, где стояла коробочка с увеличительным порошком.

Постепенно глаза их привыкли к полумраку.

Они разглядели пустую комнату с голыми стенами.

Сквозь круглое окошко падал на пол косой, узкий солнечный луч. Золотая пыль кружилась в солнечном свете, и луч казался литой дорогой.

— А здесь очень весело. Правда, Карик? — сказала Валя, оглядываясь.

Карик, не отвечая, шагнул в угол, где стояла огромная, как сундук, белая коробка, накрытая толстым листом пергамента.

— Вот она! — сказал Карик.

Он взобрался на край коробки, побарабанил босыми пятками по ее стенкам и протянул Вале руку.

— Лезь сюда! Давай!

Валя вскарабкалась наверх и села рядом с Кариком.

Карик поднатужился и сдвинул с коробки пергаментную крышку.

— Ешь! Увеличивайся! — сказал он, склоняясь над коробкой.

— А разве мы не будем ждать Ивана Гермогеновича? — спросила Валя,

— Нет. И знаешь что. Давай увеличимся раньше его. Подумай, как это будет интересно. Мы уже большие, а он еще маленький.

— Ладно. Я согласна, — сказала Валя и, проворно сунув руку под пергамент, достала полную пригоршню блестящего, как бертолетова соль, порошка.

Она поднесла ладонь ко рту, открыла рот и вдруг, опустив руку, повернулась к Карику.

— А сколько его надо съесть, чтобы увеличиться?

— Ешь больше.

— А если мы вырастем очень большие... Не очень-то приятно быть девочкой с каланчу ростом.

— Ничего, ешь! — спокойно ответил Карик. — Если перерастешь лишнее — уменьшительной жидкости выпьешь и подравняешься. Вот и все. Смотри, как я ем. Вот так.

И Карик высыпал в рот целую пригоршню порошка.

— Готово!

Валя проглотила порошок и сказала, морщась:

— Уменьшительная жидкость вкуснее.

— Нет, и порошок тоже ничего. Кисленький.

Карик спрыгнул на пол и дернул Валю за ногу.

— А теперь бежим скорей отсюда.

— Почему? — спросила Валя.

— Да потому, что сейчас нам тесно здесь станет.

— Почему тесно?

— Почему, почему! — рассердился Карик. — Да потому, что мы будем превращаться в больших людей... Пон... Ой! — вскрикнул Карик, прикусив язык.

Голова его стукнулась о потолок.

Раздался громкий треск, ящик развалился.

Яркий дневной свет ослепил Карика. Он зажмурился, протер глаза и снова открыл их.

Перед ним стояла Валя. Она ничуть не изменилась. Зато все вокруг стало совсем другим: зеленые джунгли превратились в самую обыкновенную траву. На траве лежал тонкий шест с красной, выцветшей на солнце тряпкой, комары опять стали комарами.

— Как хорошо! — сказала Валя. — Подумай только — комара не надо бояться... Вот сейчас хлопну ладонью — его и нет.

— Погоди, — перебил ее Карик озабоченно, — а где же коробка с порошком?

Они посмотрели себе под ноги.

На траве валялись обломки фанерного ящика. Среди этих обломков лежала перевернутая коробочка, а рядом с ней крошечный пергаментный листик. Ветер разносил по траве легкую белую пыль.

— Это же наш увеличительный порошок! — испуганно закричал Карик и бросился ловить пыль.

Но было поздно.

— Что же теперь будет? — с тревогой спросила Валя. — Значит, наш Иван Гермогенович останется навсегда маленьким. А может быть — мы его уже раздавили.

— А ты не суетись! — прикрикнул на нее Карик. — Чего доброго, и в самом деле раздавишь.

Валя застыла на месте, а Карик, присев на корточки, принялся причесывать растопыренными пальцами, точно гребнями, прохладную траву.

Но все было напрасно.

— Карик, — сказала Валя, — он же здесь где-то и, наверное, слышит нас. Пусть он сам выходит.

— Да, да, — согласился Карик.

Он нашел среди обломков ящика маленькую, гладкую дощечку, смахнул с нее соринки и, положив на ровное место, сказал негромко, но внятно:

— Иван Гермогенович. Вы слышите нас? Выходите на эту площадку. Вот на эту, — постучал Карик пальцем по дощечке.— Не бойтесь. Мы не пошевельнемся.

Прошло несколько минут.

Ребята сидели неподвижно на корточках и, склонив головы, смотрели на дощечку.

И вдруг на желтой фанере появилась какая-то мошка.

— Он! — задышала Валя.

— Постой, — прошептал Карик, — и не сопи, как паровоз. Ты его сдунешь с дощечки.

Сдерживая дыхание, Карик еще ниже наклонился над дощечкой, прищурил один глаз и стал пристально рассматривать крошечное существо, которое бегало взад и вперед по краю дощечки.

— Он! Наш Иван Гермогенович! — сказал Карик, прикрывая ладонью рот.

— Смотри, смотри, — зашептала Валя. — Видишь — ручками шевелит... малюсенький какой. Неужели и мы такими были?

— Еще меньше даже, — ответил Карик. — Не разговаривай. Сиди и молчи.

Валя даже перестала дышать.

И вдруг в наступившей тишине они услышали тоненький-тоненький писк — слабее комариного.

— Говорит что-то! — прошептал Карик, наклоняя ухо к дощечке.

— Что говорит?

— Не понять!

Между тем профессор соскочил с дощечки на землю и пропал в траве.

— Ушел!

— А куда?

— Значит, надо. Сиди и жди.

Через несколько минут он появился снова. На этот раз не один.

— Смотри, смотри, — сказала Валя, — на него кто-то напал.

Ребята нагнулись над дощечкой, но как ни смотрели, не могли понять: то ли это сам Иван Гермогенович тащит за собой темную бабочку, то ли бабочка вцепилась в профессора и не пускает его на дощечку.

Бабочка билась, махала крыльями, валила профессора с ног.

— Поможем ему, — сказала Валя, — а то эта дрянь съест нашего Ивана Гермогеновича.

Профессор, барахтаясь у края фанеры, что-то пищал.

— Слышишь, Карик. Это он кричит: помогите, помогите!

Валя протянула руку к бабочке.

— Подожди! — остановил Карик сестру. — Он опять что-то говорит.

Но Валя уже схватила бабочку и с размаху отбросила ее прочь, потом подняла дощечку с профессором к самым глазам.

— Он, кажется, недоволен чем-то! — сказала Валя. — Наверное, бабочка здорово помяла его.

Профессор поднимал руки к небу, бегал по дощечке и пищал. Он хватался руками за голову, топал крошечными ножками.

— Не бойтесь, — сказала Валя, — она вас не тронет. Я убила ее.

Но и это не успокоило профессора. Он еще сильнее замахал руками и даже, кажется, несколько раз плюнул. По всему было видно, что Иван Гермогенович рассержен не на шутку.

— Ну, хорошо, хорошо, — успокаивала профессора Валя, — я сейчас найду ее и раздавлю. Я ей покажу, как обижать маленьких.

Услышав эти слова, Иван Гермогенович схватился за голову, пошатнулся и вдруг так резво начал подпрыгивать на дощечке, так пищать, что Карик сразу понял: великий ученый хочет сказать что-то очень важное.

— Сейчас раздавлю! — крикнула Валя.

— Да ты не кричи! — шепотом сказал Карик. — Ты оглушишь его. Он ведь маленький. Дай-ка мне его сюда.

Карик бережно стряхнул профессора с дощечки к себе на ладонь и поднес его к уху.

— Экофора, — услышал он слабый голос профессора. — Единственная экофора. Такой экземпляр! Такой экземпляр!

— Про экофору какую-то говорит! — шепнул Карик.

— Это, наверное, порошок так называется, — тихо ответила Валя. — А порошка-то и нет...

Карик посмотрел на ладонь и сказал медленно и раздельно:

— Иван Гермогенович, что делать? Ветер унес весь порошок. Мы не виноваты...

И опять поднес ладонь к уху.

— Это ничего, — пропищал чуть слышный голосок, — у меня в лаборатории есть еще грамм такого порошка. Несите меня домой. Только отыщите сначала экофору... Она тут... В траве...

— А что такое экофора? — спросил Карик.

— Экофора, — пропищал профессор, — бабочка из семейства молей. Водится только на юге. В наших местах такие бабочки чрезвычайно редки, а Валя отняла ее у меня. Пусть непременно найдет.

— Ну, Валька, — сказал Карик, — ищи экофору. Сама выбросила эту редкость, сама и найди.

Валя наклонилась, пошарила в траве и подняла за крылышко маленькую полумертвую бабочку.

— Эта? — спросил Карик, показывая бабочку Ивану Гермогеновичу.

— Эта! Эта! — обрадовался профессор. — Захватите ее домой, только, пожалуйста, осторожнее. Не сомните крылышек.

— А в какую сторону идти домой? — спросил Карик.

— Сперва идите прямо к пруду, никуда не сворачивая, а за прудом вы сами увидите дорогу в город.

Карик сорвал широкий лист подорожника, ловко свернул его фунтиком и бережно посадил на дно этого фунтика великого ученого — Ивана Гермогеновича Енотова.

— Ну, а теперь бежим домой, — сказал он Вале. — Только, смотри, не потеряй драгоценную экофору.

— Постой. Как же мы пойдем по городу голыми?

— Подумаешь! — презрительно фыркнул Карик.

— Нет, нет, — сказала Валя, — я не пойду. Это нехорошо.

— Что значит нехорошо? — удивился Карик.

— Да у меня все кости торчат наружу. Смотри, какая я худая, надо мной смеяться будут.

— Ничего. Добежим.

— Нет и нет, — замотала Валя головой. — Надо одеться.

Валя подняла с земли скомканную рубашку профессора и накинула ее на себя. Взглянув на сестру, Карик захохотал:

— Ну и чучело! Посмотри, на кого ты стала похожа.

Рубашка Ивана Гермогеновича доходила. Вале до самых пяток. Рукава свисали до колен. Но все-таки это была одежда.

Валя засучила рукава и подобрала рубашку, точно шлейф.

— А ты как? — спросила она у Карика, не обращая внимания на смех. — Надень и ты что-нибудь из вещей Ивана Гермогеновича.

Карику пришлось влезть в брюки профессора.

Он натянул их до самого горла.

— Очень прилично! — одобрила Валя.

Утопая в штанах, Карик сделал несколько шагов, споткнулся и упал. Хорошо, что он успел вовремя поднять руку, в которой держал профессора, а то бы, наверное, потерял или раздавил Ивана Гермогеновича.

— Подверни брюки! — посоветовала Валя, помогая брату подняться и справиться со штанами.

Карик так и сделал.

Наконец все сборы были кончены.

Карик взял сестру за руку, и оба, точно сговорившись, запели дружно:

Марш вперед, — труба зовет,—
Бравые ребята!
Выше головы держать,
Славные орлята.

За прудом, точно стрела, лежала асфальтовая дорога. Она вела в город.

Глава восемнадцатая

Неожиданное нападение. — Биология пригодилась. — Снова дома. — Волнения и радости профессора Енотова. — Нелепые слухи о слонах и мухах.

Был уже вечер, когда Карик и Валя вошли в темные улицы города.

В окнах домов светились желтые огоньки. Улицы были пустынны.

Где-то далеко впереди кричали ребята. Должно быть, они играли в казаков и разбойников.

Над темной зеленью сада «Вторая Пятилетка» стояли, как голубое зарево, отсветы электрического света. Там гремела музыка, скрипели качели; люди в саду шумели, смеялись; весело позванивали колокольчики, и призывно гудела труба.

— Гулянье в саду, — сказал, прислушиваясь, Карик, — значит, сегодня выходной день.

— А мы когда пропали? — спросила Валя.

— Давно уже.

— Недели две пропадали!— вздохнула Валя. — А почему-то кажется, что несколько лет.

Сад был недалеко от дома.

— Побежим давай! — предложила Валя.

— Давай!

Ребята весело помчались домой. Но лишь только пробежали несколько шагов, как из-под ворот большого серого дома выскочила лохматая, кривоногая собачонка с оборванным ухом. Задыхаясь от лая, она набросилась на Карика и Валю, норовя схватить их за ноги.

Карик запустил в нее камнем.

Собачонка взвизгнула и, поджав хвост, юркнула под ворота.

— Эй! — крикнул кто-то за воротами. — Это кто же нашего Тузика избивает?!

Ворота заскрипели.

На улицу выбежала толпа мальчишек.

Карик и Валя остановились.

Поддерживая одной рукой сползающие штаны и высоко поднимая над головой другую руку, в которой был зажат лист подорожника с профессором, Карик сказал:

— А пускай ваш Тузик не бросается на людей.

Ребята подошли ближе и плотно окружили Карика и Валю. Мальчишка в жилетке сунул руки в карманы по самые локти, лихо сплюнул и осмотрел их с ног до головы.

— Это кто же люди? — насмешливо спросил он. — Откуда такие люди взялись на нашей улице?

— Мы — путешественники! — робко сказала Валя.

Мальчишки захохотали.

— Она с мамкой на рынок путешествует! — крикнул один.

— Что ты, что ты, это же дочь того самого тюленя, который дрейфовал на одной льдине с Папаниным.

— Ничего подобного! Она под стол пешком путешествует.

Карик нахмурился.

— Ну-ка вы, — сказал он, выставляя одну ногу вперед, — пропустите нас, а не то...

— А что будет?

— Увидишь тогда!

Мальчишки начали дергать Валю за длинную рубашку, а Карика за широкие профессорские штаны.

— Перестаньте, пожалуйста! — захныкала Валя. — Нам домой нужно. Мы давно не были дома.

— А вы откуда? — спросил мальчишка в жилетке.

— А вам не все равно? — сказал Карик.

— Ясно — не все равно. У нас тут на огороде два чучела пропали: одно в рубахе, другое в штанах.

Мальчишки засмеялись.

— Эй, ребята, — крикнул один из них,— тащи их на огород, пускай ворон пугают!

— А ну, суньтесь! — храбро сказал Карик.

Он поднял руку с профессором высоко над головой, вытаращил глаза и страшным голосом закричал:

— Микрога-а-а-стер немо-о-о-ру-ум!

Мальчишки переглянулись.

— Триунгу-ули-и-ина-а!— взвизгнула Валя.

— Кар-р-рабус, — заскрипел зубами Карик.

Валя подняла руки над головой, растопырила пальцы и затопала ногами.

— Кор-р-рикса! Бер-р-реги-ись кор-р-риксы!

Мальчишки кинулись врассыпную.

— Ой, сумасшедшие! — испуганно крикнул какой-то мальчишка. В темноте замелькали белые пятна рубашек, справа и слева хлопали калитки.

Улица мгновенно опустела.

— Вот видишь, — сказал Карик, тяжело отдуваясь, — все-таки биология пригодилась. А теперь бежим скорее, чтобы никого больше не встретить... Должно быть, мы и в самом деле похожи на чучел.

Карик и Валя помчались так, что в ушах у них засвистел ветер. Дома, переулки, улицы, углы, сады — все это мелькало мимо, точно в кино.

Но вот и знакомые зеленые ворота.

Ребята с разбегу влетели во двор.

— Ивана Гермогеновича не потерял? — спросила, запыхавшись, Валя.

Карик осторожно отогнул кончик листика.

— Здесь! Сидит!

Во дворе было пусто.

Ребята подняли головы и долго смотрели на освещенные окна на втором этаже. Сквозь занавески было видно, как кто-то — бабушка и мама — переходит от стола к буфету.

— Ужин собирают!— прошептала Валя.

— Ну, к ужину-то мы не опоздаем! — сказал Карик. — Пошли!

— Ой, Карик, страшно! Мама будет ругаться?

— Вот тоже! Что ж мама страшнее осы-эвмены?

Ребята сорвались с места; толкаясь и перегоняя друг друга, взбежали по лестнице и остановились у квартиры тридцать девять.

Карик торопливо нажал белую кнопку. За дверью затрещал звонок.

После полуминутной тишины, которая показалась ребятам вечностью, послышались торопливые шаги. Загремела дверная цепь, дверь широко распахнулась.

На пороге стояла мама.

— Вы!? — вскрикнула она и заплакала. — Воробушки вы мои! Ну, дайте, дайте мне обнять вас!

Она принялась тискать ребят и прижимать к себе.

— Мама, стой! Подожди! — кричала Валя, вырываясь. — Ты раздавишь Ивана Гермогеновича.

— Валечка, да что с тобой? — сказала мама и заплакала еще сильней.

— Постой, мама, не плачь! — сказал Карик серьезно. — Дай нам лучше маленькую чистую рюмочку.

— Рюмочку?

— Ну да! — кивнул головой Карик. — Мы посадим в рюмочку Ивана Гермогеновича, а то я боюсь, как бы нам не потерять его.

Мама всплеснула руками:

— Оба! Оба помешались! Да что же это такое?

Натыкаясь на стулья и опрокидывая их, мама подбежала к телефону, сорвала трубку и крикнула плачущим голосом:

— Скорую помощь! Немедленно! Скорей! Что? Чей адрес? Ах, наш адрес?

— Постой, мама, — сказал Карик, отбирая у мамы телефонную трубку, — ему нужна только рюмочка, а ты вызываешь целую карету «Скорая помощь». К чему это? Ведь он заблудится в карете и будет в ней бродить целый год. Дай лучше рюмку.

Мама испуганно попятилась. Она вспомнила, что с сумасшедшими лучше всего соглашаться и не раздражать их. Поэтому, не говоря ни слова, она достала из буфета чистую рюмку и, обливаясь слезами, протянула ее Карику.

Затаив дыхание, она ждала, что будет делать Карик.

А он развернул помятый листик подорожника, положил рюмку на бок и сказал:

— Переходите в хрустальный дворец, Иван Гермогенович.

И вдруг мама увидела, как по зеленому листику засеменила ножками какая-то букашка и бойко-бойко побежала внутрь рюмочки.

Карик осторожно перевернул рюмку, поставил ее ножкой на стол.

— Удобно вам тут? — спросил он и наклонил ухо к самым краям рюмки.

В рюмке что-то пискнуло.

— Хорошо! — сказал Карик. — Я накрою дворец чистым носовым платком, а вместо матраца брошу вам кусочек ватки. Отдыхайте пока.

— Теперь я понимаю, — улыбнулась сквозь слезы мама, — это какая-то новая игра. Но что это за козявка, которую вы посадили в рюмочку?

— Козявка? — обиделся Карик. — Хорошенькое дело!.. Это просто невежливо называть так ученого человека.

— Понимаю! — засмеялась мама. — Она у вас называется ученым.

— Не у нас, а во всей мировой науке. И не она, а он.

— Ну-ка, покажите. Дайте взглянуть, что у вас тут?

Мама нагнулась над рюмкой. Она ожидала увидеть какое-нибудь дрессированное насекомое.

— Че... че... человечек! — вдруг крикнула она не своим голосом.

— Ну, нет, мама, это совсем не человечек, — сказал Карик. — Это наш профессор, Иван Гермогенович. Он изобрел жидкость, которая превратила его в маленького. Мы тоже были такие, даже еще меньше. Потом мы съели увеличительный порошок и стали большими. А для Ивана Гермогеновича порошка не хватило. Но он есть у него в кабинете. Мы его отнесем сейчас и увеличим.

Мама с удивлением слушала ребят и наконец поняла, что ребята ее не сошли с ума.

— Ребята, — сказала она, — но ведь квартира Ивана Гермогеновича запечатана милицией. Нам придется подождать до утра. Скажите об этом Ивану Гермогеновичу.

Карик раздельно и тихо повторил все профессору.

— Ничего, Карик, — весело пискнул Иван Гермогенович, — я здесь великолепно устроился... Подождем, до утра!

Карик поднял голову и сказал маме:

— Подождем до утра.

В рюмочке снова пискнуло.

Карик послушал и сказал:

— Садись, мама, Иван Гермогенович просит рассказать тебе все.

Мама послушно села.

Карик кашлянул и неторопливо начал рассказывать о необыкновенных приключениях трех отважных путешественников на земле и под землей, на воде и под водой, между небом и землей, в воздухе, в лесах, в горах, в пещерах и в ущельях. И снова все трое в этом рассказе еще раз совершили свои подвиги: они снова храбро сражались, плыли на кораблях, летали по воздуху, спускались в глубокие, темные норы.

Слушая Карика, мама качала головой, иногда всхлипывала, иногда смеялась, но чаще всего прислушивалась, широко открыв испуганные глаза, не смея ни дышать, ни шевелиться.

— Бедные вы мои! — сказала мама, вытирая слезы платком. — Сколько вам, бедняжкам, пришлось пережить! Вот бабушка-то поахает, когда вернется домой и услышит про ваши похождения.

— А знаешь, мама, — сказал Карик, — я думаю, бабушке не надо рассказывать.

Мама подумала немного и улыбнулась.

— Ты прав, — сказала она. — Бабушка женщина слабая. Слушать такие рассказы для нее, пожалуй, вредно. Я скажу ей, что вы были у дяди, у Петра Андреевича... А чем угощать вас сейчас? Что вы будете есть?

— Ой, мама! — сказала Валя. — Теперь мы все, все едим.

Мама засуетилась. В столовой загремела посуда. На кухне загудели газовые рожки.

Пока ребята мылись и одевались, мама накрыла стол, и на столе появилась шкварчащая на сковородке ветчина с яйцами, холодная курица, салат, сыр, горы мягкого душистого хлеба и разные закуски.

Постояв немного перед буфетом, как бы раздумывая, мама открыла стеклянную дверцу и вытащила черную бутылку с золотистой надписью на белой этикетке: «Портвейн».

— Ладно, — сказала мама, — ради такого случая вам надо выпить немного вина с горячей водой.

Когда все было готово, все сели за стол.

— Прошу за стол, Иван Гермогенович! — сказал Карик и торжественно поставил рюмку с профессором между своей тарелкой и Валиной.

Карик отщипнул крошку сыра и бросил ее в рюмку.

— Угощайтесь, Иван Гермогенович! — сказал он.

В рюмке пискнуло.

— Просит хлеба, — сказала Валя и опустила на дно рюмки крошку хлеба.

— А вино? — спросила мама. — Как бы нам угостить Ивана Гермогеновича вином?

— Я знаю! — вскочил из-за стола Карик. — Мы нальем ему портвейн в пистон.

Он сбегал к себе в комнату и принес ружейный пистон. Мама налила туда каплю портвейна, и Карик осторожно опустил пистон с вином на дно рюмки.

Скоро за столом стало очень весело.

— За ваше здоровье, Иван Гермогенович! — кричал Карик, поднимая бокал горячей воды, закрашенной портвейном.

— За наше путешествие! — кричала Валя.

Все чокались, пили и ели.

Профессор тоже не терял времени даром. Он ел сыр и запивал портвейном.

Скоро в доме все заснули.

В своих чистеньких постелях ровно дышали Карик и Валя. Свернувшись на комочке ваты, спал в рюмочке профессор.

В первый раз за последние дни их сон был мирным и спокойным. Им больше ничего не угрожало.

* * *

На другой день Иван Гермогенович как ни в чем не бывало сидел за столом у себя в кабинете.

Десять корреспондентов снимали профессора и записывали в блокноты его похождения.

Вскоре в одном журнале была напечатана обо всем этом замечательная статья с большим портретом Ивана Гермогеновича Енотова.

Кто-то пустил слух, будто профессор Енотов научился превращать слона в муху, а потом это перепутали и стали говорить: «Он делает из мухи слона».

Впрочем, может быть, и есть такой профессор, который делает из мухи слона, но про него я ничего не знаю и говорить не буду, потому что я не люблю писать о том, чего я никогда не видел собственными глазами.

Удивительное путешествие

Фьюрлить! Фьюрлить! Фьюрлить!

Эту удивительную историю знают немногие, а как началась она и чем закончилась, об этом известно только нам да веселому художнику нашего города.

Вот мы и подумали: а не рассказать ли нам об этом в книге, да не пригласить ли в книжку этого художника, да не попросить ли его нарисовать картинки, чтобы все могли не только слышать, но и видеть начало и конец удивительного, невероятного, необыкновенного путешествия бравого Кука и его сестренки Кукки.

Мы так и сделали. Вызвали художника и сказали:

— Нарисуйте, пожалуйста, картинки к этой удивительной истории!

Художник подумал и согласился.

— Хорошо! — сказал он. — Я нарисую картинки самыми яркими красками, но, так как я люблю рисовать

только красивое, позвольте мне поместить на первой странице прелестную Кукки.

— Но чем же плох бравый Кук? — спросили мы. — Правда, ростом он не больше перчатки, но у него великолепный нос картошкой и отличные сапоги. Правда, рот у Кука великоват, но зато на голове храбреца рыжий чуб, а под широкими черными бровями отважно сверкают крошечные глаза-бусинки и сверкают так, что при одном взгляде на Кука у трусишек от страха подгибаются ноги и останавливается сердце.

Нет, что ни говорите, а храбрость куда важнее красоты.

Художник вздохнул и нарисовал бравого Кука рядом с красавицей Кукки.

Теперь, когда Кук и Кукки нарисованы и все их могут видеть, никто уже, пожалуй, не скажет, что они только обыкновенные деревянные куклы.

Впрочем, они в самом деле не совсем обыкновенные. Бравый Кук, надо честно сказать, большой мечтатель. И в этом нет ничего удивительного. Ведь Кук жил на витрине игрушечного магазина не только среди игрушек, но и среди книг, а книги рассказывали ему по ночам о замечательных путешественниках и невероятных приключениях. А Кукки, хотя и не прислушивалась к рассказам книг, но она тоже мечтала и днем и ночью. О чем мечтала? О новых платьицах и о серебряных туфельках.

А когда о чем-нибудь мечтаешь, мечта непременно приходит к тебе, берет за руку, и все получается так, как тебе хотелось бы.

Так и случилось. Однажды, когда бравый Кук стоял, как обычно, рядом с Кукки и уныло посвистывал, начались удивительные события. А начались они, как ни странно, на голове Кука. Неизвестно откуда вдруг подул ветерок, и рыжий чуб Кука зашевелился.

— Что это? — вскрикнул Кук нагибаясь. — Смотри, смотри, Кукки, — показал он пальцем на уголок витри-

ШКИ
СКАЗК
А
У

ны, где еще вечером был кусочек стекла, приклеенный замазкой. Теперь на этом месте ничего не было. Как видно, ночью кусочек отвалился, и в уголке витрины свободно гулял предрассветный ветерок.

— Ура, — прошептал Кук. — Ура, — сказал он громко. — Ура! — крикнул Кук, внезапно подпрыгнув. — О Кукки, вот, вот она дверь в таинственный мир приключений! Бежим!

— Куда бежим?

— Прямо! Навстречу приключениям! — Кук повел носом. — Чувствую! А ты чувствуешь?

— Что? Что ты чувствуешь?

Кук задумался.

— Тут где-то рядом должны быть дальние страны... А там... Наконец-то и у нас с тобой будут самые страшные опасности!

— Ах, Кук, — вздохнула Кукки, — ну какой ты беспокойный! Не понимаю: почему тебе не нравится здесь?

— Я просто задыхаюсь без приключений! — сверкнул он глазами-бусинками. — У настоящих героев непременно должны быть приключения. Удивительные! Необыкновенные! Невероятные! Такие, чтобы волосы на голове шевелились от страха!

— Ой, Кук, какие глупости!

— Ничего не глупости! — нахмурился Кук. — Вот если бы ты не спала по ночам и слышала мои беседы с книгами, — ты узнала бы, что случается с путешественниками. Они разъезжают по самым дальним странам, охотятся в диких джунглях на слонов и тигров, путешествуют по земле, по воде и по воздуху, тонут, погибают от голода. Я уже два раза чуть не умер от зависти.

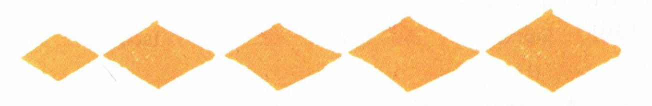
— Ах, Кук!

— Что «ах»? — рассердился Кук. — Вперед — и никаких «ах»!

Не успела Кукки еще раз ахнуть, как они шлепнулись на тротуар.

— Фьюрлить! Фьюрлить! — свистнул весело Кук. — Вперед! — и помчался вместе с Кукки навстречу удивительным, опасным и разным другим приключениям.

2

В городе уже светало. Над пустынными улицами поднималось в рассветном серебре розовое утро. У ворот домов сладко дремали дворники, но они и внимания не обратили на бравого Кука и его сестренку, потому что в предутренние часы гораздо интереснее спать, чем рассматривать беглецов из игрушечного магазина.

Кук и Кукки бежали по улицам мимо спящих дворников, мимо витрин магазинов, постукивая по асфальту деревянными ногами. Они и не заметили, как из-за угла выехала огромная поливальная машина и как помчалась она, настигая их с каждой минутой.

Распустив пушистые водяные усы, машина смывала с мостовой грязь и мусор. Она злобно шипела, словно сердилась, что ее заставили в такую рань убирать город.

— Фьюрлить! Фьюрлить! — беспечно насвистывал Кук, перепрыгивая через лужицы. И вдруг мощная струя сбила Кука и Кукки с ног, швырнула их на мостовую и погнала по желобку, как гонит осенний ветер опавшие листья.

— Уй-юй-юй! — закричала Кукки. — Я... я... захлебываюсь... Я... я.... не хочу приключений!

— Ничего, ничего! — подбодрил сестренку Кук, кувыркаясь через голову. — Сохраняй спокойствие! Не падай духом. Я сейчас придумаю что-нибудь. Я... У-у-х! — вскрикнул Кук и, перевернувшись несколько раз в воздухе, полетел вниз с такой скоростью, что в ушах у него засвистел ветер.

— Ой! — взвизгнула Кукки. — Ой, что это ты придумал?

И в ту же минуту путешественники шлепнулись в реку. Сильное течение подхватило их и понесло, ласково покачивая на волнах.

Кукки робко посмотрела по сторонам.

— Куда мы попали, Кук?

Но Кук и сам не знал, что мощная струя поливальной машины смыла их с мостовой в реку. Он важно сдвинул широкие лакированные брови, повернул голову вправо, потом влево и, подумав, сказал:

— Кажется, плывем по океану! Ну, конечно, это самый настоящий океан. Только я еще не знаю, какой океан: Атлантический или Тихий. Ну, да это не так уж важно! Вот как только переплывем его — сразу же попадем в самые дальние, в самые жаркие страны. А там... Знаешь, какие там растут ананасы? А какие бананы? Какие кокосовые орехи, апельсины, мандарины! Там,

Кукки, растет все, что нужно, и все, что только захочешь увидеть! Фьюрлить! — беззаботно свистнул он.

Кукки вздохнула.

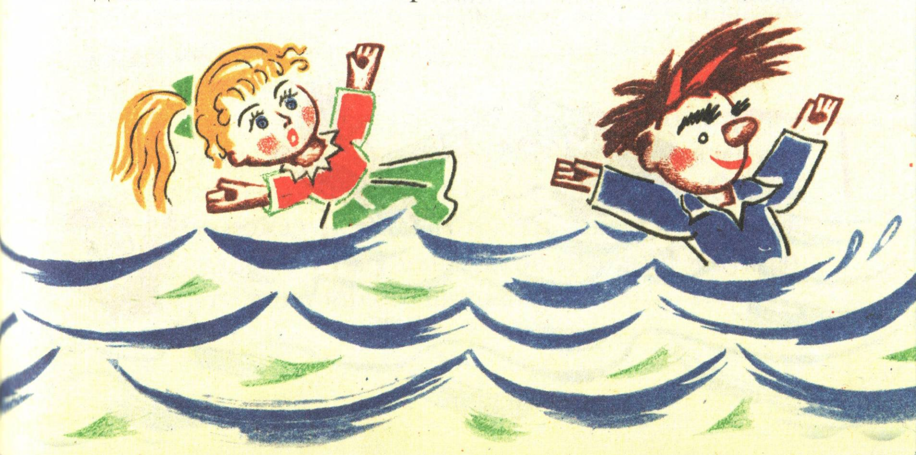
— Я никогда еще не видела, как растут ананасы. Обязательно посмотрю, как это у них получается!

Река несла Кука и Кукки вдоль гранитных берегов, мимо красивых больших домов, белых, красных и серых. И рядом с отважными путешественниками плыли в голубой солнечной воде белые пушистые облака. А может быть, они и не плыли, а только смотрели с неба в реку. Неизвестно. Но как бы то ни было, путешествие становилось приятным.

— Ах, — сказала Кукки, посматривая по сторонам широко открытыми глазами, — мне уже начинает нравиться путешествовать! Я и не знала, что это так интересно!

Кук зачерпнул ладошкою воду, помочил нос-картошку и произнес важно:

— А дальше будет еще интереснее. Я думаю, с нами произойдут самые необыкновенные и, может быть, даже самые опасные приключения. Возможно, мы

встретим страшных чудовищ, а если нам не повезет с чудовищами, мы уж непременно попадем на самый необитаемый остров.

— По-моему, — сказала рассудительная Кукки, — уж лучше попасть на остров, чем встречаться с разными страшилищами!

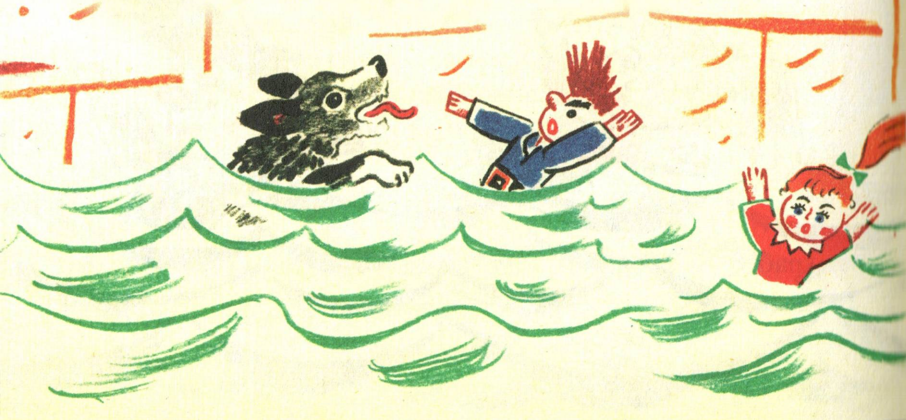
Вздернув нос, Кук засмеялся.

— Ну, уж это кому что нравится, — сказал он, перевертываясь в воде с боку на бок. — Что же касается меня, так я готов помериться силами с любыми страшилищами. О, меня бы это хорошо позабавило!

И только он произнес последние слова, как над их головами что-то просвистело и, взметнув тучи брызг, врезалось в воду. В же минуту они услышали звонкий мальчишеский голос:

— Пиль! Пиль, Тузик! Фас, собачка! Фас!

Видишь мальчика? Он бросает в воду палки, учит крошечного Тузика приносить их на берег.

Но Кук и Кукки, конечно, ничего не знали об этом. Они со страхом смотрели, как в воду бросился страшный зверь о четырех лапах и поплыл к ним, поводя розовым носом то вправо, то влево, весело помахивая хвостиком-закорючкой. Это был совсем еще крошечный щенок, но он показался Куку и Кукки настоящим чудовищем. Перепуганный Кук поспешно нырнул, Кукки не успела пискнуть, как Тузик схватил ее острыми зубами.

И вот тут-то перед самым носом Тузика вынырнул, неожиданно для себя и для Тузика, отважный Кук.

О, это была ужасная минута!

Кук от неожиданности растерялся. Да и Тузик испугался не на шутку. Ведь прямо на него смотрели крошечные глазки-бусинки, а устрашающий нос-картошка тянулся к щенку, будто обнюхивал его, будто пытался узнать: годится ли он на завтрак, или же им можно неплохо пообедать. Ничего более страшного в своей жизни Тузик еще не видел.

Взвизгнув от страха, щенок выплюнул изо рта Кукки и забарабанил лапами, стараясь поскорее добраться до хозяина. Не терял понапрасну времени и Кук. Лишь только он увидел, что страшное чудовище отступает и мчится к берегу, словно быстроходный катер, из деревянного горла Кука вырвался и покатился по реке ликующий победный крик:

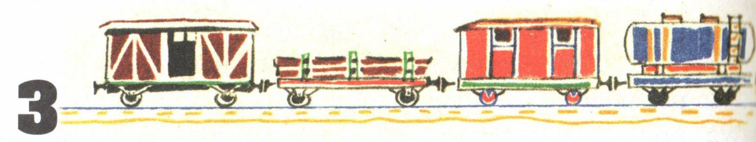
— Держите его! Держи и меня, Кукки! Если не удержишь, — разорву его в клочья! Превращу в порошок для чернил! В бисер для елочных украшений! В бумажные пистоны для пистолета!

— Ну, успокойся, успокойся! — ласково дотронулась Кукки до плеча храброго братца. — Пожалей его! Он же не знал, что ты такой бесстрашный! Не сердись, Кук! Ну, пожалуйста! — И Кукки нежно поцеловала братца в нос. — Ты у меня такой храбрый! Я думаю, храбрее тебя нет никого на свете.

Кук хотел было честно признаться, что он и сам чуть не умер от страха, но, взглянув на сияющее от восторга лицо Кукки, сказал хмуро:

— А кто же в этом сомневается? Я всегда был уверен в своем бесстрашии.

И он начал так громко кричать о своей храбрости, что в небе остановились облака, пораженные невероятным хвастовством, а река, вскипев от негодования волнами, выбросила хвастунишку и его доверчивую сестренку на песчаную отмель.

3

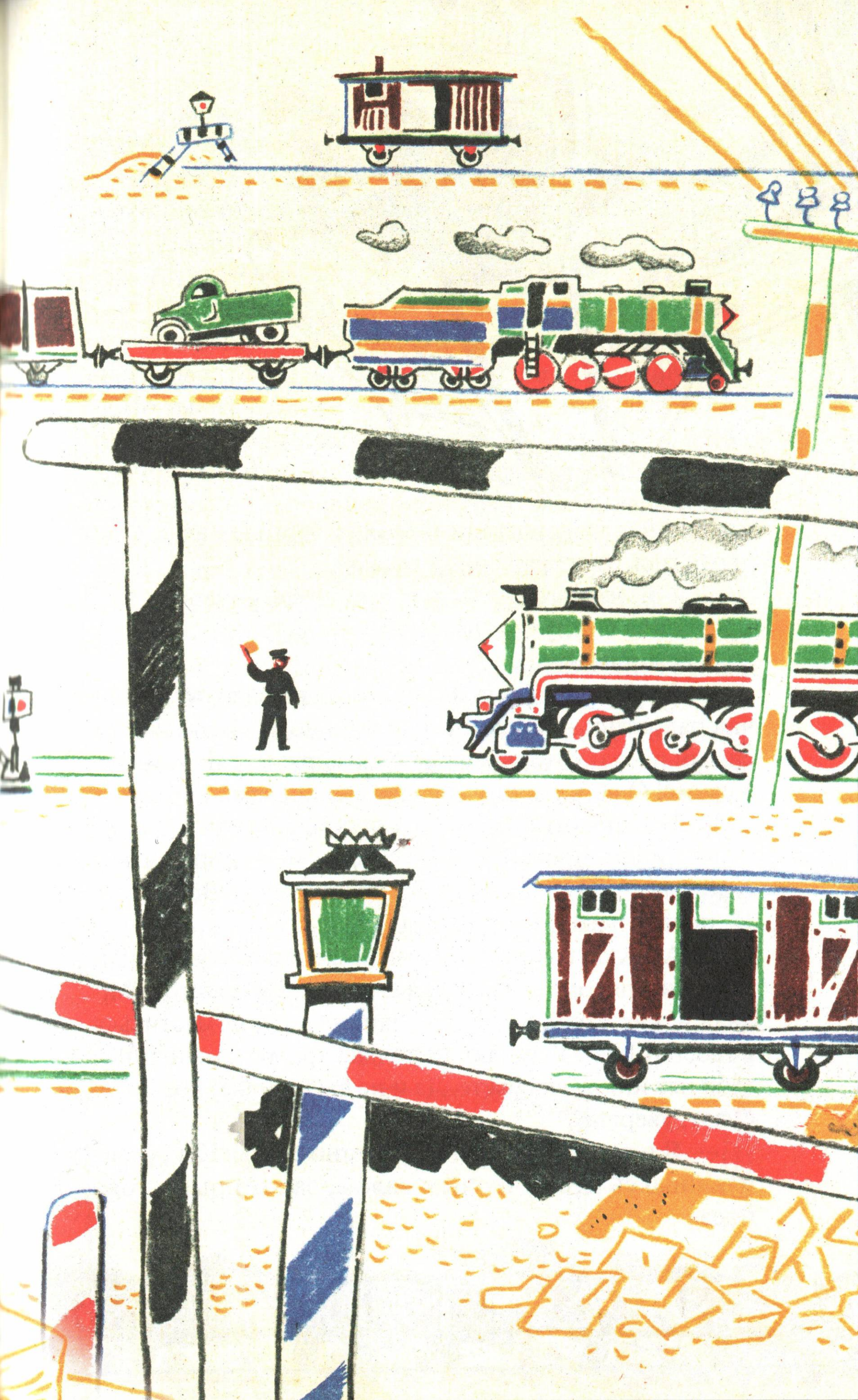
— Это уже дальние страны? — спросила Кукки, когда она и Кук оказались на берегу. — А где же бананы? Где ананасы?

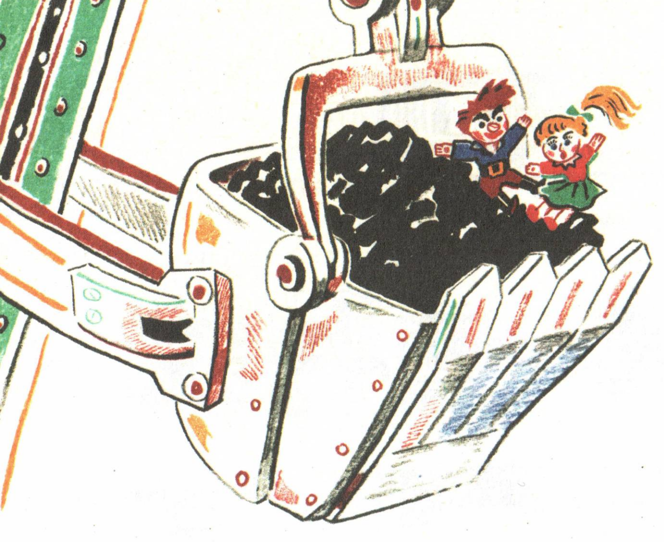
Кук посмотрел по сторонам.

— Там! — махнул он рукою сначала направо, а потом налево. — Или немножко подальше! Пошли! — и, увязая в песке, двинулся в глубь страны. Тяжело вздохнув, следом за ним побрела Кукки.

Они шли и шли, карабкались на песчаные горы, перелезали через бревна, обходили стороною огромные глыбы камней. Кукки то и дело останавливалась и робко спрашивала: скоро ли придут они в дальнюю страну? Но что мог ответить Кук, если он и сам не знал ничего определенного? Однако он шагал с таким видом, будто ходить по дорогам в дальние страны было ему не впервые и будто в этих дальних странах ему была известна каждая тропинка.

Так шли они почти весь день. Наконец впереди показался длинный-предлинный поезд. Дорогу

к нему перегораживали высокие черные валы. Они дымились от ветра черной пылью.

— Ой, что это? — испуганно вскрикнула Кукки, прячась за спину братца.

Кук остановился.

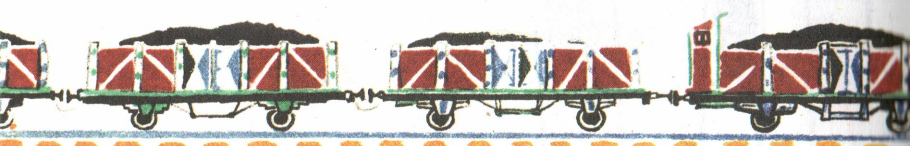
— Это? — он в раздумье потрогал нос и вдруг закричал радостно: — Поезд! Клянусь сапогами, это же тот самый поезд, который я видел на картинке. В книжке. Удачно! Очень удачно. Дальше мы поедем на поезде.

— Что значит поедем? — спросила Кукки.

— Очень просто! Надо только уметь обращаться с поездами! Ну, для меня-то это пустяки! Вперед! — И, посвистывая, Кук ускорил шаги.

— Ах, Кук, какой ты умный! — лепетала Кукки, шагая с ним рядом. — Ты все, все знаешь! Я просто удивляюсь, как такие большие знания могут поместиться в твоей голове. Я думаю, не только храбрее, но и умнее тебя нет никого на свете. Да и не было, наверное. И не будет, уверена!

— Я и сам так думаю! — скромно сказал Кук, останавливаясь перед черным валом, за которым стоял поезд.

— Как же нам попасть на этот поезд? — спросила Кукки, поглядывая со страхом вверх. — Он такой высокий, а ножки у меня такие коротенькие. Мне ни за что не забраться.

— Подожди! — нахмурился Кук. — Сейчас придумаю! Одну минутку!

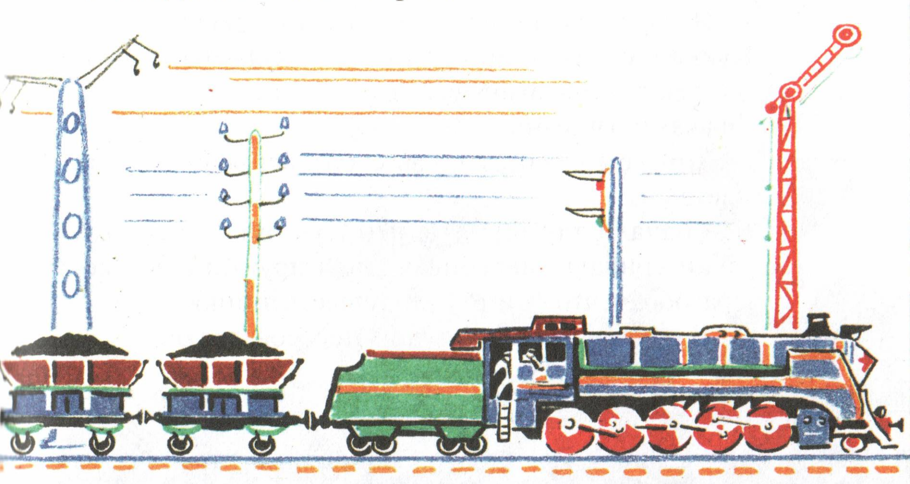
— Хар-р-р! Хур-р-р-р! — скрежетал кто-то справа от путешественников, но кто это был и что этот неизвестный делал, Кук и Кукки, конечно, не могли понять.

Но ты-то видишь, не правда ли? И ты отлично понимаешь, что это работает железный великан — погрузчик угля. Пока Кук и Кукки рассматривали поезд, погрузчик угля подобрался к тому месту, где стояли отважные путешественники, и, подхватив их вместе с углем, швырнул в один из вагонов.

— Ах, Кук, что за молодец! — захлопала в ладошки Кукки. — Вот здорово придумал!

— А, ничего особенного, — небрежно махнул рукою Кук. — Надо только много, долго и хорошо думать, а когда думаешь, всегда что-нибудь умное появится в голове. Но... — Кук вдруг сморщился и оглушительно несколько раз подряд чихнул. — Ап-п-пчхи! Ап-п-чхи! Кажется, немного простудился в океане. Апчхи! А-а-а-пчхи! Ап-п-п-пчхи!

— Будьте здоровы! Будьте здоровы! — послышалось неожиданно со всех сторон.

Кук с удивлением осмотрелся.

— Да мы тут вроде не одни? Кто тут?

— Мы! — хором ответили пыльные голоса.

Кук учтиво поклонился, прижал руки к сердцу и сказал очень вежливо:

— Я храбрый Кук! Гроза морских чудовищ. А это моя сестра Кукки — Всемирная путешественница. А вы кто же будете?

И тут все вдруг зашумело. Тоненькие голосишки запищали:

— А мы угольки! Мы самые простые, самые обыкновенные угольки! И мы ужасно рады, что едем с такими знаменитостями! Вы не ушиблись при посадке?

— Пустяки! — отмахнулся Кук. — Вообще нам, отважным путешественникам, не то еще приходится видеть. Не более как час назад я, например, сражался с целым стадом чудовищ.

— Кук, — удивилась Кукки, — я видела только одного...

— Еще бы ты могла видеть всех чудовищ! До того ли тебе было! Да, — обратился Кук к уголькам, — свирепое морское чудовище почти наполовину сожрало мою сестренку. Могла ли она видеть что-нибудь, кроме его зубов?

— Но все-таки вы спасли сестренку? — прошептала Угольная Крошка, робко рассматривая Кука.

— Я вырвал ее прямо из пасти чудовища.

Кукки с удивлением посмотрела на братца, и этот взгляд так смутил храбреца, что он решил поговорить с угольками о чем-нибудь другом...

— Хотел бы я знать, куда вы собрались ребята? Куда вы едете?

Все начали так шуметь, что Кук чуть не оглох. Угольки кричали, перебивали друг друга, но все же Кук разобрал, что они тоже путешественники.

— И откуда вы едете? — поинтересовался он.

— Из самых больших глубин земли! — сказала Угольная Крошка.

— Мы же каменный уголь! — пояснил Толстый Уголек. — Мы всегда живем под землей!

Кукки глубоко вздохнула и спросила:

— А как вы попали под землю?

— О! — зашуршали угольки. — Это же целая история нашего древнего рода.

И, помогая друг другу, они стали рассказывать о том, как очень, очень давно, когда на земле еще не было ни людей, ни зверей, всюду росли огромные деревья — папоротники. Потом они падали, их засыпало землей и заливало водой, а пролежав под землей и под водой много-много лет, деревья превратились в каменный уголь.

— В таком случае, — важно сказал Кук, — мы с вами родственники. Я и моя сестренка тоже из дерева превратились в отчаянных путешественников! Можете считать меня двоюродным братом, а Кукки — двоюродной сестрой.

— Очень, очень приятно! — зашуршали угольки, вежливо поднимая облака угодной пыли. — Мы можем только гордиться, что среди наших родственников есть такие храбрецы, такие отчаянные путешественники.

— Ну и куда же вы едете? — опять поинтересовался Кук.

— Нас отправили в подарок Семилетке!

— Вот как! — сказал Кук, не зная что сказать, потому что слово «Семилетка» он услыхал впервые. — Значит, вы едете к Семилетке? Ну что ж, это неплохо.

— А кто это такая Семилетка? — спросила шепотом Кукки.

Куку и самому хотелось бы узнать что-нибудь о Семилетке, но разве мог он показать перед другими свою необразованность?

— Значит, все-все угольки едут к Семилетке? — переспросил он, поглядывая на длинный состав поезда. — Вас так много! Я вижу здесь столько вагонов, сколько нет у меня пальцев на руках и ногах.

— О, разве это много! Нас, угольков, отправляют к ней и днем и ночью. По нескольку составов в день.

— Значит, она волшебница! — решил Кук.

Угольная Крошка предложила взволнованно:

— Будет просто замечательно, если вы поедете вместе с нами. Мы слышали — эта Семилетка такая богатая, такая добрая, что вы и не представляете даже.

Кукки потихоньку толкнула братца и прошептала:

— Едем, Кук! Если Семилетка добрая, тогда у нее найдется, наверное, и бархатное платьице и серебряные туфельки.

— Что же, — важно кивнул Кук, — я согласен! — и подумал о хорошей подзорной трубе и компасе, без которых каждый путешественник как без рук. — Я попрошу у Семилетки трубу и компас! Но, к-хе, к-хе, к-хе... это что же тут такое? Это почему же здесь так много пыли? Я просто задыхаюсь!

— Извините, — сказали родственники. — Это мы!

— Что «мы»? — строго спросил Кук.

— Это мы пылим, извините! Мы же всегда выпускаем из себя пыль, когда разговариваем. А когда разговариваете вы, — она попадает вам в нос и в рот. Но если вы будете молчать и только слушать нас, — никаких неприятностей не случится.

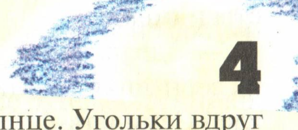
— М-да, — проворчал Кук. — За приятную беседу благодарю вас, уважаемые родственники. Теперь попробуем помолчать. Тем более, все, что нам нужно было сказать друг другу, мы, кажется, уже сказали.

Угольки вздохнули и замолчали. Пыль улеглась, и сразу стало так легко дышать, будто на земле и на небе открыли все форточки и включили все вентиляторы.

Вдоль платформ прокатился пронзительный свисток.

Грохоча на стыках рельс, поезд двинулся в далекий путь.

4

И сразу же брызнуло яркое солнце. Угольки вдруг вспыхнули, засияли, засверкали, словно черные бриллианты.

— Гур, гур, гур! — заурчали они радостно. — Приятная прогулка! Красивое небо! Веселые спутники! Нет, право же, наверху совсем не плохо! И даже лучше, чем под землей.

А колеса бежали по рельсам и весело позвякивали металлическими голосами:

> Кляц-блям-плям! Кляц-плям-блям!
> Славно, славно, ох, как славно,
> Ох, как славно мчаться нам.

— Поехали! Поехали! — радостно шумели угольки.

Все они ужасно волновались, беспокойно двигались, толкали друг друга, а самые крошечные даже подпрыгивали.

— Ах, как весело! Ах, как интересно!

Поезд мчался сквозь леса, перелетал по мостам широкие реки. Стук колес перекатывался по степям и полям, по лугам да по веселым перелескам.

Ну что за чудесное было путешествие!

А сколько интересных встреч произошло в пути!

На большой станции угольки догнали длинный-предлинный поезд. Он был доверху наполнен золотым зерном — пшеницей.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — кричали угольки. — Мы угольки! Мы очень важные угольки! Нас везут в подарок Семилетке. С нами едут знаменитые путешественники — Гроза морских чудовищ и его сестренка Всемирная путешественница.

— Здравствуйте, угольки! — приветствовали их зернышки. — Мы тоже очень важные! Мы — хлеб Семилетки!

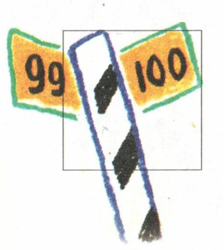
— Вас много? — спрашивали угольки.

— Нас видимо-невидимо! И с каждым годом будет все больше и больше. Но до свиданья, угольки! Мы спешим. Мы очень спешим! Нас поджидают прославленные булочники и знаменитые кондитеры. Они приготовят из нас пышные караваи хлеба, сладкие булочки, пирожные, кремовые торты и много-много разного печенья.

Не успел поезд с пшеницей отъехать, как подкатил уже другой, с кукурузой.

— Здравствуйте! — зашумели угольки. — Мы — угольки! А вы кто будете?

— Мы — кукуруза! Ценный груз! Мы — кукуруза кукуруз! Но мы спешим! Нас ждет разгрузка и погрузка. И мы волнуемся, как всякий груз. Нас превратят на фабриках и заводах в бумагу, клей, муку, в крупу, крахмал, в масло, спирт, патоку и... ах, нам некогда! Прощайте! Добрый путь! Счастливо путешествовать!

Поезда шли навстречу, обгоняли друг друга, и все они везли подарки Семилетке, и все они торопились.

Попадались и такие важные путешественники, которые на уголь глядели свысока.

Однажды угольки обогнали поезд, набитый странными штуками. Темные, как уголь, приземистые, широкоплечие, они стояли на платформах, словно братья-близнецы, но очень угрюмые, очень гордые.

Угольки не знали, кто эти гордые путешественники, поэтому они поздоровались вежливо и спросили:

— Скажите, кто вы будете? Мы, например, угольки!

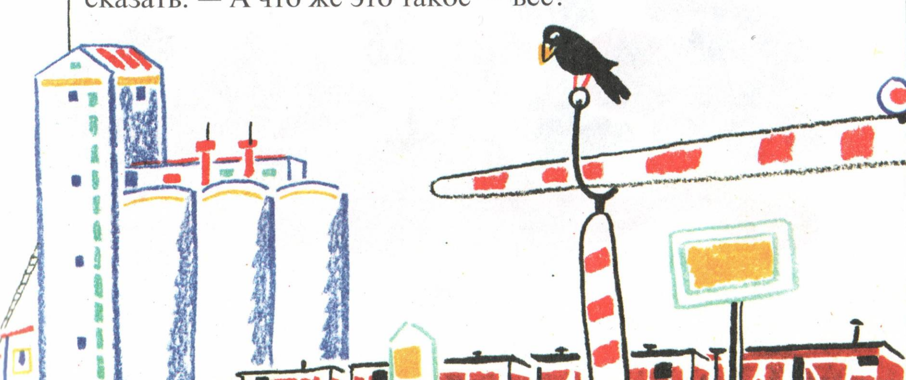
Гордые путешественники не сразу ответили. Они стояли насупившись, молча посматривая один на другого и как бы думали: стоит ли разговаривать с угольками, но после долгого молчания один из них сказал чугунным голосом:

— Мы — чугун!

— Чугун? А это что же такое — чугун? — робко спросила Угольная Крошка.

— Это все! — прогудел чугун.

— Вот как! — переглянулись угольки, не зная что сказать. — А что же это такое — все?

— Мы — станки и машины! Мы — заводы, мосты, пароходы! Плуги, пушки и школьные перья. Дороги, кино и радио. Мы — чугун! Мы — самое важное, самое главное. Но довольно! Нам некогда!

— Вы очень спешите?

— Нам нужно превратиться в железо и сталь! Сегодня! Завтра! Послезавтра!

— Превратиться? — удивились угольки. — Вы не хотите быть чугуном? Самым важным и самым главным?

— Дун, дун! — загудела Чугунная Болванка. — Мы всегда превращаемся в сталь и железо. Таков закон металла. Чтобы делать станки, машины, рельсы, трубы, тракторы, подъемные краны и много, много других вещей, нужно много железа и стали. Очень много.

Но хватит! Мы не привыкли так долго говорить.

И чугун уехал.

Наконец поезд остановился на большой станции. К платформам с углем подошли люди. Очень высокий, очень худой человек сказал очень толстым голосом:

— Гм, гм! Уголь неплохой! Преотличные чулки выйдут из этой партии.

— Какие чулки? — заволновались угольки. — Мы же — угольки! Понимаете? Мы двигаем машины! Мы — главные начальники машин! Вы с кем-то путаете нас!

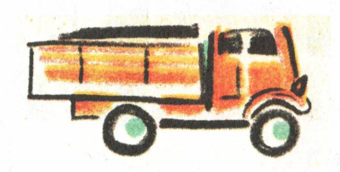
Но люди не понимали угольного языка. Они нагрузили угольками машины и помчали их по улицам большого красивого города.

Угольки так кричали, так возмущались, что угольная Лопата (она ехала вместе с ними) вынуждена была вмешаться в разговор.

Это была очень образованная Лопата. Уж она-то немало повидала на своем веку. Кое-что она слышала от знакомой швабры и беседовала с очень развитой половой тряпкой, которая мыла полы в лаборатории. Вот поэтому-то Лопата охотно делилась своими большими знаниями со всеми, кто нуждался в ее полезных советах.

— Чулки, — пояснила она, — это такие тонкие, мягкие штуки. Люди надевают их на ноги, чтобы ходить друг к другу в гости.

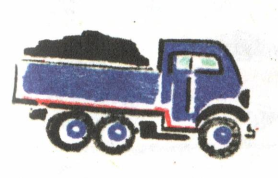
— Но мы же твердые! — закричали угольки. — Нас нельзя надевать. И разве для того мы рождены, чтобы в нас ходили в какие-то гости. Мы — главные начальники машин. Мы заставляем их работать, двигаться. Дви-га-а-ться! Понимаете?

Лопата засмеялась:

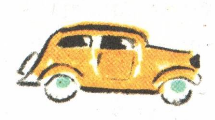
— Вот познакомитесь с Химией, посмотрю я тогда, что скажете.

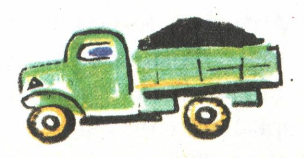
— Да мы и знать не хотим никакой Химии! — закричали возмущенные угольки. — Тысячи лет ее не видели и еще десять тысяч лет видеть не хотим. Совсем она не нужна нам.

— Мы же ехали к Семилетке, — вмешался в разговор Толстый Уголек. — Наверное, к Химии нас везут по ошибке.

— Химия, — сказала Лопата, — и Семилетка — один и тот же адрес. Ведь Химия — это правая рука Семилетки. И люди говорят, что занимает она почетное место рядом с металлом и машинами! Нет, не по ошибке повезли вас к Химии. А для превращения.

— Что, что? Химия превращает? Кого превращает? Во что превращает? — подпрыгнула Угольная Крошка.

— Да что угодно и во что угодно превращает Химия! — сказала Лопата. — В том-то вся и штука!

— Хрым-хрым, — заскрипел боками Острый Уголек, — хотел бы я все-таки знать, простите, во что можно превратить, допустим, благородный уголь? В кого тут могут превратить нас, повелителей машин?

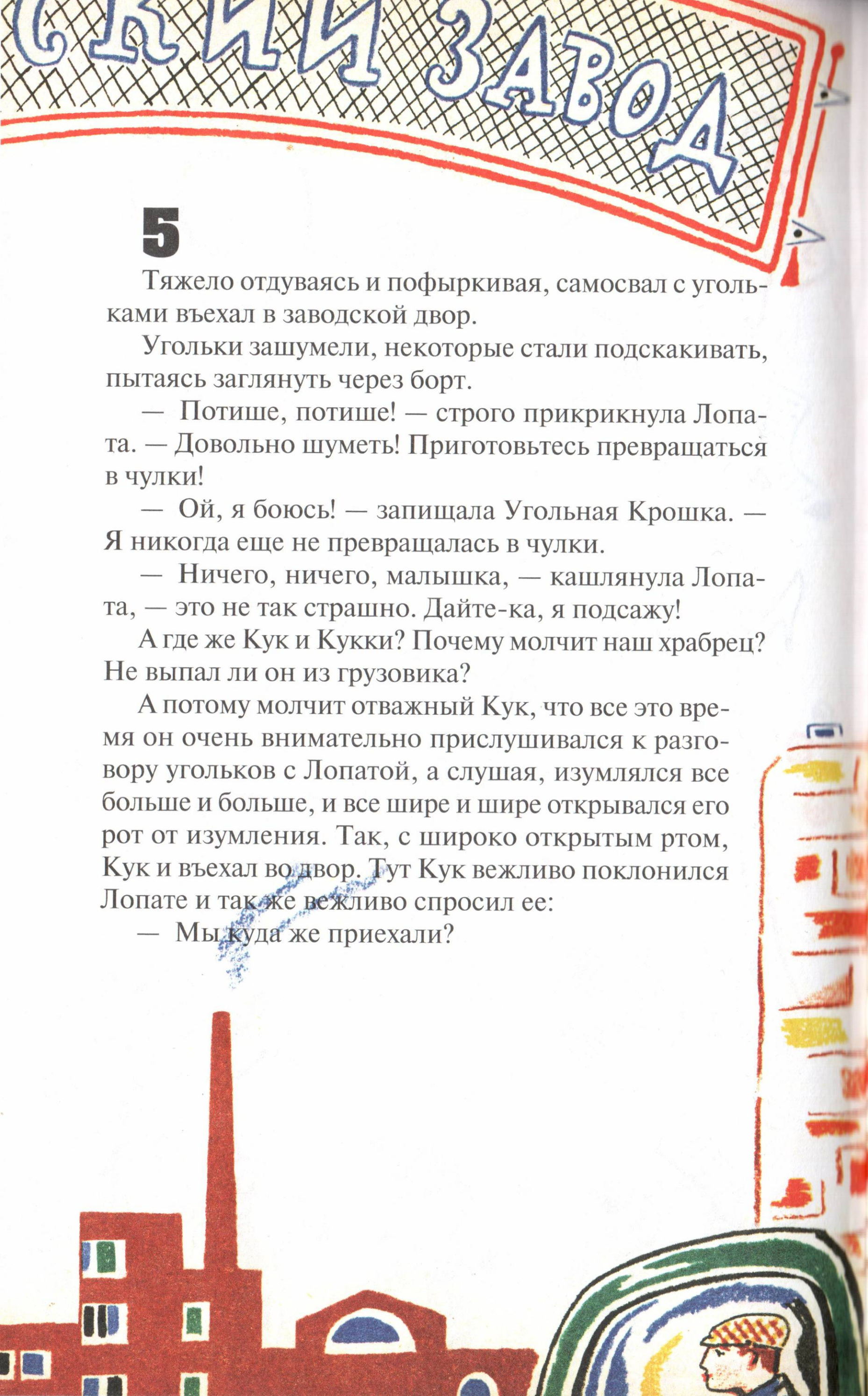
— Вас-то? — усмехнулась Лопата. — Во что превращает Химия уголь? А я скажу. Почему не сказать? Ну-те-с, значит, так: Химия превращает уголь в удобрения, в духи и телефонные аппараты, взрывчатые вещества и детские игрушки, в асфальт и мячики, в морские канаты, нашатырный спирт, аспирин, ковры, плащи, галоши, меха, патефонные пластинки, шины, лекарства, пуговицы, костюмы, обувь, ткани, чернильницы... Фу, задохнулась.

Это была очень пожилая Лопата, и потому говорила она с одышкой, но если бы даже молоденькая лопаточка попыталась перечислить все вещи, которые приготовляют из угля, то и она с трудом управилась бы с такой задачей.

Вот тут наш художник нарисовал кое-какие вещи, которые можно получить из угля. Но все они не поместились на одной странице, и художник побежал в магазин купить самый-самый большой лист бумаги, а когда он вернется, мы попросим его нарисовать все-все, что получается из угля. Рисует он довольно быстро и за каких-нибудь два или три года вполне успеет управиться с такой работой.

5

Тяжело отдуваясь и пофыркивая, самосвал с угольками въехал в заводской двор.

Угольки зашумели, некоторые стали подскакивать, пытаясь заглянуть через борт.

— Потише, потише! — строго прикрикнула Лопата. — Довольно шуметь! Приготовьтесь превращаться в чулки!

— Ой, я боюсь! — запищала Угольная Крошка. — Я никогда еще не превращалась в чулки.

— Ничего, ничего, малышка, — кашлянула Лопата, — это не так страшно. Дайте-ка, я подсажу!

А где же Кук и Кукки? Почему молчит наш храбрец? Не выпал ли он из грузовика?

А потому молчит отважный Кук, что все это время он очень внимательно прислушивался к разговору угольков с Лопатой, а слушая, изумлялся все больше и больше, и все шире и шире открывался его рот от изумления. Так, с широко открытым ртом, Кук и въехал во двор. Тут Кук вежливо поклонился Лопате и так же вежливо спросил ее:

— Мы куда же приехали?

Лопата оглядела Кука и Кукки с головы до ног и вдруг так рассердилась, что вся даже задрожала.

— Как вы сюда попали? А ну-ка прочь! — и выбросила путешественников на землю. — Чуть только не досмотришь — так вместе с благородным углем, того и гляди, попадет на завод разный мусор.

— Кто мусор? — выпрямился во весь рост оскорбленный Кук. — Это я мусор?! — закричал он негодующе. — Да как вы смеете? Да известно ли вам, что я Гроза морских чудовищ? О-о, это я не оставлю безнаказанным. Где Кукки? Держи меня, Кукки!

Кукки умоляюще сложила ручки.

— Многоуважаемая Лопата, — сказала она дрожащим голосом, — пожалуйста, не сердите братца! Он такой вспыльчивый и страшный в гневе, что я просто боюсь за вас. Прошу, не называйте моего братца мусором! Мы с ним ведь тоже из дерева. Как уголь. И, кажется, тоже чуть-чуть благородные!

— Ладно, ладно, — уже добродушно проворчала Лопата. — Ступайте, малыши, подобру-поздорову. Так и быть, не трону вас!

Кук даже подпрыгнул от негодования.

— Она не тронет меня!? — вскричал он. — Нет, это уже чересчур! Держи меня, Кукки! Умоляю, держи меня как можно крепче, иначе я наколю из уважаемой Лопаты мелкие щепки, а щепки превращу в стружки и опилки. Да я тут все разнесу!

Перепуганная Кукки схватила расходившегося братца за руку и потащила за собою через заводской двор на улицу.

Когда оскорбленные путешественники миновали заводской двор и вышли на улицу, Кукки облегченно вздохнула и показала пальчиком на окна длинного цеха.

— Лучше посмотрим, Кук, что стало с нашими родственниками. Я видела: их повезли в это здание. А мы даже не попрощались с ними.

— Что ж, — сказал Кук, успокаиваясь, — я не прочь посмотреть. Может быть, родственники нуждаются в помощи, тогда я сделаю для них все, что в моих силах.

Цепляясь за выступы кирпичей, Кук храбро полез вверх и через несколько минут добрался до карниза, который тянулся вдоль заводских окон.

— Здесь они! Вижу! — закричал Кук, перебегая по карнизу от окна к окну. — И еще тут уйма каких-то машин.

— А Химию видишь? — спросила Кукки.

— Химию? Нет, Химии не видно. Слушай, Кукки, эти машины, наверное, слуги Химии. Так я думаю. Ого, — прижался он носом к стеклу, — наших твердых родственников Химия уже успела сделать мягкими.

— Какой ужас! — прошептала Кукки.

— Да, да! Их ссыпают в большие котлы, машины дробят бедных родственников, жуют и... и... и я совсем не понимаю, как это у них получается, но угольки уже совсем на себя не похожи. Их тут даже и не угольками называют, а смолой.

— Какое красивое имя! — сказала Кукки.

— Красивое, — согласился Кук. — Но теперь они не черные, а белые.

— Бедные родственники! — прошептала Кукки, вытирая навернувшиеся на глаза слезы.

— Но, Кукки, Кукки, если бы ты видела, что тут происходит дальше! — крикнул Кук, подбежав к дру-

гому окну. — Из этой смолы здесь тянут нитки, длинные-предлинные.

— Ой, я хочу взглянуть сама! — сказала Кукки и, не раздумывая, полезла к братцу, цепляясь за выступы кирпичей. — Где, где, Кук? А не делают ли тут бархатные платья?

И вдруг чьи-то цепкие пальцы схватили не в меру любопытных путешественников и сняли их с карниза.

— Караул! — закричал Кук.

— На помощь! — взвизгнула Кукки.

Ладошки стали подбрасывать Кука и Кукки вверх, и они увидели мальчишку с курносым носом, густо усеянным веснушками, озорные мальчишеские глаза и лохматый чуб над веснушчатым лбом.

— Эге, — сказал владелец веснушек, — давно уже я хотел запустить что-нибудь в небо! Но вы не бойтесь, малыши! Мой змей и не такие тяжести поднимал! — С этими словами он привязал Кука и Кукки к мочальному хвосту огромного-преогромного змея, а змея прикрепил к толстому мотку крепких ниток.

А угольки?

Что стало с угольками?

Ну о том, что с ними стало и во что превратились они, ты еще узнаешь. В магазине. Когда придешь с мамой покупать чулки, или красивый костюм, или же теплый свитер. Возможно, что их сделали из знакомых тебе угольков.

6

А сейчас посмотрим, куда же попали наши отчаянные путешественники.

Ого!

Они, как видишь, парят под облаками. Выше домов. Выше птиц. Выше всех на свете.

— Э, мальчишка не глуп! — сказал Кук, поглядывая на далекую землю. — Сразу понял, что я и без подготовки могу летать не хуже птицы.

— Ах, Кук, но ведь и я лечу без подготовки! — прошептала Кукки, вся замирая от страха.

Кук только пожал деревянными плечами:

— Ты же летишь со мною. Как пассажир. А пассажиру совсем не обязательно уметь летать. Ты только держись за меня, и все будет отлично.

Кукки немного успокоилась, но через минуту опять залепетала:

— Ах, Кук, как бы нам не зацепиться за облако!

— Чего ты боишься? Я летаю, как птица. Я мог бы лететь лучше птицы, если бы мне только не мешали эти мочалки! — Кук сердито потрогал узлы, которыми был привязан к хвосту бумажного змея. — Я думаю, гораздо интереснее лететь без них. Мочалки только связывают нас по рукам и ногам. — Недолго думая, Кук начал отвязываться.

И вдруг в ушах путешественников пронзительно засвистел ветер. Бумажный змей, освободившись от тяжести, подпрыгнул и помчался вверх, а Кук и Кук-

ки рухнули вниз, перевертываясь, хватаясь руками за воздух.

— Скорей, скорей придумывай что-нибудь! — кричала Кукки. — Мы же разобьемся! Ох, боюсь, боюсь, боюсь!

— Фьюрлить! — свистнул Кук. И в ту же минуту он и Кукки почувствовали под ногами твердую почву.

Ты видишь, куда попали Кук и Кукки?

Это — Башенный Кран, металлический великан на длинной ноге с одной могучей стальной рукой. Одноногий и однорукий, он трудится с утра до ночи, да так, что за ним ни одному человеку не угнаться. И не мудрено. Ведь каждый башенный кран работает, как сто человек.

Когда Кук осмотрелся и увидел, что стоит на Башенном Кране, он прижал руку к сердцу, поклонился и сказал вежливо:

— Позвольте представиться! Я — Гроза морских чудовищ, знаменитый летчик Кук, а это моя сестра — Всемирная путешественница.

— Солнечный привет! — прогудел металлический гигант. — А я простой Башенный Кран. Помогаю людям строить дома. Очень рад познакомиться с такими знаменитостями. Но, простите, я должен поднять стену дома. Одну минутку.

И Башенный Кран, приподняв с земли тяжелую стену, потянул ее медленно вверх, натужно поскрипывая тросами. Кук кинулся на помощь.

— Давай, давай, — закричал он, повиснув на тросе. — Пошла! Пошла! Поехала! Р-р-р-раз! Взяли!

Стена выпрямилась, встала на место.

Потом пришлось поднять и поставить еще несколько таких же стен. Башенный Кран работал

молча, но зато уж Кук кричал и за себя и за кран так громко, ухал так свирепо, что Кукки смотрела на него с беспокойством и нежно шептала:

— Осторожнее, Кук, осторожнее! Не надорвись, пожалуйста!

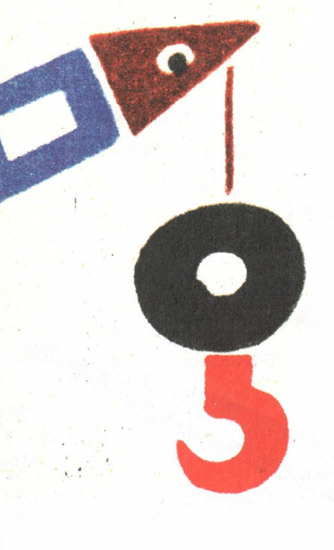
Наконец стены были поставлены на место. Кук вытер ладонью проступивший на лбу пот.

— Вот славно поработали мы с Башенным Краном! — сказал он, гордо поглядывая вокруг себя. И вдруг его брови насупились: Кук увидел на Кране будку, а в ней человека с веселыми глазами.

— Кто это? — Кук кивнул головою в сторону человека.

Башенный Кран загромыхал металлом и весело ответил:

— Это Иван Трофимович! Мой добрый друг и моя голова. Мы давно работаем вместе. Хороший, замечательный человек мой Иван Трофимович.

— Ну, а понимает ли он хоть что-нибудь в нашем деле? — спросил Кук, потрогав свой великолепный нос.

— Ну еще бы! — загудел Кран. — Голова его соображает хорошо, но, конечно, рука у него не такая сильная, как у меня. Вот мы и работаем вместе. Голова — Ивана Трофимовича, рука моя. Вот так вместе и строим дома для Семилетки, для тех, у кого нет хороших комнат и квартир.

— Как, — удивилась Кукки, — Семилетка и дома строит? А я думала, она получает уголь, а ее помощница Химия превращает его в разные разности.

— Не только, — сказал Башенный Кран. — Для Семилетки выплавляют металл, для нее же строят машины. Я и сам родился на заводе по заказу Семилетки. Вместе с Подъемным Краном, с дорожными землеройными машинами и другими удивительными и могучими механизмами.

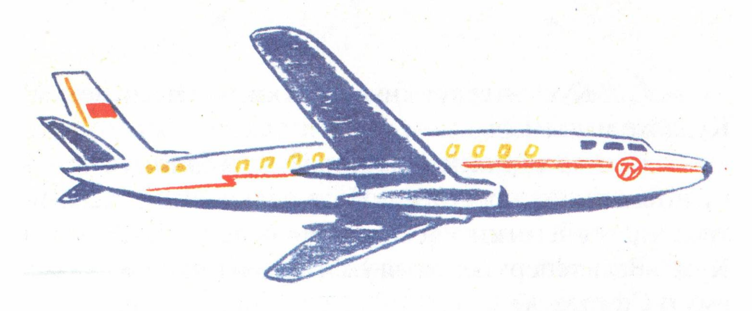
— Но где же Семилетка находится? — спросила Кукки.

Кук приложил к правому глазу ладонь, сложенную в трубку, посмотрел через нее по сторонам и сказал:

— Эх, была бы у меня подзорная труба, уж я тогда бы в два счета увидел Семилетку.

— О, Гроза чудовищ, — загромыхал Башенный Кран, — а на кого же она похожа?

— Да, да, — подхватила Кукки, — это очень, интересно! Я тоже с удовольствием послушаю тебя, Кук!

Но ведь Кук и сам ничего не знал. Стараясь скрыть смущение, он потрогал рукой деревянный лоб сестрицы и сказал ворчливо:

— У тебя температура, Кукки! И все это потому, что ты слишком много говоришь. Помолчи хоть минутку, пока не заболела окончательно.

— Правильно! — прогудел Башенный Кран. — Пусть помолчит! Ну, а уж мы с тобою, Гроза чудовищ, поговорим о Семилетке как мужчина с мужчиной. Скажи мне, пожалуйста, — велика ли она ростом? Сильны ли ее руки?

Кук в замешательстве схватился за нос.

Вот ведь неудобное положение!

А не признаться ли честно, что ничего-то Кук не знает о Семилетке?

И он, сгорая от стыда, уже открыл рот, чтобы сказать: «Извините, уважаемый Кран, но я только самый обыкновенный хвастунишка. Нахвастал, будто знаю, кто такая Семилетка, а сам ни бур, ни мур, ни бур-мур-мур!»

Но как раз в эту самую минуту из-под облаков вынырнул самолет ТУ-114 и начал быстро спускаться. С мощным ревом промчался самолет над лесом башенных кранов, его могучая воздушная волна оторвала Кука и Кукки от Крана, и отважные путешественники помчались следом за самолетом в его хвосте из пыли, мусора, клочков бумаги, стружек и опилок.

— Ой, Кук! — вскрикнула Кукки. — Опять летим! Куда же мы теперь?

— Что за странный вопрос? Конечно навстречу новым приключениям. Надеюсь, очень опасным, уверен, — очень интересным. Но бедняга Башенный Кран. Ведь теперь без меня уж не знаю кто и расскажет ему о Семилетке.

Вдруг самолет круто свернул направо, а его хвост из пыли, мусора, бумажек и опилок повис в воздухе. Теперь могучая воздушная струя уже не тянула за собою Кука и Кукки, и они без парашютов начали падать вниз, на темную землю, где светились ночные огни. Красные. Зеленые. Желтые. А скоро можно было уже различить внизу большую станцию, железнодорожные пути, длинные составы поездов, которые мчались по рельсам.

— Ой! — взвизгнула Кукки, падая на платформу поезда. — Мы опять едем. И опять на поезде.

— Правильно, — сказал Кук, поднимаясь на ноги и осматриваясь. — Когда путешествуют — всегда летят, плавают, едут на поездах, идут пешком. Но с кем мы на этот раз едем?

Кук осмотрелся.

На платформе стояли большие бумажные мешки, они были крепко-накрепко запакованы, но один был почему-то открыт, и из него сыпались на платформу серые комочки и крупинки.

Кук с недоверием посмотрел на них и спросил строго:

— А вы кто же такие будете?

— Удобрение! — светлыми голосами и хором ответили крошечные пассажиры.

Кук погладил в замешательстве нос.

— Вы не из глубин земли едете?

— Что вы, что вы, — раздались голоса. — Мы рождены на химическом заводе. Мы, благородный незна-

комец, едем сейчас на поля Семилетки, чтобы помочь колхозникам вырастить как можно больше хлеба.

Куку понравилось, что его назвали благородным незнакомцем, и он с достоинством поклонился:

— А я — Гроза морских чудовищ. Путешествую вместе с сестрой Кукки. Иногда мы с ней летаем, иногда плаваем, а когда у нас бывает свободное время, — помогаем Башенным Кранам.

— Уважаемое Удобрение, — вмешалась в разговор Кукки, — вы сказали, что едете на поля Семилетки выращивать хлеб. А где же эти поля?

— Везде и всюду! Куда бы вы ни поехали, на юг или на север, на запад или на восток, — вы увидите бескрайние поля Семилетки!

— Как это много! — восхитилась Кукки.

— Разрешите, — послышался голос из угла платформы. — Я, правда, попала на поезд по недоразумению, но, когда встречаешь приятных собеседников, просто невозможно отказаться от удовольствия поговорить с ними.

Кукки повернула голову и увидела стеклянную банку, похожую на прозрачный мячик с длинной прозрачной ручкой.

— О, как вы смотрите на меня! — засмеялась стеклянные смехом странная банка. — Но я понимаю вас. Вы просто никогда еще не видели лабораторной посуды. Мы ведь живем только в лабораториях и работаем вместе с учеными. Будем знакомы. Меня зовут Реторта. Можете называть меня просто: уважаемая, высокоученая Реторта. Или еще проще: дорогая Реторточка! Я, действительно, очень-очень дорогая.

Не удивляйтесь, что я оказалась на платформе, что еду как простая стеклянная посуда. Дело в том, что со мною произошло на днях большое несчастье. Я упала со стола, и у меня откололась одна очень важная часть. И вот, чтобы скрыть несчастье от профессора, я отправилась путешествовать. Воображаю, как убивается мой профессор: он без меня шагу не мог ступить шесть лет. Наверное, бегает по лаборатории и спрашивает всех: «Где моя любимая Реторта?» А чем я могу помочь ему? Увы, увы! Я сама так страдаю, так страдаю...

— Мне очень жаль вас, дорогая, уважаемая Реторта! — прошептала Кукки.

— Благодарю! Но мой профессор достоин большего сожаления. Он ведь без меня теперь как без рук. Бед-

няжка! Представляю его горе. Я даже не знаю, как он будет работать, выполнять Семилетку. Вы, конечно, знаете, что такое Семилетка?

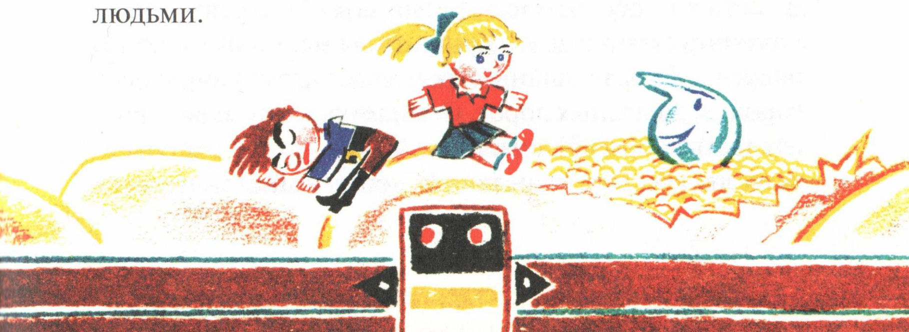
— Мне кажется, — смутилась Кукки, — что это могучая волшебница! И у нее семь рук, семь ног и семь голов. Не смейтесь надо мною, я ведь совсем недавно путешествую и многое, конечно, еще не могу понять.

— Дзинь-дзинь-дзинь! — залилась дребезжащим стеклянным смехом Реторта. — Какая вы забавная, милочка! Семь рук, семь ног, семь голов. Давно я уже так не смеялась, давно!

Нет, у Семилетки не семь рук. У нее тысячи и тысячи рук! Миллионы рук. Человеческих и металлических.

У Семилетки миллионы ног: колеса машин, поездов, автомобилей. И все это двигается, работает и дни, и ночи.

Но сама Семилетка — это не волшебница и даже не живое существо. Семилетка — это план, созданный людьми.

Вы знаете, что такое план?

— Ах, — покраснела Кукки, — я такая еще молодая... Но мой умный братец, конечно, мог бы ответить на ваш вопрос. Кук, скажи уважаемой Реторте, что такое план.

Кук поспешно закрыл глаза и притворился спящим.

— Заснул! — вздохнула Кукки. — Но если бы он не спал, он бы объяснил все-все.

— Пусть спит! — сказала Реторта. — Думаю, я и сама сумею объяснить вам, что такое план.

И вот о чем рассказала Реторта.

— План есть у каждого человека. У большого и у маленького. Без плана ни один человек не живет на свете. Проснется он утром, и сразу же у него в голове появляется план. «Вот, — думает он, — сейчас я встану, оденусь, умоюсь, поем и пойду гулять». Что задумал человек сделать, — это и есть план. Бывает план на один день, на лето, на всю жизнь. Планы бывают у разных людей разными, но может быть один план для всех людей. Задумали, например, люди построить детский сад. С чего им начинать работу? Конечно, с плана. Надо записать в плане, сколько купить кирпичей, досок, стекла для окон, когда начать строить и кого пригласить для стройки. Ведь одни люди умеют складывать из кирпичей дома, другие делают полы и потолки. Стекольщики вставляют стекла. Нужно записать в план, сколько понадобится денег, чтобы заплатить всем за работу. Кого пригласить на работу сначала и кого потом. Нельзя же договариваться со стекольщиками, если еще стены детского сада не сложены! Вот в плане и записано все, что нужно для строительства, с чего начинать стройку и что привезти на машинах в первую очередь. Бывают планы строительства заводов, целых городов, железных дорог. Семилетка — это план строительства хорошей счастливой жизни для всех советских людей. Это план нашей советской страны, всех

советских людей. И по этому плану люди строят заводы, фабрики, школы, железные дороги, выращивают хлеб, разводят коров, свиней, птиц. И все это для того, чтобы люди жили хорошо, чтобы у всех были хорошие квартиры, одежда, обувь, конфеты, игрушки, фрукты, чтобы было все, без чего нельзя жить.

— Я не совсем понимаю, зачем нужен людям такой план? — сказала Кукки. — Разве у людей ничего нет сейчас?

— Многое у них, конечно, есть, милочка. Но они хотят иметь всего этого еще больше, а потому строят фабрики, заводы, добывают уголь, плавят чугун, прокладывают железные дороги, строят дома и целые города. И вот все, что они, наметили сделать для хорошей жизни, люди решили сделать за семь лет.

— А что такое семь лет?

— Это значит, что семь раз будет лето, семь раз зима, семь раз весна и семь раз осень. У тебя сколько пальцев на руке? Пять? Прибавь к ним еще от другой руки два, и тогда ты получишь семь. Хоть пальцев, хоть лет.

— Благодарю вас, уважаемая, высокоученая, драгоценная Реторта! — поблагодарила Кукки свою собеседницу. — Я, конечно, еще так мала, так мала, что всего мне не понять, кажется. Но я теперь знаю, что Семилетка — это не волшебница с семью головами, а план. Очень хороший. Очень нужный людям. Очень полезный. Особенно полезен, так я думаю, этот план для детей.

— О, да ты умница! — звякнула Реторта. — Это хорошо, что ты поняла самое главное. Правильно! Для детей Семилетний план принесет много приятного, и когда они подрастут, у них будет очень-преочень даже интересная жизнь.

— Как хорошо! — улыбнулась Кукки. — Они настоящие счастливчики. Им, значит, можно ничего не

делать, сидеть и ждать, когда Семилетка создаст им Интересную жизнь.

Реторта засмеялась:

— Ну, милочка, если они будут только сидеть и ждать — ничего хорошего они не дождутся. Ведь по Семилетнему плану строят очень много машин, а что же будут делать с этими машинами ребята, если они не станут хорошо учиться, чтобы управлять ими? И, кроме того, я думаю...

Но что думала уважаемая Реторта, Кукки не удалось узнать, потому что поезд уже остановился и на платформе появился широкоплечий парень. Присев на корточки, он запустил руки в удобрение и, пересыпая его, сказал улыбаясь:

— Отличное удобрение привезли нам!

Но тут парень увидел уважаемую Реторту и Кука с Кукки.

— А это что такое? — удивился он. — Реторта? И почти совсем новая! Да она еще нам пригодится! — и сунул Реторту в карман. — А это что? Ну, этих вон!

Он выпрямился, посмотрел по сторонам и, размахнувшись, кинул Кука и Кукки вверх с такой силою, что, описав в воздухе петлю, они очутились на крыше железнодорожной водокачки.

7

— Спокойствие! — сказал Кук, приземляясь после полета на крыше. — Кажется, у нас тут новая пересадка!

— Это другой поезд, Кук? — спросила Кукки, оглядываясь. — Где мы?

И вдруг железный голос произнес рядом:

— Хотите знать, малыши, где находитесь? Вы находитесь на крыше водокачки! Тут вам

будет неплохо. Место высотное. И соседи хорошие: веселые облака, птицы и звезды, а днем — солнышко да ветер.

— Простите, — вежливо сказала Кукки, — а кто же вы будете сами? Мы слышим ваш голос, но вас почему-то не видим.

— Я слишком велик, чтобы вы могли видеть меня всего. Но протяните руки, и вы можете дотронуться до кончика моего пальца. Я — Подъемный Кран! Вот сейчас я помогаю людям сгружать товары Семилетки.

С крыши водокачки железнодорожные пути были видны как на ладони. По стальным дорогам проносились поезда с металлом, кирпичом, рыбой, машинами, станками, сахаром, с лесом, конфетами, молоком, с книгами, игрушками.

Посмотри, как бегут поезда на картинке!

Им нужно перевезти очень, очень много разных грузов и с каждым годом придется перевозить все больше и больше. Они мчатся по великой советской стране, стараясь поспеть всюду ко времени.

Вагоны и платформы, груженные до отказа, проносятся по земле твоего папы, по земле твоей мамы. По нашей земле. По твоей земле.

Да, эта земля твоя. Красивая, добрая земля. А через семь лет она будет еще лучше, потому что для этого работают сейчас и папа, и мама, и все люди советской страны.

Твоей страны!

— Скажите, уважаемый Кран, — обратился Кук к новому знакомому, — а тут бывают интересные приключения?

— О, сколько угодно! — прогудел Подъемный Кран. — Да и сейчас вот-вот начнутся приключения.

— Эх, люблю! — хлопнул Кук по лакированным сапогам.

— Но я надеюсь, — прошептала Кукки, — это будут не очень опасные приключения?

— Ну, — сказал Подъемный Кран, — разное тут бывает. Однако мы начнем! Внимание! — и, развернув по воздуху длинную стальную руку, схватил с платформы огромный ящик, вот этот самый, что ты видишь на картинке.

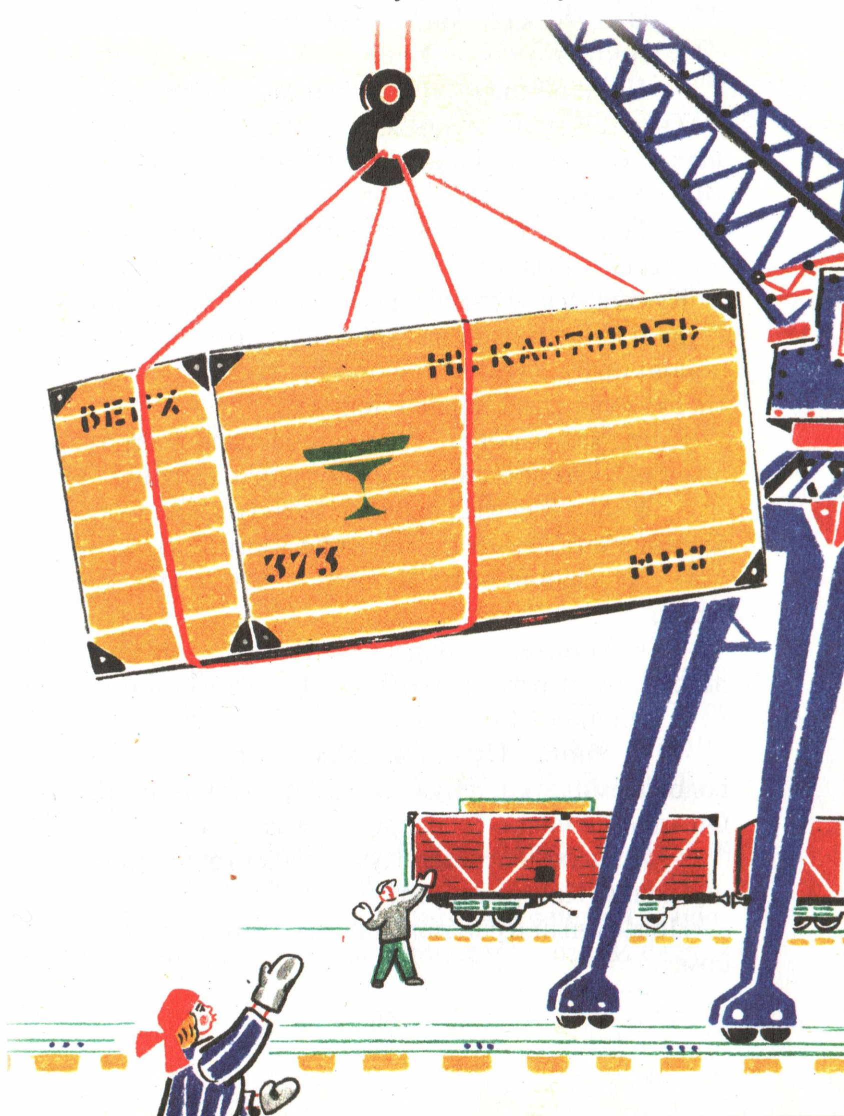
— Позвольте, помогу, — кинулся Кук на помощь Подъемному Крану. — Работа немножко знакомая. Вчера вместе с Башенным Краном я строил дома. И у нас это здорово получалось. Правда, немного помогал нам Иван Трофимович... Простите, уважаемый Подъемный Кран, а где же ваш Иван Трофимович? Или вы один работаете?

— Я-то? Зачем один? Мы с Наташею грузим. Взгляни-ка вниз! Видишь девушку в красном платочке? Это — моя Наташа!

— Вижу! Курносая! Ну, ничего, не всем же иметь красивый нос! — И Кук любовно потер свой нос-картошку. — Однако, — спохватился он, — не будем терять зря времени. Ну, взялись! Раз, два! Пошла, пошла!

Огромная махина, описав круг над платформой, проплыла по воздуху и мягко опустилась на землю.

— Какой ты сильный! — удивилась Кукки.

— Ну, ничего особенного! — скромно сказал Кук. — Да тут большой силы и не надо. Главное — сноровка! И нужно только вовремя крикнуть — гоп!

— Но что это за штука? Кого это высадили из поезда?

Подъемный Кран кашлянул так, что в нем загудели все болты и гайки, заскрипели стальные тросы, крякнули натужно шестерни.

— Это, — сказал он, — турбина.

— А что это такое, Кук?

— Ну, турбина и турбина! Не мешай работать!

Ты уже догадываешься, конечно, что Кук и сам не знал, что такое турбина, но разве мог он честно сказать: «Я не знаю».

— Гоп! — крикнул Кук, и второй ящик с турбиной поплыл по воздуху.

Кук сначала держался за Подъемный Кран, который трудолюбиво выгружал турбины, а потом стал только покрикивать: «Гоп! Гоп! Гоп!» да разводить руками то вверх, то вниз, то вправо, то влево.

Когда же, наконец, платформы были разгружены, он упал в изнеможении, вытянул ноги, раскинул руки.

— У-уф, — сказал он, тяжело отдуваясь, — крепко мы поработали с Подъемным Краном. Я даже охрип.

— Да, славно потрудились, — сказал Подъемный Кран.

— Извините, — покраснела Кукки, — не могли бы вы сказать, что это за турбины? Кому нужны они? Откуда они приехали?

— Турбины? Ну что ж, скажу! Они приехали с заводов Семилетки, а нужны электрическим станциям. Они днем и ночью беспрерывно делают электричество.

— А, знаю! — сказал Кук. — Электричество — это лампочка. Которая горит.

Подъемный Кран помахал в воздухе стальным тросом.

— Ну, это не совсем верно. Не берусь рассказать об электричестве подробно. Скажу лишь одно. Вот у людей есть кровь, которая заставляет их ходить, бегать, работать, плавать, прыгать, играть, смеяться. А у нас, у машин, нет крови. Нас двигает электричество. Это вроде как бы наша кровь.

— Ну, а турбины? — напомнила Кукки.

— Семилетка для того и строит турбины, чтобы они делали для нас электричество.

— Ах, как интересно! — всплеснула Кукки руками. — Не могла бы я, простите, взглянуть хоть одним глазом, как это у них получается.

— Увы! — сказал Подъемный Кран. — Здесь турбины не работают. Но когда их поставят на электростанциях, вот тогда они с помощью воды и начнут делать электричество и днем и ночью, не отдыхая ни минуты.

Несколько дней пробыли Кук и Кукки на крыше водокачки, но жизнь здесь показалась Куку не очень интересной. Он стал скучать, жаловаться на Подъемный Кран.

— Ты замечаешь Кукки, — шептал он сестренке на ухо, — этот Подъемный Кран почти ничего теперь не делает! А я работаю, как лошадь, и за себя и за него. Просто выбился из сил. Нет, нам пора уже уходить отсюда.

— Ах, Кук, тогда не пойти ли нам посмотреть, как делается электрическая кровь!

Кукки поговорила с Подъемным Краном. Он обещал помочь при первом же удобном случае. И случай

такой представился в тот же день. К вечеру за турбинами приехали автомашины. Подъемный Кран начал погрузку, покрякивая от натуги и покашливая.

— Го-го-го, — шепнул он Куку и Кукки, — давайте-ка, малыши, я заодно и вас посажу к турбине. Только смотрите: сидеть тихо, не баловаться.

Кран посадил Кука и Кукки на ящик с турбиной, и машина двинулась от станции.

Видишь машину? Она ползет, словно черепаха, потому что совсем нелегко передвигать такую тяжесть. Ну и турбина эта, надо сказать, оказалась не только тяжелой, но и очень капризной. Всю дорогу она охала, всю дорогу жаловалась.

— Охти мне, осторожнее! — пыхтела она. — Совсем измучили. Как же работать я буду?

Машина тащила турбину надрываясь, а она сидела, как барыня, кряхтела да охала.

И вдруг один из рабочих заметил Кука и Кукки.

— Братцы! — засмеялся он. — Смотрите, что за диво! То-то я думаю, почему так тяжело машинам. А ведь это же все из-за лишнего груза.

Кук выпрямился и заявил важно:

— Мы — знаменитые путешественники. Лично я — Гроза морских чудовищ, но когда у меня бывает свободное время, я помогаю разным кранам! Башенным и Подъемным!

Но рабочий не понимал языка игрушек. Он взял Кука и Кукки и под общий смех других рабочих поставил их посреди дороги.

— Вот стойте тут! — сказал он. — Стойте и командуйте движением.

Все засмеялись и побежали догонять турбину. А Кукки и Кук остались на большой дороге. Одни!

— Опять пересадка! — вздохнула Кукки.

Кук посмотрел на сестренку, потрогал нос и произнес задумчиво:

— Кажется, — сказал он, — меня назначили начальником дороги.

— А почему?

— Странный вопрос! — пожал плечами Кук. — Разве ты не слышала, как я сказал, что они имеют дело с Грозой морских чудовищ? Вот потому и назначили меня охранять дорогу... Но что это, Кукки? — показал он рукой на маленькую елочку в стороне от дороги. — Не кокосовая ли это пальма? Ну-ка, пойдем посмотрим, как растут кокосы?

— А это уже дальняя страна?

— По-моему, дальше уж и ехать некуда! — сказал Кук. — Мы так давно путешествуем, что наверняка приехали в самую дальнюю страну. Пойдем посмотрим!

8

Наши путешественники свернули с дороги и зашагали по вспаханному полю к одинокой маленькой елочке на пригорке. Но лишь только стали подходить к ней, как со всех сторон послышались радостные, светлые голоса:

— Добрый день, Гроза чудовищ!

— Добрый день, Благородная путешественница!

Кукки так удивилась, что раскрыла рот.

— Кто это, Кук?

Кук повел головой вправо, потом влево, но кругом лежала только перепаханная черная земля. Это было просто удивительно.

— Эй, — крикнул Кук, — кто приветствует нас? Где вы прячетесь?

И светлые голоса ответили радостно:

— Мы здесь! Мы — в земле! Мы не прячемся, мы лежим и потихоньку растворяемся.

— Ничего не понимаю, — рассердился Кук. — Кто вы? Почему лежите в земле, для чего растворяетесь, объясните толком. Я ничего не понимаю.

— Ах, — зашумели голоса вокруг. — Да мы же — Удобрение. Неужели вы забыли нас? Мы так приятно провели с вами время в дороге. Помните?

Кук важно кивнул головой:

— Да, да! Я помню! Но что вы тут делаете?

— Как что? Наше дело лежать в земле и растворяться.

— И это вам нравится?

— Очень, очень нравится! Когда растворимся, мы войдем в пшеницу, в рожь, ячмень, в кукурузу и заставим их дать хороший, отличный урожай.

— Хорошо! — сказал Кук. — Лежите и растворяйтесь. Не возражаю. Хотя я не совсем понимаю, почему вы лежите, когда можно ходить и на каждом шагу встречать интересные приключения.

— Ах! — прошептали из земли крупинки и комочки. — Мы же не такие храбрые, как вы и ваша сестра.

— Ну, я-то не очень люблю приключения, — сказала Кукки.

— Это правда, — подтвердил Кук, — она изрядная трусиха. Но, до свидания, уважаемое Удобрение. Нам надо спешить. — И Кук с сестренкой зашагали по полю навстречу новым приключениям. А они как будто только и поджидали их.

Прямо на отважных путешественников из-за пригорка выползло ужасное страшилище.

— Ой, Кук, — завизжала Кукки, прячась за спину братца, — опять нападают! Спаси меня!

Но Кук просто остолбенел, просто одеревенел от ужаса. Таких чудовищ ему не приходилось встречать. Он хотел было бежать, но где спрячешься в поле? Да и не так просто было бежать, когда в него вцепилась сестренка. Кук только замахал руками на чудовище.

— А ну, прочь! — крикнул он дрожащим голосом, — Вот я тебя! В поррр-р-рошок изотр-р-р-у! Тр-р-р-ронь! Попр-р-рро-буй! Тр-р- р-ронь!

Но ты видишь, на кого кричит Кук? И ты смеешься, конечно. Да и в самом деле смешно! Трусишка Кук кричит с перепугу на самый обыкновенный трактор.

А трактор надвигается все ближе и ближе. Но тут трактористка заметила Кука и Кукки. Она свернула в сторону, чтобы не раздавить отважных путешественников, и проехала мимо.

— Ага! — лязгнул зубами Кук. — Испугалось! Удия раешь!

— Не трогай его! — умоляюще сказала Кукки.

— Ну нет! — расхрабрился Кук. — Я ему покажу!

Трактор остановился. Трактористка спрыгнула на землю, взяла в руки Кука и Кукки и обрадовалась:

— Ой, какие миленькие, какие славненькие! То-то мои ребята обрадуются, когда я подарю им этих куколок! — И она посадила путешественников на трактор.

— Сидите! — сказала трактористка. — Поедем домой! Познакомлю вас с моими малышами.

— Она что-то говорит, — сказала Кукки, прислушиваясь к словам трактористки.

Но шум трактора заглушал слова, поэтому Кук почти ничего не понял, но неудобно же ему было признаться в этом, и он сказал важно:

— Просит отпустить! Говорит, больше не тронет нас.

— Чудовище испугалось тебя? Да, Кук?

— Еще бы, — засмеялся храбрец, — ведь я же взял его в плен! Неужели ты не видишь? Странно! Сидишь верхом на покоренном мною чудовище и ничего не понимаешь. Эх ты!

— А что ты с ним собираешься делать?

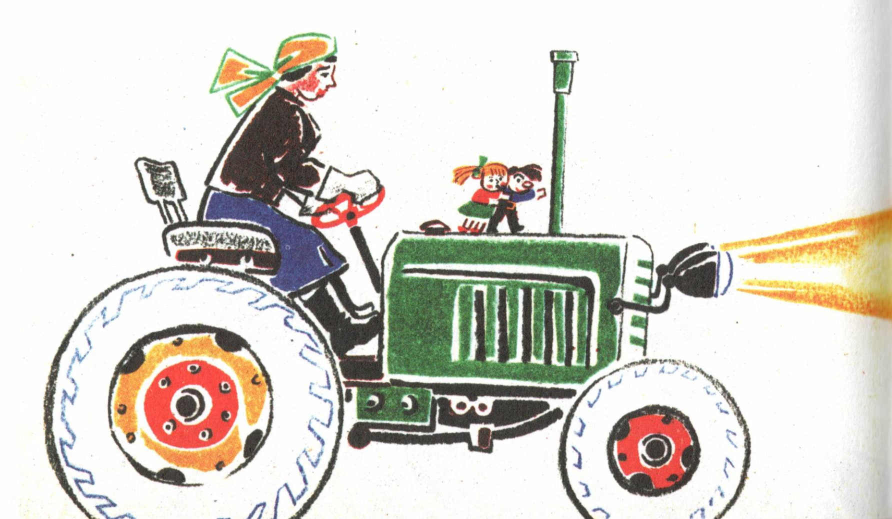
— Еще и сам не знаю! Подумаю! Может быть, отпущу на волю, а может быть, буду путешествовать на нем.

А пока он думал, трактористка пришла домой и подарила Кука и Кукки своим славным краснощеким ребятам. Это были мальчик и девочка. Галочка и Толик.

Галочка стала нянчить Кука и Кукки, приговаривая:

— Бай, бай! Баю-бай! Я вам кашки сварю, молочком напою!

— Дай-ка мне их! — сказал Толик. — Я сделаю из них два чижика! Будем в чижик играть!

— Как не стыдно, — сказала Галочка, — мало тебе палок для чижиков. Такие красивые куколки, а ты хочешь изрезать их на чижики.

— Кто красивые? — засмеялся Толик. — Смотри, какой нос. Давай я ему хоть нос построгаю!

Кук так и замер от страха!

— Я не позволю! — закричал он.

Но ребята не понимали языка кукол. Галочка сказала:

— Это будут наши дети! Мы станем учить их, а когда они вырастут — разрешим им работать на тракторе.

Она подняла с земли палку и протянула ее Толику:

— Вот, можешь сделать чижик из этой палки.

Кук, конечно, не знал, что такое чижики, но когда Толик начал строгать палку ножом, он понял, от какой беды спасла его и Кукки добрая Галочка.

— Ужасно противный мальчишка! — сказал Кук. — Не понимаю, зачем только появляются на свет такие безобразники.

— Но девочка, кажется, очень добрая! — сказала Кукки.

— Может быть, может быть! — проворчал Кук. — Но вообще-то надо удирать отсюда! Никаких хороших приключений тут, пожалуй, не предвидится.

Но удрать теперь было не так просто. Да и Кукки не хотела расставаться со своей новой приятельницей, с Галочкой.

Славная девочка сшила для Кукки одно красивое платье из красного шелка, другое из мягкого бархата,

третье из настоящего капрона с золотыми лентами, а ножки Кукки обула в новые туфельки.

Однако опасения Кука были не напрасны. Толик и в самом деле решил сделать из него чижик. Мальчишке показалось, что это будет самый красивый чижик во всем колхозе.

И вот как-то раз, когда Галочка ушла, Толик вытащил из игрушечной кроватки Кука и Кукки и помчался с ними подальше от дома, чтобы в укромном местечке превратить Кука и Кукки в чижики.

— Вот я сейчас, сейчас, — бормотал Толик, прижимая путешественников к груди, — сейчас я сделаю вам ножичком чик-чик, и вы будете самыми знаменитыми чижиками.

— Я не хочу, — кричал Кук, — пусти меня! Не хочу быть знаменитым!

— Я не понимаю, Кук, — сказала Кукки. — Ты все время искал приключений, а теперь, когда попал в самое интересное приключение, кричишь и хнычешь.

— Какое же это приключение?

— По-моему, это будет самое удивительное приключение. С превращениями!

— Ты называешь это приключением, когда собираются отрезать у меня красивый нос, затесать руки и ноги. Спасибо тебе за такие приключения!

— Но ты же превратишься в чижик!

— Не хочу я ни в кого превращаться, — захныкал Кук.

Толик прибежал к обрывистому берегу, осмотрелся: не видит ли его кто, а потом положил Кука и Кукки на траву и вытащил из кармана большой острый нож.

— Пропали, — заревел Кук во весь голос. — О, если бы я знал, чем кончится путешествие, никогда бы не ушел с витрины! О, мой нос! Прощай, мой нос! Прощай, Кукки!

Кукки встала на колени и протянула ручки к Толику.

— Пощадите! — прошептала она. — Мой братец такой хороший, такой храбрый, и он так любит путешествовать. Сделайте чижик из меня, а его отпустите.

— Нет, нет! — закричал Кук. — Я совсем не такой хороший, Кукки. Ты думала, я спасал тебя от смерти, а на самом деле я... я... я... Пусть он сделает из меня чижик, а ты должна жить. Слушайте, добрый, славный, сладкий мальчик, — обратился Кук к Толику, — не превращайте мою сестренку в чижик! Отпустите ее!

А Толик внимания не обращал на Кука и Кукки.

Он сидел, поджав ноги, и старательно точил нож о камень. Каждый, кто делает чижики, отлично знает, почему нож должен быть очень острым. Нож так и ходил о камень взад и вперед, взад и вперед: «Вжик, вжик! Вжик, вжик!»

А бравый Кук катался по земле, размазывая по лицу слезы и громко рыдая. Кукки сначала утешала братца, но когда поняла, что его уже ничем не утешить, прошептала:

— Разве горю помогают слезы? Надо что-то делать! Но что? Надо бы посоветоваться. Но с кем?

— Со мною! — прохрипел вдруг рядом задыхающийся голос.

— Ой, кто это?

— Это я! — хрипло отозвался тот же голос. — Башмак Толика! Взгляни на его ноги.

Кукки посмотрела на ноги Толика и увидела на его правой ноге башмак. Башмак не то усмехался, не то собирался кусаться.

— Ах! — сказала Кукки. — Вы что-то хотели посоветовать нам!

— И посоветовать и помочь! Пусть твой братец-плакса перестанет хныкать. Терпеть не могу плакс. Не плакать надо, а головой работать. Я спасу вас!

— Да? — обрадовался Кук, поспешно вытирая слезы. — А как?

— Вот так, — сказал Башмак и столкнул Кука и Кукки с обрыва в реку.

— Ой, что я наделал! — вскочил Толик. — Ну зачем я положил их так близко к обрыву?

Он побежал вдоль берега, но спуститься с него к воде было трудно, да и бесполезно. Сильное течение подхватило Кука и Кукки и помчало с такой быстротой, что скоро скрылись из виду и Толик и обрывистый берег, на котором он стоял.

— Где он? — закричал Кук, когда увидел, что опасность миновала. — Держи меня, Кукки, я сейчас сделаю из него...

Но, увидев глаза Кукки и ее укоризненную улыбку, пробормотал:

— Да, да, сейчас сделаю... Что сделаю? А сделаю, конечно, компресс на голову. Я уже заметил, что стоит мне чуть-чуть помочить голову, как она разбухает и в ней появляются очень интересные мысли...

Помолчав немного, он сказал:

— Все хорошо, что хорошо кончается! И знаешь, Кукки, мне надоели уже опасные приключения. Пожалуй, теперь нам можно путешествовать просто так... Без приключений.

9

Но разве какое-нибудь путешествие обходится без приключений?

Река несла и несла наших путешественников, и за каждым поворотом реки их поджидали опасные и забавные приключения. Но Кук и Кукки проплывали мимо, и приключения оставались для других путешественников. И так все складывалось, быть может, потому, что для Кука и Кукки было приготовлено самое удивительное приключение у песчаной отмели, где стояла на берегу красивая машина «Волга», а ее пассажиры купались в реке.

Лишь только Кук и Кукки подплыли ближе, как молодые веселые голоса купающихся закричали:

— Смотрите! Кто-то плывет!

И тотчас же наперерез отважным путешественникам поплыли наперегонки веселые люди.

Первым настиг Кука и Кукки человек с такой же черной бородой, как лакированные сапоги храбреца.

— Кажется, я спас от смерти двух утопающих! — захохотал бородатый.

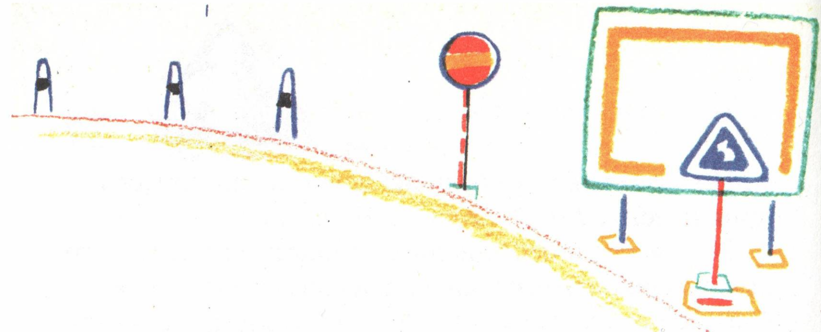
С шутками и смехом все вылезли из воды, оделись и сели в машину.

— Славно покупались! — сказал бородатый. — Поехали, товарищи! Нам надо успеть к запуску ракеты. Вперед!

Кука и Кукки посадили у ветрового стекла, и «Волга» помчалась с такой быстротой, что перед глазами замелькали, сливаясь, и поля, и телеграфные столбы, и деревья.

— Фьюрлить! — свистнул Кук. — На такой машине я готов ехать, пока она не остановится.

«Волга» скоро свернула с дороги и помчалась по огромному полю, а тут, посреди поля, стояла высокая башня, а может быть, труба, и только верхний конец

у нее был выструган, как у чижика. Вокруг этого странного чижика толпились люди. По-видимому, здесь происходило что-то необыкновенное.

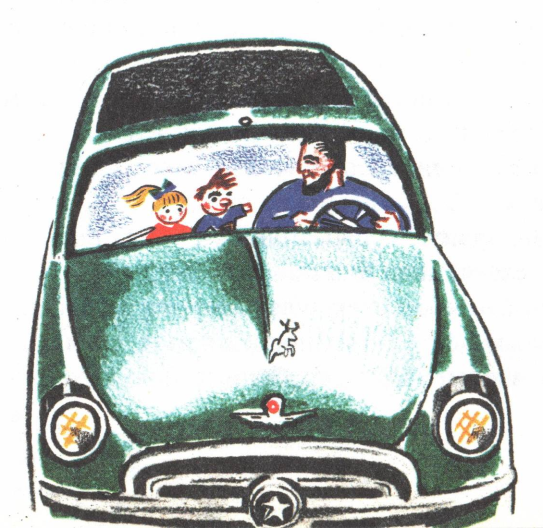
«Волга» остановилась. Бородатый схватил Кука и Кукки и закричал весело:

— А вот и два космонавта! Смотрите, какой у него космический нос! Специально для полетов к звездам и планетам. Нет, в самом деле, товарищи, почему бы не отправить их хотя бы на Марс? Если на Марсе есть люди, они с удовольствием посмотрят на такого молодца. Это же межпланетный красавец!

Все засмеялись, а человек в больших роговых очках взял Кука и Кукки и сказал:

— Что за прелестные игрушки! Подарите-ка их мне! Для моей внучки!

— Дарю! — закричал бородатый. — Дарю, профессор! Берите! Но с условием: вместо этих красавцев полетит ваша внучка.

Профессор улыбнулся.

— Что ж, — сказал он, — когда подрастет — непременно полетит! Уже и сейчас моя внучка спрашивает все время — скоро ли мы построим для нее ракету?

Профессор положил Кука и Кукки в карман, поправил очки на носу и спросил:

— Ну? Готова ли ракета к полету?

Но, стоп, стоп, стоп!

А ты-то знаешь, что такое космическая ракета?

Не знаешь?

Тогда посмотри на нее!

Художник для того и нарисовал на этой странице космическую ракету, чтобы ты мог познакомиться с ней и чтоб тебе было видно, кто летит с ракетой. Художник нарочно оставил открытыми маленькие окошки ракеты, поэтому ты можешь рассматривать пассажиров хоть весь день.

Взгляни на этих двух собачек.

Они летят на Луну и ужасно волнуются.

Почему волнуются, ты хочешь знать?

Ну, как тебе сказать? Возможно, потому, что с ними не летит художник, и собачки не знают, кто же нарисует их, когда они высадятся на Луне, а может быть, потому, что не привыкли путешествовать.

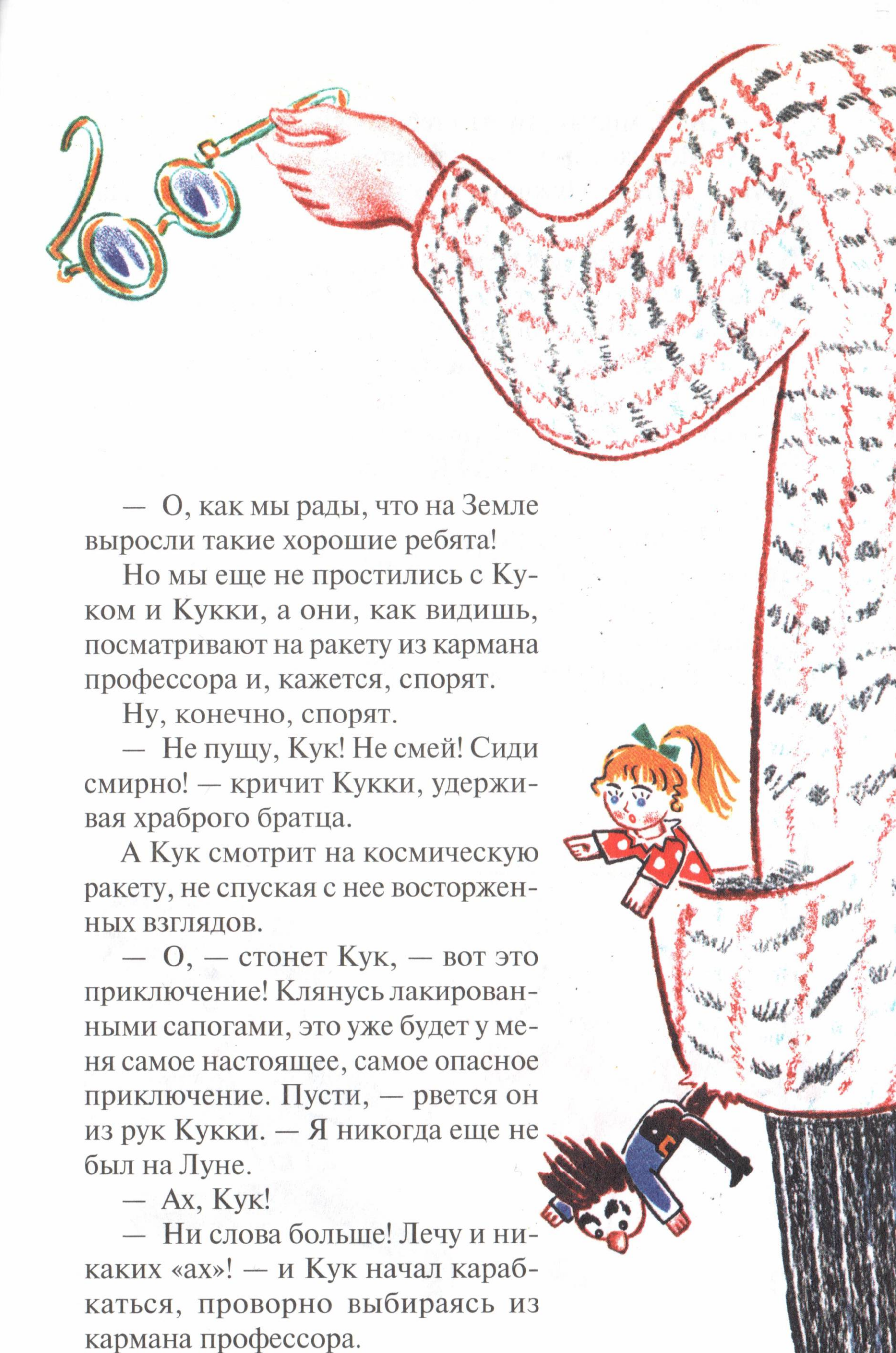
Неизвестно. Никто не знает.

Но собачки напрасно волнуются. Вместе с ними отправятся на Луну и люди. А уж ты-то непременно побываешь там. Для тебя и для твоих друзей Семилетка давно строит небесные корабли, и как только ты подрастешь, могучая сила рявкнет: «Пф-фар-р-к!» — и ты помчишься в небо быстрее молнии.

Но все-таки ты запомни, как выглядят собачки, и на всякий случай познакомься с ними.

Когда ты прилетишь на Луну, они уже не залают на тебя, не укусят, а подойдут, понюхают, повиляют хвостиками и скажут по-своему, по-собачьи:

— О, как мы рады, что на Земле выросли такие хорошие ребята!

Но мы еще не простились с Куком и Кукки, а они, как видишь, посматривают на ракету из кармана профессора и, кажется, спорят.

Ну, конечно, спорят.

— Не пущу, Кук! Не смей! Сиди смирно! — кричит Кукки, удерживая храброго братца.

А Кук смотрит на космическую ракету, не спуская с нее восторженных взглядов.

— О, — стонет Кук, — вот это приключение! Клянусь лакированными сапогами, это уже будет у меня самое настоящее, самое опасное приключение. Пусти, — рвется он из рук Кукки. — Я никогда еще не был на Луне.

— Ах, Кук!

— Ни слова больше! Лечу и никаких «ах»! — и Кук начал карабкаться, проворно выбираясь из кармана профессора.

— Кук, милый, ну что тебе нужно на Луне?

— Молча-а-а-ать! — страшным голосом крикнул Кук. — Кто я? Мужчина или трусливая девчонка? Даешь Луну!

Он уже выбрался из кармана и приготовился прыгнуть на землю, но тут профессор опустил руку и осадил нашего храбреца, засунув его в карман поглубже.

— Фьюрлить! — свистнул Кук, найдя дырочку в кармане профессора. — Вот неплохая дверь. За мной, Кукки! — и нырнул головой вниз.

— Ах, — вскрикнула Кукки, падая с братцем на землю.

— Вперед! — закричал Кук. — Нас ждут еще такие приключения, каких ни одна Луна не увидит!

И Кук помчался вперед, увлекая за собою сестренку и весело посвистывая:

— Фьюрлить! Фьюрлить! Фьюрлить!

Грустные
и смешные
истории
о маленьких
людях

Юрка

I

Юрке девять лет, и хотя такой возраст очень даже неприличный для сознательного пионера, но в этом Юрка совсем не виноват.

Во-первых, Юрку никто не спрашивал, когда он хочет родиться, а во-вторых, он знал доподлинно, что слезами горю не поможешь.

Эту обиду он носил в своем сердце так, как и надлежит сознательному пионеру: молча и не жалуясь.

Правда, временами обида становилась нестерпимо острой и колючей, — что чаще всего случалось по субботним вечерам, когда отец начинал рассказывать после ужина о годах гражданской войны, о битвах и походах — вместе с Красной Армией — в степях Кубани и Дона, — тогда Юрка завистливо глядел в отцовский рот и думал с досадой:

«Ну, ах как задается этот отец... Ах, как он отчаянно хвастает!..» — и, презрительно шмыгая носом, вставлял небрежно:

— Гм... жаль, что я в ту пору был еще непригодным для борьбы... Право, жаль!.. Мне думается, парочку генеральских полков мне удалось бы разогнать... Как ты думаешь?..

Отец на это ничего не отвечает, — он улыбается, смотрит с каким-то особенным вниманием поверх Юркиной головы в угол, где точно лев с седою гривой висит мудрый Маркс, и левой рукой треплет Кадета — серую дворняжку, допущенную в комнаты за прежние заслуги в Красной Армии.

У Кадета пробито правое ухо, уничтожен при помощи кипятка когда-то пушистый хвост, а все собачье лукавство вселилось в левое око, ввиду совершенного отсутствия в надлежащем месте правого глаза.

Кадет любит вспоминать эпоху гражданской войны, но, не имея природных данных передать свои впечатления и воспоминания общепринятым способом, Кадет имеет привычку вспоминать прошлое изумительно тонким визгом.

Подобные собачьи излияния отец называет:

— Мемуары* Кадета.

И, представьте, какая-то облезлая собака с откушенным хвостом и всяческими недостатками имеет собственные мемуары о великих боях, а он — Юрка — даже во сне ничего такого не видел.

Ну, уж большей обиды для своего пионерского сердца Юрка никак не мог представить, а потому ходил по дому с сильно потревоженной душой.

Порою покой Юрки мутила завлекательная книга «Красные дьяволята», в которой описывались удивительные приключения двух подростков, геройски сражавшихся с врагами рабочих.

После чтения «Красных дьяволят» Юрка с мрачной решимостью спускался во двор и открывал партизанские действия против Жоржиков и Сержей — сыновей торговцев, считая их — на законных основаниях — злейшей белогвардейщиной.

---

* Мемуары — воспоминания.

Он загонял их за мусорный ящик и молча бил «контрреволюцию» по носу, пока из ноздрей не показывалась густая краска, а совершив правосудие, исчезал с быстротой партизанского отряда.

Временами Юркина душа просила великого исхода. В эти дни он собирал войска, разбивал их на красных и белых и открывал во дворе самые решительные сражения, покрывая неувядаемой славой оружие красных «героев».

Правда, «белые» упорно не хотели признавать себя белыми, но это им помогало очень мало — Юрка истреблял «белых» беспощадно, не считаясь с дипломатическими увертками «врагов», истреблял так ревностно, что после сражений на поле битвы оставались только раненые и побитые; брать в плен Юрка считал ниже своего достоинства.

Выбранный общим собранием «славных буденновцев» на должность командарма всеми вооруженными силами жилкоопа «Надежда», Юрка, присвоив себе фамилию — Юрий Железняк, командовал всеми партизанскими силами двора с присущей Юрке доблестью и в битвах не щадил своего носа и жизни.

Были и огорчения у Юрия Железняка.

— Ну сами подумайте, разве не станет больно на душе, когда самые «настоящие белые» — Жоржики и Сержи отказываются принимать участие в великих сражениях классов?

Жоржики и Сержи очень хорошо знали, как пахнет порох, а потому исчезали со двора задолго до открытия военных действий.

А жаль! Это были бы самые добросовестные белые.

Отказываясь от открытых действий, они вели против Юрки самую гнусную агитацию, подрывая его авторитет, как командарма, на каждом шагу.

— Юрка, дрянная фигурка! — кричали они, подпрыгивая на одной ножке и показывая командарму чрезвычайно оскорбительный язык.

А так как Юрка обладал революционной и смелой душой, то он не мог спокойно отнестись к этому проявлению «контрреволюции» и искоренял зло самым добросовестным образом.

Однажды, во время последнего и решительного боя под лестницей, Юрка почувствовал, как чьи-то сильные руки подняли его и понесли вверх по лестнице. Оглянувшись, он увидел добродушное лицо отца и глаза, полные укоризны и упрека:

— Э, парень, так нельзя... Где ж это видано, чтобы сознательный пионер занимался дракой... Ишь, гусь какой...

Юрка здорово-таки сконфузился, но все-таки попытался сохранить чистоту своих позиций дипломатической фразой:

— Да-а... А если они нэпы, так, по-твоему выходит, их нельзя истреблять?..

— Чудак ты! — улыбнулся отец. — Однако не смей больше драться... Нехорошо так..

Юрка нахмурился и, взглянув на своего малосознательного отца, буркнул недовольно:

— Ладно!..

II

В комнатах летом невыносимо скучно.

Солнце целыми днями лежит ленивыми, дымящимися полосами на белом полу и переливается пыльной радугой.

От солнца пол становится горячим, и в комнатах к полудню густо, качается духота.

Мать с утра бренчит на кухне посудой и нехотя поругивается с бабушкой, а перед скучающими глазами

Юрки бьется о стекло глупая муха и наполняет комнату противным жужжаньем.

Юрке она ужасно надоела; он берет муху двумя пальцами и кидает с удовлетворением в серебристые сети паука.

— Пусть паучок подкормится, — беззвучно шепчет Юрка и чувствует, что мухи ему совсем не жалко, а вот — ни столечко...

Не считая вполне удобным для себя присутствовать у паука на завтраке без приглашения, Юрка тихонько качает головой, отходит к окну и задумывается...

Ну, вот — удивительно, как странно устроена жизнь. Взять хотя бы Юрку к примеру: активист, стопроцентный общественник, не любитель сидеть сложа руки и самый что ни на есть пионер из пионеров, вынужден капитулировать перед летним бездельем и задавать себе тоскливые вопросы:

— Что делать?.. Куда б пойти?.. Что бы это устроить?..

Ах, как скучно Юрке!.. Ах, как скучно...

А главное — и дома нечего делать.

Портреты царской семьи, что хранит у себя бабушка в сундуке, — давно уже замазаны мучным клейстером, косточки «ерусалимских великомучеников» заменены двумя костями неизвестного барана, и за старенькой ризой вместо иконы чудотворного Николы давным-давно красуется портрет славного казака — Кузьмы Крючкова.

Когда бабушка бьет земные поклоны перед «святителем» Крючковым, Юрка осторожно просовывает в дверную щель свой пионерский нос и с любопытством следит за бабушкой и за Крючковым, и Юрке кажется, что Кузьма дергает разудало усом и подмигивает бабушке поочередно то одним, то другим казацким глазом.

Перед обедом Юрка решает смастерить книжную полку и, не откладывая решения в долгий ящик, приносит из кухни топор, из сарая доски, а с чердака длинные и невероятно ржавые гвозди.

Шум юркинских работ привлекает не в меру любопытную бабушку в комнату, где тотчас же разряжается атмосфера и воздух наливается бабушкиным гневом.

— Фу ты, неугомонный, — сердится бабушка, — ну, и чего это ты новое баловство в комнате придумал?.. Чего, спрашивается?.. Сор разводить по комнате?..

А Юрка улыбается презрительно:

— Вообще вы, товарищ бабушка, зря волнуетесь... Мне нужна книжная полка, вот я и делаю...

— Выкину! Все равно выкину, — угрожает бабушка, — не допущу сору в доме!.. Слышишь, ты?

— Эх, бабушка, товарищ бабушка, — качает Юрка укоризненно головой, — совсем вы, как погляжу я, — отсталый элемент... Жаль мне вас, очень жаль, но...

— Я вот тебе покажу, как старших себя элементом называть, — ворчит бабушка, — погоди, придет отец-то, он тебе вспорет твой элемент... будешь ты бабушку ругать...

— Отсталая вы женщина, — отмахивается Юрка, — здесь, можно сказать, человек целый день трудится над хозяйственным строительством, а вы такую бюрократию разводите!

Вечером отец подсаживается к Юрке и справляется озабоченно:

— Как дела-то у тебя?

Юрка жмет плечами:

— Ясно, что хорошо... Полочку вот делаю!

— Гм... А без полочки нельзя обойтись?

— Как же это без полочки? — удивляется Юрка. — А книги-то куда же класть?

Отец думает, кряхтит, морщит лоб и со вздохом произносит:

— А может, купим готовую?

— Не надо, — отмахивается Юрка, — я сам — своею собственной рукой устрою...

— Ну, ну, — встает отец, — делай как знаешь... Бабушка там что-то на тебя жалуется! Ты смотри, Юрка... Все-таки, как-никак, а старуха она...

Юрка досадливо морщит лоб:

— Уж очень несознательная она; совсем отсталое поколение!

— Ну, ну, — смеется отец, — а как ты ругал ее?

— Да я ее и не ругал вовсе... Я сказал, что она есть отсталый элемент; а если она не хочет быть несознательной, пусть запишется в женотдел...

III

Шел дождь.

Юрка лежал на подоконнике и с большим интересом наблюдал, как лопаются водяные пузыри, выскакивающие белыми — выкаченными — глазами мути на поверхности луж.

Интересное занятие, по всем признакам, обещало затянуться на весьма продолжительное время, если бы внимательный Юркин глаз не заприметил у водосточной трубы оборванного малыша, который очень смешно подпрыгивал на своих коротеньких ножках и, выбивая зубами лихорадку, свирепо дул в посиневшие руки, сложенные перед носом в жалкую горсточку.

— Эй, что ты делаешь? — окликнул его Юрка.

Малыш приподнял голову вверх и высунул было до половины свой язык (в виде ответа или по другим причинам — неизвестно), но, очевидно раздумав, тотчас же втянул его обратно и, щелкнув зубами, прохрипел жалобно:

— Мопсом меня звать... Беспризорник я...

— Мопсом? — удивился Юрка. — Разве ты собака, что так зовешься?

— Это — по-уличному так, а в общем — Колькой кличут... Колькой Киселевым... Не слыхал, наверно?.. Да где ж тебе слыхать! Ты мне вот что скажи — по душе только: папиросы, нет ли папироски у тебя? С утра не курил сегодня!..

Юрка удивленно открыл рот и полез пальцем в нос.

— Ты, значит, куришь по-настоящему?.. Такой маленький, да ведь это же вредно... Очень вредно... Ты не кури, слышишь?.. Мальчикам нельзя курить!

— Холодно — вот и курим, — сказал Мопс, — и вообще согревает оно мозгу человеческую, и в грудях от него теплеет, дым-то: горячий он... Наберешь его в грудь и — держишь... Хо-ро-шо!

Мопс щелкнул зубами и деловито осведомился:

— А насчет шамовки? Не имеется случайно? Хлебца там или еще чего?

— Надо у бабушки спросить, — сказал Юрка и, взглянув на Мопса, подмигнул ему левым глазом, — ух, смешная.

— Кто? — поинтересовался Мопс.

— А бабушка... Да ты лезь сюда, — пригласил Юрка Мопса, — давай-ка руку... Гимнастику знаешь?.. Ну?..

Мопс нерешительно подошел к открытому окну, потоптался на месте и, не обращая никакого внимания на протянутую руку Юркиной помощи, погрузился в глубокое размышление.

— Ну же, — нетерпеливо крикнул Юрка, — лезь, быстро!

— А...

— Два... Говорят лезь, — значит... Вот несознательность... тоже... Лезь, — торопил Юрка, — ну и тяжелый же ты, — делился он впечатлениями, втаскивая Мопса за руку в комнату.

— Это ботинки мамкины, покойницы... Ботинки чижелые, — оправдывался Мопс...

...Прошло не более пяти минут, а Мопс уже расположился в комнате и уплетал за обе щеки принесенный Юркой хлеб с хрустящими, вкусными шкварками.

— Ты себе ешь... Не стесняйся! — потчевал радушно Юрко. Мало будет, еще принесу...

— Хватит... Мы непривычные, чтобы помногу... От больших кусков кишка может лопнуть...

— Какая?

— А гузеная, какая ж еще?.. Ты про кишку не слыхал, поди?.. Видишь ты, а у человека есть она — кишка, значит... Пищу пропустить наскрозь иль для других надобностей... а только есть!

— А желудок?

— Нету... Кишка только есть в человеке...

Начался спор.

Беседа приняла настолько оживленный характер, что бабушкины любопытные уши, желая узнать, с кем это спорит Юрка, пришли в комнату.

— Что это?.. Батюшки-светы, да никак... это что за новость? Откуда ты? Что тебе тут надо?

— Я... я... Мопс! — забормотал испуганно Мопс и вскочил на ноги, приготовляясь в крайнем случае смазать хорошенько лыжи.

— Тьфу ты, — плюнула бабушка, — и в кого только такой самоправный мальчишка родился... Зачем ты его впустил сюда?

Юрка с сожалением посмотрел на бабушку и степенно ответил ей:

— Вы не волнуйтесь, бабушка, это беспризорный. То есть раньше был беспризорным, а теперь он останется жить со мной!

Все это было сказано с непоколебимой твердостью и достаточной внушительностью.

— Что?

Бабушка сделала такие глаза, которые менее всего нравились Юрке, и, кашляя и перхая, закричала хрипло:

— Вон!.. Вон... Сейчас же вон... Да ты что это? Ты с ума сошел?

— Ничуть...

— Для беспризорных дома есть, для них...

— Это для других, а для Мопса найдется у нас место и все равно — темно уж и гроза начинается!

Действительно, — в летних сумерках плавало тяжелое дыхание близкой грозы, а редкие вспышки молнии оголяли мрак до синевы.

— Уходи... Уходи, — кричала бабушка, наступая на Мопса, — поел и — хватит! Пошел, пошел! Нечего тут!

— Бабушка, — завизжал Юрка, — я ему дал честное пионерское слово, что он останется...

— Тьфу! Тьфу ты, озорной мальчишка... Да ты это что? Ты в своем доме, чтобы так распоряжаться?

— Мопс останется со мной! — сказал Юрка твердо, схватив за рукав беспризорного.

— Твой Мопс не останется здесь, — покраснела бабушка и, схватив скалку, направилась с решительным видом в сторону Мопса.

— Не бойся! — крикнул Юрка, но Мопс обнаружил постыдную неустойчивость и, не ожидая бабушки, выскочил в окно.

Мимо окон пошла гроза с шумным ливнем и ветром.

— Ой, — вскрикнул Юрка, бросаясь к окну, — как же мое слово?.. Мо-о-о-о-опс!

Вместо ответа в оконные стекла хлестнул косой ливень.

— Мо-о-о-опс!

— Закрой окно, баловник! — крикнула бабушка, но Юрка, вместо того чтобы закрыть окно, еще шире распахнул ставни, вскочил на подоконник, прыгнул из окна под проливные потоки дождя и побежал в темь, оглашая воздух криками.

— Мо-о-о-опс! — вспыхнуло где-то далеко и влево, но было уже трудно разобрать: Юркин это голос иль нет...

Голос потонул в громовых раскатах грозы и в шуме обильного дождя...

. . . .

Когда Юрка начал выздоравливать, за окнами уже шевелились — под суровым дыханьем декабрьских ветров — белые сугробы зимы и в комнате было светло по-особенному — по-зимнему, декабрьскому.

С того времени, как Юрка и Колька были найдены Кадетом — оба плачущие и продрогшие — у стены кирпичного завода, утекло много воды. Мопс определенно к лучшему изменил свой вид, а пионерский галстук придавал его фигуре некоторую, так сказать, значительность.

— Пионером уже? — спросил Юрка слабым голосом, кладя поверх одеяла свои тонкие, прозрачно-белые руки.

Мопс утвердительно кивнул головой:

— Уже!.. Четыре дня, как утвердили!

— Верно! — подтвердил отец, ероша волосы.

Юрка улыбнулся и спросил отца:

— Похудел я?

— Ты-то?.. Гм, — отец неловко закрутил бегающими пальцами клок светлой бороды, замигал как-то странно глазами и, поглядев сбоку на длинное, вытянувшееся тело Юрки, попытался улыбнуться.

— Чудак ты, Юрка... Гм... Гм... Право чудак!.. Вон и Кадет подтвердит!.. Верно, Кадет?

Кадет слабо вильнул хвостом и виновато лизнул Юркину руку — мы, дескать, ни при чем.

— Пошел, пошел, — замахала бабушка руками и вдруг неизвестно почему начала сморкаться усиленно и всхлипывать: — Господи боже... Матерь пречестная богородица...

— Чего вы, бабушка?

— Да ведь из-за меня... Из-за меня все это... Я виновата... Я, старая карга, чуть было не уморила тебя.. Прости ты меня, Юрочка!..

— Не сержусь я на вас, — вздохнул Юрка, — а вот ни на столечко не сержусь! — и, посмотрев в потолок, добавил: — Мне даже жалко вас... Вы вот целый год вместо своего бога — Кузьме Крючкову молились... Вы его уберите, бабушка... Уж так и быть — молитесь по-своему... Мне безразлично...

Бабушка вздохнула и заплакала:

— Господи, опять бредит...

На этот раз бабушка ошиблась, а Юрка, не имея силы разубеждать ее, повернулся лицом к стене и заснул крепким сном выздоравливающего.

Разиньженер

Взрослых людей Гришка не особенно крепко любит, считая их фигурантами и кривляками, способными лишь на то, чтобы воображать о себе.

Все они смотрят на Гришку свысока, с оскорбительным высокомерием и разговаривают с ним чрезвычайно редко, а если уж и начнут говорить, то похоже, будто они одолжение делают своими невыносимо глупыми беседами, а некоторые еще противно сюсюкать начинают при этом:

— Ты холосый мальсик? Да? Лузье хоцис?

Фу, как они надоели Гришке.

«И для чего только живут на земле эти взрослые? — размышлял Гришка, вставляя в нос для устойчивости указательный палец. — Курят, хохочут, за обедом много едят и много выпивают пива, а иногда пьют и еще что-то, чего Гришка (по независящим от него обстоятельствам) никак еще не мог попробовать».

Но больше всех Гришка презирает дядю Сашу, которого называют почему-то женихом.

Что такое жених, Гришка еще не знает, но он твердо уверен в глупости этого слова.

Жених?

— Ха, как глупо!

Этот дядя Саша, несмотря на свой высокий рост и наличие огромной бороды, только то и делает, что целуется с Гришкиной старшей сестрой, точно у него нет другого занятия — более интересного и полезного для общества.

— Подумаешь, как это остроумно... Целоваться?!

И с кем? С его старшей сестрой — ужасной мещанкой и отсталой женщиной, пудрящей себе по пять раз в день нос и шею.

Правда, Гришка не очень редко забирался к ней в комнату для уничтожения пудры, но за такие вещи она щиплется до синяков и выкручивает до боли честные пионерские уши.

Пришлось махнуть на пудру рукой и ограничиваться лишь подсыпанием в нее толченого стекла и муки.

Одно время Гришка засел за солидный и научный труд, думая написать популярным языком небольшую брошюру на тему: «Как взрослый в кратчайший срок может сделаться сознательным пионером», но с первых же шагов писательской деятельности ему пришлось столкнуться с непреодолимым препятствием: он никак не мог написать «кратчайший», получалось что угодно, но только не нужное слово.

По вопросу о несерьезности и легкомыслии старшего поколения он чаще всего отводил душу с младшей сестренкой — Линей, с особой вполне серьезной и солидной, имеющей — по мнению матери — уже около шести лет от роду.

— Ах, как они меня раздражают! — вздыхал Гришка, жалуясь Лини на свою жизнь, усыпанную тернием. — Пойми, этот толстый тип Брусков садится вчера передо мною на корточки и сюсюкает... Знаешь, как они могут глупо проделывать это?

— И не говори! — вздыхает Лини.

— Ты — говорит — хоциз цакаладку полусить? Это мне-то? Пионеру с 1925 года?

— Ты его осадил, конечно? — посмотрела на него вопросительно Лини.

— О, можешь не сомневаться!.. Я вытащил из кармана ключ от нашей библиотечки, сунул ему под нос и, передразнивая его, спросил сюсюкая так же, как он:

«А вы, мозет, клюциком поиглаетесь пока?»

— Ну, и что же он? — подняла вопросительно брови Лини.

Гришка передернул досадливо плечами:

— Как ты наивна!? Конечно, он не понял!

* * *

Вечером Гришка брал Лини за руки и говорил:

— Знаешь, что?.. Идем побродим, отдохнем немного от болтовни старших!

— Хорошо, — соглашалась Лини, — мне, пожалуй, тоже необходимо проветриться... Сегодня у меня ужасно болит голова от их дурацких споров!..

Они быстро одевались и незаметно ускользали из поля зрения больших, оставляя иногда короткую записочку:

«Придем вечером».

В этих двух словах Гришка ухитрялся сделать восемь ошибок, что его, впрочем, ничуть не смущало.

* * *

На улицах жизнь казалась Гришке несравненно интереснее, чем дома.

Здесь можно было постоять у витрины «Юный ленинец» и поделиться своими соображениями, что он — Гришка — намерен приобрести в недалеком будущем и что могла бы купить себе Лини.

— Как ты думаешь, Лини, этот барабан прочный?

Лини задумывалась и после некоторого размышления отвечала:

— Мне думается, он прочный! Ты хочешь купить его?

— Гм... как сказать? Конечно, я приобрету его, но только — не теперь... После когда-нибудь!

А когда в улицы скатывались с крыш темно-синие сумерки, они шли на площадь к ВУЦИКу послушать последние радионовости и усладить слух свой радиоконцертом.

Мощный громкоговоритель выбрасывал с силою в толпы стоящих людей политические новости, говорил с хрипом о последних событиях в Европе, случившихся час тому назад, после чего начинался радиоконцерт.

Сегодня же внимание Гришки привлек фельетон о каком-то неизвестном Ползикове, который устроил радиоприемник у себя на дому и, не желая уплачивать радионалог, был превращен в радиозайца.

— Как ты думаешь, Лини? — спросил Гришка. — Могли бы мы устроить такой радиоприемник в нашей квартире?

— Мне думается, могли бы!

Гришка задумался.

Думал весь вечер, весь другой день и весь тот день, что шел за «другим», а после трехдневного обдумывания радиомысли решил посоветоваться с отцом.

— Вот что, — сказал Гришка, ухватившись цепко за отцовскую пуговицу на синей блузе, — я должен установить в квартире радиоприемник!

— Это бесповоротно? — спросил отец.

— Окончательно... И, пожалуйста, не делай такого глупого лица — мне это совсем не нравится... Завтра я приступаю к работе, и ты должен помочь мне!..

— А... а ты знаешь, как построить приемник?

— Ерунда, — фыркнул Гришка, — завтра ровно в шесть и ни на минуту позже ты принесешь мне руководство «Как самому построить радио»... Только чтобы без глупостей, чтобы — ровно в шесть!

— Позволь, но как же мне...

— Я занят, — оборвал Гришка отца, — через три минуты я делаю на собрании доклад!

Гришка махнул рукой и быстро скрылся в дверях.

* * *

Через пару недель Гришкина кровать была превращена в крупный завод радиостроительства.

Из-под кровати выглядывали батареи, мотки проволоки, на кровати лежали аккумуляторы, электрические лампочки, фарфоровые изоляторы, радиожурналы, ролики и другие радиопредметы.

Гришка целыми днями возился на полу: резал проволоку, плющил молотком какие-то металлические части и своей работой наполнял весь дом.

— Брось ты дурить, ради бога, — увещевала мать, — все равно ведь ничего не выйдет!..

А Гришка только улыбается на эти слова:

— Вообще я должен сказать — бога нет, это — раз, а два — это то, что вы не можете понять ничего в радио... Я только удивляюсь, почему я не мешаю вам молиться несуществующему богу, а вы мне мешаете производить полезное дело?.. Здесь завоевание техники...

— А ну тебя, — сердится мать, — делай что хочешь, хоть нос себе разбей... Ну и дети пошли теперь... Господи боже, — чистое мученье!

Недовольна была Гришкиной затеей и старшая сестра.

— Слышишь, ты, бандит? Ты перестанешь баловаться?

Гришка делает вид, будто не слышит, и шевелит губы оскорбительной для сестры усмешкой.

— Я тебе говорю или кому?

— Иди, пудри спину себе, — огрызается Гришка, не выдержав.

— Смотри, Гришка!?

— Нечего и смотреть тут!.. Не мешай, говорю... Ступай лучше во двор — там маляры крышу красят, может, и тебе для губ полведра дадут!..

Вечером отец смотрит с любопытством на работу Гришки и спрашивает:

— Ну, как продвигается дело-то твое?

— Хорошо! — весело улыбается Гришка. — Вот только насчет телефонной трубки... Надо бы, говорю, трубку купить!

— Гм... Следовательно, без трубки никак то есть нельзя обойтись?

— Никак... Потому трубка — очень важная вещь для радиоприемника, — наставляет Гришка отца.

Отец думает, кряхтит, морщит лоб и со вздохом произносит:

— Что ж... Видно, придется... купить трубку-то... так, значит... А тебе, часом, не нужно помочь?

— Не надо, — отмахивается Гришка, — я сам...

— Ну, ну, — встает отец, — твое дело... Гм... гм... А сестру зачем изводишь?

Гришка досадливо морщится:

— Мещанка она... Не терплю таких... ходит вся в пудре, намазанная... Смотреть тошно!

— Хо-хо-хо, — смеется отец, откидывая голову назад и краснея от смеха, — так, говоришь, смотреть тошно?

— Ясно — тошно!

— Чудак ты, Гришка, — улыбается отец, — я вот другим рос!.. Не знал я этого ничего.

— Ну, вот и плохо... Видишь, какая у тебя дочь выросла — пудреница!

* * *

Прошла еще неделя.

Гришка собрал свой аппарат, обтянул комнату проводами, оголенный конец провода за водопроводную трубу зацепил.

— И чего ты балуешься? — ворчит сестра.

— А, — хмурится Гришка, — какое здесь баловство, если я заземление делаю? Ты, пожалуйста, не выноси своих постановлений о радио, потому и ты в радио, как я вижу, совсем не разбираешься!

А однажды подозвал Гришка свою сестру-мещанку к аппарату, сложил руки на груди и сказал важно:

— Хочешь, я тебе силу радио покажу!

— Отвяжись!

— Нет, ты уж — пожалуйста... Сама же говорила — баловство, а теперь я могу тебе толк показать!

— Ну... Где он, толк-то?

— А вот... Возьми-ка в руки эту проволоку!

— Которую? — нагнулась сестра.

— А крайнюю... Во, во!

Сестра протянула руку к тонкой проволоке, высовывающейся из ящика, но тотчас же отдернула ее назад.

— Ай-й-й!.. Бандит, дурак, болван!.. Что ты здесь устроил?.. Убить нас хочешь?

— А ты не трогай, — сказал Гришка, — потому здесь заключается ток, а сегодня я пойду в домком и попрошу разрешения повесить антенну!

— Что?.. Что тут еще случилось? — вбежала на крик перепуганная мать.

Сестра, конечно, поторопилась наклязничать.

— А ну вас, — рассердился Гришка, — мне еще антенну нужно навесить.

— Тьфу ты, — плюнула мать, — и в кого только уродился такой озорной мальчишка?.. Видала я детей, а такого еще в первый раз вижу. И мы были детьми, слава богу, да только таких шалостей у нас что-то и не слыхать было... Да-а, что он тут собирается навесить?.. Как ты сказал, — ан... ан... ан...

Но Гришка сидел уже у преддомкома и вопроса матери не слышал.

— Что ж, это хорошее дело, — погладил бороду преддомкома, — только вот — будет ли действовать твой снаряд-то?

— Будет! — заверил Гришка.

— Гм... Будет, говоришь?.. И сегодня же?..

— Сегодня же будет... Главное — антенна, вот что!

— Так, так, — покрутил бородку преддомкома, — ну, что ж — пойдем, и я помогу, пока мне делать нечего!

— Как нечего? — подпрыгнул от изумления счетовод. — А ведомости проверять когда же?

— Что ведомости.. Тут — антенна, а он с ведомостями!.. Идем, парень!

Через полчаса бородатый преддомкома и взъерошенный Гришка лазили по гребню крыши, устанавливая антенну.

Гришка отчаянно ругался басом, сердился на нерасторопность преда, а пред потел, ползал на четвереньках по крыше, три раза хотел бросить «эту антенну» к черту и под конец установки порвал новые брюки со штрипкой о водосточную трубу.

* * *

Вечером квартира была переполнена до неприличия.

Все жильцы пришли посмотреть, что получилось из Гришкиной затеи.

Главбух Резинотреста принес граммофонную трубу и уверял Гришку, что всякий уважающий себя радист для усиления звуков пользуется трубою только главбуха, но Гришка отверг это предложение самым решительным образом.

— Спрячьте трубу, гражданин, и не толкайтесь, — заявил он тоном, не допускающим возражений, — во-первых, у меня есть картонный усилитель, а во-вторых — сейчас будет начало!

Пробило восемь часов.

В трубке что-то захрюкало, засипело.

— Простудилась бедняжка, — попробовал пошутить жилец из 4 номера.

Гришка бросился к аппарату, нацепил картонный рупор и крикнул взволнованно:

— Тише, товарищи... Начинается!

Все моментально притихли и, вытянув головы вперед, с любопытством взглянули в зияющую дыру картонного усилителя.

Рупор солидно откашлялся и сказал громко:

— Доклад о международном положении.

— Здорово!

— Ш-ш-ш-ш!

Хриплый голос кашлянул вторично и заговорил о Германии, о событиях в Китае, о происках Англии и о многом другом.

А после международного обозрения рупор начал говорить такие забавные вещи, что все покраснели от смеха, как вареная свекла, и хохотали, сотрясая маленькую квартиру, в течение развеселых десяти минут.

Водопроводчик Семен хлопнул восторженно своего соседа по плечу и крикнул сквозь смех:

— Ловко, черт!.. Ах, чтоб тебя разорвало!

— Ш-ш-ш-ш! — зашикали на него.

* * *

Два часа воробьиным взмахом мелькнули, а когда из рупора полилась музыка, то все сели на пол и, наклонив головы набок, слушали музыку, затаив дыханье.

— Хорошо, — шептал Семен своему соседу, — эх, хорошо... Вот, друг, как мы... И выходит теперь: лежи на кровати да слушай, какие тебе оперы разыгрывают... Хорошо ведь?.. А?

— Да уж чего лучше — ты лежишь, а воно соловьем заливается... Дело чистое, куда ни кинь!

Расходились неохотно; все ждали продолжения, но рупор молчал, и Гришка довел до всеобщего сведения о конце радиовечера и попросил граждан не мешать матери производить уборку и выйти из квартиры.

— Ишь, командует, — ворчала сестра, — смотри, что с полом устроили... Чистый хлев, право слово — хлев!

— И впрямь! — поддержал Семен. — Как же так, товарищи, выходит — и удовольствие мы получили и мусор после себя оставили?

Тогда на середину комнаты выступил преддомкома и заявил громогласно:

— Товарищи, я предлагаю: впредь до установки в каждой квартире своего радио производить уборку в этих комнатах по очереди.

— Дело!

— Факт!

— Да чего там? Согласны, — закричали все хором, — ...а самую установку произвести — поручить товарищу Грише, как опытному радиоинженеру, установившему в своей квартире первую в нашем доме, разрешите сказать, — радиостанцию!

— Согласны!

— Приветствуем!

— Ур-р-ра! — закричали жильцы и на радостях так качнули Гришку, что у него голова кругом пошла.

А ночью, когда опьяненный славой радиоинженер жилкоопа — товарищ Гриша засыпал, он слышал сквозь липкую дремоту ворчанье матери и смеющийся, добродушный голос отца:

— Оставь... Пусть ребенок развлекается... Чем царапаться ему с сестрою, пусть уж лучше до радиодела приспосабливается... Может, и действительно радио-

инженером будет... В меня пошел мальчишка... Я ведь тоже был в детстве дошлым парнем...

Потом голос отца потерял слова и превратился в гудение пропеллера.

Гришка упал в липкие, пушистые объятия сна, и тотчас же перед глазами его вырос огромный рупор, а оттуда густой голос прогудел громко и раздельно:

— Мо-лодец!

И поцеловал Гришку в лоб.

Первый арест

I

Поглядывая из окна мчащегося со скоростью 70 километров в час поезда, я перебирал в своей памяти проводы вчерашнего дня, такого далекого, туманного, обрызганного горечью соленых слез.

Вспомнил синие горные вечера, нежные эдельвейсы, которые рвал я с опасностью для жизни на горных чердаках Швейцарии, и маленький домик с черепичной крышей, где я провел свое детство. И в дымке воспоминаний моих встал мой старый отец, покрытый сединою, точно старый Монблан своими вечными снегами.

Отец держал свою корявую руку на моей голове и говорил мне голосом, дрожащим от слез:

— Сын мой, годы и работа подточили здоровье мое, и я чувствую, как с каждым днем убывают мои силы... А маленькие братья твои не хотят этого знать... Они с каждым днем просят все больше и больше хлеба, сыра и картофеля... Они ужасно много едят теперь... Я даже не знаю, как нам быть дальше... Наш огород и наша корова уже не в состоянии удовлетворить их аппетиты... Это ты должен понять, сынок!.. И ты уже сам работник... Тебе, мой мальчик, уже 16 лет... А в твои годы — ого-о!.. В твои годы я начал вести самостоятельную жизнь, как и все... Да, да... Я еще и семье помогал тогда...

— Что ты хочешь, отец? — спросил я.

— Мне думается, — отвернулся он, — мне думается, ты мог бы проделать то же самое... Здесь, в этой маленькой Швейцарии, все поступают так... Ты не встретишь такой семьи, где не было бы половины членов ее в эмиграции... Бог мой, — улыбнулся отец, — не будь

Швейцарии, я не знаю, откуда бы брали европейские государства учителей, бонн и гувернанток...

Отец опустил голову и задумался.

— Но... куда я должен ехать? — спросил я, сдерживая на глазах невольно навернувшиеся слезы.

— Это ты сам решишь, но кто хочет счастья, тот должен ехать в большой город — так говорил мне отец мой, а твой дед...

— Хорошо, — сказал я, — завтра я поеду в Берлин... Это очень большой город, не правда ли?

— Да, это большой город; ты можешь найти в нем свое счастье... А на дорогу я тебе дам столько, сколько я в состоянии буду дать.

— Хорошо! — вскричал я и, боясь расплакаться, выбежал из комнаты.

Мимо окон плывут отвесные каменные горы, уходящие под самые облака и пронизанные стремительно сбегающими вниз бесчисленными ручьями.

Это каскады, потоки, целые реки.

Они бурлят, пенятся и, рассыпаясь по зеленой долине, орошают ее серебряными лентами.

Утро ясное, свежее, росистое, такое, какое возможно видеть лишь в Швейцарии.

Из окна вагона видны внизу дома, задернутые легким и прозрачным туманом, вверху по уступам лежит потемневший снег...

Сосновый лес мелькает в окнах темной зубчатой стеной, и вниз, цепляясь за его ветви, ползут клубящиеся облака.

Чудно хороша эта дикая, чуть суровая природа.

Реки не просто текут, а бешено низвергаются; горы стоят дыбом; сено сушат на кольях; ручьев такое множество, точно там за хребтом этих каменных утесов хранятся неистощимые резервуары.

Иногда, на головокружительной высоте, мелькнет крохотная часовня, — окно, выдолбленное в стене,

или водруженный крест рядом с избушкой на курьих ножках.

По долине непрерывной чередой тянутся небольшие деревни с белыми домиками, с киркой в центре и с башенкой, которая неизменно украшена часами.

Деревни так часты, что башенки как будто смотрят одна на другую, сообщая друг другу деревенские новости, проверяя часы.

Иногда поезд подходит к ним очень близко, и тогда можно сосчитать колокола на прозрачной колокольне, можно даже разглядеть знаки циферблата.

Перекинутые через реки мосты дрожат под тяжестью вагонов, и во многих местах полотно до такой степени узко, что кажется, будто поезд несется над пропастью в воздушном пространстве. Не знаешь, куда смотреть, — вверху, над головой, нависшие скалы, а внизу бездонные пропасти, с гор — бешеные потоки.

Но человек привыкает ко всему: и тут по горам пасутся стада, из труб поднимается дым, смешиваясь с облаками, а кое-где сверкают косы...

Я ощупываю в кармане свой капитал в сумме 5000 марок (что составляет по курсу не более и не менее, как 4 доллара), прижимаю свой паспорт с драгоценною визой ближе к сердцу и погружаюсь в размышления.

Постепенно мысли мои начинают путаться, и я погружаюсь в глубокий сон.

Ночью разбудили, проверили паспорт, внимательно и долго смотрели на визу и ушли так же молча, как и вошли.

Я повернулся на другой бок и заснул крепким сном шестнадцатилетнего парня.

II

Когда я проснулся, я увидел, что поезд несется уже по немецким землям.

Высунув голову в окно, я с жадностью присматривался к местности, вглядываясь с любопытством в горизонты, где, по моим соображениям, вскорости должен был показаться Берлин.

Я долго торчал в окне, и перед глазами моими непрерывной вереницей тянулись местечки, селения, замки, города.

Необъятный полукруг видимого горизонта ни разу не оставался пустынным.

То и дело на горизонте показываются купола, кресты и колокольни.

Из-за колоколен выплывают густым лесом фабричные трубы, нагроможденные уступами красные или серые стены, крутые черепичные крыши, да одна, много две кирки на целый город поднимают к небу свои похожие на башенки колокольни.

Порою город подходит так близко, что можно рассмотреть все архитектурные детали его домов, но это продолжается недолго: поезд поворачивает — и город уходит в сизую мглу, точно тонет, погружаясь в недра земли, а на его месте вырастает точно такой же другой город с точно такими же стенами, башнями и крутыми чешуйчатыми крышами.

А вот наконец — поляна...

Она обведена проволокой, и за проволокой прогуливается с лопатой худой немец, одетый в скомканную шляпу и стоптанные башмаки.

«Наверное, картошку достает», — подумал я и тотчас же невольно вспомнил об оставленном доме.

Глаза наполнились слезами, и сердце окунулось в холодок щемящей тоски...

Я потихоньку отодвинулся в угол и начал отчаянно плакать, стараясь скрыть носовым платком свои слезы от других пассажиров, равнодушно поглядывающих по сторонам.

Наш поезд останавливается только на больших станциях, там, где есть буфеты; мимо маленьких он проносится вихрем, переходя с большой быстротой со стрелки на стрелку.

Я начал уже дремать, как вдруг кто-то сказал отрывисто:

— Берлин!

Пассажиры засуетились, начали снимать с полок чемоданы, стараясь затянуть их туже багажными ремнями.

Но мне не нужно было волноваться, мой багаж лежал у меня на коленях, и потому я бросился к окну посмотреть на раскинувшийся перед глазами Берлин.

Поезд шел по высокой насыпи, и скрытый в сизом тумане город подходил с каждой минутой все ближе: надвигалось что-то серое, громадное и мрачное, как каменная туча.

Еще минута, и я увидел целую массу нагроможденных строений; стены лезли на стены, крыши поднимались над крышами.

И вдруг город подошел совсем близко, поезд очутился в черте строений и помчался над крышами, балконами, над тротуарами и мостовыми.

Нагроможденные стены раздвигались, стали видны рестораны с открытыми террасами, круглые столики с большими кружками пива, эстрады с музыкантами, пюпитры с разложенными нотами.

Ближе к центру города дома были высокие, угрюмые, заслоняющие крышами соседние здания и стены, и узкие улицы сверху казались каналами. Крышам и трубам, казалось, не было конца.

Ангальтер! Веселый берлинский ангальтер. Вот он — берлинский вокзал.

Поезд остановился под высоким стеклянным навесом, в ярком свете громадных электрических фонарей, разгоняющих полумрак серого берлинского утра.

Стеклянный дебаркадер быстро наполняется пассажирами, прибывающими каждые пять минут из Мюнхена, Бромберга, Кенигсберга, из Рура и с восточных границ.

Пассажиров встречают родные, знакомые и просто любопытные. Раздаются поцелуи, возгласы, смех, торопливые крики, и на мгновенье весь этот хаос звуков покрывается пронзительным свистом паровоза.

Меня никто не встречал, и, глядя на радостные встречи, я почувствовал свое одиночество особенно остро...

Трегеры*, которых во избежание толкотни в вагоны не пускают, подхватывали на лету выбрасываемые им из окон вагонов вещи и, нагрузившись, как верблюды, с трудом проталкивались в двери вокзала, толкая встречных и обгоняя друг друга.

Упрекнув себя в излишнем ротозействе, я схватил свой мешок и, пробираясь сквозь густые толпы народа, вышел на площадь, прилегающую к вокзалу.

Шум, крик, рев автомобилей; грохот ревущего четырехмиллионным населением города оглушил меня и пригвоздил к асфальту.

Я тупо озирался по сторонам, долго глазел на вывески, пока глаза мои не остановились на огромном доме серого камня, с трехсаженными золотыми буквами:

ОТЕЛЬ «ЭКЦЕЛЬСИОР»

Дом давил своей величиною и угрюмым видом.

Здесь останавливаются богатые, мелькнуло у меня в голове, и, чтобы жить в этом отеле, нужно много, много денег... Нужно за одну ночь отдать весь мой капитал.

Я заметил, как многие пассажиры направились с чемоданами в руках в сторону отеля.

---

* Носильщики.

— Конечно, эти будут сегодня спать на прекрасных кроватях, а я?..

Вопрос довольно неприятный, черт возьми!

Я стоял и беспомощно размышлял:

«Ну-с... куда же идти теперь?.. Ах, что я тут буду делать в этом неприветливом городе?.. Впрочем — ерунда!.. Пока еще горевать не о чем... Я здоров, знаю недурно работу часового подмастерья, и, кроме того, я так силен, что мог бы продавать мускулы свои наравне со взрослыми рабочими... П-фе, зачем мне хоронить себя до смерти?..»

Ободренный немного, я молодецки подбросил свой легкий мешок на плечи и бодро зашагал к центру, в надежде найти счастье свое где-нибудь за углом этой шумной улицы.

Я свернул налево и попал на знаменитую берлинскую улицу — Унтер-ден-Линден — с роскошными дворцами, с превосходной мостовой берлинского асфальта, который справедливо считают лучше всякого паркета.

Огромные, многоэтажные дома с лепными украшениями, колонками, балюстрадами, с надписями и фигурами ослепляли своей красотой и красивыми сочетаниями узоров.

Всматриваясь в замечательную чистоту улицы, я никак не мог поверить, что совсем еще недавно этот город закончил большую изнурительную войну.

Я поравнялся с огромным, сказочно прекрасным зданием, перед которым на красивой площади и между таких же прекрасных зданий был разбит красивый сквер с целым ковром рассыпанных цветов. Посреди сквера возвышался фонтан, а вокруг него, среди пестрых клумб, целая толпа играющих детей.

— Чей это дом? — спросил я встречного.

— Бывшего императора...

— А этот?

— Идите вы к черту... Кронпринца!

«Удивительно невежливый немец», — подумал я, посматривая на дворец б. кронпринца, буквально утопающий в зелени и колоннадах. Огромные деревья растут на террасе так же просто, как в лесу; лезут в окна, переросли капители высоких колонн.

Плющ так разросся, что ему тесно даже во дворце; он свешивается гирляндами вниз, обвивает балюстраву, стену-крышу, ползет без удержу и вниз и вверх.

— Что это вы рот раскрыли? — крикнул чей-то раздраженный голос, и резкий удар в бок столкнул меня с тротуара.

— Болван... Нахал!.. — крикнул я, но толкнувший меня вряд ли слышал эти оскорбления, он уже пробирался далеко впереди.

Я наугад свернул направо и, кружа по улицам, старался знакомиться с городом, не останавливаясь на тротуарах.

Мое внимание прежде всего было привлечено этими громоздкими постройками.

Черт возьми, это какие-то пирамиды!

Почти во всех домах — окна, точно двери, двери, как ворота, а стены такой толщины, что мне оставалось только удивляться, как выдерживает земля такую тяжесть.

Переходя из одной улицы на другую, я вышел на огромнейшую Потсдамскую площадь, откуда радиусом расходятся берлинские улицы.

— Однако, — остановился я, — почему здесь так много полиции?..

— Почему так много полиции? — спросил я полного немца, остановившегося рядом со мной.

Немец подозрительно оглядел меня с головы до ног, презрительно прищурил глаза и, подняв воротник,

зашагал прочь, не удостаивая меня больше ни одним взглядом.

Такой ответ не мог удовлетворить меня.

— Может быть, это в порядке вещей, что у немцев полицейские участки расположены на площадях, однако, я готов биться на заклад, если здесь не произойдет чего-нибудь необычайного.

Такое обилие толстых шуцманов в зеленых шинелях и белых перчатках, торопливо перебегающих от одной группы к другой, сулило что-то весьма занимательное и интересное.

— Надо узнать...

Я втерся в толпу и, прислушиваясь к разговорам, тут же узнал о готовящейся манифестации фашистов в цирке и о том, что коммунисты решили этой манифестации не допустить.

В сущности, мне было все равно — чей будет верх, так как ни о фашистах, ни о коммунистах я никогда еще не слышал ничего хорошего, но, несмотря на это, мною целиком овладела мысль: допустят или нет коммунисты фашистскую манифестацию?

III

Вдруг площадь начала заполняться народом.

В разных концах зазвенели детские голоса.

— Листовки!..

— Где?..

— Эй, листовки!..

Мимо меня пронесся малыш лет семи с кучей листовок в грязных руках.

Малыш раздавал листовки всем проходящим и при этом выкрикивал звонко:

— Diktatura des Proletariats!*

— Стой... Стой, каналья!..

---

* Диктатура пролетариата.

Какой-то буржуа с седеющей бородкой схватил малыша за воротник и начал вырывать листовки.

— Брось... Брось, негодяй, — хрипел буржуа.

Однако за малыша вступились взрослые, и седому господину пришлось отпустить его.

Тем временем народ прибывал, вливаясь со всех улиц, точно в колоссальный резервуар человеческих тел; становилось тесно и душно.

Споры, крики и ругань вспыхивали вокруг меня поминутно.

Атмосфера накалялась.

Кто-то крикнул:

— Эй, коммунисты идут...

— Иду-у-ут!

— На Фридрихштрассе коммунисты!..

— Коммунисты идут...

— Десять тысяч...

— Ой, пусти-и-и-те!

— Десять тысяч!

Толпа хлынула вперед и, подхватив меня, выбросила на широкую улицу, заполненную толпами людей, одетых в синие рабочие блузы.

И над этой синеблузой процессией, шагающей густыми и плотными рядами, тихо качались красные знамена.

Впереди нестройными кучками бежали рабочие, они размахивали кепками и кричали возбужденно:

— Шляпы долой перед красными знаменами!

— Эй, шляпы долой!

Хорошо одетые буржуа, точно не слыша этих окриков, посматривали с усмешкой на процессию рабочих и о чем-то шептались между собой.

Тогда один из синеблузых подскочил к смеющимся с сжатыми кулаками, топнул ногой и крикнул злобно:

— Шляпы долой!

Господа выпустили ему в лицо сигарный дым и захохотали.

Рабочий крикнул что-то, размахнулся, ударом кулака сбил с господина шляпу и начал топтать ее ногами.

— Ах! — крикнул кто-то.

Буржуа с побледневшими лицами торопливо сдернули шляпы и начали бросать на асфальт дымящиеся окурки сигар.

Мне стало отчаянно весело, и я, невольно для самого себя, крикнул громко:

— Ах, молодец какой!

— Мерзавцы, — прохрипело у меня над ухом, — это называется вежливость по-русски!

— По-русски иль по-французски, а мы заставим вас уважать красные знамена! — запальчиво крикнул худой и высокий, стоящий рядом со мной на тротуаре.

— Не так скоро, — прохрипел толстяк.

— Посмотрим!

— Поезжайте смотреть в Россию, если вам нравится красный цвет!

— И поедем... Не ваше дело!

Толстяк негодующе мотнул головой и прохрипел, задыхаясь от злобы:

— Я удивляюсь, почему вы до сего времени не там?

— Мы ее здесь откроем... Слышите?.. Здесь — в Германии будет Россия! — крикнул худой и, грозно вращая глазами, кинул многозначительно:

— О, тогда мы с вами поговорим по-иному, мой добрый господин!

Толстяк побагровел, надулся и кинул:

— Скорее вы козла родите, чем это будет!

Поднялся невообразимый шум.

Худой кричал что-то и лез с кулаками к толстяку.

Началась свалка.

Я, воспользовавшись общей суматохой, поднял ногу и со всего размаха ударил альпийским носком по отвислому заду толстяка.

Потом и я что-то кричал и так же, как и все, размахивал руками, волнуясь за всех и больше всех.

Кто-то взял меня под руку и прошептал вкрадчиво:

— Господин, по вашему акценту я вижу, что вы иностранец! Не так ли?

— О, да, я только что приехал!

— Может быть, из России? — ласково спросил мой случайный знакомый.

— Совсем нет... Я приехал из Швейцарии!..

— Да, да — совершенно верно... «Совсем нет» — это выражение, конечно, швейцарцев... Вы где-нибудь уже остановились?

— Я... я еще не знаю... Мне, прежде всего, необходимо найти себе работу!

— Вот как? — обрадовался мой «знакомый». — В таком случае все очень хорошо... Сейчас мы пойдем ко мне... Вы переночуете у меня, а завтра получите хорошее место...

— Вот здорово, — не удержался я, — как хорошо, что мы встретились с вами... О, я буду очень прилежно работать...

— Хорошо, хорошо, — заторопился «добряк», — а пока что — идемте!

— Как я благодарен вам, — сказал я, — этой услуги никогда в жизни мне не забыть!

С этими словами я перекинул мешок через плечо и пошел за ним.

Мы вышли на красивую улицу.

— Как называется эта улица? — спросил я.

— Лейпцигештрассе, — ответил незнакомец, беспокойно посматривая по сторонам, — эта улица по

своей красоте может соперничать с Фридрихштрассе, а Фридрихштрассе самая красивая улица Берлина.

Я с любопытством осматривал огромнейшие витрины магазинов, богатство выставленных напоказ товаров и любовался роскошью, встающей за огромными зеркальными стеклами.

— Добрый день, господин комиссар! — вдруг проговорил мой спутник, останавливаясь.

Я поднял голову кверху.

Перед нами стоял высокий, плотный господин в штатском платье, из-за спины которого выглядывали квадратные физиономии краснощеких шуцманов.

— Где вы взяли этого урода? — спросил тот, кого мой спутник назвал комиссаром, и ткнул в мою сторону мясистый палец.

Мой спутник как-то странно подмигнул шуцманам и с хохотом проговорил:

— Это очень хороший мальчик, господин комиссар, и я хочу приютить его у себя!..

— Кто — ты? — спросил комиссар.

— Я... я...

— О, это вполне порядочный иностранец, — засуетился мой спутник, — а что касается его поведения, так он в этом, право, не виноват!

— Возьмите его, — сказал комиссар, — а вы, господин Шпекенштейн, зайдете в полицей-президиум через час и пятнадцать минут.

— Хорошо, господин комиссар... Но, право, лучше отпустите его, — он очень хороший мальчик!

Шуцманы засмеялись и, взяв меня за рукав, сказали: идем!

Подгоняемый в спину здоровеннейшими кулаками шуцманов, я двинулся вперед.

В полицей-президиуме меня втолкнули за решетку и ушли.

Я залился горькими слезами, но, вспомнив, что я еще ничего не ел, вытащил кусок сыра и хлеба и принялся за еду.

Слезы капали на хлеб и на сыр, и оттого обед мой был такой горький и соленый.

Вскорости привели еще партию людей, среди них я узнал того худого человека, который спорил с толстяком на Фридрихштрассе.

Держали нас до вечера. Потом пришел огромный шуцман и, поманив меня пальцем, сказал:

— Эй, иди-ка сюда... Это тебя Шпекенштейн арестовал?

— Да!

— Ну, так ступай за мной!

Я вздохнул и, взяв свой мешок, пошел по коридору за шуцманом.

Меня ввели в накуренную комнату, где сидело много полицейских и штатских, среди которых я узнал комиссара.

— А-а, большевистский шпион! — приветствовал он меня, потирая руки.

Я снял шляпу и молча поклонился ему.

— Смотрите, как он вежлив, этот азиат! — захохотал комиссар.

— Я не азиат, господин комиссар, моя национальность — латыш! — ответил я, вздыхая.

— Латыш? Ого!.. Знаю, знаю... Слышали и здесь... Если не ошибаюсь, латыши считаются самыми преданными войсками большевиков... Когда ты выехал из России?

— Я еще в России не был, я приехал в Берлин из Сант-Галлена.

— Зачем ты сюда приехал? Кого ты здесь имеешь?

— Я приехал искать работы, господин комиссар. Наша корова не может прокормить нашу семью, господин комиссар, и наш огород...

— Так ты хотел кормиться на большевистское золото, захотел попробовать молочка московской коровки?

Все захохотали.

— Обыскать его! — крикнул комиссар.

Несколько полицейских бросились ко мне, вырвали мой мешок и выбросили оттуда на пол сыр и хлеб.

Потом заставили вывернуть карманы и снять ботинки.

Вместе с моими долларами шуцманы вытянули из карманов тягчайшие грехи моего детства — рукописи со стихами.

— Что это? — спросил комиссар.

— Это... это, — замялся я.

Комиссар развернул мои бумаги, посмотрел на них внимательным взглядом, перелистнул несколько листков и, сделав удивительно глупое лицо, оглушительно захохотал:

— Ба! Большевик, оказывается, пишет стихи. Это уже становится интересным! Минутку внимания, господа!

Он отставил рукописи далеко вперед и, паясничая, начал читать:

О, голубые озера Швейцарии,
Почему вы такие печальные?
Отчего вы грустите всегда
И почему синие глаза ваши полны тоскою?
Может быть, оттого вы грустны,
Что в ваши волны текут слезы
Бедняков, имеющих одну корову
И маленький кусочек огорода,
Почему же богатые вечно веселы
И у них всего имеется вдоволь?

Это были ужасно плохие стихи, и, слушая их, я отчаянно краснел.

— Го-го-го! — задрожал полицей-президиум от смеха, а комиссар, разрывая мои рукописи, произнес сурово:

— Потому, что они работают, а не пишут таких глупых стихов и не разоряют свое отечество ежедневными бунтами... Покажи мне документы!

Я протянул ему свой паспорт.

Комиссар внимательно посмотрел на памятную бумажку, а потом, вскочив, закричал в негодовании:

— Маленький негодяй, ты сказал мне, что ты латыш, а здесь стоит «русский». Как ты смел обмануть меня?

— Я латыш по национальности, но в то же время русский по подданству!

— Ты большевик?

— Я... не знаю!

— Смотрите, какой маленький, а какой уже хитрый, — произнес один господин с седеющими бакенбардами, — и, заметьте, они все такие... Сколько ты уже расстрелял народу, змееныш? — обратился он ко мне.

— Я... я не знаю!

— Слышите? Он не знает! Он уже счет потерял?

Все снова захохотали.

Комиссар зевнул и сказал:

— Ну, довольно! Он уже начинает повторяться, а это чрезвычайно скучно!.. Ну-с, итак, мой прекрасный, талантливый поэт, завтра ты будешь направлен в свою разбойничью Россию... О, там, конечно, твое творчество оценят гораздо выше, чем мы могли это сделать... Но, — комиссар сделал снова глупое лицо и развел руками, — прости, пожалуйста, мы его совершенно не понимаем... Уберите его!

* * *

Вскоре я был высажен на польской границе, а польская дефензива* выбросила меня через несколько дней на русскую землю.

— Большевик? — спросил красноармеец.

— О, да, — ответил я твердо.

И вот я попал в маленький, тихий Харьков.

Но разве счастье находят только в больших городах?

Ах, отец, отец, ты, право, ошибся, послав меня за счастьем в ревущий Берлин.

---

* Охранка.

Делегация

Собрание отряда юных пионеров открылось ровно в 18 часов и 3 минуты по официальному времени.

Секретарь Энгель, прежде всего, основательно пробрал ребят за опоздание.

Ну, сами посудите: собрание было назначено на 18 час 2 мин, а Колька, Шайба и Владлен почему-то заставили собравшихся ожидать целую минуту.

Как хотите, а это уже чересчур...

И секретарь был вполне прав, когда он задал опоздавшим основательную головоломку.

Так им и надо.

Хотя, по совести сказать, Колька едва ли был виноват в опознании, и вообще этот Колька считал себя самым разнесчастным человеком в отряде.

Во-первых — имя!?

Ну, кто теперь из уважающих себя пионеров имеет такое пакостное название?

То ли дело — Ревмир, Октябрь, Зорька, Лени; да мало ли хороших имен?!

А тут — Колька?!

У-ди-вительно остроумно?!

Ясно, что с таким именем всегда приходится опаздывать.

Почему?

А очень просто — попробуйте-ка прийти на минуту раньше, если этот противный Ревмир всегда старается превратить свободную минуту в дразнилку.

За минуту до начала собрания вы обязательно услышите ехидное хихиканье этого несознательного пионера и разные оскорбительные словечки.

Во-первых — у Ревмира очень глупое лицо и язык вытягивается до галстука.

А как визжит он? Фу! Точно его булавкой колют:

— Царь Николай!

— Эй, Николай II, самодержец великой и малой России!

И так каждый день — царем дразнит.

Предположим, если бы вас царями называли, вам приятно бы было?

Вот то-то и есть!

А потому, выслушав выговор секретаря, Колька сказал мрачно:

— Знаю уж... Начинай-ка лучше собрание!

Секретарь позвонил карандашом в пузатый графин, поправил на шее красный галстук и приступил к докладу, стараясь — по мере возможности — говорить солидным басом:

— Товарищи, на днях исполняется годовщина... эй, Ревмир, ты чего Кольку булавкой тычешь? предупреждаю, если будешь баловаться... исполнится годовщина нашего журнала пролетарских детей, который и есть наш печатный орган... Ревмир, в последний раз говорю... орган и который освещает нашу пионерскую жизнь.

Секретарь посмотрел уничтожающе на Ревмира и сделал строгие глаза:

— Товарищи, западные дети, которые в Европе, те не могут иметь своего журнала, а мы имеем.

Мы должны сказать открыто и не таясь... выйди, Ревмир, с собранья, если ты себя так ведешь! Ну?

— Я... я... я! — смутился Ревмир.

— Я тебя в последний раз предупреждаю... Мы должны сказать открыто и не таясь, — наши пролетарские дети... мы имеем свой журнал, а когда нас эксплуатировали буржуями, тоже не имели своей печати, а вождь всего земного шара — товарищ Ленин, дедушка Ильич дал нам свой журнал. Товарищи, да здравствует товарищ Ленин и вся мировая революция!

Пока пионеры аплодировали, секретарь успел выпить три стакана холодной воды, после чего попросил всех в порядке очереди вносить предложения о том, как ознаменовать великую годовщину.

Колька, желая искупить свое опоздание, встал и поднял руку вверх, но в это время Шайба нечаянно наступил ему на ногу, отчего Колька вместо предложения отчаянно крикнул:

— Ой!

Секретарь удивился такой краткости и попросил Кольку изложить свою мысль более понятно:

— Что ты хотел предложить?

— Я, — замялся Колька, — я... позабыл!

Ребята захохотали, а Колька, покраснев, как знамя отряда, опустился на свое место.

— Ну, вносите предложения, товарищи! — предложил секретарь вторично.

Шайба поднял руку и, получив слово, предложил послать в редакцию журнала делегацию, которая могла бы приветствовать пионерский журнал «Красный галстук» и могла бы поделиться своими мыслями о направлении журнала.

Но Колька никак не мог простить Шайбе обиду и потому дал его предложению отвод.

Секретарь посмотрел на Кольку и спросил:

— А по какой причине?

— Не знаю!.. — буркнул Колька.

Ребята снова захохотали, и отвод Кольки провалился без обсуждения.

* * *

Попал Колька в делегацию по очень и очень серьезным причинам.

Во время обсуждения кандидатур выяснилось, что если бы Шайба не наступил ему на ногу, он сам бы

внес это предложение, а кроме всего, у Кольки оказались замечательно хорошие стихи, которые он мог сдать только лично редактору — в его собственные редакторские руки..

Шайба попал, как внесший предложение, а Май, как самый маленький из всего отряда и как самый отчаяний пикор, ребята даже прозвали его ответственным пикором.

Конечно, так называли Мая не потому, что ему очень часто отвечали в почтовом ящике, а потому, что он — Май — целиком отвечал перед тремя газетами за полное освещение пионерской жизни в коллективе.

Как он освещал ее — это дело не наше (пусть грех сей останется на его душе), для нас важно лишь то, что Май попал в одну делегацию вместе с Колькой и Шайбой, чем гордился Май немало.

Выбрав делегацию, ребята засыпали их напутственными пожеланиями:

— Скажите, чтобы больше рассказов печатали!

— ...и чтоб о западных детях!

— ...про другие страны!

— ...и повести с приключеньями!

— ...о коллекции марок!

— ...о радио!

— ...про аэропланы!

— ...о похождениях пионеров!

— ...про гербарий!

Все пожелания пионеров делегация записывала в свои книжечки, но потом пришлось сбегать в магазин и купить в складчину бумаги: так много было пожеланий.

Владлен передал Маю огромную рукопись и просил вручить ее самому редактору:

— Смотри, не забудь... Это, знаешь ли, новые похождения Кима в Индии и среди негров. Написано

недурно, — скромно добавил Владлен, — читал я ее Ревмиру, так он сказал, будто эта вещь талантливо разработана. И еще скажи — гонорар я жертвую в пользу беспризорных... и на памятник Ленину, а если останется что-нибудь, пусть на аэроплан передадут и чтоб аэроплан назвали Владленом! Не забудешь?

Май обещал не забыть.

* * *

А утром, в день годовщины, делегация уже поднималась по ступенькам на самый что ни на есть, верхний этаж.

Поднявшись, представились курьеру:

— Делегация!

Курьер зевнул и сочувственно произнес:

— Что ж, бывает... Только если вы в редакцию «Красного галстука», так идите прямо и налево!

Делегация пошла прямо и налево и, свернув в конце коридора направо и направо, попала в редакционное помещение.

В редакции немного растерялись. Шайба нерешительно посмотрел вокруг себя и спросил несмело:

— А который здесь есть пионер, что секретарем журнала?..

В этот день секретарь особенно старательно побрился и даже чуточку мог бы походить на пионера, если бы этому не мешал предательский рост, благодаря которому секретарь нередко стукался головою в потолок.

— Я секретарь, — сказал он и хотел приподняться со стула, но, вспомнив про потолок, решил принять делегацию сидя.

Делегаты вежливо поздоровались с редакционным секретарем, пожурили его слегка за отсутствие пионерского галстука и, не теряя напрасно времени, приступили к деловой беседе:

— Скажите, редактор журнала тоже пионер?

Секретарь немного подумал и с расстановкой ответил:

— Видите ли, не так чтобы уж совсем пионер, но... Если бы в 1880 году были пионерские организации, я думаю, он был бы самым примерным пионером!

— Но, — налегал Шайба, — все-таки он есть сознательный товарищ?

Секретарь пожал плечами:

— Кто ж его знает?.. Вот уже двадцать три года, как он большевик, — это я знаю, а насчет сознательности — не отвечу... По-моему — сознательный!

Делегаты немного посовещались и решили, что за такое время пребывания в партии даже Колька сделался бы сознательным, и потому пришли к единогласному заключению:

— Конечно, редактор человек сознательный и пионеров понимать должен.

Шайба оглянул комнату, повертел дверной ручкой и сказал секретарю строго:

— Ну, вот! Мы, то есть я, Колька и Май заявляемся делегацией краснооктябрьского отряда и должны выразить свою радость по поводу годовщины самому редактору и сделать ему кой-какие указания по поводу журнала!

— Хорошо, — сказал секретарь и повел делегацию к редактору.

* * *

После приветственных слов Колька попробовал было сагитировать редактора насчет своих стихов.

— Вы, как сознательный товарищ и наш редактор, — начал Колька, — то я хочу вам дать для журнала мои стихи и чтобы сейчас же ответ!

Но редактор журнала — стреляная птица и потому ответил Кольке с дипломатичным уклоном:

— Видишь ли, ты свои стихи, конечно, можешь оставить, но ответа теперь я не могу дать. Есть у нас пионерская редакционная коллегия, то да се, сам понимаешь, как трудно решать вопрос о стихах!

О редакционной корзине редактор умолчал, но Колька все-таки обиделся:

— Смотря какие стихи, а если это мои — тогда как?

Впрочем, редактору не пришлось отвечать, потому что вперед выступил Шайба и, отстранив Кольку, начал свою речь таким образом:

— Вы, товарищ редактор, не обращайте внимания на Кольку, потому он у нас самым отсталым пионером считается: всегда опаздывает на собрания, а раз даже на три с половиной минуты опоздал, но ввиду того, что мне поручили сделать указания журналу, то — конечно — необходимо печатать в журнале: как живут дети-пролетарии в Америке, Франции и в других буржуйских местах.

Также очень желательно нам узнать: как самому сделать фотографический аппарат, потом еще относительно хождений, путешествий в разных странах и еще чтобы: как получается стекло, иголка, бумага и как нефть добывают и почему землетрясения происходят и чтобы не как в газетах, а как в рассказах.

Еще — про наши города: что делают люди в Москве и что они производят в Самарканде, чтобы мы могли хорошо знать наш СССР.

Потом просим описать, что будет через тысячу лет и как жили люди, когда еще городов не было!

Долго Шайба выкладывал, а если спотыкался, то ему на выручку спешил Май.

— Очень рад, что вы стремитесь быть хорошо развитыми и образованными пионерами! — сказал редактор, выслушав делегацию. — Наша республика очень нуждается в дельных и толковых людях, и мы прини-

маем все зависящие от нас меры, чтобы в нашей стране было побольше культурных людей!

С этими словами он достал из письменного стола лист бумаги, на котором все пожелания пионеров были написаны слово в слово.

— Видите, — сказал он, — это план нашей дальнейшей работы, и все, что хотят знать пионеры, мы в самом ближайшем будущем начнем печатать!

После этого беседовали еще полчаса.

Воспользовавшись рассеянностью редактора, Май потихоньку открыл в редакционном столе боковой ящик и сунул туда рукопись Владлена.

Распрощались друзьями.

И когда вышли на улицу, Шайба сказал с удовлетворением:

— Вот это — сознательная редакция! Мы только еще подумали, а они уже и план составили. Хо-ро-шо!

А Колька всю дорогу молчал и только у дверей отряда взял улыбающегося Мая за плечо и пробурчал мрачно:

— Смейся, не смейся, я все равно скажу, что ты простился с редактором за руку. Посмотрим, какое ты имеешь право нарушать пионерские обычаи. А еще сознательным себя считает?! Вот увидишь, как тебя взгреют!

Политконтролер Мишка

I

В представлении Мишки — посыльного вокзальной почты — вставали далекие города, с неведомыми названиями — большие и маленькие, где с раннего утра до поздней ночи шла беспрерывная стрельба, где по железу крыш катался треск стального гороха и в темных переулках, согнувшись в три погибели, мелькали эти странные люди — большевики.

И Мишке казались они почему-то замаскированными, таинственными, — в огромных, серых кепках.

Но для чего сражались они — трудно было Мишке понять, и напрасно он ломал себе голову, стараясь разгадать этих удивительных людей — большевиков.

«Ну, революция, — размышлял Мишка, — царя там... убрали, ну... конечно, это нужное дело, потому об этом и батька всегда говорил...

Хорошо — пусть так... А теперь что?.. Нет же ведь царя?.. Что же теперь бьются?..»

В мучительных поисках ответа он шел к своему закадычному другу Ваське под лестницу, где тот клеил конверты, садился против него на корточки и спрашивал:

— Как ты думаешь, Васька, насчет революции?.. Что это революция?..

— Революция-то?.. А очень даже просто — без царя значит!

— А теперь?

— Чего?

— Да вот теперь-то... Ведь, говорят, другая идет революция по городам... И телеграммы каждый день приходят...

— Это ты про большаков, что ли?

— Угу!

— Большаки... это уж выходит что-нибудь вроде фигель-мигель... И опять же, кто их знает, что они за люди!..

— Разное про них говорят, — задумчиво произносит Мишка, рассматривая с интересом свой большой палец, выпирающий из сапога, — кто говорит — будто за новую революцию они, а кто и другое... Начальник говорит, что они бандиты...

— А бандиты кто?

— Бандиты?.. Кто ж их знает... Видал я вот в цирке недавно... плясали танец бандитов... в кепках и с красными галстуками на шеях...

— Ну, вот и брешешь... Это плясуны просто! Ты перепутал, наверно, чего-нибудь или не понял как следует... Если он плясун, так зачем ему революция?

— Это, конечно, — соглашался Мишка, — только надо бы разузнать про такое дело основательней... Знаешь — вот... спросим-ка у Сахарова — он большой и должен все до ниточки знать об этом...

— Ладно... Вот только кончу эту сотню клеить и — гайда.

Сахаров — почтальон вокзальной почты — угрястый и добродушный малый, был самым задушевным приятелем Мишки и Васьки. Всегда веселый и неунывающий, он соглашался на всякие рискованные предприятия ребят, затеваемые с целью насолить начальству; любил Сахаров потолковать и о неравенстве между богатыми и бедными, любил поругать за глаза все начальство, начиная от губернатора и кончая дежурными по телеграфу.

— А вот ведь в глаза не скажешь, — подзадоривали его иногда ребята.

— Скажу, хлопцы, — улыбался Сахаров, — будет время — скажу... Но только — лучше помолчать до поры до времени... А так-то — что ж без толку трепаться?

А ругал он телеграфное начальство не без дела: за Мишку крепко крыл начальство Сахаров.

Мишка самоучкой на Бодо и Юза по ночам учился, Мишку били по утрам за самовольство, грозили выгнать со службы, ежели он — Мишка — хоть еще раз подойдет к аппарату; дежурные чиновники ухо вертели, приговаривая:

— А, будешь? Будешь, пащенок ты эдакий?

Мишка дергался, извивался, клялся и зарок давал:

— Ой, дядиньки, по гроб жисти не подойду к аппарату.

А ночью снова залезал на высокий стул и принимался за старое.

А когда Мишка дежурил, однажды ночью, за одного нализавшегося в стельку юзиста, отскакивая при приближении дежурного в сторону от аппарата, Сахаров гордо прохаживался по телеграфу, подходил поминутно к Мишке и с важностью спрашивал:

— Ну, сыпешь?

— Сыплю, — отвечал Мишка, и рожа Мишки расплывалась в сплошную улыбку.

— Смотри, чтоб дежурный не заприметил!

— Плевать! Он уже после одиннадцати заваливается спать до утра!

— То-то, что — до утра, а с этой крахмальной души возьми непременно полтину за дежурство.

Жили дружно, и разница лет не мешала дружбе.

— Ну, пойдем, что ли? — сказал Васька, складывая склеенные конверты в ящик.

* * *

Внизу — длинные столы, на столах шнурки, печати, сургуч, ящики короткие, ящики длинные и письма, письма, письма.

Из углов сургучная пыль в нос вползает вертящая, назойливая...

— Работаешь?

— Да, надо, ребятки, надо... Человек сотворен для работы, и в ней вся его радость, значит...

Васька толкнул Мишку в бок:

— Ну?.. Спрашивай!

— Спрашивай ты сам!

— О чем это, ребятки? — поинтересовался Сахаров.

Мишка крякнул и с важностью пробурчал:

— Да вот, насчет жизни хотели мы спросить у тебя!

— О какой такой жизни?

— Ну, о большевиках, значит... Интересно знать нам, что есть большевики?

— Большевики-то?.. Гм... Как вам сказать?

— Чьи они?

— Та наши ж!.. Доподлинные — кровь от крови... Наши ж — рабочие.

— Они в кепках?

— Да, разные есть, — недослышал Сахаров, — есть и крепкие, есть и хлипкие, а только — други они рабочему люду!..

— Так... А чего хотят они?.. Добиваются к чему?

— Чего?.. Вот дурень, ну, а если он рабочий, так чего ему хотеть больше, как облегчения жизни. Рабочему — известное дело: дай жизнь человеческую... Вот ты, примерно... Ты и на Юзе и на Боде, что называется, по всем правилам дуешь, вроде как на манер заправского чиновника!. Так-с!.. Сыпешь, говорю, а тебе чин дают? Н-нет. А дадут его? Тоже — нет! Почему? Да оттого, что ты без образования... В том-то и штука, а большевики — они для всех хотят сделать этот чин доступным... Значит и выходит, что ты — дурак...

Почему это выходило именно так, — Мишка никак не мог додуматься, однако с этого дня он начал молить бога дать большевикам победу.

— Господи, Сусе, — крестился Мишка, — помоги ты этим людям одержать верх над врагами...

* * *

Наступила осень.

Из дымных харьковских окраин рабочих глянул суровый и строгий Октябрь, глянул задымленным глазом и расцвел в пороховом дыму невиданно красными лозунгами.

Сверкнул солнцетканными прожекторами и гаркнул мощно, взрывчато:

— *Да здравствует власть рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!*

И звонкоголосьем ринулось:

— *Да здрав-ству-ет!*

В один из октябрьских тревожных дней проснулся Мишка от грозовых выбухов, сотрясающих рамы дома.

Сбросил Мишка с лежанки ноги, вскочил.

— Чего? — забормотал он спросонья.

А мать по комнате прохаживается в беспокойстве, пальто надела, повязалась платком по-старушечьи, — в глазах тревога свернулась.

— Ты, Мишенька, сегодня уж не ходи на телеграф-то!..

— Чего?

— А так, неладно у нас в городе!

— Что неладно-то?

— И сама не знаю что. А только ходить тебе на службу — не след!

— Ерунда, — произнес Мишка и «ерунда» почему-то басом сказал, а потом почувствовал себя большим и серьезным.

Быстро натянув на плечи подбитое ветром пальто и всунув ноги в стоптанные сапоги, Мишка выскочил на улицу и вприпрыжку побежал по гулким и промерзлым тротуарам.

В воздухе носилось что-то особенное, необычайное.

Улицы были пустынные, засоренные. Изредка с воем и хрипом летели приземистые авто, набитые вооруженными людьми, скакали горбатые грузовики с матросами и пулеметами, и следы их поднимались пылью, мусором, лохмотьями вчерашних дней.

Мишка голову до ушей втянул, руки глубоко в карманы засунул, нажал «педали» и закружил в проулках быстрым, скорострельным шагом.

Центр города стальные трели сыпал, по улицам и крышам лай металла катался, и где-то глухо и тяжело вздыхала гулкая медь.

— Большевики... большевики... большевики...

Стучало в висках у Мишки, и почему-то хотелось крикнуть, захохотать, бежать и плакать...

* * *

Привокзальную площадь запрудили автомобили.

На автомобилях — матросы, пулеметы, красные флаги, с автомобилей — речи — горячие, страстные.

— Да здравствует...

— Не толкайся рыжий!

Толпа, окружившая автомобили, ревела от криков и ругани, вплетая в речи ораторов шум, рев и рукоплескания.

Сунулся Мишка поближе — послушать большевистские речи, — не пролез: тискался, да неудачно.

Махнул рукой и двинул в контору.

Двери раскрыты настежь, на полу сорные кучи. В конторе тишина пустыни — мертвая и сонная.

Из аппаратов ленты выползли, упали испещренные на пол и навертели у стульев белые кружева с фиолетовой вышивкой.

Бумаги беспорядочно раскиданы по столам, и пол покрыт синим снегом телеграфных бланков.

В углу настойчивый клопфер выбивает спокойно и методично, точно горохом сыпет, однообразное:

Хрк... Хрк... Хрк... Хрк...

— Харьков зовут, — метнулся было Мишка к аппарату, но, услышав в соседней комнате шум голосов, кинулся туда.

«Что-то будет теперь?» — подумал он, протискиваясь в двери комнаты, набитой людьми.

В маленькой дежурной комнате шло экстренное собрание чиновников привокзальной почты и телеграфа. Сквозь сизые туманы табачного дыма можно было различить форменные тужурки юзистов, морзистов и бодистов.

В сизом тумане плавает вздрагивающий голос начальника конторы, распертый колючим бессилием злобы:

— ...А до тех пор... Мы не должны приступать к работе... Мы присягали временному правительству. Мятеж поддерживать мы не должны и не можем... Необходима твердость и решительность...

— Как скоро кончится все это?

— Мне думается — неделя, полторы. Вернее всего — несколько дней.

— Значит?..

— Значит, до появления правительственного приказа о начале занятий мы свободны.

— Что ж, дома недурно посидеть, — сказал кто-то, когда чиновники чинно начали выходить из комнаты. И кто-то засмеялся:

— Ну, вот, слава богу, и мы дожили до забастовки!

Увидев бросающих телеграф чиновников, Мишка остолбенел.

«А как же аппараты?» — хотел он крикнуть, но почему-то удержался.

— Пусто... Хоть бы Ваську найти! И где он делся?

Бросился Мишка вниз, но и там никого не было — почтовое отделение щурилось подслеповато пыльными окнами и жутко молчало.

Железные двери наглухо замкнулись засовами, и в коридорах вытянулась сухая, молчаливая пустота.

II

Утром долго раздумывал Мишка — идти или не идти.

Решил пойти.

— Спросить Сахарова и Ваську... Главное узнать — будут ли они работать?..

...Вокзальная почта была открыта.

У распахнутых настежь дверей стояло два матроса с наганами за поясом, с бомбами и с короткими карабинами за плечами.

Шикарные брюки-клеш, казалось, заслонили собою все телеграфное помещение от Мишкиных взглядов.

— Ку-у-да прешь? — заорали вооруженные.

— На службу!.. Куда ж еще?

— Ишь ты, — улыбнулись матросы, — выходит, что ты не саботаж, а форменный братишка революции... Ну, молодец... Нашим будешь!.. Ну, сыпь, братишка, сыпь...

В коридорах — пустота вчерашняя, и только из внутренних комнат доносится слабый и невнятный шум голосов, да слышны где-то в коридорах чьи-то гулкие шаги, тяжелые-претяжелые...

Мишка кинулся быстро в дежурку:

— Кто-то есть!

Влетел, распахнул дверь и —

— Ба-а, Сахаров?!.

Действительно, в комнате за большим столом сидел тот, кого так настойчиво искал в эти дни Мишка.

На столе стоял пузатый чайник, равнодушно пускающий пар пачками, жались одна к другой новенькие жестяные кружки, и грудой высились куски хлеба и сала.

И тут же — около: на подоконниках, на стульях, на диванах — ворохами сваленные груды винтовок, а на полу — спящие вповалку незнакомые Мишке вооруженные люди.

Глянул Мишка на Сахарова и обомлел.

Не узнать почтальона Сеньку.

За поясом — два нагана, через плечо лента с патронами.

— Ишь ты... — только и мог прошептать от зависти Мишка.

Сахаров в упор смотрит, чай потихоньку прихлебывает из кружки и улыбается глазами:

— Ну?.. Пришел, говоришь?

— Пришел!

— Будешь работать?

— А ты?

— Что я? — Сахаров взглянул на Мишку строго и внушительно. — Да знаешь ли ты, кто я теперь такой?

— Кто?

— Начальник привокзальной почты!

— Ты?

— Я!

— Ф-р-р-р, — брызнул Мишка, надулся до багровости, потом не выдержал и снова забился в припадочном смехе. — Ну, и брякнет же такую несуразицу... А где у тебя мундир, манжеты и глаже?

— Дурак, — обиделся Сахаров, — что ж я шучу, что ли?.. Глаже да крахмале это у человека существует для прикрытия грязноты души, а нам оно не нужно...

— Да ты ж телеграфного дела не понимаешь! — не сдавался Мишка.

— Вот дурень. Заладила сорока про Якова. Говорю тебе — я начальник почты, значит — точка и тире... Не веришь — спроси у них, когда проснутся, а тебя я назначаю начальником телеграфа и политконтролером.

Мишка подумал и согласился.

— А ты мне наган дашь? — спросил деловито новый начальник телеграфа.

— Наган?.. Да я тебе не то что наган, но и даже смитмесона прицеплю. О! Держи!

Мишка нацепил тяжелый Смит-Вессон к поясу — не годится: до самых колен достает, да и тяжел слишком.

— Не подходит, — разочарованно протянул он, возвращая револьвер Сахарову, — ты его лучше возьми себе, а мне наган дай!

Сахаров достал из-за пояса наган и протянул его Мишке:

— На, да смотри, носи его с честью, как и надлежит политконтролеру!

Мишка засунул за пояс наган, поддернул слезающие от тяжести револьвера штаны и спросил решительно:

— А кто эти... буржуи?

— А вот вся эта сволочь, которая против, — спокойно ответил Сахаров, прихлебывая маленькими глотками горячий чай.

— А ты... большевик или нет?

— Я-то?.. А как ты думал — буду я буржуям под хвост смотреть?

— Выходит, что и я большевик, — задумался Мишка, но, вспомнив о Ваське, спросил быстро:

— Слушай, а ты не можешь назначить Ваську моим помощником?

— Могу!

— Ну, так назначай скорее!

— Назначаю, — сказал Сахаров и налил себе в кружку какой-то бурды, напоминающей кофе.

III

Васька осмотрел наган хозяйственным оком, прицелился в старого кота, спокойно свернувшегося у печки, и спросил деловито:

— А патроны у тебя есть?

— Есть!

— Где ж ты их раздобыл?.. Свистнул?

— Не глупи, — сказал Мишка, припомнив, что так очень часто говорил ему — Мишке — дежурный чиновник, — я не раздобыл и не свистнул, а как я теперь начальник телеграфа и политконтролер, то мне его дали большевики, а тебя я назначаю своим помощником... Одевайся быстро, пора и на работу, малыш ты эдакий!

Наверное, в другой бы раз Васька обиделся за «малыша», но так как он торопился, то это оскорбление проскочило у него между ушей.

— Ну, ну... быстро, быстро!

Васька заторопился. Надевая в одну руку пальто, другою он за сундуком уже шарил в поисках шапки и, одеваясь, спрашивал:

— А мне дадут наган?

— Дадут! Одевайся! — торопил Мишка.

* * *

На телеграфе явились к Сахарову и вытянувшись по-солдатски — каблуки к каблукам, руки по швам — спросили:

— Ну, а что мы теперь будем делать?

— Известно что! Вы будете принимать и передавать телеграммы, а я стану марками торговать в кассе. Очень даже просто!

— Идет, — сказал Мишка и пошел в аппаратную. В аппаратной Мишка с важностью сел за стол дежурного по телеграфу и, сделав широко гостеприимный жест, буркнул: — Прошу садиться...

Васька хотел сесть непременно на стол, рядом с большущей чернильницей, но Мишка этого никак уж не мог допустить.

Мишка сделал зверское лицо, нахмурился тучей и постучал по столу наганом:

— Не глупить у меня!.. Слышишь?

Потом устроили небольшое совещание и совместно выработали план работы на ближайшее время.

На первых порах решили принимать все телеграммы, а передавать только «большевистские».

Решив, приступили к работе.

Собрали в кучу все телеграммы, отложили в сторону большевистские, а все остальные порвали и бросили в корзину.

* * *

Через три дня дела пошли на полный ход. Сахаров продавал марки и многозначительно посматривал из маленького окошечка на снующую по конторе публику.

Васька принимал телеграммы, Мишка передавал их по назначению.

Иногда Васька приносил огромный пук телеграмм и уныло советовался:

— Глянь-ка, Миш, — вот эта.

«Жив здоров целую телеграфируйте как вы Гусев».

— Ну?

— Я думаю изничтожить!.. Наверно, гусь буржуйский!

— Порвать, — говорит Мишка, — дальше!

— *«Поздравляю днем ангела»*, — читает Васька.

— Порвать... Буржуйская!

— *«Маня выехала Москву»*.

— Рви!

— *«Почему нет писем беспокоимся Зина мама»*.

— Рви!.. Ишь ты — беспокоимся!? Это большевики, видать, беспокоят их...

Однажды за такой передачей их застал Сахаров:

— Что это вы рвете?

— А буржуйские телеграммы!

— Как буржуйские?

— А очень просто: приносят тут разные в шляпах и в манишках — так мы... рвем такие!

— Что вы делаете? — схватился за голову Сахаров.

— А думаешь то, что они сообщают, по твоему очень интересно?

— Да это... это, — растерялся Сахаров, — это, знаете, что? — и вдруг крикнул на всю аппаратную дико, нечеловечески, — не сметь больше... чтобы все передавать. Слышите? Ведь вы же черт знает, какую контру подкладываете под революцию... Как же возможно такое?.. а?..

— Что ж ты кричишь? — спокойно спросил Мишка, — если бы у нас штат был, тогда бы можно все передавать, ну а если мы вдвох с Васькой, так как ты думаешь — можем мы справиться или нет? Своих телеграмм не успеваем отправлять, а тут еще буржуйские... Штат надо увеличить!

Сахаров подумал и сказал:

— Хорошо, приму меры!

IV

Однажды поздно ночью на телеграф пришел вооруженный матрос и спросил:

— Кто здесь комиссар?

Мишка спал в дежурной комнате; матроса принял Васька. Он величественно пригласил матроса «присесть в креслу» и сдвинул ухарски фуражку на левый бок.

— Комиссара нет. Есть политконтролер у нас. А в чем, собственно, дело?

— Сюда придет сейчас Антонов-Овсеенко, — ответил матрос, — так пусть тут приготовят провода для прямого соединения с Кремлем... Понял?

Матрос встал, поддернул штаны и, сплюнув, направился развалистой походкой к выходу.

— Сичас... Сичас, — забормотал Васька — это мы, пожалуйста, с большим нашим удовольствием!

И кинулся будить Мишку:

— Вставай!.. Вставай!.. Сичас Антонов-Овсеенко придет!

— Куда придет?

— Сюда!

— Ну?

Мишка вскочил и протер глаза кулаками.

— Антонов — с седьмой линии?

— Он самый! Сейчас матрос приходил!

Мишка испугался:

— Ф-ф-у-у!

Этот Антонов, по мнению Мишки, был самым отчаянным человеком.

Представлял он его не иначе, как в виде здоровенного детины с рыжими волосами, вооруженного с головы до ног; даже из ушей у него выпирали наганы, а под пальто, наверное, были спрятаны и пулемет и маленькая пушка.

— Я боюсь, — малодушно сознался Мишка.

— Я тоже!

— Бежим домой!

— Бежим!

Но было уже поздно.

В дверях показалась фигура высокого человека в желтой дохе, с нахлобученной на голову большой меховой шапкой, из-под которой поблескивали огромные очки.

— Кто здесь политконтролер?

— Я, — сказал нерешительно Мишка, приподнимаясь с дивана.

Человек в дохе улыбнулся и протянул ему руку:

— Очень приятно!.. Я — Антонов-Овсеенко!

— Вы? — чуть не крикнул Мишка. — Такой... такой...

«Да он совсем не страшный», — мелькнуло в голове у Мишки.

Антонов устало повел головой:

— Мне нужен человек, который мог бы передать несколько слов в Москву... У вас есть телеграфисты-большевики?

— Нет, — огорченно вздохнул Мишка, — у нас есть только одна сволочь, — а потом, приподнявшись на носки, произнес храбро: — Я вам могу передать все, что нужно... Не хуже телеграфиста передам!

— Да-а? — нерешительно протянул Антонов. — Впрочем, все равно... Где это?..

— Передают-то? А вот — прошу за мною!

Мишка провел Антонова через пустую аппаратную в заднюю комнату, где помещался аппарат Юза, и открыл электричество.

— Присаживайтесь где-нибудь... мы это мигом в один секунд... Москву вам... да?

Мишка вскарабкался на высокий табурет и завязил руки в белых клавишах:

— Ну?.. Вас с Кремлем, значит?

— Да, пожалуйста!

— Есть! — И тонкие пальцы засновали быстро и размеренно по клавиатуре.

Аппарат завыл, застучал, выбросил из щели длинную, узкую ленту, выскакивающую изнутри ровными скачками.

— Москва... Москва... Москва, — шумело в проводах, и в тысячеверстное пространство скользил по проводам уверенный вызов маленького телеграфиста:

— Москва... Москва... Москва...

Через полчаса Мишка откинулся назад, блеснул радостно глазами и сказал толстым голосом:

— Готово... Можно начинать!

— Готово? Кремль у вас?

— Кремль держу... давайте!

Антонов придвинул стул к аппарату, вытащил из кармана портсигар и протянул его Мишке:

— Курите...

Мишка хоть не курил, однако папиросу из вежливости взял и даже зажигалку вынул с фасоном.

Антонов открыл свой маленький блокнот, глянул в него боком — закрыл. Обвел глазами усталыми помещение и остановился взглядом на маленьком телеграфисте.

И долго, долго смотрел он, как раскуривает Мишка, и глаза его — под огромными очками — затянулись влажными пятнами.

— Ну, — сказал Мишка, передвигая ухарски папиросу в уголок рта.

— Вы соединены с Кремлем?

— Да... с Кремлем!

— Попросите к аппарату тов. Троцкого!

— Попросите к аппарату тов. Троцкого, — сыпет Мишка, а в душе — кошки скребут:

«Эх, мамка, посмотрела бы ты сейчас на твоего Мишку!»

«...тюрьмы разгружены... всего... необходимо пересмотреть...

...срочные распоряжения...»

Переговоры продолжались полчаса.

На прощанье Антонов крепко пожал Мишкину руку, высыпал на клавиши Юза папиросы из портсигара и поднялся:

— Наклеите весь разговор на бумагу и принесете мне... сами! Вы знаете, где я нахожусь?

— Знаю!

Антонов надвинул глубже шапку, запахнулся в широкие полы дохи и медленным шагом вышел из помещения.

Не успел он и двери захлопнуть за собой, а Васька — тут как тут:

— Ну что?.. Ну, как?

— До-о-обрый! Папиросами угощал и попрощался за руку. Совсем не страшно. Ну, ты... Васька! Выйди пока!..

— Чего?

Мишка нахмурился, сдвинул брови и произнес значительно:

— Все, что я передавал здесь, останется между нами — мною, Троцким и Антоновым, и ты не должен знать, о чем переговоры шли, — мал еще.

— Ладно! — согласился Васька, хотя по лицу его было видно, что такое недоверие здорово зацепило его. — Ты только скажи мне, что там говорил Троцкий в рассуждении буржуев?

— Ну, не вертись тут, — хмуро оборвал его Мишка, — тут революционное дело, государственная тайна, можно сказать, а он вертится. Выдь-ка за дверь да присмотри там за порядком!

Васька надулся, рассердился, но вышел.

А Мишка, наклеив ленту на чистые телеграфные бланки и отдав кое-какие распоряжения своему заместителю, двинул на седьмую линию.

* * *

Ночь темная. Пути жуткие.

Платформы — глухие, пустынные.

На все платформы — одно желтое пятно — один бессонный фонарь станционный.

Идет Мишка, спотыкается, рукою наган нащупывает, а сердце лижут холодные языки страха.

— Стой! — вынеслось из темноты угрожающе, и следом за окриком брякнул затвор.

— Свой!

— Кто свой?

— Политконтролер вокзальной почты!

— Пропуск?

— Постоянный!

— Куда?

— На седьмую!

— Пожди — не пройдешь! С постоянным не пройдешь на седьмую!

— Чего не пройдешь?

— Не пройдешь, говорю, без пропуска! Особый надо!

— Да мне Антонова немедля надо... Срочное дело!..

— Пожди!

— А ну тебя к черту! — рассердился Мишка и полез под вагон.

Сзади оклик, другой и следом — выстрел.

Глухой.

Перронный.

Но выстрелов по ночам много, выстрелы теперь в городах все равно что кашель прохожих и к выстрелам привыкли.

А вот и седьмая.

От быстрых прыжков через рельсы и от бешеного бега под вагонами у Мишки захватило дух и сердце забилось зайцем.

У вагона остановился, отдышался, поправил шапку. Вклещился в поручни руками, на руках подтянулся и навалился, мокрый и потный, на дверь.

— Куда?

— К Антонову-Овсеенко!

— В чем дело?

— А вот... тут надо передать разговор... ленту передать надо!

— Ну, хорошо... дайте мне. Я передам!

— Не могу. Приказано лично и в собственные руки!

— Чудак! Да я ж секретарь Антонова, можете пер...

— В чем дело? Что за спор? — Из купе показалась голова Антонова-Овсеенко.

— К вам... Разговор с тов. Троцким принес!

— А?.. Принесли?! Хорошо. Спасибо!

— Больше ничего? — спросил Мишка.

— Да... пока ничего, а впрочем — подождите...

Мишка остановился.

— Вам что-нибудь дают в конторе?

— Да нет!.. Вот ботинки посылочные раздали, а скоро мануфактуру раздавать будем... Насчет еды плоховато...

— Провизии, значит, нет?

— Пока нет... Но только — конечно — провизия будет вскорости... Главное, не унывать чтобы!

Антонов повернулся к секретарю и сказал:

— Дадите ему консервы и галеты... А вы придете завтра утром — он вам даст ордер на консервы и галеты.

— И Ваське?

— А кто этот Васька?

— Помощник мой! Дельный парнишка!

— Хорошо, — улыбнулся Антонов, — дадите и Ваське.

— Вот это дело! — просиял Мишка и, крепко сжав руку Антонова, долго, долго тряс ее.

V

Настали годы гражданской войны.

Закружилась метель, сорвала людей с места и разбросала их по необъятным полям нарождающейся Республики рабочих и крестьян.

Завертело и Мишку: бросало его в глухие алтайские горы, в бесконечную сибирскую тайгу, и на высокие хребты Кавказа, и в топкие болота Полесья.

Петроград... Омск... Архангельск... Чита.. Варшава... Перекоп...

Голодным волчонком, с винтовкой в руке, с переметной патронной сумкой, в сапогах без задов, оборванный и грязный, мелькал в завьюженной метели политконтролер Мишка, но уже не политконтролером назывался он, а просто красноармейцем 5-й роты 29-го советского полка.

Не было только Васьки.

В кубанских степях остался за курганом изрубленный, запекшийся черной кровью. Один глаз из-под мокрой от крови прядки волос выглядывал любопытно и как бы спрашивал:

— Ну, а что Троцкий говорит?

Давно это было.

И давностью поросла красная быль.

И только лишь иногда вспомнит о ней Мишка, а как вспомнит, так непременно все по порядку и расскажет, а рассказав, прибавит:

— Вот и пойми тут! Не агитировали меня, не пропагандировали, а, пацаном будучи, все-таки к большевикам пристал... Заметьте, не к кому-нибудь, а к большевикам... А это значит — рабочая кровь заговорила, отцовская, слесарная!.

Серебряный лис

Какой странный город, — не правда ли?

Всего три улицы — и ни одной площади. Вдоль улиц стоят не дома, а клетки, затянутые черными проволочными сетками.

Это город черно-бурых лисиц. Называется он: «Лисья ферма».

Так вот тут-то, в этом необыкновенном городе, и родился удивительный серебряный Малыш — сын черно-бурой лисицы Жучки Второй; и об этом-то Малыше ты услышишь сейчас удивительную историю.

Когда Малыш родился, он почему-то не понравился своей лисице-маме. А не понравился, быть может, потому, что был белоснежным, совсем не похожим на других лисят. Вот его мама и подумала, наверное, что Малыш и не лисенок вовсе, а какая-нибудь другая зверушка. Может, зайчонок, а может, волчонок. Неизвестно.

Мама-лисица долго рассматривала Малыша с удивлением, потом сердито тявкнула и отошла от него в другой угол клетки. Но Малыш был такой крошечный и такой еще глупый, что ему и в голову не могло прийти, что он не понравился своей маме. Он жалобно пищал, плакал по-своему, по-лисьему, и полз неуклюже по клетке, подбирался поближе к маме, чтобы получше познакомиться с ней.

А Жучка Вторая только рычала, переходила из одного угла клетки в другой, а когда Малыш надоел ей своим хныканьем, она схватила его зубами и засновала по клетке взад-вперед, отыскивая в проволоке щелочку, чтобы выбросить урода вон.

А что мог делать Малыш? Он только перебирал беспомощно лапками да жалобно скулил. Он же не мог понять, за что сердится мама. Ну, разве он был виноват в том, что родился беленьким?

К счастью Малыша, на лисью ферму пришли в этот час колхозные ребята. Они кормили в это время лисиц. И вот, когда они увидели, как плохо обращается Жучка Вторая со своим сыном, ребята пожалели Малыша. Они вытащили его из клетки и отнесли к ангорской кошке Катьке.

А у нее и своих котят было семь штук: и серых, и желтеньких, и дымчатых, и даже лиловых. Но Катька была добрая кошка. Она понюхала беленького Малыша, лизнула его и стала кормить, чтобы он не плакал.

Так сын лисицы вошел приемышем в большую кошачью семью, и с этого дня Катька стала воспитывать его, как родного.

Но ничего хорошего из этого не получилось.

Пока Малыш был маленьким, он ничем не отличался от своих молочных сестер и братьев. Но лишь только подрос, в кошачьей семье начались ежедневные ссоры и драки. И все потому, что характер у Малыша оказался очень скверным. Малыш любил только самого себя, и только о себе он и заботился, о себе только и думал.

Вот принесут Катьке и ее семье суп, молоко, кусочки мяса и рыбы, а Малыш сразу же подскакивает к миске и всех отгоняет прочь. Жадно урча и злобно поглядывая на всех, он пожирал все один, а когда

не мог управиться с едой, залезал в миску с ногами и свирепо скалил зубы, никого не подпуская к ней и близко.

Катька долгое время все терпела и терпела, потому что надеялась, что Малыш образумится, исправится, поймет все-таки, как нехорошо быть злым и жадным. Но с каждым днем он становился все злее и злее и, наконец, однажды и вовсе выгнал Катьку и ее котят из ящика, в котором его приютила добрая кошка.

Теперь он даже и близко не подпускал к ящику ни Катьку, ни ее семейство, а как только видел свою приемную мать и своих молочных сестер и братьев, бросался на них, оскалив зубы, загонял на деревья, на крыши сараев.

Малышу не было еще и года, а он уже весил девять килограммов. Больше, чем весят взрослые лисицы. Он важно сидел в ящике, посматривая на всех злыми рубиновыми глазами. Его шкура стала гладкой и блестела, как серебро. Но характер у Малыша не стал ни золотым, ни серебряным. Он с каждым днем становился все злее и теперь старался укусить даже тех ребят, которые приходили его кормить.

Попробовали посадить Малыша в клетку с другими лисами. Только и тут Малыш сразу же показал свой скверный характер. Он так трепал лисиц, что от них шерсть летела клочьями.

— Что за разбойник? — удивлялись на лисьей ферме. — Почему он такой злой?

Теперь все уже знали, что Малыш был очень редкий, очень ценный лис. Такие лисы называются платиновыми, и шкура их ценится очень и очень дорого. И, может быть, потому, что и сам Малыш знал, какой он ценный, какой дорогой, он и вел себя так плохо. А может быть, был таким плохим потому, что любил только самого себя.

Сейчас он сидит в клетке, один-единственный дорогой, платиновый лис, на всех злится, на всех рычит и ужасно важничает. И, конечно, никто его на ферме не любит.

И в этом нет ничего удивительного, потому что никто и никогда еще не любил, да и не полюбит ни одного жадного, ни одного наглого, ни одного злого и неблагодарного.

Вот так-то!

Храбрый Тилли

Записки щенка, написанные хвостом

Когда мы идем по улицам или гуляем в парке, люди спрашивают Лену:

— Это что же за странный скотик? Это какой же породы собачка?

Лена говорит всем:

— Это настоящий шотландский терьер!

— Какая прелесть! — говорят люди.

Они протягивают руки, чтобы погладить меня, но уж этого я не терплю. Я начинаю рычать и показывать зубы.

— Ах, какой злой! — говорят люди.

Но я не злой. Я очень добрый. Только выхожу я гулять совсем не для того, чтобы меня гладили.

Лена — моя хозяйка. Она кормит меня, моет, а когда мне скучно, воет для меня песни и танцует. А вечером мы смотрим с ней телевизор. Это такой большой ящик, в котором живут маленькие люди, звери, маленькие дома и даже кошки. Кошек я не люблю. Когда они появляются в телевизоре, я лаю на них и хочу схватить их зубами.

Лена кричит тогда:

— Идите сюда! Идите все! Смотрите, какой Тилли глупый! Он злится на кошку в телевизоре. Скорей, скорей!

Но я не глупый. Я все понимаю. Я знаю, что кошки в телевизоре не настоящие, а лаю на них для того, чтобы Лена смеялась. Ей почему-то нравится, когда я лаю на телевизор.

Лена служит у меня хозяйкой. Она заботится обо мне, развлекает меня. Ну и я стараюсь развлекать ее, чтобы она не скучала. Вот почему я лаю на кошек из телевизора и каждый день прогуливаю Лену в парке. Между прочим, никто и ни разу еще не спросил ее, какой она породы, и ни один человек еще не сказал ей: «Какая прелесть!» Ну что ж, не всем же быть красивыми терьерами. И тут уж ничего не поделаешь.

Но Лена не понимает этого. Завидуя мне, она называет меня «мой уродик» и даже «черная уродина».

А разве я урод? Посмотрите, каким нарисовал меня художник, и скажите сами: вы у кого-нибудь еще видели такую же длинную шерсть, такие густые брови, такие храбрые глаза? Правда, на картинке я вышел немножко мрачным, но это потому, наверное, что в этот день Лена вымыла меня зеленым мылом с ужасным запахом и посыпала какой-то гадостью. А я ведь не очень люблю мыться с мылом. Я же собака, а не человек. Между прочим, некоторые ребята тоже терпеть не могут воду и мыло. Когда второгодника и двоечника Гошку начинают мыть с мылом, он ревет, как громкоговоритель в парке. Недавно я встретил Гошку на лестнице, а так как мы оба не любим мыться, я помахал хвостом, что на нашем языке означает: «Привет, приятель! Уж кто-кто, а я понимаю, почему ты не любишь воду и мыло!» Гошка встал на четвереньки и начал лаять. Наверное, он хотел сказать мне что-то по-собачьи, но я ничего не понял. И не мудрено. Гошка и человеческий язык знает плохо, а взялся разговаривать на трудном, собачьем языке. Ведь, кроме

слов «пусти», «дурак», «отдай», «не лезь», «вот дам по морде», Гошка ничего другого не знает, да и знать не хочет.

Моя Лена совсем другая. Она читает много книг и всегда узнает что-нибудь такое, чего даже я не знаю. Но однажды мне пришлось уйти от Лены в лес, где я живу сейчас и пишу свои записки.

А все произошло из-за Мурзика. Кстати, художник нарисовал тут этого котенка, и вы можете сами посмотреть на него. Ужасно неприятный, не правда ли? На картинке он сидит тихо и как самый безобидный котенок. Но Мурзик только притворяется хорошим, а на самом деле он такой шкода, такой блудня, каких и свет не видел. Посмотрели бы вы, когда никого нет дома, как носится он по комнатам, прыгает на столы, на диван, на шкаф и мяучит так нахально, что меня всего трясет от злости. А если бы вы знали, какой он жадный и какие у него острые когти. Однажды я подошел к его блюдечку, чтобы посмотреть, чем он питается. Так что бы вы думали? Мурзик зашипел и расцарапал мой нос до крови. Вот из-за Мурзика-то мне и пришлось уйти от Лены. Сейчас я живу в лесу.

Что за чудесное место лес! Тут столько интересных и таких удивительных зверей, каких в городе ни одна собака не увидит за всю свою жизнь. Но прежде чем рассказать о своих встречах с необыкновенными жителями леса, я расскажу о том, почему мне пришлось уйти из города.

А все это произошло так. В тот день я нашел во дворе огромную кость. Она была чуть-чуть поменьше меня. Мне почему-то запрещают приносить кости со двора, а потому я спрятался с моей добычей под кровать Лены и уже собрался закусить немного. Вдруг

в комнату вошел Мурзик. Осторожно ступая, он шел, ворча, с огромною сосискою в зубах, волоча ее по полу. Я сразу же догадался, что Мурзик стащил где-то сосиску. Или на кухне, или же в соседней квартире. Я сказал Мурзику: «Дай немножко! Не будь жадиной!» Но Мурзик только зашипел на меня. Противно чавкая, он быстро сожрал всю сосиску один, потом облизнулся, помыл воровской лапою свой рот и свернулся на кровати клубком. Он лежал как честный котенок, который ничего и не знает об украденной сосиске, да и знать не хочет.

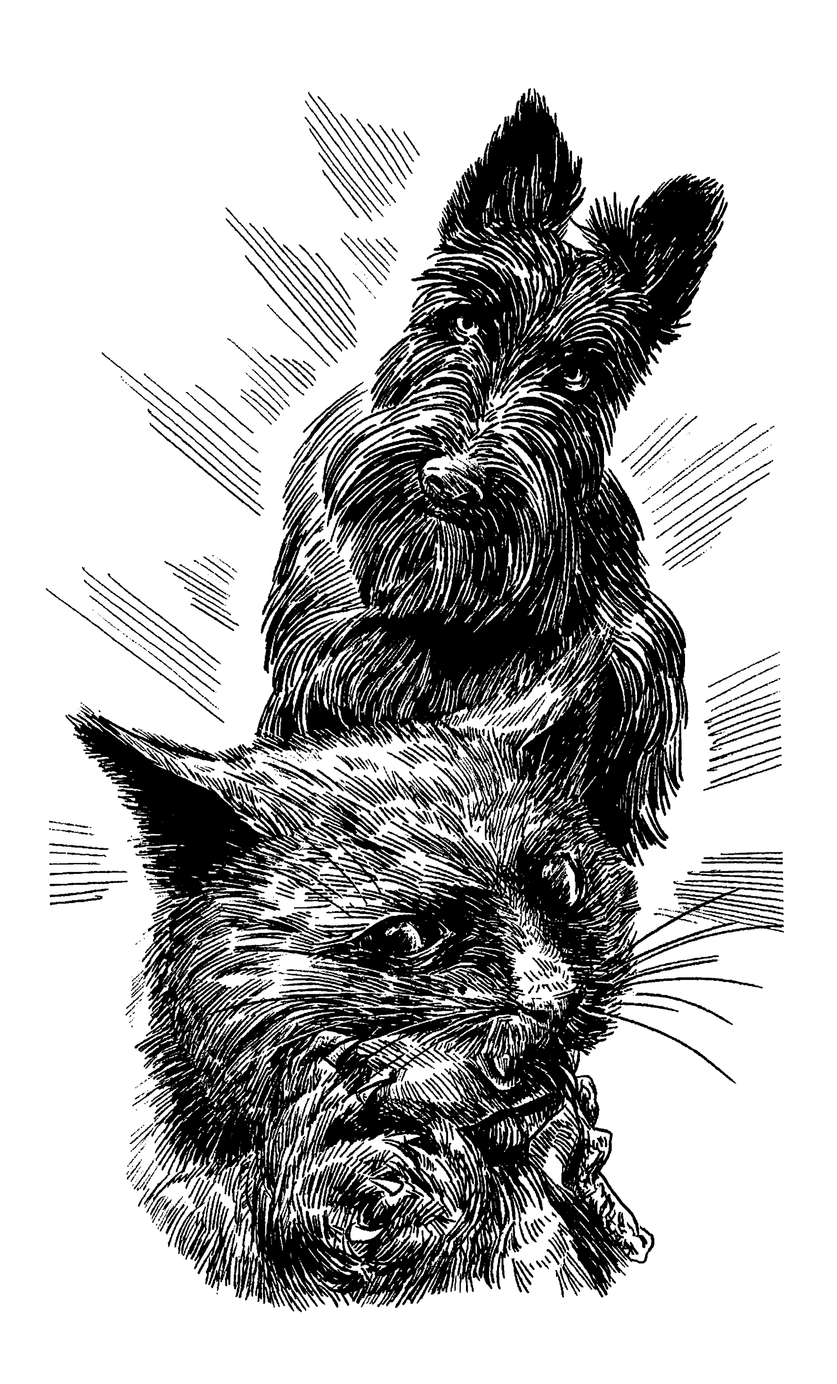
Ну, понимаете, конечно, что одну сосиску нельзя съесть два раза, а если она уже съедена, так лучше и не думать о сосисках. Я вздохнул только и принялся глодать кость. Вдруг на кухне стали кричать. Я услышал голос Лены. Она звала меня громко: «Тилли, Тилли!» Я подумал, что меня зовут, чтобы дать такую же сосиску, какую получил Мурзик. Бросив кость, я помчался на кухню.

— Тилли! — кричала Лена.

«Г-гам!» — тявкнул я и встал на задние ноги, потому что людям нравится, когда собаки стоят, как они сами, хотя я никогда не понимал и сейчас не понимаю, почему люди не ходят на четырех ногах, как мы. Наверное, они просто не знают еще, как это удобно.

— Ну-ка, Тилли, — сказала Лена и начала скручивать полотенце жгутом; и тут я понял, что ничего хорошего от этого полотенца для меня не будет. — Ну-ка, бесстыдник! Ну-ка, безобразник! Говори, кто стащил сосиску? Сейчас же говори, воришка!

«Мурзик стащил! — залаял я. — И съел ее у тебя на кровати! Я стыдил его, говорил ему, что сосиски нельзя воровать, но он такой жадина! Всю сосиску один съел, а теперь спит».

Увы, Лена не поняла ни слова...

Когда Лена стала кричать на меня, я сразу понял, что она сердится. Но зачем же бить меня полотенцем? Не знаю, как вы, а я не люблю, когда меня бьют. Я вырывался, визжал, кричал: «Мурзик сожрал сосиску, а я, что же, должен отвечать за него своими боками? Это несправедливо! Пусти меня! Я буду кусаться!»

И я зарычал на Лену.

— Ах, так? — рассердилась еще больше Лена. — Он же виноват, и он же огрызается! Бессовестный воришка! И еще притворяется честным, бесстыдник! И еще он будет уверять меня, будто никогда не воровал сосиски.

Конечно, однажды я взял нечаянно сосиску на кухне. Но это было очень давно, когда я еще не понимал, почему нельзя брать сосиски без спроса и как нехорошо есть их сырыми, невареными. Мне было тогда всего три месяца, и я был еще очень глупым. Но так долго помнить ошибку моего далекого детства просто неприлично даже. Я еле вырвался из рук Лены. И может быть, ничего больше и не произошло, если бы я не налетел на Мурзика. Он прыгнул на кровать и стал пищать: «Мало-о! Мало тебе всыпали, ур-р-родина! Мало-о-о!»

И это говорил котенок, из-за которого я пострадал!..

Я кинулся на Мурзика и принялся трепать его так, что шерсть полетела из него клочьями. Мурзик кричал, пока не охрип. Но еще раньше, чем он охрип, прибежала Лена.

— Противный, черный уродик! — затопала она ногами. — Ему попало за кражу, а он, смотрите, срывает злость на невинном Мурзике.

Она вырвала его из моих зубов и стала гладить, целовать, приговаривая:

— Бедненький! Несчастный страдалец! Крошка милая.

А этот негодник, эта блудня, крутил невинно хвостом и поносил меня на кошачьем языке самыми обидными словами. Я подпрыгнул, вцепился зубами в противный кошачий хвост и так рванул его, что Мурзик завопил громче телевизора.

— Злюка! Злюка! — закричала Лена. — Такой большой — и такой бесстыдник! За что ты мучаешь несчастного Мурзика?

Она схватила меня за уши, приподняла высоко и понесла через комнаты на кухню, а там открыла ногою дверь и выбросила на лестницу.

От обиды я залаял, потом бросился на дверь, стал царапать ее когтями, чтобы меня впустили, и я мог бы рассказать всю правду о злодействе Мурзика. Но Лена не открыла дверь. Тогда я сел и начал выть и выл так долго, что мне самому стало жалко себя.

«Перестань выть! — вдруг зашипел противный кошачий голос. — Безобразие какое! Даже на лестнице нельзя посидеть спокойно».

Я оглянулся. Неподалеку от меня сидел кривой Барсик, самый большой кот нашей лестницы и самый отчаянный хулиган нашего дома. Один глаз Барсик потерял в драках с другими котами. Уши у него обгрызены кем-то в драках, шерсть висела у него по бокам, словно вата из старого пальто. Этот хулиган Барсик готов был драться с котами и собаками в любое время, и я давно уже собирался проучить его. Но сейчас мне было просто некогда связываться с ним. Да и, кроме того, потрепать Барсика не поздно будет и потом, когда я подрасту немножко. Но чтобы он не подумал, будто я его боюсь, я зарычал: «Пр-р-рочь с дор-р-р-роги!»

Барсик выгнул спину дугою.

«Что такое? — зашипел он. — Да ты с кем говоришь, щенок? Ш-ш-ку-ру спущ-щ-щ-щ-щу с тебя! Ш-ш-ш-алопай несч-ч-ч-час-с-с-стный!»

Конечно, если бы я не торопился, уж я бы показал ему, как оскорблять меня, но я торопился уйти в лес и потому только крикнул еще громче: «Пр-пр-р-р-рочь!» — и помчался вниз по лестнице.

Барсик зашипел вслед.

«Подож-ж-ж-жди, подож-ж-ж-жди! Вернешш-ш-шьс-с-ся домой, я ещ-щ-ще поговорю с тобой! Не будь я Барсиком! До утра просижу здесь, но я научу тебя уважать старших».

Ну и пусть сидит! Пусть ждет! Меня-то теперь он вряд ли дождется. Я уже твердо решил обратно не возвращаться, а жить в лесу долго-долго. Всегда. Как живут в телевизоре медведь, баран, петух и собака. А Лена пусть остается с жуликом Мурзиком. И пусть она ищет меня и пусть плачет без меня.

Я перебежал двор, помахал хвостом знакомому боксеру Буль-булю и помчался на улицу. Я бежал по улице все прямо и прямо, и скоро город остался у меня за хвостом.

Что за чудное место лес! И как хорошо бегать в лесной прохладе. Над головою шумят листья, в листьях возятся какие-то птицы и кричат на разные голоса. Птиц в лесу было очень много, но меня они не порадовали. Слишком уж высоко забрались они, да и были такие маленькие, что, кроме перьев, у них, кажется, ничего и быть не могло.

В городе, как вы знаете, по улицам бегают машины, и все они стараются раздавить собак, и все они наполняют улицы ужасным запахом. А в лесу я не

встретил ни одной машины. Мне это понравилось больше всего. Я бегал под деревьями, отыскивая что-нибудь съедобное, но, кроме грибов и ягод, черных, красных, зеленых, ничего не мог найти. Грибов и ягод было, правда, очень много, но только ягоды мне не понравились. Наверное, их нужно сначала жарить, как жарят грибы.

В городе я пробовал есть грибы. Мне они понравились. Их жарят в сметане. Она очень вкусная, но сами грибы и жареными я не стал есть. А тут они стояли без сметаны и на вкус оказались горькими. Зато какая чудесная вода в лесу! Я несколько раз останавливался у лесных родников и пил лесную воду с большим удовольствием. Воды в лесу сколько угодно, а вот пообедать было негде и нечем. Конечно, я уже не думал о косточках, молоке, котлетках и печенье. Я с радостью съел бы даже кусочек булки. Но в лесу не пахло ни котлетами, ни косточками, ни булками. Курицами пахло, да только лесные курицы не подпускали к себе близко. Почему они такие пугливые, не знаю.

Я присел и стал думать. В городе в это время я уже обедал, а здесь только пил воду. Неужели я так и останусь голодным? Честно говоря, я испугался немножко.

Я вскочил и побежал, потому что мне очень хотелось есть, и я должен был искать свой обед, не жалея ног.

Я бежал, обнюхивая землю, деревья, и вдруг почувствовал какой-то незнакомый запах. Я чихнул.

— Будьте здоровы! — послышался тоненький голосок.

Я огляделся по сторонам и сказал вежливо:

— Здравствуйте! Как поживаете?

— Ничего себе! — ответил голосок под самым моим носом.

Я попятился назад. Оказывается, со мною разговаривала щетка. Да, да! Круглая щетка с маленькой, острой мордочкой.

— Вы кто? — спросила щетка.

Скажу честно, я ничего не понимал.

Щетка, правда, была не совсем обыкновенная, а какая-то лесная, но, по-моему, и лесным щеткам не полагается разговаривать.

Я ответил, совсем растерявшись:

— Я — Тилли! А вы кто будете?

— Ёж! — сказала щетка. — И должен предупредить вас сразу: не теряйте напрасно время. Меня нельзя есть. Я такой колючий, что меня никто не ест. И вам не советую.

Я сказал:

— Но я не собираюсь вас есть. Ежей я вообще не ем. Даже не пробовал никогда, да и пробовать не хочу.

— Тогда чего же вы от меня хотите? — спросил он.

— Видите ли, — сказал я, — в лесу я живу недавно. Меньше одного дня, и я еще не знаю, что тут едят и где можно найти хоть что-нибудь, хоть на один зуб. Вы не могли бы помочь мне?

Ёж фыркнул по-кошачьи:

— Боже мой, да пищи тут сколько угодно. В лесу можно есть хоть весь день и всю ночь. Вы корешки любите?

— Нет! — Я мотнул головою и поморщился.

— А траву? Ягоды? Орехи?

— Я не привык к такой пище, уважаемый еж!

— Тогда что же вы едите?

— Все ем, кроме травы, корешков, ягод и орехов! Котлетки ем! Суп! Косточки! Печенье! Сахар! Могу

есть даже пирожное. Но сейчас я с удовольствием съел бы маленький кусочек мяса.

Ёж подумал и сказал:

— Котлетки? Суп? Печенье? Первый раз слышу. Даже не представляю, что это такое. Но если вы едите мясо — могу предложить вам отличный кусок змеи. Сегодня я поймал такую большую змею, что еле-еле съел половину. Хотите? Очень жирная змея. Просто прелесть.

— Змею я никогда еще не ел. И не пробовал даже, но я слышал, будто змеи очень ядовитые!

— Кто это вам сказал? — удивился еж.

— Лена!

— А что такое Лена?

— Человек! — сказал я.

— Не знаю! — фыркнул еж. — Первый раз слышу! Он летает? Прыгает, бегает? Ползает? Какая у него шкура, у этого че-че-человека?

— Шкуру человек меняет каждый день. На ночь человек снимает несколько шкур, а днем опять надевает.

— И вы думаете, я поверю вам? — обиделся еж.

— Правда, правда! — заверил я ежа. — Сам видел, как люди снимают шкуры. У них она называется платьем, пальто, шубою, костюмом.

Ёж посмотрел на меня недоверчиво и сразу же заторопился.

— Ну, знаете, — сказал он, — расскажите вы это кому-нибудь другому, а я и слушать не хочу такие глупости. До свиданья!

Я понял, что еж очень глупый, а разговаривать с глупцами совсем не интересно. Махнув на прощанье хвостом, я помчался дальше и бежал, пока не устал. Я растянулся под деревом, высунул язык и снова стал

думать, где бы раздобыть хоть что-нибудь на обед. И вдруг я услышал голос с дерева:

— Вы кто? Откуда вы?

Я поднял голову и увидел на дереве странного зверя. Желтого, пушистого, похожего чуть-чуть на Мурзика, но у зверя был совсем другой хвост. Очень пушистый и больше самого зверя.

— Я — Тилли! — сказал я. — А вы кто?

— Я — белка! — сказал зверь с удивительным хвостом. — А вы откуда?

— Из города.

— А что это такое? — спросила белка.

— Это, — сказал я, — просто город. Там можно всегда получить хорошую косточку, котлетку и даже сосиску.

— Не понимаю, — сказала белка.

— Не понимаете, что такое косточка? — удивился я. — Так что же вы тогда понимаете? Вы что-нибудь едите?

— Ну а как же! — удивилась белка. — Конечно! Тут очень много вкусной пищи! Лесные орехи! Семечки шишек сосны и елок! А грибы? Они изумительно хороши, если их подсушить немного. Мы, белки, собираем грибы, нанизываем их на сучки деревьев, а когда грибы высохнут, мы едим их. Вы любите грибы?

— Я люблю только сметану, в которой жарят грибы, — сказал я.

— Сметана? Не понимаю! — сказала белка. — А вы что еще любите?

— Мясо! — сказал я.

— Ах! — крикнула белка и прыгнула на самый верх дерева. — Может быть, вы и белок едите?

— Нет, нет! — залаял я. — Белку я никогда не ел. И даже не знаю, можно ли их есть, да и знать не хочу.

— А что же вы хотите? — спросила белка.

Я подумал и сказал:

— Хвост! Вы не скажете, зачем вам такой большой хвост? Вы такая маленькая, а хвост у вас... Почему у вас такой огромный хвост?

Белка погладила лапками пушистый хвост и сказала:

— Для нас, белок, хвост самое главное. Когда идет дождь, мы накрываемся хвостом.

— Как зонтиком? — спросил я.

Но белка не видела зонтика и потому не знала, что это такое.

— По-вашему — зонтик, по-нашему — просто хвост. С ним хорошо сидеть и на солнце. Хвост отлично прикрывает от жары. А ночью, когда бывает холодно, мы укрываемся хвостом от холода. Ну и прыгать с ветки на ветку и с дерева на дерево с ним удобно. Во время прыжков мы распускаем хвост одуванчиком и летим по воздуху, почти как птицы.

— Ой! — вдруг пискнула белка. — Бегите скорее! Я вижу лису! Прощайте!

Я бросился бежать, но, пробежав немного, остановился. Нужно ли мне убегать от лисы? Ведь лиса почти как собака. Только хвост у нее другой. Но и у собак хвосты разные. Может быть, лиса все-таки родственник собакам? И может быть, как родственник, она поможет мне, скажет, что можно поесть в лесу. А может быть, она-то и станет моим товарищем и другом, и мы с ней будем жить и вместе охотиться.

Позади меня затрещали кусты. Я оглянулся и увидел желтую морду, почти собачью. Лиса потянула ноздрями воздух.

— Это чем же так скверно пахнет? — спросила она. — Фу, фу! Да не ты ли это пахнешь собакой?

Я приветливо помахал хвостом.

— Здравствуйте, уважаемая лиса! — сказал я и начал крутить хвостом, чтобы она не боялась меня.

Лиса вышла из кустов, оглядела меня от хвоста до кончика носа и зевнула.

— Ну и ну, — сказала она, — похож на собаку, но черных собак я еще никогда не видела. Значит, ты не совсем собака, а только притворяешься собакою. И уж очень ты маленький для собаки. Может быть, ты волчонок? Но волчата тоже не бывают черными. Кто ты?

— Я — Тилли! Просто Тилли! — сказал я, помахивая хвостом.

— Тилли? Странно! У нас в лесу никаких тилли не живет. Но что ты делаешь тут? Откуда появился ты такой черный?

Я честно рассказал лисе, как я оказался в лесу, и спросил ее, не согласится ли она быть моим товарищем, потому что очень хочу подружиться с кем-нибудь из лесных зверей и жить вместе, как в телевизоре живут медведь, баран, собака и петух.

Лиса зевнула:

— Жить вместе? Какие глупые сказки! Никому не поверю, будто медведь живет вместе с бараном и с петухом. Ты, наверное, путаешь что-то.

— Но я сам видел!

— Ерунда! Это приснилось тебе, малыш.

Лиса посмотрела на меня и облизнулась:

— Но со мной, пожалуй, ты можешь пожить. Правда, сейчас ты еще очень худой и, наверное, невкусный. Но если будешь хорошо есть, ты станешь... хорошим товарищем. Что ж, я не прочь подружиться

с тобою. До осени. К осени ты должен быть жирным и вкусным.

— Как? — подпрыгнул я. — Осенью вы съедите меня?

Лиса поморщилась.

— Почему именно я тебя съем? А может быть, ты сам съешь меня? Мы с тобой бросим жребий.

— Почему же мы обязательно должны есть друг друга? — спросил я. — И почему осенью?

Лиса сказала:

— Летом в лесу и без тебя есть что съесть. А вот осенью с питанием тут не так уж хорошо.

Я спросил:

— А когда будет осень? Скоро?

Лиса посмотрела на небо, прищурила глаза и сказала:

— Сначала листья на деревьях станут желтыми и красными, потом они попадают на землю, и деревья будут голыми. А уж потом пойдет снег и придет осень. Нет, нет, малыш, осень не скоро еще будет. Ну так как же? Согласен? Если согласен — пойдем, я угощу тебя чудесным обедом для первого знакомства.

Не знаю, согласились бы вы, но я принял предложение лисы. Я так хотел есть, что готов был питаться даже грибами. Кроме того, я подумал, что до осени еще далеко, а за это время я найду, может быть, другого товарища, с которым не надо будет бросать жребий и есть друг друга.

— Согласен! — сказал я. — А что сегодня у вас на обед?

— Рыба! — сказала лиса. — Ты рыбу любишь?

Я все любил сейчас, потому что ужасно хотел есть.

— За мной! — махнула лиса хвостом, и мы побежали по лесу.

Скоро я услышал, как шумит вода, а потом увидел песчаную отмель, и тут бегала птичка-трясогузка. Она хватала каких-то червячков и глотала их.

Увидев нас, трясогузка растерялась.

— Ах, — пискнула она. — Это вы?

— Это мы! — мотнула мордою лиса. — Но ты не бойся! Мы добрые! Мы только хотим спросить тебя: правда ли это, будто трясогузки самые умные птицы?

— Ну, что вы, что вы, — трясогузка затрясла хвостом. — Я слышала, есть птицы и умнее нас. Попугаи. Скворцы. Они знают даже человеческий язык. Так говорят птицы.

— Вот как? — удивилась лиса и подошла поближе.

— Да, да! — запищала трясогузка. — Но зато они не умеют танцевать так красиво, как танцуем мы, трясогузки.

— Интересно! — сказала лиса и подошла еще ближе. — Я с удовольствием посмотрю, как ты танцуешь. Я большая любительница танцев.

— Ах, — сказала трясогузка, — я с удовольствием спляшу для вас. Ведь любителей танцев не часто встретишь теперь. Смотрите!

Трясогузка подпрыгнула и начала плясать, при этом она постукивала хвостиком по песку и напевала весело:

— Раз, два! Раз и два! Раз, и раз, и два, два, два!

— Три! — лязгнула лиса зубами, схватив трясогузку.

Потом облизнулась и сказала:

— Терпеть не могу хвастунов!

— Вы съели ее? — спросил я.

— Ну, так уж и съела! — фыркнула лиса. — Тут и есть-то нечего. Перья да хвост.

— За что же вы ее? — спросил я. — Она танцевала для вас, а вы поступили так жестоко?

— Закон леса! — сказала лиса. — Она тут червячков ела, а я ее! Пусть не обижает бедных червячков.

Так, так! — стукнул кто-то наверху и вдруг застучал — так, так! Тук, тук! Так, так! Тук, тук!

Лиса подбежала к дереву, задрала морду вверх и сказала:

— Добрый день, уважаемый дятел! Это вы чем же заняты?

— Работаю и питаюсь! — ответил дятел, не переставая постукивать носом по коре дерева. — Добываю из-под коры личинки насекомых. Вредителей! Они же — надеюсь, вы знаете — способны уничтожить весь лес, если дать им волю. Где же тогда будут жить птицы и звери?

И дятел начал подниматься по дереву, опираясь на свой хвост, словно на тросточку.

Лиса облизнулась.

— Как вы замечательно передвигаетесь, уважаемый дятел, — сказала она и снова облизнулась. — Но вы, что же, только вверх так передвигаетесь? Или и вниз можете спуститься с помощью хвоста?

— Могу и вниз! — ответил дятел.

— Ой, я никогда еще не видела! Покажите! — попросила лиса. — Спуститесь, пожалуйста, пониже!

— Не смешите! — крякнул дятел. — Нечего мне делать внизу. На земле не живут вредители деревьев!

Лиса притворилась глухой.

— Что, что? — спросила она. — Простите, ничего не слышу! Спуститесь пониже и объясните толком. Я очень интересуюсь наукою. — Лиса встала на задние лапы, а передними уперлась в дерево. — Вот сюда! На минутку!

Но дятел вспорхнул и улетел.

— Невежа! — обиделась лиса. — Воображает, будто я стану есть такого пестрого, такого противного. Тьфу! — Она плюнула и сказала: — Вообще-то дятлы бывают довольно жирными, но сегодня у меня рыбный день, а рыбу разве можно сравнить с несчастным дятлом? За мной, малыш!

Мы побежали через отмель и скоро вышли к большой воде.

— Вот тут, — сказала лиса, — хранится моя рыба. А теперь, малыш, залезай в воду и барабань по воде ногами, да попроворней! Рыба кинется к другому берегу, где мелко, а я уж там буду ловить ее.

Я бросился в воду и поплыл, поднимая тучи брызг.

Лиса побежала к другому берегу, зашла в воду, и скоро я увидел, как она хватает из воды то одну, то другую рыбку и торопливо глотает их. Но потом она стала выбрасывать рыбок из воды на песок, и, когда я добрался до мелкого места, на берегу уже подпрыгивали большие и маленькие рыбки.

Лиса сказала:

— А теперь будем делить добычу. Как положено по закону леса. Бери себе самых маленьких, а я возьму самых больших рыб. Большим всегда ведь нужно побольше. Это только справедливо, малыш.

Она оскалила зубы.

— Ты, может быть, сомневаешься, что я самая справедливая лиса?

У нее были такие острые зубы, да и она сама была вдвое больше меня. Я вздохнул и перестал сомневаться.

И хотя маленькие рыбешки были невареные и нежареные, я пообедал неплохо. Во всяком случае, впервые после ссоры с Леной я наелся понастоящему.

Потом мы побежали снова по лесу и остановились только у большой воды.

— Здесь, — сказала лиса, — живут очень вкусные бобры. Особенно хороши маленькие бобрята. Они такие нежные и такие глупые, что было бы просто глупо ожидать, пока они станут большими и жесткими. Слушай, малыш, ложись на спину и помотай ногами. Бобрята ужасно любопытные. Они подплывут поближе, вылезут из воды, ну, а я... — Лиса облизнулась. — Только бы выманить хоть одного на берег!

Я лег на спину и стал махать лапами. И вдруг я услышал умильный голос лисы:

— А ну, плыви, плыви, маленький! Посмотрим вместе, что же это такое на берегу, кто это ногами вверх живет?

Я приподнял голову и увидел в воде мордочку с усами.

— Выйди на берег, маленький! — уговаривала усатого лиса. — Только поскорее, пожалуйста. Мне очень некогда.

Усатый открыл рот и сказал:

— Моя мама не разрешает мне одному выходить на берег. Она говорит, что на берегу меня могут съесть.

— Какие глупости, — сладким голосом сказала лиса. — Почему же меня никто не ест, а тебя съедят. Выходи, глупышка, не бойся.

— А вы не съедите меня сами? — спросил бобренок.

— Боже мой, — сказала лиса. — Да как тебе не стыдно думать такое. Неужели я похожа на зверя, который ест бобров? Я даже не понимаю, как можно есть бобров или что-нибудь мясное. Я же питаюсь травой и цветами. Выходи, маленький.

— Нет, нет, — сказал бобренок, — без мамы я не могу. Моя мама...

— Перестань! — зарычала лиса. — Заладил — мама да мама. Пора бы тебе и своим умом жить. У тебя уже и хвост, я вижу, большой, а ты все еще за маму держишься.

— Маленькие должны слушать свою маму! — сказал бобренок.

— Боже мой! — сказала лиса. — Ну какой же ты глупый! Ты, наверное, без мамы и плавать не умеешь?

— Ах, что вы, — обиделся бобренок, — я плаваю очень хорошо.

Лиса оскалила зубы:

— Интересно! И хвостом умеешь управлять?

— И хвостом могу! У меня очень хороший хвост!

— А ну покажи, как ты это делаешь? Подплыви поближе, я взгляну, такой ли уж он у тебя хороший. Может, ты хвастаешься только своим хвостом, а он тебе не помогает, а только мешает.

Бобренок подплыл к берегу.

— И не думаю хвастаться! — сказал он. — С моим хвостом можно плавать и так и так, и туда и сюда. Куда захочу, туда и плыву.

— А сюда? — сказала лиса, открывая широко рот. — Можешь сюда?

— Пожалуйста! — сказал бобренок. — Вы хотите так?

— Мы хотим вот так! — бросилась лиса в воду.

— А мы вот так! — вильнул бобренок хвостом, обрызгав лису водою.

Лиса захлебнулась.

— Невежа! — зарычала она и набросилась на меня: — А ты что развалился? Лодырь! Не думаешь ли ты, что я должна кормить тебя? По закону леса у нас

каждый сам себя кормит. Что ты приготовил для меня поесть, пока я охотилась на бобренка?

Я не знал, что сказать, но если по закону леса никто не кормит другого, значит, и я не должен искать для лисы пищу.

Я так и хотел сказать, но лиса зарычала:

— Ты забыл, как я кормила тебя рыбою?

— Но мы же вместе ловили! — сказал я.

— Но рыбы-то уже нет! — зарычала лиса. — Ты уже съел и мою и свою рыбу. Значит, пора уже тащить жребий. Или ты забыл уговор?

Я сказал:

— Вы сказали, что жребий будем тащить осенью, а осень еще не пришла.

— Но пришло время обедать! — сказала лиса. — Впрочем, я не знаю даже, нужно ли тащить жребий? Ты стал такой жирный после рыбы, что пора уже тебя съесть.

Не знаю, как вы поступили бы на моем месте, но я прижался к дереву, оскалил зубы и зарычал:

— Посмей только тронуть меня. Не смотри, что я маленький, зубы у меня такие острые, поострей твоих! И вообще мы, шотландские терьеры, умеем постоять за себя.

Лиса подумала, подумала, а потом вдруг насторожилась и повернула морду в сторону, откуда послышался какой-то шорох. Неожиданно для меня она бросилась в кусты, взвизгнула и, вылетев оттуда с большой птицей в зубах, бросилась бежать.

Лиса побежала в одну сторону, а я в другую и бежал так долго, пока не свалился с ног.

Нет уж, лиса для меня не товарищ. И вообще она не понравилась мне. Да и лес теперь мне почему-то не

очень нравится. Может быть, потому, что я не привык так жить. В городе все живут дружно. И люди и собаки. И даже с кошками можно жить, если не обращать на них внимания. А тут все боятся друг друга, и никто никому не верит. И все стараются обмануть друг друга. Ну разве можно так жить?

Пока было светло, я сидел и думал, а когда стало в лесу темно, я почему-то начал дрожать от страха. Вообще-то я очень храбрый, но разве можно быть храбрым всегда? И днем и ночью? Не знаю, как вы, а я не люблю быть храбрым в темноте.

Ночь прошла. Все вокруг было мокрым. Белый туман поднимался над землей. Сверху капало, хотя дождя и не было.

Я поднял голову и завыл. Мы, собаки, всегда воем, когда нам скучно. А мне стало очень скучно в лесу.

Я сидел и выл, перебегал с места на место и снова выл. Я выл не только потому, что мне было скучно, но и потому, что не нашел в лесу друга, с которым мог бы жить. Неужели среди лесных жителей нет ни одного такого, с кем можно подружиться?

И вдруг я услышал толстый голос:

— Чего, дурень, воешь? Обидел тебя кто или сам на себя обиделся?

Я повернулся на голос и увидел настоящего медведя.

— Здравствуйте, настоящий медведь! — сказал я и помахал хвостом, чтобы медведь не подумал, будто я хочу съесть его. — Я не вою, я просто пробую голос. Когда я жил в городе, мне не разрешали пробовать голос, а здесь я сам себе хозяин, вот и вою.

Медведь подумал и спросил:

— Ну, а ты об чем же воешь все-таки?

— Обидно мне очень, — сказал я. — Весь день я искал товарища, а нашел только лису. Думал подружиться с ней, а лиса...

Не договорив, я махнул хвостом.

Медведь сказал:

— Да уж какой же это товарищ! Лиса ведь о себе только и думает. Очень поганый зверь. Уж она или сама все сожрет, или закопает про запас в землю, если ей кусок не полезет в горло. С другим никогда не поделится. Охотился с ней вместе, что ли?

— Охотился! — ответил я. — Рыбу вместе ловили. Но большую рыбу лиса себе забрала, а мне отдала самых маленьких.

Медведь потрогал нос лапой и сказал:

— Да что и говорить. Лиса, она и есть лиса. Охотились, значит, вместе? Так, так! Стало быть, малыш, лиса голодным тебя оставила?

— Голодным! — залаял я.

— Ладно! — сказал медведь. — Накормлю, не тужи! Ты сладкое любишь?

— Люблю! Сахар люблю! Печенье! Пирожное!

— Не знаю! — сказал медведь. — Не пробовал. Но угощу тебя такими сладостями, что ты язык проглотишь! Мед ел когда-нибудь?

— Нет! — признался я.

— Тогда ты и не знаешь даже, что такое настоящее сладкое! Пошли со мной! Угощу тебя медом. Я тоже живу сейчас один и тоже не прочь завести товарища. Пошли! Тебя как звать-то?

Я сказал с радостью:

— Тилли меня зовут! А Лена называла меня иногда «Тилли-тилли бом, звонкий голосочек». Я хорошо лаю и могу охранять вашу берлогу.

— Это хорошо! — сказал медведь. — Зимой, когда я засыпаю до весны, мне пригодится, пожалуй, хороший сторож. Пошли, Тилли.

Ломая кусты, медведь пошел напролом, а я побежал за ним, помахивая хвостом, и понемножку рычал, чтобы все слышали в лесу, что я охраняю медведя.

Мы пробирались сквозь кусты, шли от дерева к дереву, и мне показалось, что и лес стал каким-то другим. Веселым, красивым! По земле ползали полосы солнечного света, вокруг горели красные россыпи брусники, черные ягоды черники и сизые голубики попадались то тут, то там. Под деревьями стояли грибы. А запахи были такие густые и приятные, какие не бывают даже в городском парке.

Наконец мы пришли на солнечную полянку. Медведь остановился, повел носом вправо, влево, крякнул и сказал:

— Вот и пришли!

Он подошел к толстому дереву и начал карабкаться на него. Когда я жил в городе, я не знал, что медведь может лазить по деревьям, как кошка, и потому закричал с перепугу:

— Смотри не упади, уважаемый медведь!

— Ништо! — проворчал медведь. — Не впервые!

Он добрался до дупла, засунул в него лапу.

— Держи, малыш! — закричал медведь и бросил на землю кусок чего-то желтого, похожего на помятый хлеб.

Я лизнул языком и залаял. Мед был сладкий, как сахар, даже еще слаще сахара, а запах у него походил на запахи цветов. Но не успел я лизнуть мед три раза, как со всех сторон налетели большие мухи. Они набросились на меня и стали кусаться, да при этом виз-

жали противными тонкими голосами. Одна такая муха укусила кончик моего носа, три мухи впились в губу, а все остальные старались кусать уши и глаза. Я завизжал от обиды.

Медведь крикнул сверху:

— Ничего, ничего, малыш! Не обращай внимания! Это пчелы! Бесятся они просто сдуру! Но ты плюнь на них. Ешь побыстрее!

Хорошо медведю говорить «не обращай внимания». Его, наверное, не кусали они, а вот меня облепили так, что мой нос стал похож на перчатку из пчел. И кусали они так больно, будто прошивали меня насквозь иголками. Я визжал, но все-таки лизал мед, но тут несколько пчел вцепились в мой язык, и я завыл во весь голос.

Медведь закричал:

— Беги к воде, малыш! Сунь морду в воду, иначе, вижу, одолеют пчелы тебя.

Я бросился бежать и скоро прибежал к большой воде. Кругом шумели камыши, а на воде плавали красивые белые цветы. Сунув голову в воду, я сразу избавился от пчел. Потом я поплавал немножко, вылез на берег и посмотрел на себя. В воде покачивалась моя морда, она так распухла, что я еле-еле узнал самого себя. Морда моя стала такой же толстой, как у боксера Буль-буль, один мой глаз закрылся, и над ним выросла большая шишка.

Скажу честно: мед мне понравился, а пчелы — нет! Они такие кусачие, что и меду не захочешь. Я еще раз искупался, и хотя от пчел избавился, но морда моя была все такая же распухшая, и глаз никак не хотел открываться. И вдруг я подумал: «А что, если я останусь одноглазым? Таким же, как Барсик?» И мне стало так жалко свой глаз и самого себя, что я сел и начал выть.

Вдруг над моей головою зашумели крылья, и я увидел большую белую птицу с длинным-длинным носом.

Птица опустилась на берег, посмотрела на меня, щелкнула носом, как большими ножницами.

— Ты что тут делаешь?

— Я ничего не делаю! Я просто Тилли! Меня искусали пчелы! Мы с медведем взяли у них немножко меду, а они стали кусаться.

— И поделом тебе! — сказал аист. — Не для тебя с медведем пчелы мед собирают. Но откуда ты такой появился? Я что-то не встречал таких в лесу.

Тогда я рассказал аисту про город, про Лену, про лису и о том, как я подружился с медведем.

Аист помотал носом вправо, влево и сказал:

— Какой же тебе товарищ медведь? Придет зима, он заляжет в берлогу, и ты снова останешься один. Как будешь жить в лесу? Умрешь ты с голоду, а того еще раньше тебя самого съедят тут. Или волк, или лиса! Тебе, малыш, надо в город возвращаться.

Конечно, в лесу хорошо жить, но все-таки в городе гораздо лучше. Я бы вернулся в город, да только вряд ли сумею найти теперь дорогу обратно. Все-таки я бегал в лесу целый день и уже не знаю точно, куда мне бежать: направо ли или налево, прямо или в какую-то другую сторону. Я так и сказал аисту.

— Ну, это не беда! — сказал аист. — Напиши письмо своей Лене, расскажи ей о своей жизни в лесу, а я полечу в город и опущу твое письмо в почтовый ящик. Лена придет за тобою и возьмет тебя в город.

— А на чем я буду писать? — спросил я. — И чем писать?

— Писать можешь хвостом, а бумагу и чернила я принесу тебе! Недавно видел у сороки-воровки

в гнезде тетрадку, чернила и даже ручку для писания. Жди меня здесь, я вернусь быстро.

И, не ожидая от меня ответа, аист улетел, а когда он вернулся с тетрадкой и чернилами, я быстро написал все, о чем здесь написано, а на письме надписал адрес: «Большой город, дом около парка. Получить моей Лене, у которой живет противный Мурзик».

В конце письма я указал и свой адрес: «Зеленый лес, большая вода, где я живу под кустом с белыми цветами».

Аист полетел с письмом в город, а я сижу на берегу и буду сидеть, пока не придет за мной Лена. А если она еще сердится, пусть возьмет меня кто-нибудь другой. Мы, шотландские терьеры, всегда были и будем самыми верными друзьями человека. Приходите и возьмите меня, а уж я стану караулить вас всю жизнь. И больше никогда-никогда не буду убегать в лес.

Содержание

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРИКА И ВАЛИ.

(Иллюстрации *Г. Фитингофа*)

Глава первая 7
Неприятный разговор с бабушкой. — Мама беспокоится. — Джек идет по горячим следам. — Странная находка в кабинете профессора Енотова. — Иван Гермогенович исчезает.

Глава вторая 20
Чудесная жидкость. — Загадочное поведение трусиков и сандалий. — Необыкновенные превращения в самой обыкновенной комнате. — Приключения на подоконнике. — Карик и Валя отправляются в удивительное путешествие.

Глава третья 34
Встречи в воздушном океане. — Прожорливый самолет. — Невольные парашютисты. — Приключения Карика и Вали в большой луже. — Подводная тюрьма. — В лапах восьмиглазого чудовища.

Глава четвертая 46
Профессор Енотов уходит в иной мир. — Загадка простой паутины. — Первая охота. — Панцирь и копье. — Ловушка. — Иван Гермогенович в опасности.

Глава пятая 58
В плену у паука. — Битва в подводной тюрьме. — Растение-бродяга. — Скверное положение. — Карик находит выход.

Глава шестая 68
Отважные водоплаватели. — Странные пассажиры. — Карик и Валя пробираются сквозь водяные джунгли. — Поиски пищи. — Ребята находят удивительные ягоды. — На краю гибели.

Глава седьмая 80
Бой в подземелье. — Животное с ушами на ногах. — Необыкновенный лес. — Иван Гермогенович становится пилотом. — Неожиданная встреча.

Глава восьмая 94
Спасение утопающих. — Дорога к фанерному ящику. — Живые форточки. — Путешественники встречают стада травяных коров. — Грустные воспоминания. — Нападение воздушной черепахи.

Глава девятая 107
Тяжелый поход. — Кафе-буфет в травяных джунглях. — Штурм лесной крепости. — Битва с муравьями. — Под грибом. — Наводнение.

Глава десятая 139
Мертвый лес. — В поисках ночлега. — Валя находит лесную гостиницу. — Профессор нападает на ручейника. — Первая ночь в новом мире.

Глава одиннадцатая 157
Необыкновенный воздух. — Профессор угощает ребят яичницей. — Иван Гермогенович открывает фабрику одежды. — Пчела Андреевна. — Профессор и Карик исчезают.

Глава двенадцатая 187
В лапах крылатого чудовища. — Путешественники встречаются в кувшине. — Деревянный Монблан. — Живые консервы. — Карик и Валя расстаются с профессором.

Глава тринадцатая 210
Высадка в неизвестной гавани. — Снова в плену. — Иван Гермогенович идет по горячим следам. — Животное, которое дышит хвостом. — Неожиданное открытие.

Глава четырнадцатая 229
Встреча с аммофилой. — Растение-хищник. — Любопытные разговоры в энотеровой роще. — Чудесные корзины. — Дождь мертвецов.

Глава пятнадцатая 242
Карик знакомится с муравьиным львом. — Ночевка в пещере. — Шмелиный склад. — Таинственные огни. — Необыкновенная лошадь. — Нападение мух.

Глава шестнадцатая 275
Битва с мухами. — Необыкновенные паруса. — Глаза на ногах. — Клоп играет на скрипке. — Верхом на шмеле.

Глава семнадцатая 298
Странная земля. — Профессор сражается с бабочкой. — Приключения Карика и Вали в фанерном ящике. — Дорогая экофора. — Профессор запакован. — На пути в старый мир.

Глава восемнадцатая 312
Неожиданное нападение. — Биология пригодилась. — Снова дома. — Волнения и радости профессора Енотова. — Нелепые слухи о слонах и мухах.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КУКА И КУККИ

(Иллюстрации *Б. Калаушина*) 321

ГРУСТНЫЕ И СМЕШНЫЕ ИСТОРИИ О МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЯХ

Юрка 387
Радиоинженер 399
Первый арест 410
Делегация 427
Политконтролер Мишка 435

СЕРЕБРЯНЫЙ ЛИС. Рассказ 455

ХРАБРЫЙ ТИЛЛИ.
Записки щенка, написанные хвостом
(Иллюстрации *Е. Мельникова*) 461

Литературно-художественное издание

Ретро библиотека приключений и научной фантастики

Ян Леопольдович
Ларри

ХРАБРЫЙ ТИЛЛИ

Повести, рассказы

Иллюстрации
Г. Фитингофа, Б. Калаушина, Е. Мельникова

Генеральный директор *Г. А. Артенян*
Куратор серии *Е. В. Витковский*
Ответственный редактор *А. С. Артенян*
Корректор *Р. В. Викторова*
Дизайн и компьютерная верстка *А. П. Вардересяна*

Подписано в печать 31.01.2019 г.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04
Заказ № 1403

ООО «Издательство Престиж Бук»
111141, Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 11 А
E-mail: artyr57@mail.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

